

The book cover features a background of the American flag (stars and stripes) and the Israeli flag (white with blue stripes and a Star of David). The text is overlaid on this background.

АЛЕК Д. ЭПШТЕЙН

БЛИЖАЙШИЕ СОЮЗНИКИ?

**ПОДЛИННАЯ
ИСТОРИЯ
АМЕРИКАНО-
ИЗРАИЛЬСКИХ
ОТНОШЕНИЙ**

ТОМ I

И Н С Т И Т У Т Б Л И Ж Н Е Г О В О С Т О К А

АЛЕК Д. ЭПШТЕЙН

**БЛИЖАЙШИЕ
СОЮЗНИКИ?**

**ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ
АМЕРИКАНО-ИЗРАИЛЬСКИХ
ОТНОШЕНИЙ**

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

АЛЕК Д. ЭПШТЕЙН
БЛИЖАЙШИЕ
СОЮЗНИКИ?

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ
АМЕРИКАНО-ИЗРАИЛЬСКИХ
ОТНОШЕНИЙ

Т О М П Е Р В Ы Й

ЭПОХА МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ВОЙН:
ОТ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ДО ВОЙНЫ СУДНОГО ДНЯ,
1945–1973

МОСКВА
МОСТЫ КУЛЬТУРЫ

ГЕШАРИМ
ИЕРУСАЛИМ

Книга публикуется в авторской редакции и не обязательно отражает позицию Института Ближнего Востока

На задней стороне обложки фотография Голды Мейер
с Дж. Ф. Кеннеди

Алек Д. ЭПШТЕЙН

Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений. Том I. Эпоха межгосударственных войн: от Второй мировой до Войны Судного дня. 1945–1973. Москва: Институт Ближнего Востока / Мосты культуры, 2014. – 312 с.

Dr. Alek D. Epstein

Close Allies? United States and Israel: The Hidden History. Vol. I. From FDR/Ben-Gurion to Nixon/Golda Meir. Moscow: Institute of the Middle Eastern Studies / Cultural bridges, 2014. – 312 p.

ISBN 978–5–93273–395–0

Предлагаемая вниманию читателя книга известного израильского ученого д-ра А.Д. Эпштейна – первый в русскоязычной, если не в мировой, политологии рассказ о реальных отношениях Израиля и США. Об этом написаны тома и сказано на высшем уровне такое количество речей, что подвергнуть сомнению аксиому «США – надежный союзник Израиля» может только очень хорошо информированный человек, не подверженный влиянию общепринятых догм и стереотипов. Именно таким человеком и является д-р Эпштейн, книги которого отличаются редкой скрупулезностью в подборе фактов, отсутствием тенденциозности и тщательной работой с источниками. Честность – редкое и ценное качество для специалиста, занимающегося самыми острыми проблемами современности. В сочетании с высоким профессионализмом – качество редчайшее. Что и делает работы д-ра Эпштейна столь важными далеко не только для русскоязычного читателя.

ISBN 978–5–93273–395–0

© Алек Д. Эпштейн, 2014
© Институт Ближнего Востока, 2014
© Мосты культуры/Гешарим, 2014

*Посвящается светлой памяти Эммануила Исааковича (1897–1977),
Софьи Исааковны (1913–2003), Бориса Исааковича (1915–1958)
и Исаака Эммануиловича (1923–2000) Смородинских –
честных людей, живших, работавших, любивших
и ушедших из жизни на разных континентах,
но сохранивших верность своей судьбе и своему народу*

Предисловие президента Института Ближнего Востока

Предлагаемая вниманию читателя очередная книга известного израильского ученого д-ра А.Д. Эпштейна – первый в русскоязычной, если не в мировой, политологии рассказ о реальных отношениях Государства Израиль и Соединенных Штатов Америки. Отношений еврейского государства со страной, которую оба участника этого процесса, как и весь прочий мир, полагают главным союзником Израиля. Об этом написаны тома и сказано на высшем уровне такое количество речей, что подвергнуть сомнению аксиому «США – надежный союзник Израиля» может только очень хорошо информированный человек, не подверженный влиянию общепринятых догм и стереотипов.

Именно таким человеком и является д-р Эпштейн, книги которого отличаются редкой скрупулезностью в подборе фактов, отсутствием тенденциозности и тщательной работой с источниками. Он не отстаивает изначально выбранную в качестве единственно верной точку зрения. Не пытается сконструировать систему аргументов для ее подтверждения, оставляя за рамками рассуждений все, что в придуманную систему не укладывается – как поступали в СССР «борцы идеологического фронта» и поступают до сих пор многие представители академического сообщества во всем мире.

Выводы, к которым он приходит на основании анализа фактов – без малейшей попытки их интерпретации в выгодном тем или иным партийно-политическим кругам свете, не радуют его самого. Однако он позволяет читателю понять проблему и увидеть ее именно в том виде, в котором она существует на деле. Честность – редкое и ценное качество для специалиста, занимающегося самыми острыми проблемами современности. В сочетании с высоким профессионализмом – качество редчайшее. Что и делает работы д-ра Эпштейна столь важными далеко не только для русскоязычного читателя.

Настоящая книга состоит из двух томов, поскольку при всем желании не уместилась в неэнциклопедический объем, а жанр не предполагал формата «кирпича», пригодного к использованию лишь при наличии у читателя особо прочного стола. Она позволяет в прежде засекреченных деталях и неизвестных широкой публике и специалистам подробностях

ПРЕДИСЛОВИЕ

представить себе отношения официальных Вашингтона и Иерусалима на протяжении десятилетий и оценить их реальное состояние в динамике развития.

Помимо прочего, это дает возможность погрузиться во внутреннюю кухню политики США – не только ближневосточной, представить себе механизмы принятия американской элитой решений и тот фон, на котором они принимаются. Автор рассмотрел и проанализировал роль в этом конкурирующих американских ведомств, партийных и лоббистских кругов и личных пристрастий политиков и чиновников всех уровней, до президента включительно. Не говоря о том, насколько на текущую ситуацию влияет, сильный или слабый в данный момент в Америке президент.

Для России, вошедшей в полосу кризиса в отношениях с Соединенными Штатами, этот опыт чрезвычайно важен, поскольку избавляет от иллюзий и позволяет сделать важные и своевременные выводы, не впадая в антиамериканизм или гиперкритицизм в отношении политического курса собственной страны – еще более неконструктивный и опасный.

Настоящая книга полезна не только для академических ученых – ближневосточников и американистов, но и для практиков, а также политического истеблишмента РФ и высшего руководства страны, которое, как хотелось бы надеяться издателю, сможет использовать ее в работе с немалой пользой.

Евгений Сатановский,
президент Института Ближнего Востока

От автора

Парадоксальным образом об американо-израильских отношениях среди российских политологов-ближневосточников пишут чуть ли не все — и при этом их системно не изучает практически никто: с одной стороны, отношения между этими двумя странами упоминаются и, так или иначе, анализируются в десятках книг и диссертаций, не говоря уже о сотнях более или менее академических статей, с другой же стороны, на русском языке не было издано *ни одной* обобщающей монографии, посвященной этой теме, в которой была бы проанализирована динамика отношений между США и Израилем за шестьдесят пять лет существования еврейского государства; не было издано такого рода монографий и в прошлые десятилетия. Удивительным образом, при всем богатстве российской литературы о Соединенных Штатах в целом и о перипетиях американской политики в отношении Ближнего Востока в частности (выделим среди них труды известных российских политологов А.И. Вавилова, И.Д. Звягельской, О.А. Колобова, Г.И. Мирского, М.Я. Пелипаса, С.К. Рогова, В.П. Румянцева, Т.А. Шаклеиной, А.И. Шумилина и других), с одной стороны, и при наличии уже достаточно солидного корпуса оригинальной или переводной литературы об Израиле, изданной на русском языке, с другой, *предлагаемая вниманию читателей монография — первая обобщающая книга об американо-израильских отношениях, выходящая на русском языке.*

Трудно найти тему более мифологизированную, применительно к политологии Ближнего Востока, чем отношения между Израилем и США. Эти очень и очень непростые отношения, пережившие многочисленные периоды охлаждения и кризисов, изображаются как своего рода идиллия, будто у США нет и никогда не было государства более близкого, чем Израиль, а у руководителей Израиля никогда не было причин для серьезного беспокойства, касающегося внешней политики, ибо они якобы всегда ощущали безграничную поддержку как из Белого дома и из Конгресса. Утверждения о якобы прочном, как гранит, американо-израильском союзе, поддерживаемом все годы существования еврейского государства, не ушли в прошлое с окончанием «холодной войны» и восстановлением дипломатических отношений между СССР/Россией и Израилем — напротив, эти утверждения повторяются вновь и вновь, в том числе и представителями молодого поколения российских политоло-

логов-ближневосточников. Так, например, в защищенной в МГИМО в 2011 году диссертации В.И. Фрадковой утверждается: «Важным элементом политики США на Ближнем Востоке *всегда* являлось Государство Израиль. Вопрос обеспечения безопасности этого государства и поддержание его стратегического превосходства в регионе *является константой* двусторонних американо-израильских отношений»¹. В другой недавно защищенной диссертации ее автор Ю.В. Устинова отмечает, будто «Вашингтон *уже в 1950-х годах* рассматривал Израиль как возможный инструмент влияния в регионе Ближнего Востока, а себя — в качестве гаранта безопасности этого государства. *Политическая и экономическая стабильность Израиля оценивалась как одна из основ стратегии безопасности США в регионе*»². А.С. Евтушенко начинает свою диссертацию с того, что «*ни с одной другой страной на планете у Америки нет столь тесных связей как с небольшим по размерам, искусственно созданным еврейским государством. Поддержка Израиля со стороны Вашингтона осуществляется по линии как исполнительной, так и законодательной власти*»³.

Парадоксальным образом нынешние наследники советских политологов-арабистов 1970–1980-х смыкаются в своих выводах со столь им идейно неблизкими американскими неоконсерваторами, тоже непрерывно постулирующими, будто у США отродясь не было друга более близкого, надежного и преданного, чем Израиль, а у еврейского государства никогда не было защитника более верного и духовно (или «цивилизационно») близкого, чем Соединенные Штаты. Наследники советских «арабистов» «холодной войны» продолжают быть уверены, что президента США, по сути, выбирает могущественное «еврейское лобби», которое якобы де-факто контролируется правительством Израиля и отстаивает его интересы; американские неоконсерваторы уверены, что, отстаивая интересы Израиля так, как они их понимают, они защищают интересы США, ибо у обеих стран якобы общие друзья и общие враги, они стоят перед одними и теми же вызовами, главный из которых — террор радикальных исламистских группировок, что Израиль — форпост противостояния этому террору и что безусловная поддержка Израиля

¹ Виктория Фрадкова, «Эволюция политико-дипломатической роли США в развитии палестино-израильского конфликта (1990–2000 гг.)». Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук (Москва, 2011), стр. 21–22.

² Юлия Устинова, «Особенности ближневосточной политики США после “холодной войны”». Автореферат диссертации на соискание степени кандидата политических наук (Москва, 2011), стр. 11.

³ Александр Евтушенко, «Американо-израильские отношения в контексте ближневосточного конфликта (1990-е–начало XXI в.)». Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук (Ставрополь, 2010), стр. 3.

поэтому защищает от этого террора сами Соединенные Штаты в этом то ли «конфликте цивилизаций», если вспомнить название книги С. Хантингтона⁴, то ли даже «четвертой мировой войне», если воспользоваться парадигмой Н. Подгореца⁵.

Реальность невероятно далека от всех этих интеллектуальных построений. В годы Холокоста американские власти не открыли границы своей страны для искавших убежища еврейских беженцев, равнодушно взирая на то, как их основной союзник — Великобритания — закрыла перед искавшими спасения евреями Европы ворота тогда подмандатной Палестины/Эрец-Исраэль. После окончания Второй мировой войны американская дипломатия приложила огромные усилия к тому, чтобы не дать Государству Израиль возникнуть, в начале стремясь не допустить принятия резолюции о разделе Палестины/Эрец-Исраэль, а затем стараясь добиться ее отмены. Когда Израилю было нечем воевать за свою независимость, американские власти не только ввели эмбарго на поставки оружия, но и запретили американским гражданам даже в частном порядке призываться в действовавшие в Палестине/Эрец-Исраэль отряды еврейской самообороны. США признали Израиль де-юре на восемь с половиной месяцев позже, чем это сделал Советский Союз. Братья Даллесы, руководившие Госдепартаментом и ЦРУ во времена правления президента Д. Эйзенхауэра, вели отчетливо антиизраильский курс, вследствие чего и в Синайско-Суэцкой войне 1956 года, и в создании своего военного (в т.ч. ядерного) потенциала Израиль действовал вопреки курсу, который его руководителям пытались навязать их американские коллеги — и в значительной мере втайне от них. В ходе арабо-израильских переговоров 1970–1990-х годов американские посредники отстаивали свои интересы, нередко доказывая арабским партнерам свою для них значимость за счет выбивания новых и новых уступок от Израиля, руководители которого находились под постоянным прессингом со стороны вашингтонских «друзей»... Напомним в этой связи о том, как Г. Киссинджер убеждал египетских руководителей не соглашаться на меньшее, чем полный уход Израиля с Синайского полуострова, гарантируя, что он сможет вынудить израильских руководителей к подобной уступке. Напомним и о том, что обнародованные в декабре 2000 года «параметры Клинтона» предусматривали уход Израиля с 95% территории Иудеи, Самарии и Иорданской долины, а также из двух кварталов Старого города Иерусалима — согласно предложениям, выдвинутому президентом

⁴ См.: Samuel P. Huntington, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (New York: Simon & Schuster, 1996).

⁵ См.: Norman Podhoretz, "World War IV: How It Started, What It Means, and Why We Have to Win" // *Commentary*, vol. 118, no. 2 (September 2004).

США, все эти территории должны были войти в состав Палестинского государства... Не забудем и о том, как американское давление заставило Израиль в 1980-е годы отказаться от создания собственного перспективного самолета «Лави», а в 2000 году — от крупной сделки по поставке вооружений Китаю...

Ситуация остается бесконечно далекой от иллюзии «безграничной дружбы» и сегодня: достаточно сказать, что в основной военно-политический альянс, де-факто руководимый Соединенными Штатами — блок НАТО, куда входит даже мусульманская Турция, еврейское государство никогда не входило и никогда не приглашалось (не приглашали Израиль и в ближневосточные военно-политические альянсы, создававшиеся под патронажем США в 1950-е годы). Гражданам Израиля не нужна виза для посещения Англии и Франции, Германии и Италии, России и Украины, но им нужна — и так было всегда — виза для права въезда в Соединенные Штаты (и это несмотря на то, что гражданам США предоставляется право безвизового въезда в Израиль). Арестованный в США за шпионаж в пользу «дружественного» Израиля Джонатан Поллард находится в тюрьме уже более четверти века! Излишне упоминать о том, что, хотя Израиль уже в 1949 году провозгласил своей столицей Иерусалим, США не признали этого, вследствие чего их посольство все эти годы остается в Тель-Авиве. Что же касается влияния якобы «коронуемого президентов» «могущественного» еврейского лобби, то, понятно, что, если бы оно существовало где-то, кроме мира фантазий, никто из республиканцев — ни Дуайт Эйзенхауэр, ни Ричард Никсон, ни Рональд Рейган, ни Джордж Буш-ст., ни его сын никогда не были бы избраны президентами США, ибо во всех электоральных кампаниях, ими выигранных, значительное большинство американских евреев голосовали за их соперников, выдвинутых Демократической партией...

Очевидно, что в разное время у руководителей США и Израиля были определенные точки пересечения интересов и сходств позиций; иногда этих точек было больше, иногда — меньше, однако отношения между двумя странами всегда были очень и очень непростыми, в чем, кстати, отнюдь не всегда отдают себе отчет даже образованные израильтяне: декларируемое «стратегическое партнерство» с США заставляет ретушировать и переписывать историю, ибо слишком многое в ней в формат такого партнерства никак не вписывается. Однако факт состоит в том, что израильские руководители никогда не льстили себе надеждой на то, что США возьмут на себя решение проблем, перед которыми стояло и стоит еврейское государство, понимая, что никакая поддержка с их стороны, будь то военная, политико-дипломатическая или экономическая, не будет предоставлена просто «по дружбе». В Израиле понимали и то, что интерес США к еврейскому государству является производным сложной матрицы фак-

торов внешней и внутренней политики, вследствие чего не удивлялись тому, что перемены, к которым Израиль не имел никакого или почти никакого отношения (как, например, окончание «холодной войны» между СССР и США или так называемая «арабская весна» 2011 года) оказывали существенное влияние на отношение руководителей США к еврейскому государству. В Израиле пусть и с горечью, но осознают и то, что интегрировавшиеся в политическую элиту граждане США еврейского происхождения, в подавляющем большинстве своем, не только по паспорту, но и в душе — американцы, а не израильтяне, что у них одна, а не две родины и что надеяться на то, что они будут защищать интересы Израиля ценой конфликта с руководством своей страны, не приходится. Люди же, лоббирующие «интересы Израиля», чаще всего используют эту деятельность для конструирования собственного политического статуса; достаточно напомнить, что нынешний президент Всемирного еврейского конгресса, он же — бывший посол США в Австрии мультимиллионер Рональд Лаудер, во второй половине 1990-х годов ведший от имени и по поручению премьер-министра Израиля переговоры с президентом Сирии о передаче под его контроль Голанских высот, слал отчеты о своей деятельности не только Беньямину Нетанияху, но и Биллу Клинтону...

Эта книга — не панегирик американско-израильской «дружбе» и не обличение чьего-либо «вероломства»; автор ставил своей задачей глубокий, честный и беспристрастный анализ одной из самых мифологизированных тем мировой геополитики. Хочется верить, что сотни изученных архивных документов, мемуарные свидетельства десятков израильских и американских государственных деятелей, не говоря уже о многочисленных исследованиях ученых из разных стран (наиболее важные из них упоминаются в библиографических сносках), позволили раскрыть эту сложную тему.

* * *

Первый том посвящен периоду с завершающего этапа Второй мировой войны, когда требования еврейской государственности в Палестине/Эрец-Исраэль получили очевидное морально-политическое обоснование, и до лета 1974 года, когда ушли в отставку премьер-министр Израиля Голда Меир и президент США Ричард Никсон; второй том посвящен событиям сорока последующих лет. Такое деление имеет четыре основных причины.

Во-первых, за время, покрываемое первым томом, имело место пять межгосударственных арабо-израильских войн (в 1948, 1956, 1967 и 1973 годах, а также так называемая Война на истощение 1969–1970 годов), причем трижды — в мае-июне 1948 года, мае-июне 1967 года и в октябре 1973 года — вопрос стоял о самом выживании Государства Израиль. По-

сле 1973 года Израиль и арабские страны уже не воевали между собой, конфликт превратился из противостояния государств в борьбу Израиля против боевых организаций, не имеющих государственного статуса, будь то ФАТХ, «Амаль», всевозможные палестинские «фронты», «Хизбалла» и ХАМАС, а угроза существования Израилю как государству уже не стояла ни разу, во многом вследствие того, что обретение им статуса ядерной державы именно в 1973 году перестало быть тайной для его соседей. После 1973 года изменился сам формат сложной системы региональной геополитики, и деление на два тома четко фиксирует это.

Во-вторых, за первые четверть века ни один из американских президентов ни разу не посетил Израиль. В 1974 году ситуация изменилась, Ричард Никсон стал первым американским президентом, посетившим еврейское государство; позднее в Иерусалиме и Тель-Авиве побывали Джимми Картер, Билл Клинтон, Джордж Буш-мл. и Барак Обама. Девять президентских визитов за сорок лет являются чутким индикатором иной системы отношений, чем та, что существовала между двумя странами на протяжении предшествовавших двадцати пяти лет.

В-третьих, в 1974 году к власти в Израиле пришел Ицхак Рабин (1922–1995) – первый глава правительства – уроженец Израиля. До этого страной руководили лидеры, родившиеся и выросшие в странах диаспоры: Давид Бен-Гурион, Моше Шарет, Леви Эшколь и Голда Меир. Пятый премьер-министр Израиля своим приходом к власти продемонстрировал, что страна состоялась, что ее уроженцы уже берут ответственность за ее судьбу. Тем более логично начать именно с этого второй том.

В-четвертых, большое значение имеет принципиально разная документальная база первого и второго томов. Необходимо помнить, что последняя антология рассекреченных документов, касающихся внешней политики США в отношении Израиля и Ближнего Востока, в целом выпущенная в серии *Foreign Relations of the United States* в 2013 году, покрывает только период до августа 1978 года. О событиях последних 35 лет документальной базы такого рода нет. Как указывалось выше, за шестьдесят пять лет существования израильской государственности президенты США посещали еврейское государство девять раз, включая визит Барак Обамы в марте 2013 года, но лишь один визит – Ричарда Никсона в июне 1974 года – имел место до 1978 года. К сожалению, документы, касающиеся восьми последующих посещений президентами США Израиля и деталей проводившихся ими переговоров пока не обнародованы, вследствие чего большие пласты релевантной для темы настоящей книги информации остаются, к сожалению, недоступными для исследовательской работы. Любой из опубликованных томов может служить индикатором масштабов релевантного документооборота; например, том материалов,

касающихся участием американской дипломатии в арабо-израильском конфликте за один лишь 1955 год, когда, кроме отдельных краткосрочных вспышек, между сторонами не велись боевые действия, включает 473 документа, для публикации которых потребовалось 870 страниц! Даже если помножить эти числа на 35 (а на самом деле множить надо на существенно большее число, ибо интенсивность вовлеченности США в арабо-израильские отношения в 1980–2000-е несравнима с 1955 годом), понятно, какие огромные базы материалов еще ждут рассекречивания и публикации. Конечно, обнародование порталом *WikiLeaks* в 2010–2011 годах более чем четверти миллионов дипломатических телеграмм США (*Cablegate*), которые подробно освещали взаимодействие Государственного департамента США с посольствами по всему миру, частично заполнили эту лагуну. Однако нужно помнить, что никакие из обнародованных в рамках *Cablegate* материалов не имели статус совершенно секретных в соответствии со шкалой классификации информации, применяемой правительством США, — а нет сомнений в том, что такие документы, касающиеся отношений с Израилем, его ядерной программы и векторов развития арабо-израильского конфликта, существуют в избытке. Кроме того, все обнародованные в рамках *Cablegate* материалы были извлечены из электронного архива Государственного департамента, а не Белого дома, Пентагона и других важных правительственных учреждений.

Об американо-израильских отношениях и о вовлеченности США в проблемы арабо-израильского конфликта и переговорного процесса на разных языках написано много, чтобы не сказать — слишком много. Вопрос, однако, состоит в том, насколько разные авторы, даже принимавшие лично то или иное участие в переговорах (или боевых действиях), имеют достаточно информации, чтобы видеть картину в целом — и насколько они готовы делиться этой информацией. При этом нужно учитывать, что даже опубликованные материалы были рассекречены и изданы спустя 30–35 лет, вследствие чего, например, документы, касающиеся переговоров, ведшихся представителями администрации США в дни Октябрьской войны 1973 года между Египтом и Сирией, с одной стороны, и Израилем — с другой, были опубликованы только в 2011 году. Поскольку почти никакие книги не переписываются их авторами, оставаясь такими, какими они увидели свет, особенно когда речь идет о литературе мемуарного характера, задача исследователя состоит в том, чтобы критически анализировать излагаемые в них информацию и оценки, принимая во внимание архивные документы и воспоминания, обнародованные позднее.

Это — самая масштабная по объему из всех книг, которые я когда-либо написал, но, следуя своему железному правилу избегать самоповторов, я не повторил здесь ни один абзац из какой-либо из моих книг,

опубликованных в предшествующие годы. Книг этих издано уже довольно много, посвящены они самым разным вопросам израильской и ближневосточной истории, и я надеюсь, что читатели, которых не оставит равнодушными эта книга, ознакомятся и с другими моими трудами, выпущенными Институтом Ближнего Востока и другими организациями.

Мне не хотелось перегружать рукопись сносками, однако в обоих томах в сумме их все же набралось девятьсот штук. Очевидно, что нет никакой проблемы удвоить и даже удесятерить их число, но все-таки объем библиографического аппарата не должен быть больше объема самого текста. Я поэтому заранее прошу прощения у коллег, ссылки на труды которых не включены в книгу с целью сохранить ее и без того солидный объем в минимально приемлемых рамках.

Будучи гражданином Израиля, я не представляю никакую из израильских государственных структур. Моя книга – это труд независимого ученого, работа которого не направлялась и не корректировалась никакой организацией. Эта книга не была бы написана, если бы не конструктивная поддержка и многолетнее доброжелательное внимание президента Института Ближнего Востока Е.Я. Сатановского и директора ИБВ Е.Л. Жигуна, которым я выражаю самую искреннюю благодарность, в том числе и за полное уважение моей интеллектуальной автономии. Я также очень благодарен своей маме, Р.Л. Любиной, заинтересованно читавшей все главы настоящей книги на протяжении тех двух лет, что я работал над рукописью. Разумеется, за все приведенные в книге факты и высказанные оценки ответственность несу только я один.

Алек Д. Эпштейн,
Иерусалим – Париж/Лимож – Москва
7 мая 2014 года

ЧАСТЬ I.

**МЕЖДУ РАВНОДУШИЕМ
И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕМ:
США И СОЗДАНИЕ
ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ**

Глава 1

Безразличие к Холокосту и судьбе его жертв: США, судьба еврейства и проблема Палестины в годы правления Ф.Д. Рузвельта

Вплоть до Второй мировой войны Ближний Восток был далек от Америки не только в географическом, но и в психологическом смысле и не занимал какого-либо места в сознании среднего американца⁶. Немногие граждане США, побывавшие на Ближнем Востоке, видели в нем окутанное тайной место с величественной историей, колыбель человеческой цивилизации и Библии, земля которой впитала в себя кровь Иисуса Христа. Таинственное очарование святых мест привлекало американских путешественников и туристов, посещавших Ближний Восток, причем многие из них оставили описания своего пребывания в стране. Торговцы и предприниматели из США также приезжали в Палестину, однако их деятельность носила там довольно скромный характер.

Наиболее значительной и самобытной группой американцев на Ближнем Востоке были протестантские миссионеры из числа членов евангелистских сект. Они начали свою деятельность в регионе в 1819 году с целью обратить в христианство местных мусульман. Эта цель не была достигнута, однако созданные ими американские колледжи сыграли важную роль в создании и развитии местной культурной и политической элиты. Уже в первой половине XIX века появились ростки явления, позднее получившего название «христианский сионизм»: так, второй президент США Джон Адамс (John Adams, 1735–1826) еще в 1819 году думал о сотысячной армии «израиль-

⁶ О предыстории участия США в делах Ближнего Востока см.: Ephraim Avigdor Speiser, *The United States and the Near East* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1952); John A. DeNovo, *American Interests and Policies in the Middle East* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1963).

тян», которые смогут завоевать Палестину и восстановить Иудею в качестве суверенного государства; о том, что евреи должны восстановить свое государство в Палестине писал в 1844 году предок двух президентов США, вошедший в историю под общим с ними именем — профессор Нью-Йоркского университета востоковед, библеист и гебраист Джордж Буш (George Bush, 1796–1859)⁷. Как это ни парадоксально, маленькая и далекая Палестина занимала едва ли не более важное место в коллективном сознании христианской Америки, чем Ближневосточный регион в целом. Понятия «Святая Земля» (The Holy Land), «Сион» (Zion), названия мест, гор и рек и имена людей, упоминаемые в Библии, представляли собой органическую часть религиозно-культурного наследия первых поселенцев в Новой Англии и американских протестантов в целом. Места на Ближнем Востоке, связанные с жизнью Иисуса, привлекали немало паломников среди американских христиан, в том числе известных писателей: Германа Мелвилла (Herman Melville, 1819–1891, посетил Палестину в 1857 году) и Марка Твена (Mark Twain, 1835–1910, посетил Палестину в 1867 году). Исторический роман «Бен-Гур: История Христа» Лью Уоллеса (Lewis «Lew» Wallace, 1827–1905), который вышел в свет в 1880 году, завоевал огромную популярность у американских читателей и был четырежды экранизирован.

Интерес, который питали американцы к Палестине, также проявился в целом ряде научно-исследовательских экспедиций. Самыми крупными из них были состоявшиеся в 1838–1852 годах экспедиции Эдуарда Робинсона (Edward Robinson, 1794–1863), в ходе которых были заложены основы изучения исторической географии Палестины. Также следует отметить полное приключений путешествие группы из шестнадцати человек во главе с офицером военно-морского флота США Уильямом Фрэнсисом Линчем (William Francis Lynch, 1801–1865) по реке Иордан от озера Кинерет до Мертвого моря в 1848 году; наблюдения участников этой экспедиции и составленная ими карта внесли большой вклад в исследование долины Иордана и района Мертвого моря. По мнению У.Ф. Линча, Святая Земля была вполне готова для колонизации и коммерции. По возвращении он опубликовал ряд отчетов об экспедиции и выступил с лекциями о потенциале дальнейших исследований. Люди, которые «устранят препятствия для торговли, цивилизации и христианства [именно так!], — писал У.Ф. Линч позже, — станут благодетелями человечества». Тем не менее, вплоть до Второй мировой войны, за исключе-

⁷ См.: Stephen Spector, *Evangelicals and Israel: The Story of American Christian Zionism* (Oxford University Press, 2009), p. 20.

нием религиозных, археологических и эмоциональных связей со Святой Землей как колыбелью христианства, правительство США не имело каких-либо серьезных политических, экономических или военных интересов в Палестине и на Ближнем Востоке в целом.

Ситуация изменилась с увеличением потребления нефти в США и с ростом опасений по поводу уменьшения нефтяных резервов на территории страны. Поэтому после Первой мировой войны американские нефтяные компании начали поиск концессий на Ближнем Востоке, и в первую очередь — в Саудовской Аравии, где в 1938 году были открыты крупные запасы нефти. Вскоре стало понятно, что мировой центр добычи нефти переместится из района Карибского моря в Персидский залив и что в песках Саудовской Аравии кроются колоссальные нефтяные залежи. Поэтому с начала 1940-х годов администрация руководившего Соединенными Штатами с 1932 года Франклина Делано Рузвельта (Franklin Delano Roosevelt, 1882–1945) начала рассматривать нефть Аравийского полуострова в качестве объекта жизненно важных американских интересов, что, в свою очередь, существенно увеличило то значение, которое придавалось контактам с королем Саудовской Аравии Ибн Саудом (1880–1953).

Стратегическое значение ближневосточного региона еще более возросло после начала Второй мировой войны. Если бы государства «оси» овладели Египтом, Суэцким каналом и Персидским заливом, то Британия оказалась бы в очень тяжелом положении, будучи, по сути, отрезанной от Дальнего Востока и Индии. В этом случае под угрозой также оказались бы коммуникации, по которым через Иран шли американские военные поставки Советскому Союзу⁸. И действительно, американская военная помощь Восьмой британской армии, которая сражалась с Африканским корпусом под командованием немецкого генерал-фельдмаршала Эрвина Роммеля (Erwin Rommel, 1891–1944), внесла значительный вклад в победу войск под командованием британского генерала Бернарда Монтгомери (Bernard Montgomery, 1887–1976) при Эль-Аламейне в Египте в октябре 1942 года.

Вместе с тем отсюда ни в коей мере не следует, что совместная англо-американская победа над армиями «оси» на Ближнем Востоке также означала наличие у союзников общей политической концепции в отношении этого региона. В Государственном департаменте в Вашингтоне уживались в тот период противоречивые подходы к проблеме. С одной стороны, признавалась необходимость оказания американской поддержки британской военно-политической гегемо-

⁸ См.: Michael Howard, *The Mediterranean Strategy in the Second World War* (New York: Frederick A. Praeger), p. 12.

нии, которая была способна обеспечить стабильность на Ближнем Востоке на протяжении войны; этой точки зрения придерживался и Корделл Халл (Cordell Hull, 1871–1955), государственный секретарь США в 1933–1944 годах. С другой стороны, многие в Государственном департаменте испытывали традиционную американскую подозрительность и неприязнь по отношению к британскому (и французскому) империализму. Поэтому часть американских дипломатов, в особенности т.н. «арабисты», склонялись к тому, чтобы воспользоваться мировой войной для ослабления британской и французской гегемонии на Ближнем Востоке. При этом они предлагали оказать поддержку арабским националистам, одновременно увеличив роль США в экономике региона, в первую очередь в использовании нефтяных запасов. Более того, «арабисты» полагали, что продолжение англо-французского правления на Ближнем Востоке приведет к усилению радикального арабского национализма и вызовет нестабильность, которая станет плодородной средой для проникновения в регион советского влияния⁹. В конечном итоге, однако, Корделл Халл убедил президента Ф.Д. Рузвельта в том, что участие США в ближневосточных делах должно быть сведено к минимуму и ориентироваться на поддержку британской гегемонии в регионе. Что же касается политического будущего Ближнего Востока, то государственный секретарь и его помощники планировали модифицировать мандатную систему, дав ей в будущем название «системы опеки» (trusteeship) от имени новой международной организации, которая должна была возникнуть после окончания Второй мировой войны – и которой в действительности стала ООН. Этот подход превалировал в политических кругах США вплоть до внезапной смерти президента Ф.Д. Рузвельта 12 апреля 1945 года.

Различные вашингтонские администрации старались свести к минимуму американское участие в запутанных делах Ближнего Востока в целом, и Палестины в частности. Такова была их позиция как в османскую эпоху, так и в период британского правления. Вместе с тем иногда наблюдались отклонения от этой изоляционистской политики. В их числе следует отметить поддержку Декларации Бальфура в 1917 году, Парижскую мирную конференцию 1919–1920 годов и подписание в 1924 году англо-американского соглашения, предусматривавшего признание Соединенными Штатами британского мандата на Палестину.

Усиление влияния американского еврейства в первой половине XX века способствовало превращению США в главный центр дея-

⁹ Michael Howard, *The Mediterranean Strategy in the Second World War*, pp. 24–25.

тельности сионистского движения и в источник его финансовой и политической поддержки в моменты кризиса. Сионисты также знали о существовании просионистских настроений в среде американских христиан. Они возникли еще в начале XIX века и достигли своего пика в 1891 году, когда Уильям Блэкстоун (William E. Blackstone, 1841–1935) направил президенту Бенджамину Гэриссону (Benjamin Harrison, 1833–1901) петицию в связи с еврейскими погромами в России, в которой, в частности, говорилось:

«Почему им [евреям] не вернут Палестину? По расселению народов Богом это их место, их исключительная вотчина, из которой они были изгнаны силой. Когда они обрабатывали ее землю, то эта страна была удивительно плодородной и кормила миллион израильтян... Они были земледельцами и производителями, и даже считались важной торговой нацией — центром цивилизации и религии. Так почему же державы, которые по решению Берлинского конгресса 1878 года отдали Болгарию — болгарам, а Сербию — сербам, не вернут Палестину евреям? Мы считаем, что настало время, когда всем нациям, и в первую очередь христианским нациям Европы, следует показать свое доброе отношение к народу Израиля. Миллион изгнанников, переживших ужасные страдания, взывают самым горьким образом к нашему сочувствию, к справедливости, к человечности. Давайте же вернем им их страну, которую наши предки-римляне отняли у них самым жестоким образом»¹⁰.

Под этой петицией поставили свои подписи 413 видных американских общественных деятеля, в их числе сенаторы, члены палаты представителей, судьи, губернаторы штатов и мэры городов, а также крупнейшие предприниматели Дж.П. Морган, Джон Д. Рокфеллер, Сайрус У. Филд и другие. В 1916 году Уильям Блэкстоун отправил петицию аналогичного содержания президенту Вудро Вильсону (Thomas Woodrow Wilson, 1856–1924).

В основе протестантского протесионизма (он был распространен, кстати, не только в США, но и в Англии) лежала концепция, согласно которой возвращение евреев на их родину должно предшествовать второму пришествию Христа. Это движение подготовило почву для сочувствия и активной работы в пользу сионистской идеи во влиятельных христианских организациях США. Симпатия к сионизму выражалась в поддержке, которую оказали президент Ву-

¹⁰ Цит. по: Reuben Fink, *America and Palestine* (New York: American Zionist Emergency Council, 1944), pp. 20–24. См. также: Melvin I. Urofsky, *American Zionism from Herzl to the Holocaust* (Garden City: Anchor Books, 1976), pp. 41–43.

дро Вильсон и другие видные американские общественные деятели Декларации Бальфура, а также в создании в 1932 году просионистского христианского Американского комитета в пользу Палестины (American Palestine Committee). Когда в мае 1946 года Американский комитет в пользу Палестины, который возглавлял влиятельный сенатор от штата Нью-Йорк Роберт Ф. Вагнер (Robert F. Wagner, 1877–1953), объединилась с Христианским советом в пользу Палестины (Christian Council on Palestine), среди членов возникшей организации (она получила название American Christian Palestine Committee) насчитывались тысячи христианских священников, а также 17 губернаторов штатов, 61 сенатор, 150 членов палаты представителей и многие общественные деятели.

Американский христианский сионизм, корни которого лежали в глубокой приверженности его сторонников Библии и Святой Земле, также отражал чувство вины за преследования евреев в Европе. Поддержка сионистского движения была не только следствием религиозных побуждений, но и результатом размышлений о возможностях практического решения «еврейской проблемы». Эта концепция нашла новых сторонников с началом гитлеровских преследований евреев, в особенности после того, как стали публиковаться свидетельства о Холокосте и его масштабах. Отсюда, разумеется, не следует делать вывод о том, будто все протестантские общины в США поддерживали сионизм. Евангелистские протестантские группы, которые вели активную миссионерскую деятельность среди мусульман на Ближнем Востоке и старались возродить местные христианские конфессии (армянскую, греческую, несторианскую и коптскую), занимали последовательную антиссионистскую позицию.

Следует отметить, что как минимум в период, предшествовавший Второй мировой войне (а скорее всего, и впоследствии, вплоть до настоящего времени), выработка политического курса в отношении Палестины/Эрец-Исраэль и сионистских притязаний на нее в значительной мере была следствием религиозных воззрений тех, кто этот курс определял. Именно религиозное мировоззрение членов Комиссии Кинга–Крейна (King–Crane Commission), назначенной в 1919 году президентом Вудро Вильсоном для изучения политических чаяний народов Ближнего Востока, предопределило те выводы, к которым они пришли. Авторы отчета категорически отвергали сионистскую идею о превращении Палестины/Эрец-Исраэль в еврейское государство. По их мнению, подобное стремление являлось необоснованным, так как противоречило желаниям арабского большинства в стране и принципу права наций на самоопределение, сформулированному В. Вильсоном. Авторы отчета также отрицали само «право» евреев на Па-

лестину/Эрец-Исраэль, основанное на том, что евреи жили там две тысячи лет назад. В отчете Комиссии Кинга–Крейна говорилось:

«Палестина является Священной Землей для христиан, мусульман и иудеев. Миллионы христиан и мусульман по всему миру не меньше, чем иудеи, тревожатся из-за положения в Палестине, в особенности в том, что связано с религиозными правами и чувствами... Даже самые лучшие намерения будут поставлены под сомнение в глазах христиан и мусульман, если иудеи окажутся зрителями их святых мест или попечителями всей страны в целом. Причина этого заключается в том, что самые святые места христиан — места, связанные с Иисусом Христом, — которые также святы и для мусульман, не только не святы в глазах иудеев, но и откровенно чужды им. Поэтому христиане и мусульмане не могут быть удовлетворены еврейской властью над этими [святыми] местами...»¹¹

В заключительной части своего отчета Комиссия Кинга–Крейна предупреждала о том, что «экстремистские» требования сионистов (о создании еврейского государства), вне всякого сомнения, приведут к усилению антисемитизма, как в самой Палестине, так и в тех странах, где Палестина считается «святой землей»¹².

Упорное сопротивление сионизму со стороны миссионерских групп оказывало влияние и на американских дипломатов, работавших на Ближнем Востоке, и на «арабистов» из Государственного департамента и разведывательных служб. Некоторые из них происходили из семей тех самых миссионеров, выросли в арабских странах и были тесно связаны с Американским университетом в Бейруте¹³. Сотрудники Отдела Ближнего Востока в Государственном департаменте в Вашингтоне также последовательно придерживались антисионистских позиций. Сионизм представлялся им не только иллюзией, но и постоянной помехой, которая таит в себе угрозу возникновения трудностей в отношениях с Оттоманской империей, арабским миром и Британией. Уоллес Мюррей (Wallace S. Murray, 1887–1965), возглавлявший этот отдел в 1929–1945 годах, считал сионистов «незванными гостями» на Ближнем Востоке, элементом, который вызы-

¹¹ Цит. по: *Documents on the Middle East*, ed. by Ralph H. Magnus (Washington: American Enterprise Institute, 1969), pp. 33–34.

¹² См.: Stuart E. Klee, "The King–Crane Commission of 1919: The Articulation of Political Anti-Zionism" // *American Jewish Archives*, no. 29 (1977), pp. 22–25 и далее.

¹³ Phillip J. Baram, *The Department of State in the Middle East, 1919–1945* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1978), pp. 73–78.

вает брожение и конфликты и тем самым подвергает опасности мир и спокойствие в регионе. У. Мюррей и его сотрудники были также убеждены в том, что большинство американских евреев не симпатизируют сионистам¹⁴.

С практической точки зрения вплоть до 1943 года Государственный департамент придерживался политики почти полного невмешательства в палестинские и сионистские дела. В ответ на требования отдельных членов Конгресса и американских евреев о поддержке сионистских чаяний, Корделл Халл и его подчиненные отвечали, что за происходящее в Палестине отвечает Британия и что администрация США не может вмешиваться в британскую политику¹⁵.

Этот политический курс – и в то время, и тем более в последующие годы – подвергался критике в связи с тем, что он не препятствовал закрытию Палестины/Эрец-Исраэль для еврейской иммиграции в те годы, когда евреи Европы более всего нуждались в убежище, где они могли бы спастись от нацистской машины уничтожения. Поскольку годы существования в Германии нацистского режима точно совпадали с периодом президентства Ф.Д. Рузвельта (он занимал этот пост с января 1933 года до своей смерти 12 апреля 1945 года), именно в его адрес выдвигаются наиболее серьезные обвинения. В недавно изданной книге «Прелюдия к катастрофе. “Евреи Рузвельта” и угроза нацизма», посвященной преимущественно этническим евреям, входившим в ближний круг президента США, ее автор Роберт Шоган заостряет внимание на парадоксе политической апатии наиболее проеврейски настроенного руководства США к судьбе европейского еврейства:

«Франклин Рузвельт был первым великим героем американских евреев. Им восхищались, ему едва ли не поклонялись, причем до такой степени, что это далеко превосходило уважение по отношению к любому политику или общественному деятелю до него и не было достигнуто никем из них впоследствии. Обещанная Рузвельтом экономическая и социальная справедливость была созвучна основам еврейской культуры и этике Ветхого Завета и его пророков. И разумеется, эти темы имели особенный резонанс во время полных отчаяния дней Великой депрессии.

Доверие евреев Рузвельту подкреплялось беспрецедентным количеством евреев, призванных им в Вашингтон, чтобы служить “новому кур-

¹⁴ Evan M. Wilson, “The Palestine Papers, 1943–1947” // *Journal of Palestine Studies*, vol. 11, no. 4 (1973), p. 35 и далее.

¹⁵ См.: Cordell Hull, *The Memoirs* (New York: The Macmillan Company, 1948), vol. 2, p. 1530 и далее.

су". В самом деле, их было так много, что они вызывали некоторое отторжение и становились поводом для антисемитских выпадов. Но американские евреи были в состоянии игнорировать подобные нападки. Это была самая богатая, самая влиятельная еврейская община в мире, занимавшая лидирующие позиции в правительстве, коммерции и искусстве.

Однако к тому времени, когда Франклин Рузвельт скончался на своем посту в 1945 году, шесть миллионов европейских евреев были убиты нацистами, и ни он сам, ни американские евреи практически и пальцем не шевельнули, чтобы им помочь. Как же Рузвельт, как страна, во главе которой он стоял, как американское еврейство позволили, чтобы это произошло?»¹⁶

Ф.Д. Рузвельт уже в середине 1930-х годов осознавал, какая опасность нависла над германским, а затем и всем европейским еврейством в результате легитимации в нацистской Германии расово-антисемитской идеологии, которая в корне противоречила либерально-демократическим убеждениям самого президента США. Поэтому он не только публично осуждал нацистский террор против евреев и выражал сочувствие его жертвам, но и предпринял ряд мер с целью облегчения участи спасающихся от преследований евреев, хотя и в очевидно недостаточных масштабах. По его инициативе в июле 1938 года была созвана Эвианская конференция, посвященная проблеме беженцев, большинство которых составляли евреи из Германии и Австрии. В ночь с 9 на 10 ноября 1938 года произошла первая массовая акция прямого физического насилия по отношению к евреям на территории Германии и Австрии, жертвами которой стали 91 человек; еще более трех с половиной тысяч были арестованы, а впоследствии отправлены в тюрьмы и концлагеря Заксенхаузен и Дахау; в эту же ночь были сожжены около трехсот синагог и сотни жилых домов, принадлежавших еврейским гражданам. После этого, по распоряжению Ф.Д. Рузвельта, из Германии был отозван посол США и продлены на неопределенный срок гостевые визы находившимся в то время в США гражданам Германии (их численность в разных источниках оценивалась в 12–15 тысяч человек), главным образом — евреям. Заслугой Ф.Д. Рузвельта было и создание при правительстве США в январе 1944 года Коллегии по делам военных беженцев (The War Refugee Board) и предоставление этому новому ведомству полномочий и средств для проведения специальных операций по спасению жертв нацистских преследований.

¹⁶ Цит. из книги: Robert Shogan, *Prelude to Catastrophe: FDR's Jews and the Menace of Nazism* (Chicago: Ivan R. Dee, 2010).

Вместе с тем очевидна неадекватность всех этих мер масштабам нацистского геноцида против евреев, фактически оставленных без защиты перед нацистской машиной уничтожения. Правительство США ни разу не выступило с официальным протестом против преследования евреев в Германии, хотя ранее было немало прецедентов дипломатического вмешательства США в защиту меньшинств в других странах. Ряд исследователей, причем отнюдь не только израильских, возлагают на Ф.Д. Рузвельта и его правительство ответственность за гибель тех многих тысяч европейских евреев, в первую очередь из Германии, которые могли спастись, если бы им было предоставлено убежище в США. В своей недавно изданной книге «Рузвельт и евреи» Ричард Брайтман и Алан Лихтман указывают, что в 1932–1936 годы Ф.Д. Рузвельт ничего не сделал даже в плане ослабления визовых строгостей, из-за которых и без того скудные иммиграционные квоты, введенные его предшественником Гербертом Гувером (Herbert Clark Hoover, 1874–1964), оказывались невыбранными. Следует отметить, что при ежегодной квоте в 25 957 иммигрантов из Германии разрешение на въезд в США из этой страны в 1936 году получили лишь 6252 человека, в 1937 году – 11 352, а всего между 1933 и 1937 годами – примерно тридцать тысяч вместо 129 785, которые могли бы прибыть в США, если бы квоты, предусмотренные действовавшим в США в то время законодательством, были бы заполнены полностью¹⁷.

Даже тогда, когда Ф.Д. Рузвельт сделал свое наиболее ясное на тот момент заявление в защиту евреев («Мне трудно поверить, что подобные вещи могут происходить в цивилизации XX века») – а это случилось после «хрустальной ночи», когда семь с половиной тысяч еврейских магазинов и бизнесов были разгромлены, девяносто человек убиты прямо на улицах, десятки покончили жизнь самоубийством и тысячи оказались в концлагерях, – все равно, на вопрос, может ли он назвать место в мире, которое будет в состоянии принять еврейских эмигрантов, Ф.Д. Рузвельт ответил отрицательно. «Будет ли рекомендовано ослабить иммиграционные ограничения в США?» – последовал еще один вопрос. «Это не предусматривается», – отрезал президент. После «хрустальной ночи» президент получил докладную записку от своего давнего советника Сэмюэла Розенмана (Samuel I. Rosenman, 1896–1973), еврея по происхождению, в которой говорилось о поддержке позиции в пользу сохранения квот на иммиграцию. «Я не верю, – писал Сэмюэл Розенман, – что желательно и практично рекомендовать какие-либо изменения в

¹⁷ Richard Breitman and Allan J. Lichtman, *FDR and the Jews* (The Belknap Press/ Harvard University Press, 2013).

квотах, выделяемых нашим иммиграционным законодательством». Подобная мера, по мнению С. Розенмана, могла привести к увеличению безработицы и возникновению «еврейской проблемы» в странах, которые откроют свои границы для приема беженцев. В качестве альтернативы С. Розенман предлагал переселение последних в какую-нибудь «новую и неосвоенную землю где-либо в Африке и Южной Америке». Сложно сказать, считал ли С. Розенман, что президент США правомочен принимать решения о том, кем, когда и как заселять неосвоенные земли в Африке; у самого Ф.Д. Рузвельта таких планов, очевидно, не было, вследствие чего проблема не получила никакого развития, оставаясь без какого-либо решения в ситуации, когда положение евреев Германии, а затем и других стран Европы, всё более ухудшалось. В мае 1939 года в порт Майами прибыл теплоход *St. Louis*, на борту которого находились 937 еврейских беженцев, искавших приюта в Новом Свете, но по совершенно бесчеловечному распоряжению Ф.Д. Рузвельта беженцам было отказано в праве сойти на американскую землю, и корабль вынужденно вернулся в Европу. Лидеры американских еврейских организаций не поднимали вопроса о необходимости открыть ворота перед преследуемыми европейскими «собратьями», опасаясь, что прибытие в США толп обездоленных иммигрантов приведет к резкому усилению антисемитизма и подорвет, как им казалось, еще непрочные позиции еврейской общины в этой стране.

Драматичная история неудачной попытки спасения еврейских детей из Чехословакии, предпринятая уже после «хрустальной ночи», но еще до начала Второй мировой войны, служит ярким примером отношения американских властей к этой проблеме. Речь, повторим, шла о детях, чье прибытие никак не могло повлиять на американский рынок труда, защитой которого объяснялось существование драконовских миграционных квот.

Инициатива обращения к президенту США по этому вопросу исходила от британского бизнесмена Николаса Уинтона (Nicholas Winton). Он родился под именем Николаса Вертхайма (Nicholas Wertheim) в семье еврейских переселенцев из Германии, которые прибыли в Лондон в 1907 году. Вскоре после рождения сына семья приняла христианство и поменяла фамилию на чисто английскую, стремясь лучше интегрироваться в британском обществе. В 1920-е и 1930-е годы Николас успешно работал в кредитных организациях в Германии и Франции, а по возвращении на родину стал брокером на рынке ценных бумаг Лондонской фондовой биржи.

В 1938 году он собирался провести рождественские праздники на горнолыжном курорте в Швейцарских Альпах, однако неожиданно

из Праги ему позвонил друг, который посетил лагеря для беженцев в Чехословакии и попросил его срочно приехать. Прибыв в Прагу и увидев, в каком отчаянном положении находятся беженцы, и в первую очередь еврейские дети, многие из которых были вынужденными переселенцами из Германии, он осознал всю тяжесть ситуации и понял, что надвигается настоящая гуманитарная катастрофа. Пораженный увиденным, Уинтон стал делать все возможное, чтобы помочь обездоленным детям, будущее которых находилось под угрозой.

В первую очередь он обратился в Министерство внутренних дел Соединенного Королевства с просьбой расширить прием детей-беженцев из Чехословакии. На тот момент правительство Великобритании ввело ограничения на количество детей, которых оно было готово принять в рамках программы *Kindertransport*. Уинтон обещал властям самостоятельно находить спонсоров и гарантов перевозки и обустройства детей, прося государство лишь о выдаче дополнительных разрешений на въезд в страну. Эта просьба была удовлетворена британскими властями. Кроме того, сам Уинтон принимал активное участие в поиске единомышленников и сторонников как в самой Чехословакии, так и в Англии, находя будущих приемных родителей для привезенных детей, а также собирая деньги на осуществление всей программы спасения¹⁸. Всего ему удалось спасти из оккупированных районов Чехословакии 669 еврейских детей.

Ситуация становилась все более критической, и Уинтон решил обратиться с просьбой о помощи за океан. 16 мая 1939 года он написал письмо президенту США Ф.Д. Рузвельту, прося его сделать все возможное для того, чтобы дать убежище еврейским детям в Новом Свете:

«Г-н президент,

Возможно, люди в Америке не осознают, как мало усилий приложено и до сих пор прилагается для того, чтобы помочь детям-беженцам в Чехословакии. Их шанс попасть в Англию полностью зависит только от доброй воли их персонального гаранта — кого-то, кто готов принять на себя всю ответственность за их содержание, воспитание и образование до тех пор, пока они не достигнут 18 лет. Ни одна другая страна не принимает участия в их судьбе, за исключением Швеции, которая в феврале приняла 35 детей. На данный момент мы собрали досье с фото на более чем пять тысяч детей, и еще примерно десять тысяч нам предстоит учесть и зарегистрировать. Но пока что мы смогли переправить в Англию только около 120 детей.

¹⁸ Jonathan Romain, "A Salute to The British Schindler As He Turns 104" // *The Guardian*, May 17, 2013.

Сегодня в Богемии и Словакии живут тысячи детей, не имеющих крыши над головой и страдающих от голода, многие из них не имеют гражданства, но всех их, без сомнения, объединяет одно – если им придется остаться там, где они находятся сейчас, у них просто не будет будущего. Им запрещено посещать школу, а их родители лишены права работать, и, помимо бытовых тягот, эти испытания приносят им также невероятные душевные страдания. С момента подписания соглашения в Мюнхене едва ли что-то было сделано для того, чтобы помочь детям Чехословакии. Большинство из них находится в тяжелейшем материальном положении, поскольку им не раз приходилось переезжать с места на место, ведь многие из них являются беженцами из Германии.

Может ли Америка сделать что-то для того, чтобы помочь нам в этом вопросе? Возможно, в письме трудно передать всю безысходность сложившейся ситуации, однако мы надеемся на то, что Вы в силах со всей живостью представить себе, насколько отчаянно наше положение.

Заверяю Вас, сэр, в моей глубокой признательности,
Ваш покорный слуга,
Николас Уинтон»¹⁹.

Уинтон вспоминал: «Американцы не захотели никого принимать, и это было очень горько. Так мы могли бы спасти гораздо больше детей».

Дэвид Лэнгбарт (David Langbart), работающий архивариусом в Национальной архивной службе США (*National Archives and Records Administration*), был поражен этой историей и решил начать поиски письма. «И действительно, я обнаружил оригинал письма президенту Рузвельту, – сообщил Д. Лэнгбарт, – причем об этом документе ничего не было известно на протяжении 75 лет». В ходе поисков Д. Лэнгбарт обнаружил также целый архив сообщений, которыми обменивались должностные лица по поводу письма Н. Уинтона. По словам архивариуса, после того как письмо было получено, Белый дом направил его в Госдепартамент, чтобы оно было рассмотрено по существу. Однако в Госдепартаменте спасением детей беженцев не заинтересовались: Д. Лэнгбарт нашел служебную записку, адресованную американскому посольству в Лондоне, с просьбой «уведомить о получении письма г-на Уинтона» и «сообщить ему, что в отсутствие специального законодательства Правительство Соединенных Штатов не имеет возможности допустить прибытие в страну иммигрантов сверх квот, установленных действующими иммиграционными за-

¹⁹ “1939 Letter Found, Plea to FDR to Save Jewish Kids” // *CBS News*, 18 May 2014.

конами». После этого посольство США в Лондоне отправило Н. Уинтону официальный отказ заниматься поднятой им проблемой.

Спасательная операция Н. Уинтона была прервана началом Второй мировой войны, когда последний поезд с детьми был остановлен в Праге 1 сентября 1939 года в связи с тем, что нацисты вторглись в Чехословакию. Границы Германии были отныне закрыты, что лишало беженцев возможности покинуть континент. Насколько известно, ни один из детей, находившихся в этом поезде, не дожид до конца войны²⁰.

Ряд авторов, и в том числе Р. Брайтман и А. Лихтман, склонны защищать Ф.Д. Рузвельта, указывая на серьезное давление со стороны Конгресса против увеличения иммиграционных квот. Однако довод о воспрепятствованном увеличению числа иммигрантов резком росте уровня безработицы в США в 1939 году, как раз когда нацистские власти в Германии и Австрии перешли к открытому антиеврейскому террору, фактически опровергается тем, что в 1939 году Ф.Д. Рузвельт отказался поддержать законопроект сенатора Роберта Ф. Вагнера и члена палаты представителей Эдит Роджерс (Edith Rogers, 1881–1960) о допуске в страну, помимо квоты, двадцати тысяч еврейских детей моложе 14 лет, которые по возрасту не могли составить конкуренцию местным безработным.

Еще более серьезные обвинения предъявляются Ф.Д. Рузвельту в связи с деятельностью Брекинриджа Лонга (Breckinridge Long, 1881–1958), с января 1940 года бывшего помощником госсекретаря по специальным мероприятиям военного времени, в функции которого входило и курирование реализации американской иммиграционной политики по отношению к беженцам из Европы. Б. Лонг вряд ли исключительно по собственной инициативе пошел на резкое сокращение – вплоть до полного прекращения – еврейской иммиграции в США и на блокирование любых предложений о специальных спасательных акциях, хотя Госдепартамент уже располагал достоверной информацией об уничтожении нацистами сотен тысяч евреев. Б. Лонг был отстранен от своих обязанностей в Госдепартаменте лишь после того, как министр финансов Генри Моргентау (Henry Morgenthau, 1891–1967), с которым Ф.Д. Рузвельт был знаком с 1915 года, в январе 1944 года предостерег президента, что продолжение курса Б. Лонга по отношению к жертвам массового геноцида в Европе может сильно повредить личной репутации президента. Однако к тому времени огромное большинство европейских евреев было уже уничтожено.

²⁰ Neil Tweedie, "The Unsung British Hero With His Own Schindler's List" // *The Telegraph*, May 17, 2013.

В своих стараниях спасти от истребления европейское еврейство Генри Моргантау был наиболее активным из приближенных Ф.Д. Рузвельта, причем в этом он неустанно сталкивался с противодействием со стороны Государственного департамента. Яростная борьба развернулась, в частности, вокруг предложения правительства Румынии Лиге Наций в феврале 1943 года заплатить ему выкуп за вывоз из Приднестровья на румынских кораблях в Палестину/Эрец-Исраэль семидесяти тысяч евреев. Несмотря на возражения Англии, опасавшейся негативной реакции со стороны арабов, Ф.Д. Рузвельт к июлю того же года согласился выделить деньги из американской казны (поскольку Румыния входила в число стран «оси», любые финансовые операции с ней требовали особой процедуры согласования). Но тут возникли новые возражения со стороны Государственного департамента, смысл которых сводился к тому, что деньги попадут к союзникам Румынии, т.е. Германии и ее саттелитам, и этим усилят их военные возможности. Все же в сентябре того же года распоряжение о данной выплате было согласовано и передано американскому посланнику в Берне. Но теперь тянуть время начали англичане: их официальный ответ поступил только в середине декабря и указывал на «озабоченность в связи с трудностями размещения любого значительного количества евреев, которых бы удалось вывезти с оккупированной врагом территории». Возмущенный Г. Моргантау назвал это письмо «дьявольской комбинацией британской холодности и дипломатического двуличия, ледяного и корректного, равносильной смертному приговору». Однако это фиаско подсказало ему и его сподвижникам в Министерстве финансов, что для действенных решений необходимо убедить Ф.Д. Рузвельта создать специальное, не подчиняющееся Госдепартаменту правительственное ведомство, которое бы занялось спасением европейских евреев. Решающим аргументом в споре стал документ, подготовленный советником Г. Моргантау Рэндольфом Полом (Randolph E. Paul, 1890–1956), озаглавленный «Доклад министру о пособничестве настоящего правительства убийству евреев». Убийственной уликой оказалась, в частности, информация о сокрытии высшими чиновниками Госдепартамента присылавшихся из Европы сообщений о Холокосте. Скандал приобрел широкую огласку, члены Конгресса начали обсуждать проекты резолюций о «незамедлительных действиях» для «спасения оставшихся в живых евреев», а на стол Ф.Д. Рузвельту вместе с докладом Р. Пола лег и проект указа о создании Коллегии по делам военных беженцев, подписанный им 22 января 1944 года²¹.

²¹ Подробнее см.: Robert Shogan, *Prelude to Catastrophe*.

Приближенные к Ф.Д. Рузвельту евреи представлялись широким слоям американского — и не только американского — еврейства людьми, сама деятельность которых позволяет иметь прямой канал связи с президентом самой влиятельной державы мира, что виделось лучшей защитой евреев от возможных бед и напастей. Это, однако, оказалось трагическим заблуждением. Вместо того чтобы в годы надвигавшейся Катастрофы и непосредственно в первой половине 1940-х годов доносить до президента мольбы их соплеменников о спасении, приближенные к Ф.Д. Рузвельту евреи создали вокруг него своего рода «буфер», оградивший его от нежелательных, с их точки зрения, влияний. Стремясь сохранить близость к Ф.Д. Рузвельту и его расположение, они либо избегали непосредственно обращаться к нему с вопросами, имевшими отношение к евреям, как судьи Верховного суда США Луис Брандейс (Louis D. Brandeis, 1856–1941) и Феликс Франкфуртер (Felix Frankfurter, 1882–1965), либо говорили ему только то, что он хотел от них услышать, как спичрайтер президента Сэмюэл Розенман или рабби Стивен Вайз (Stephen Samuel Wise, 1874–1949). Характерен эпизод, когда Сэмюэл Розенман посоветовал Генри Моргентау не идти к Ф.Д. Рузвельту со своими обвинениями против Госдепартамента, информация о которых могла просочиться в прессу, что С. Розенман считал крайне нежелательным²². Окружавшим президента Ф.Д. Рузвельта евреям его политический комфорт в сложной системе взаимоотношений с Конгрессом, Госдепартаментом и СМИ был несравнимо важнее, чем судьба евреев Европы, даже несмотря на то, что среди них были их непосредственные родственники. Показательно отношение к данной проблеме судьи Феликса Франкфуртера: когда в 1938 году после аншлюса Австрии нацисты арестовали и сослали в концлагерь его дядю, известного ученого Соломона Франкфуртера (Salomon Frankfurter, 1856–1941), племянник обратился за помощью не в американские инстанции, а к влиятельной английской германофилке леди Нэнси Астор (Nancy Astor, 1879–1964). Соломон Франкфуртер был в результате ее ходатайства выпущен на свободу, но после его смерти через три года газеты сообщили, что своим освобождением он был якобы обязан Государственному департаменту США. Феликс Франкфуртер считал нужным немедленно написать президенту, что он не обращался в Госдепартамент ни с какой просьбой о помощи, «именно потому, что стремился избежать критики со стороны злопыхательствующих и бессердечных, возводящих против администрации обвинения в фаворитизме». Такая этика щепетильного самоограничения в ситу-

²² Подробнее см.: Robert Shogan, *Prelude to Catastrophe*.

ации, когда над родственником Ф. Франкфуртера нависла смертельная опасность, показалась чрезмерной и Ф.Д. Рузвельту, ответившему: «Я полагаю, что даже судья Верховного суда вправе просить свое собственное правительство о помощи преследуемым, пусть даже это и его родственники, в любой части света». Однако, несмотря на такую ясную, недвусмысленно высказанную позицию президента, занимавшие высокие посты в структуре государственной власти США евреи почти никогда не просили свое правительство о помощи преследуемым соплеменникам.

Звучащие порой аргументы о том, что американские еврейские лидеры не могли представить себе, что нация, подарившая миру И.В. Гёте и Л.В. Бетховена, культуру которой обогащали Феликс Мендельсон и Лион Фейхтвангер, сможет перейти к политике геноцида в отношении евреев, представляются несостоятельными: те или иные детали, конечно, могли оставаться неизвестными на протяжении достаточно долгого времени, но наиболее пронизательным из них суть была ясна, причем сразу. Так, еще в апреле 1933 года в письме к Феликсу Франкфуртеру Луис Брандейс писал: «По моему мнению, евреям Германии пора принимать решение об отъезде, всем без исключения. Разумеется, страна сейчас невменяема, но жизнь там уже никогда не будет безопасной, а для нынешнего поколения все будет только ухудшаться». Несмотря на понимание этого, в статусе судьи Верховного суда, срок пребывания которого в должности не ограничен и не зависит от воли президента, Луис Брандейс практически ничего не сделал для того, чтобы изменить американское иммиграционное законодательство или хотя бы добиться того, чтобы предоставляемые им возможности использовались бы в полном объеме в те годы, когда евреи могли покинуть Германию сравнительно спокойно. Не забудем в этой связи, что с 1933 по 1939 годы примерно четверть миллионов евреев из Германии и сопредельных с нею стран прибыли в Палестину/Эрец-Исраэль; в израильской историографии они именуется пятой волной алии²³. Однако ограничения, введенные британскими властями в мае 1939 года в т.н. Белой книге Р. Макдональда (министром колоний в правительстве Н. Чемберлена), согласно которой максимальная численность еврейских иммигрантов, прибывавших в Палестину/Эрец-Исраэль, могла составить 75 тысяч человек за пять последующих лет, до конца апреля 1944 года, закрыли перед евреями ворота страны, которую евреи веками считали своей «исторической

²³ См.: Йоав Гельбер, *Новая родина: алия евреев из Центральной Европы и их абсорбция, 1933–1948* (Иерусалим: Институт им. Ицхака Бен-Цви, 1990) [на иврите].

родиной» — и американские власти никак не протестовали против этого. Эта политика британских властей, проводимая при молчаливом согласии американцев, обрекла на гибель евреев Германии, Австрии, а позднее и других стран, нигде не нашедших убежища. Даже в июне 1943 года, когда в лагерях смерти уже погибли миллионы евреев, Ф.Д. Рузвельт не считал, что сложившаяся ситуация требует кардинальных изменений в политике по данному вопросу, заверяя короля Саудовской Аравии Ибн Сауда в том, что «правительство Соединенных Штатов полагает, что не будет принято каких-либо решений, способных изменить положение в Палестине, без всесторонних консультаций с арабами и евреями»²⁴. В наши дни Саудовская Аравия, не имеющая общих границ с Израилем и не участвовавшая ни в одной из арабо-израильских войн, не воспринимается как государство, чье значение существенно в контексте конфликта, имеющего отношение к Палестине, однако в первой половине 1940-х годов расклад сил был совершенно иным. Упомянем в этой связи, что весной 1941 года У. Черчилль выступил с предложением создать на Ближнем Востоке крупное федеративное арабское государство во главе с династией Саудитов, причем его частью должно было стать и еврейское автономное политическое образование в Палестине/Эрец-Исраэль²⁵.

В 1944 году именно из-за сопротивления Ф.Д. Рузвельта, Государственного департамента и военного министра Генри Л. Стимсона (Henry L. Stimson, 1867–1950) в Сенате США дважды провалились попытки поставить на голосование проект резолюции, призывавшей администрацию предпринять действия, необходимые для обеспечения свободы еврейской иммиграции в Палестину/Эрец-Исраэль²⁶ и «для предоставления евреям возможности расселиться в ней, чтобы вновь создать в Палестине свободное и демократическое содружество, в котором все люди, без различия расы и веры, получают равные права». В несколько урезанном виде эта резолюция, внесенная сенатором-демократом от штата Нью-Йорк Робертом Вагнером и сенатором от штата Огайо республиканцем Робертом Тафтом (Robert A. Taft, 1889–1953), была принята Сенатом только 17 декабря 1945 года, т.е. спустя более чем полгода после смерти Ф.Д. Рузвельта и оконча-

²⁴ Личное письмо президента Ф.Д. Рузвельту Ибн Сауду, пересланное Госдепартаментом американскому поверенному в делах в Джидде Джеймсу Музу (James S. Moose, 1903–1989) 19 июня 1943 г. для передачи королю, опубликовано в антологии *Foreign Relations of the United States, 1943, Vol. IV*, p. 790.

²⁵ См.: Michael Makovsky, *Churchill's Promised Land: Zionism and Statecraft* (New Haven: Yale University Press, 2007), pp. 196–199.

²⁶ Zvi Ganin, *Truman, American Jewry and Israel, 1945–1948* (New York: Holmes and Meier, 1979), p. 13.

ния Второй мировой войны (спустя два дня за аналогичный текст резолюции проголосовала и палата представителей).

В связи с тем что США воспринимаются в Израиле как ближайший политический и военный союзник, даже несмотря на то, что память о Холокосте стала краеугольным остовом сформировавшейся в стране «гражданской религии», в еврейском государстве не принято вспоминать об индифферентном отношении США времен президентства Ф.Д. Рузвельта к гибели миллионов евреев Европы. Однако необходимо помнить, что в период величайшей катастрофы, постигшей еврейский народ за всю его историю, президент, его администрация и Конгресс Соединенных Штатов не сделали практически ничего, чтобы облегчить участь евреев, подвергавшихся массовому уничтожению. Американцы могли, во-первых, изменить свою иммиграционную политику и впустить в страну евреев, искавших спасения; во-вторых, активно требовать от Великобритании открыть для еврейских беженцев пути иммиграции в Палестину/Эрец-Исраэль; и в-третьих, использовать силы американской армии как минимум после вступления США в войну, для того чтобы постараться парализовать функционирование нацистской машины уничтожения (в частности, можно было бы разбомбить с воздуха железнодорожные пути, по которым эшелоны с евреями прибывали в лагеря смерти, а также функционировавшие в этих лагерях крематории). Американцы не сделали ни первого, ни второго, ни третьего, позволив нацистам беспрепятственно уничтожать евреев любыми удобными им способами в любых количествах. Международная конференция о беженцах от нацистского режима, прошедшая в Эвиане в 1938 году, утонула в суесловии. Единственной страной, объявившей о своей готовности принять еврейских беженцев из Европы, была Доминиканская Республика. Будущий президент Израиля Хаим Вейцман (1874–1952) тогда заметил, что «мир, похоже, разделился на две части: в одной евреи не могли жить, а в другую они не могли въехать» — и власти США на всем протяжении Второй мировой войны не сделали ничего, чтобы изменить это положение.

Насколько известно, во время Ялтинской конференции в феврале 1945 года в беседе с И.В. Сталиным Ф.Д. Рузвельт назвал себя сторонником сионизма²⁷; однако на деле его отношение к сионизму было весьма противоречивым. Под влиянием Луиса Брандейса, Феликса Франкфуртера и Стивена Вайза он, по-видимому, ощущал определенную симпатию к мужеству, новаторству и демократическому духу сионистских начинаний. Вместе с тем в частных беседах с сио-

²⁷ См.: Joseph Heller, “Roosevelt, Stalin and the Palestine Problem at Yalta” // *The Wiener Library Bulletin*, vol. 30 (1977), pp. 25–35.

нистскими лидерами и их сторонниками он не скрывал своих сомнений в отношении практичности требования о создании еврейского государства с учетом арабского сопротивления и враждебности. Так, например, за два месяца до своей кончины, в письме к видному стороннику сионистов в Конгрессе Эммануэлю Целлеру (Emanuel Celler, 1888–1981), Ф.Д. Рузвельт писал: «Дайте мне возможность побеседовать со Сталиным и Черчиллем [о палестинской проблеме]. Предлагают различные программы, среди них совершенно безумные, но не только. Возможно, будет найдено решение. Я, естественно, не хочу увидеть войну между миллионом или двумя миллионами людей [евреев] в Палестине и мусульманским миром в этом регионе, который насчитывает семьдесят миллионов человек»²⁸. Судья Джозеф Проскауэр (Joseph M. Proskauer, 1877–1971), возглавлявший не поддерживавший сионистский проект Американский еврейский комитет (АЕК), свидетельствовал, что на встрече с Ф.Д. Рузвельтом, состоявшейся за несколько дней до кончины президента, в которой также участвовал Яков Блаустейн (Jacob Blaustein, 1892–1970), коллега Дж. Проскауэра по руководству АЕК, Ф.Д. Рузвельт сказал, что «он предвидит серьезную опасность всему миру и самой Палестине, проистекающую из экстремистской сионистской пропаганды [о создании государства]». По словам Дж. Проскауэра, Ф.Д. Рузвельт считал, что с практической точки Британия не может обсуждать вопрос об установлении еврейского суверенитета в Палестине²⁹. Возможно, именно эти опасения побудили Ф.Д. Рузвельта и Госдепартамент искать решение религиозного, а не национального свойства. В конфиденциальной беседе с полковником Гарольдом Б. Хоскинсом (Harold B. Hoskins, 1895–1977) в марте 1945 года президент обсуждал возможность превращения Палестины в «международную территорию, священную для трех религий — ислама, христианства и иудаизма»³⁰. Сложно понять, какой государственно-правовой статус этой «международной священной территории» имелся при этом в виду, хотя Ф.Д. Рузвельт, возможно, и надеялся, что таким образом удастся преодолеть проблему противоположных национальных требований евреев и арабов, которая непременно приведет к кровопро-

²⁸ Письмо президента Ф.Д. Рузвельта Эммануэлю Целлеру от 16 февраля 1945 года // Архив Ф.Д. Рузвельта, Palestine Folder, PSF, папка 16.

²⁹ Об этом Дж. Проскауэр информировал Г. Трумэна в письме от 6 июля 1945 г.

³⁰ Цит. по меморандуму, поданному Г.Б. Хопкинсом зам. директору Отдела Ближнего Востока и Африки Госдепартамента Полю Аллингу 5 марта 1945 г., включенному в антологию *Foreign Relations of the United States, 1945, Vol. VIII, pp. 690–691.*

лтию, а также удовлетворить христианские религиозные интересы. Это предложение поддержали государственный секретарь Эдвард Р. Стеттиниус (Edward R. Stettinius, 1900–1949) и некоторые из сотрудников Отдела Ближнего Востока Государственного департамента³¹. Однако, подобно многим другим идеям, разработанным в Отделе планирования Государственного департамента, и это предложение не было реализовано на практике.

Внезапная смерть Ф.Д. Рузвельта менее чем за месяц до окончания Второй мировой войны, 12 апреля 1945 года, привела к власти Гарри Трумэна. Главой государства стал человек, политический опыт которого был несопоставим с опытом Ф.Д. Рузвельта, так как он лишь менее чем за три месяца до этого впервые занял пост вице-президента (до 20 января 1945 года этот пост занимал Генри Э. Уоллес, Henry A. Wallace, 1888–1965). Среди прочего, Гарри Трумэну нужно было выработать и новый курс США на Ближнем Востоке.

³¹ Phillip J. Baram, *The Department of State in the Middle East*, pp. 302–303.

Глава 2

Государственный департамент против возможности провозглашения еврейской государственности: начало эпохи Г. Трумэна и формирование позиции США по определению будущего Палестины, 1945–1947 гг.

В письме к Бернарду Джозефу (впоследствии он взял себе имя Дов Йосеф, под которым известен как многолетний депутат Кнессета и член нескольких правительств Государства Израиль), отправленном 14 апреля 1945 года, тогдашний глава Еврейского агентства, а позднее – многолетний глава правительства и министр обороны Израиля Давид Бен-Гурион (1886–1973) писал: «Уже третий день я не могу прийти в себя после смерти Рузвельта. Я знаю, что это большая потеря для Америки и для всего мира, но я опасаюсь того, что более всего эта трагедия отразится на нас. Я не думаю, что преемник Рузвельта значительно изменит основные направления его внешней и внутренней политики, однако, вне всякого сомнения, произойдут серьезные перемены в кругу личных советников президента. Даже в том случае, если какое-то время он продолжит работать с помощниками и советниками своего предшественника, я все же сомневаюсь в том, что, будучи уроженцем Среднего Запада (Миссури), новый президент поддерживает какие-либо контакты с евреями. Мне также трудно представить себе, что наши друзья в Вашингтоне сохранят свои прежние позиции и с новым президентом. Поэтому мне кажется, что американское общественное мнение становится теперь более важным фактором»³². Д. Бен-Гурион, будучи хорошо осведомленным в том, как строились взаимоотношения между лидерами еврейского национального движения и Белым домом во времена Ф.Д. Рузвель-

³² Письмо Д. Бен-Гуриона Б. Джозефу от 14 апреля 1945 года [на иврите] // Архив Партии Труда Израиля, Бейт-Берл.

та, опасался, что с началом правления Г. Трумэна влияние, которым обладали в Вашингтоне член Верховного суда Феликс Франкфуртер, советник президента Сэм Розенман и министр финансов Генри Моргентау, значительно ослабнет.

Несмотря на то что в целом опасения Д. Бен-Гуриона были логичными, не будучи лично знакомым с Гарри Трумэном (Harry Truman, 1884–1972) и практически ничего не зная о его прошлом в Канзас-Сити, будущий первый премьер-министр Израиля упускал из виду ряд важных деталей. Действительно, как и многие другие американцы, Г. Трумэн плохо понимал суть еврейского стремления к восстановлению утраченного еще в древности суверенитета в Палестине/Эрец-Исраэль и не мог ощущать солидарность с ним. Не будет преувеличением сказать, что это стремление представлялось ему религиозным анахронизмом, противоречившим американской политической концепции отделения религии от государства и религиозного плюрализма. При этом сам Г. Трумэн вырос в баптистской семье, и Библия занимала важное место в его воспитании.

Действительно, на Среднем Западе США в то время (да и поныне) евреев было немного, однако еще до Первой мировой войны в Канзас-Сити Г. Трумэн познакомился с молодым евреем по имени Эдди Джейкобсон (Edward Jacobson, 1891–1955). Позднее, во время Первой мировой войны, они служили в одной артиллерийской части, вместе управляя магазином для солдат; после демобилизации они совместно открыли магазин мужской одежды в Канзас-Сити. Магазин просуществовал вплоть до экономического спада 1921–1922 годов, вследствие которого обанкротился. После этого пути двух друзей разошлись: Г. Трумэн занялся политикой, которая, в конце концов, привела его в Вашингтон и в Белый дом, а Э. Джейкобсон сумел восстановить пострадавший от экономического кризиса бизнес и до конца своих дней владел магазином одежды. Тем не менее связи между ними не прерывались, и Г. Трумэн, который очень ценил Э. Джейкобсона, иногда встречался с ним и в 1930-е, и в 1940-е годы.

Став президентом, Г. Трумэн оставил в своем окружении двух сотрудников администрации Ф.Д. Рузвельта еврейского происхождения: Сэмюэла Розенмана, который – правда, сравнительно короткое время – оставался советником и спичрайтером нового президента, и Дэвида Найлса (David Niles, 1888–1952). И при Ф.Д. Рузвельте, и при Г. Трумэне уроженец Бостона Д.К. Найлс отвечал за поддержание связей президента с активистами Демократической партии и представителями общественных организаций, считая себя своего рода стражем, охранявшим Г. Трумэна от всевозможных заинтересованных представителей организаций гражданского общества, лидеры

которых все время стремились побудить президента принять те или иные лоббируемые ими решения.

После смерти Ф.Д. Рузвельта именно через Д.К. Найлса лидеры американских еврейских просионистских организаций немедленно попросили о встрече с новым президентом, чтобы обсудить с ним наиболее актуальную информацию о ситуации в Палестине/Эрец-Исраэль и ознакомиться с его позицией по поводу ее будущего. Уже 20 апреля 1945 года Гарри Трумэн принял делегацию Американского сионистского чрезвычайного комитета (The American Zionist Emergency Council) во главе с раввином Стивеном Вайзом. В ходе беседы Г. Трумэн выразил сочувствие сионистской идее и напомнил своим собеседникам (после того, как они сами заговорили об этом), что в 1944 году он участвовал в формулировке параграфа программы Демократической партии, касавшегося палестинского вопроса, а в 1942 году подписал просионистскую декларацию. Члены делегации также затронули положение людей, переживших Холокост, которые стремились добраться из Европы в Палестину/Эрец-Исраэль, но не могли получить от британских властей разрешения на въезд. Г. Трумэн ограничился фразой о том, что будет продолжать политику Ф.Д. Рузвельта по палестинскому вопросу³³. *В реальности, однако, никакой политики, кроме политики самоустранения и невмешательства, у администрации Ф.Д. Рузвельта в палестинском вопросе не было.*

Американский сионистский чрезвычайный комитет был создан в 1939 году. Постепенно, преодолевая многочисленные трудности и помехи, эта организация (ее основной офис находился в Нью-Йорке, а представительство — в Вашингтоне), ключевыми руководителями которой были Стивен Вайз, а начиная с 1943 года — также Абба-Хиллель Сильвер (Abba Hillel Silver, 1893–1963) и Эммануэль Ньюман (Emanuel Neumann, 1893–1980), превратилась в активную и более или менее влиятельную группу давления³⁴. Во времена правления Ф.Д. Рузвельта американские сторонники сионизма поддерживали более или менее тесные связи с руководством Демократической партии, так как большинство евреев были горячими сторонниками политики «нового курса». Однако с приходом в 1943 году в руководство американского сионистского движения реформистского раввина Аббы-Хиллеля Сильвера, симпатизировавшего Республиканской

³³ Об этой встрече ее участники рассказали на заседании Американского сионистского чрезвычайного комитета 23 апреля 1945 года; президент позднее упомянул о ней в своих воспоминаниях, см.: Harry S. Truman, *Memoirs*, vol. 1 (Garden City: Doubleday & Company, 1955), pp. 68–69.

³⁴ См.: Doreen Bierbrier, “The American Zionist Emergency Council” // *American Jewish Historical Quarterly*, no. 60 (September 1970), pp. 82–105.

партии, была выработана новая политическая тактика. В отличие от Стивена Вайза и Хаима Вейцмана, Абба-Хиллель Сильвер не был наделен располагающим к себе обаянием, вследствие чего и Ф.Д. Рузвельт, и Г. Трумэн относились к нему с раздражением³⁵; он, однако, был очень эффективен как политический лоббист. В соответствии с разработанной им стратегией голоса американских евреев на выборах должны были стать предметом конкуренции между двумя крупнейшими партиями страны. Новая линия принесла первый значительный успех летом 1944 года, когда Стивен Вайз и Абба-Хиллель Сильвер, используя свои связи, соответственно с демократами и республиканцами, добились включения просионистских пунктов в предвыборные программы обеих ведущих партий США! Обе программы фактически призывали к отмене политики Белой книги 1939 года, блокировавшей еврейскую иммиграцию в Палестину/Эрец-Исраэль (в конце 1930-х годов евреи составляли не многим более четверти от общего количества жителей подмандатной Палестины). В программе Демократической партии даже содержалось требование о создании в Палестине «демократического и свободного еврейского содружества» (в программе Республиканской партии было опущено слово «еврейского»)³⁶. Хотя предвыборные программы партий не имеют какой-либо обязывающей силы даже в тех случаях, когда эти партии выигрывают выборы и формируют правительство, апеллирование к ним усиливает позиции лоббистов, отстаивающих зафиксированные в этих программах подходы и ценности. После вступления Г. Трумэна на пост президента делегация Американского сионистского чрезвычайного комитета не преминула напомнить ему, что борется фактически за реализацию официальной программы Демократической партии.

Однако еще до этой встречи сотрудники Отдела Ближнего Востока Государственного департамента, которые регулярно получали информацию о планах и действиях просионистских организаций США, позаботились о том, чтобы государственный секретарь Эдуард Стеттиниус без промедления сообщил президенту о намерении тех, с кем он собирался встречаться, добиться от него заявления в поддержку свободы иммиграции в Палестину/Эрец-Исраэль и будущего создания там еврейского государства. Более того, государственный секретарь изложил новому президенту свое мнение о том, что из-за

³⁵ См.: Allis Radosh and Ronald Radosh, *A Safe Heaven. Harry S. Truman and the Founding of Israel* (New York: HarperCollins, 2009), p. 8.

³⁶ Zvi Ganin, *The Diplomacy of the Weak: American Zionist Leadership during the Truman Era, 1945–1948*. Ph.D. Dissertation (Brandeis University, 1974), p. 31.

сложности проблемы желательно, чтобы прежде чем обнародовать какую-либо декларацию по данной теме, Г. Трумэн ознакомился бы с соответствующими материалами Государственного департамента. Э. Стеттиниус также подчеркнул, что напряженная ситуация на Ближнем Востоке в значительной мере связана с палестинской проблемой и что у Соединенных Штатов есть в этом регионе жизненно важные интересы, вследствие чего к этому вопросу необходимо подходить с очень большой долей осторожности и «с учетом долгосрочных интересов США»³⁷.

1 мая 1945 года заместитель государственного секретаря Джозеф С. Грю (Joseph Clark Grew, 1880–1965) предостерег Г. Трумэна от занятия просионистских позиций, а также постарался разъяснить президенту смысл политики «всесторонних консультаций» его предшественника. Он довел до сведения нового президента обязательство, данное Ф.Д. Рузвельтом Ибн Сауду во время их встречи на борту американского крейсера «Куинси» на Большом Горьком озере в центре Суэцкого канала 14 февраля 1945 года, согласно которому он «не предпримет никакого враждебного арабам шага» в связи с палестинской проблемой и «не будет поддерживать евреев против арабов». Более того, он также сообщил Г. Трумэну о том, что в беседе с сотрудником Государственного департамента незадолго до своей кончины Ф.Д. Рузвельт сказал, что, по его мнению, «еврейское государство в Палестине (создание которого является целью сионистов) сможет возникнуть и существовать лишь при помощи военной силы»³⁸.

В отличие от Гарри Трумэна, получившего от руководителей Госдепартамента исчерпывающую информацию по данному вопросу, встречавшиеся с ним лидеры еврейских общинных организаций США ничего не знали о сохранявшихся в тайне обещаниях, данных Ф.Д. Рузвельтом Ибн Сауду, и были рады заверению нового президента продолжить политику своего предшественника. Напротив, сотрудники Государственного департамента в переписке между собой не скрывали цинизма американской политики. Один из влиятельных кадровых сотрудников Государственного департамента Гордон П. Мерриам (Gordon P. Merriam, 1899–1999) в письме Уоллесу Мюррею отмечал: «Мы знаем, что у президента Рузвельта было два вида политики в палестинском вопросе. Для того чтобы президент [Трумэн] познакомился с “арабской” политикой Рузвельта по данной пробле-

³⁷ Письмо Э. Стеттиниуса Г. Трумэну от 18 апреля 1945 года воспроизведено в антологии *Foreign Relations of the United States, 1945, Vol. VIII, pp. 704–705.*

³⁸ Письмо Дж. Грю Г. Трумэну от 1 мая 1945 года воспроизведено в антологии *Foreign Relations of the United States, 1945, Vol. VIII, pp. 705–706.*

ме, мы послали ему копию протокола беседы [между Рузвельтом и Ибн Саудом] на Горьком озере [14 февраля 1945 года], а также воспользовались еще одной возможностью, чтобы проинформировать президента в данной области. ... У меня сложилось впечатление, что поскольку Трумэн является честным человеком и осознает теперь все трудности и опасности, то в будущем мы услышим гораздо меньше заявлений о палестинском вопросе, за исключением тех случаев, когда нужно будет сказать нечто очень важное и ценное»³⁹. *Сотрудники Государственного департамента осознавали, что после окончания войны в Европе сионистские лидеры и их сторонники предпримут все усилия для того, чтобы добиться свободы массовой еврейской иммиграции в Палестину/Эрец-Исраэль, лоббируя как в Лондоне, так и в Вашингтоне решение о создании еврейского государства. В Государственном департаменте старались предотвратить подобное развитие событий, настраивая президента отклонить подобные обращения еще до того, как они были высказаны.*

Г. Трумэн рассматривал капитуляцию Германии перед союзными армиями 8 мая 1945 года как завершение первой стадии Второй мировой войны. Теперь Соединенным Штатам предстояло сконцентрировать все свои военные усилия на войне против Японии. Ожидалось, что она будет продолжительной, жестокой и кровопролитной. Одновременно с этим среди союзников по антигитлеровской коалиции обозначились серьезные разногласия в отношении мирного урегулирования в Европе. Закулисное противостояние между Вашингтоном и Москвой по вопросу о реализации Ялтинских соглашений (в первую очередь по Польше и Германии) принимало все более серьезный характер.

Успешные испытания атомной бомбы, проведенные 16 июля 1945 года, поставили Гарри Трумэна перед необходимостью принять, пожалуй, самое судьбоносное решение за весь период его правления — о применении атомной бомбы в войне против Японии. При всей чрезвычайной сложности этого вопроса он был отнюдь не единственным, требовавшим принятия решения президентом США. Очевидно, что в то время Палестина и ее будущее занимали очень скромное место в иерархии приоритетов Г. Трумэна. Президент, озабоченный войной против Японии и ухудшением отношений с Советским Союзом, с подачи Государственного департамента возражал против участия США в урегулировании палестинской проблемы. Г. Трумэн полагал, что этим должна заняться недавно созданная Организация

³⁹ Письмо Г. Мерриам У. Мюррею от 15 июня 1945 года // Архив Государственного департамента США; курсив добавлен.

Объединенных Наций⁴⁰. Следуя курсу Ф.Д. Рузвельта, его бывший вице-президент и политический наследник продолжал в отношении Палестины/Эрец-Исраэль курс, центральным положением которого было отсутствие какого-либо курса — при этом давая понять всем заинтересованным сторонам, как арабам, так и сионистским лидерам и их сторонникам, что они могут рассчитывать на поддержку их чаяний Соединенными Штатами.

17 апреля 1945 года, спустя пять дней после вступления Г. Трумэна на пост президента, Уоллес Мюррей завершил свою многолетнюю службу в качестве руководителя Отдела Ближнего Востока Государственного департамента, получив назначение на пост посла США в Иране, а его место во главе отдела занял Лой У. Гендерсон (Loy W. Henderson, 1892–1986), до этого работавший представителем США в Ираке. За два года своего пребывания на посту консула в Багдаде у Л. Гендерсона сложилось четкое представление о категорическом неприятии сионизма иракской элитой. В своих телеграммах из Багдада он предупреждал о том, что просионистские заявления Рузвельта способны оттолкнуть Ирак и другие арабские страны от США. Позицию, многократно изложенную им в ряде своих телеграмм в Государственный департамент, он обосновывал следующим образом:

«Читатели моих телеграмм ... могут подумать, что я фанатичный антисионист. Я лишь могу сказать, что вмешательство США в палестинскую проблему на стороне сионистов, на мой взгляд, отрицательно повлияет на наши взаимоотношения с Ираком во всех областях. Я не имею намерения поддерживать ту или иную сторону в палестинском конфликте. Я пытаюсь сделать лишь одну вещь: честно довести до сведения моего правительства последствия, которыми может обернуться в этом регионе поддержка сионистской идеи. Если [Вашингтон] решит оказать эту поддержку и я получу соответствующие указания, то я, разумеется, постараюсь всеми доступными мне путями смягчить [последствия] этого удара для Ирака. Сделать это будет нелегко, однако мне уже приходилось выполнять похожие задания в других странах»⁴¹.

⁴⁰ См.: Harry S. Truman, *Memoirs*, vol. 2, p. 140. Об этом Г. Трумэн говорил, в частности, на встрече с американскими дипломатами 10 ноября 1945 года.

⁴¹ Письмо Л. Гендерсона У. Мюррею от 4 ноября 1944 г. воспроизведено в антологии *Foreign Relations of the United States, 1944*, vol. V, p. 631. Упомянув о выполнении «похожих заданий в других странах», Л. Гендерсон, по всей видимости, имеет в виду свою работу в качестве представителя США в Советском Союзе. Несмотря на глубоко укорененные антикоммунистические взгляды Л. Гендерсона, он выполнял все распоряжения Государственного департамента, касавшиеся поддержания доверительных отношений с совет-

Как и у многих других американских дипломатов в регионе, антисионистская позиция Л. Гендерсона сформировалась уже в самом начале его деятельности на Ближнем Востоке под воздействием глубокой враждебности арабов к сионизму, с которой он столкнулся и во время своего пребывания в Ираке, и в ходе визитов в другие арабские страны, в частности, в Саудовскую Аравию, с королем которой он встречался лично. Подобно почти всем своим коллегам по Государственному департаменту, Л. Гендерсон считал, что сионистские устремления несут в себе опасность возникновения в регионе вспышек конфликтов и ставят под удар лояльность арабов странам Запада. *Возглавив почти одновременно с приходом к власти Гарри Трумэна Отдел Ближнего Востока Государственного департамента США, Лой Гендерсон продолжал курс своего предшественника Уоллеса Мюррея, направленный на предотвращение возможности провозглашения еврейской государственности в Палестине/Эрец-Исраэль.*

Не только Государственный департамент, но и командование вооруженными силами США, руководствуясь различными соображениями и с разной степенью решительности, возражало против уступок сионистским чаяниям. Командование армии и флота, а также адмирал Уильям Д. Лихи (William Daniel Leahy, 1875–1959), многолетний военный секретарь президентов Ф.Д. Рузвельта и Г. Трумэна, обычно поддерживали позицию Государственного департамента в этом вопросе. На их взгляды также оказали влияние тесные контакты с британскими военными, сложившиеся у них в годы войны и продолженные после ее окончания. Вместе с тем большинство из них не проявляли какого-либо особого интереса к палестинской проблеме, которая считалась в целом второстепенной с военной и политической точек зрения. Исключение в этой группе составлял талантливый и энергичный морской министр (а с 1947 года – министр обороны) Джеймс Форрестол (James Forrestal, 1892–1949), выделявшийся ярко выраженной антисионистской позицией. В качестве морского министра Дж. Форрестол уделял особое внимание обеспечению горючим огромного военно-морского флота США. Он был встревожен объемами потребления топлива в США, которое приводило к быстрому истощению запасов нефти на территории страны. В июле 1945 года Дж. Форрестол пожаловался новому государственному секретарю Джеймсу Бирнсу (James F. Byrnes, 1882–1972) на то, «что мы уже вложили и продолжаем вкладывать сегодня миллионы долларов в Саудовскую Аравию, но все дивиденды получает Британия, а не мы».

ским руководством в период, когда обе страны были союзницами по антигитлеровской коалиции.

В своем дневнике Дж. Форрестол писал: «Я сообщил ему, что согласно оценке специалистов по нефти, которым я доверяю, Саудовская Аравия является одной из трех последних [нефтяных] луж в мире. Две другие находятся на Кавказе в России и в Карибском море...»⁴² Отношение Дж. Форрестола к палестинской проблеме было непосредственно связано со значением, которое он придавал саудовской нефти для обеспечения военной и экономической гегемонии США, а также с его опасениями перед советским проникновением в регион. Как отмечал израильский историк Цви Ганин,

«Дж. Форрестол не ограничивался публичным высказыванием своих воззрений на вопросы внешней и военной политики. Подобно Лою Гендерсону, его характеризовало почти мессианское чувство собственной правоты и необходимости добиваться ее признания. Именно это заставило его вести “крестовый поход”, чтобы гарантировать поддержку Белым домом его антиссионистской позиции, в сотрудничестве с Лоем Гендерсоном и другими руководителями Государственного департамента, разделявшими его взгляды»⁴³.

При этом военно-политический истеблишмент в Вашингтоне не придавал какого-либо значения еврейской общине Палестины/Эрец-Исраэль и не считал ее каким-либо форпостом, значимым для обеспечения американских интересов в регионе с политической, экономической или военной точек зрения. Зачем США нужна система конструктивного взаимодействия с Ираном, Ираком и Саудовской Аравией, американские дипломаты и военные понимали хорошо; однако никакой пользы для США в поддержке борьбы за еврейскую государственность в Палестине/Эрец-Исраэль они не видели. Американские сторонники сионизма (Д. Бен-Гурион, хоть и провел в США почти весь 1943 год, не мог тогда и мечтать о том, чтобы быть принятым президентом или вице-президентом США) стремились заручиться поддержкой Г. Трумэна и его администрации в деле создания еврейского государства и свободы иммиграции в Палестину/Эрец-Исраэль и надеялись добиться американского давления на Лондон для достижения этих целей. Государственный департамент категорически возражал против этого и делал все возможное, чтобы не допустить вмешательства США в палестинские события; такой была и первоначальная позиция нового президента. Просионистские

⁴² *The Forrestal Diaries*, ed. by Walter Mills (New York: Viking Press, 1951), p. 81.

⁴³ Zvi Ganin, *Truman, American Jewry and Israel*.

активисты еврейских организаций США стремились к изменению существующего положения дел, а Государственный департамент, наоборот, добивался сохранения статус-кво, возражая против любого решения палестинской проблемы, которое не будет приемлемым для арабов.

* * *

6 апреля 1945 года, за несколько дней до того, как Г. Трумэн занял пост президента США, Хаим Вейцман, бывший тогда главой Всемирной сионистской организации, получил подробный отчет о положении евреев Европы, выживших, несмотря на усилия нацистов по «окончательному решению еврейского вопроса». В документе, переданном Х. Вейцману, говорилось, что приблизительно миллиону двумстам пятидесяти тысячам евреев удалось выжить на территории Европы (в это число также входили беженцы в странах антигитлеровской коалиции и нейтральных государствах). Наиболее значительные их группы составляли евреи Румынии (около трехсот тысяч) и еврейские беженцы из Польши, нашедшие укрытие на территории Советского Союза (около четверти миллиона человек). Материальное положение и физическое состояние перемещенных лиц было очень тяжелым. В большинстве государств, недавно освобожденных от немецкой оккупации, антисемитизм принял угрожающие размеры, а в ряде мест в Польше даже произошли еврейские погромы. В то же самое время иммиграция перемещенных лиц в Палестину/Эрец-Исраэль не представлялась возможной из-за ограничений, наложенных Белой книгой 1939 года. В отчете содержалось предостережение о том, что «положение в освобожденных странах требует от нас совершенно нового подхода к проблеме иммиграции, если мы хотим предотвратить новую Катастрофу»⁴⁴.

Вслед за капитуляцией нацистской Германии в центре Европы обнаружили тысячи дополнительных беженцев, евреев и неевреев, в их числе уцелевшие узники лагерей смерти. Вскоре к ним прибавились волны еврейских беженцев из Восточной Европы. Бремя заботы о десятках тысяч перемещенных лиц, включая снабжение их пищей и жильем, в основном пало на плечи американской армии, которой внезапно и без какой-либо предварительной подготовки пришлось заниматься этой проблемой. С точки зрения американских военных властей в Германии и Австрии, еврейские беженцы не составляли особой категории и обладали теми же самыми правами, что

⁴⁴ Отчет Лео Коэна Хаиму Вейцману, 6 апреля 1945 года // Центральный сионистский архив, Иерусалим.

и тысячи других перемещенных лиц разных национальностей. Руководители же еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль видели в перемещенных лицах не только свидетельство ужасной еврейской трагедии, но и своего рода «резервуар» человеческих ресурсов. Иммиграция этих людей в Палестину/Эрец-Исраэль практически сразу же изменила бы демографическое соотношение между евреями и арабами, превратив первых в национально-религиозное большинство, а вторых — в национальное меньшинство.

При этом лидерам еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль не было очевидно, каким образом следует связать проблему переселения еврейских беженцев, не желавших возвращаться в страны, где были уничтожены их близкие, с проектом создания еврейского «национального очага» на Ближнем Востоке; не очень представляли они и то, как убедить главнокомандующего союзными армиями в Европе генерала Дуайта Эйзенхауэра (Dwight D. Eisenhower, 1890–1969), его помощников и самого президента Г. Трумэна в том, что проблема еврейских перемещенных лиц носит исключительный характер и что ее правильным решением является их переселение в Палестину/Эрец-Исраэль.

Возглавляемое Д. Бен-Гурионом Еврейское агентство затронуло проблему перемещенных лиц в ходе своих контактов с главой британской мандатной администрации в Палестине, обратившись к нему 18 июня 1945 года с просьбой разрешить немедленную иммиграцию ста тысяч беженцев (включая двадцать пять тысяч детей), для которых была подготовлена программа абсорбции в стране. В свете ограничений, введенных Белой книгой 1939 года, такая просьба носила, разумеется, фантастический характер, и британские власти даже не потрудились дать на нее ответ. Однако, начиная с июня 1945 года и далее, требование разрешить иммиграцию в Палестину/Эрец-Исраэль ста тысяч европейских евреев, переживших Холокост, стало основным лозунгом как Еврейского агентства, так и просионистских организаций на Западе.

По инициативе Хаима Вейцмана его верный помощник, представитель Всемирной сионистской организации в США Меир Вейсгал (Meyer Weisgal, 1894–1977) попросил министра финансов Генри Моргентау обратиться в Государственный департамент с просьбой провести расследование положения еврейских перемещенных лиц в Европе. Предложение было принято, и 21 июня 1945 года эта задача была возложена на Эрла Г. Харрисона (Earl Grant Harrison, 1899–1955), бывшего уполномоченного по делам иммиграции и декана юридического факультета Университета Пенсильвании. В постановлении о его назначении говорилось, что ему предстоит «изучить

потребности [перемещенных лиц], не имеющих подданства, и [таких], которые не могут вернуться в бывшие страны своего исхода, прежде всего, евреев ... а также предстоит выяснить взгляды беженцев на будущие места их проживания»⁴⁵. Г. Трумэн немедленно утвердил ознакомительную поездку Э. Харрисона в лагеря перемещенных лиц, однако на этом этапе в постановлении о его назначении слово «Палестина» вообще не упоминалось. Это не было случайностью, поскольку, согласно концепции Государственного департамента, не существовало никакой связи между проблемой еврейских беженцев и палестинским вопросом.

Перед отъездом Э. Харрисона в Европу М. Вейсгал провел с ним продолжительную беседу, попросив его встретиться в Лондоне с Х. Вейцманом⁴⁶. В ходе поездки Э. Харрисона по лагерям перемещенных лиц его сопровождал руководитель европейского бюро Американского еврейского объединенного распределительного комитета (известного по одному из слов своего названия как «Джойнт») д-р Джозеф Шварц (Joseph Schwartz, 1899–1975)⁴⁷. Не имея возможности повлиять на жесткую антиссионистскую позицию Государственного департамента, сторонники идеи возрождения еврейской государственности в Палестине / Эрец-Исраэль пытались воздействовать на тех американских представителей, которые готовы были их слушать.

Тем временем появились первые сведения о предстоящей встрече руководителей стран антигитлеровской коалиции – Г. Трумэна, У. Черчилля и И.В. Сталина – летом 1945 года в немецком городе Потсдам недалеко от Берлина. Руководство американских просионистских организаций начало энергичную кампанию с целью добиться от президента Гарри Трумэна обещания затронуть палестинскую проблему в ходе его бесед с Уинстоном Черчиллем (Winston Churchill, 1874–1965), чтобы получить согласие премьер-министра Великобритании на возобновление еврейской иммиграции. Сенатор от штата Нью-Йорк Р. Вагнер, которого удалось убедить поддержать эти требования, лично обратился по этому поводу к Г. Трумэну и государственному секретарю Дж. Бирнсу 3 июля 1945 года, незадолго до их отъезда на Потсдамскую конференцию.

Верный своему антиссионистскому курсу Государственный департамент, в свою очередь, посоветовал Г. Трумэну не затрагивать

⁴⁵ Письмо заместителя государственного секретаря Дж. Грю президенту Г. Трумэну от 21 июня 1945 г. // Harry S. Truman Library and Archive.

⁴⁶ Телеграмма М. Вейсгала Х. Вейцману об этом была отправлена 25 июня 1945 года.

⁴⁷ Judah Nadich, *Eisenhower and the Jews* (New York: Twayne Publishers, 1953), p. 34.

взрывоопасный палестинский вопрос в его беседах с У. Черчиллем, поскольку любое решение по нему приведет к актам насилия с той или иной стороны. Руководители Государственного департамента считали, что наиболее правильным будет продолжить традиционную политику, согласно которой палестинская проблема находится в исключительном ведении Британии.

В конечном итоге палестинская проблема не вошла в формальную повестку дня Потсдамской конференции. В то же время в ходе конференции, которая продолжалась с 17 июля по 2 августа, Г. Трумэн направил У. Черчиллю короткий, но чрезвычайно важный меморандум, в котором подчеркивался значительный интерес к палестинской проблеме со стороны американского общественного мнения, отмечался факт беспрецедентных страданий евреев во время Второй мировой войны и указывалось о стремлении многих еврейских беженцев попасть в Палестину. Г. Трумэн, в частности, писал:

«Зная Ваш глубокий и сочувственный интерес к заселению Палестины евреями, я взял на себя смелость выразить надежду на то, что британское правительство посчитает возможным предпринять незамедлительные шаги по устранению ограничений на иммиграцию в Палестину, содержащихся в Белой книге»⁴⁸.

Фраза Г. Трумэна о «глубоком и сочувственном интересе» У. Черчилля «к заселению Палестины евреями» едва ли соответствовала действительности. Отношение У. Черчилля, занимавшего на протяжении многих лет высшие государственные посты (министра вооружений, первого лорда Адмиралтейства, министра колоний и дважды — премьер-министра), к евреям и сионизму представляет собой достаточно сложное переплетение его личных взглядов как человека и его интересов как политика. С одной стороны, романтизация прошлого, стремление исправить несправедливость истории, определенные религиозные убеждения — все это способствовало формированию положительного отношения У. Черчилля к евреям. Испытавший влияние Бенджамина Дизраэли (Benjamin Disraeli, 1804–1881), он был убежден, что евреи — великая нация, которая внесла огромный вклад в становление и развитие западной цивилизации в целом. Так, выступая в 1921 году в Иерусалиме, У. Черчилль заявил, что «мы обязаны евреям системой этики, на которой выстроена вся

⁴⁸ Меморандум, переданный Г. Трумэном У. Черчиллю, был опубликован в сборнике документов *Foreign Relations of the United States. The Conference of Berlin, 1945*, vol. II, p. 1402.

наша христианская цивилизация». С другой стороны, отношение Черчилля-политика к евреям и к сионизму как национальному движению было значительно сложнее. Оно было весьма дружественным в 1930-е годы, когда он находился в оппозиции и не занимал никаких постов в органах исполнительной власти⁴⁹, и становилось холодным, чтобы не сказать враждебным, когда У. Черчилль должен был принимать решения от имени государства, занимая посты министра колоний и министра финансов в 1920-е годы и премьер-министра — в первой половине 1940-х годов. В феврале 1922 года, будучи министром колоний, не советуясь и даже не ставя в известность деятелей сионистского движения, У. Черчилль принял решение разделить Палестину на две части: три четверти территории отходило эмиру Абдалле (1882–1951) и становилось Трансиорданией, которая выводилась из-под действия Декларации Бальфура, и лишь оставшаяся четверть оставалась собственно Палестиной, мандат на которую был постфактум утвержден Лигой Наций только полгода спустя, в июле того же года. В июне 1922 года именно У. Черчилль опубликовал первую так называемую Белую книгу, которая ограничивала иммиграцию евреев в Палестину/Эрец-Исраэль ее «экономическими возможностями» по приему новых мигрантов, при этом мандатные власти не брали на себя никаких обязательств по экономическому развитию страны, чтобы эти «возможности» становились шире. Хотя обнародованную в мае 1939 года Белую книгу Р. Макдональда, накладывавшую жесткие ограничения на еврейскую иммиграцию в Палестину/Эрец-Исраэль, У. Черчилль назвал ни много ни мало «вторым Мюнхеном», а восстановление еврейской иммиграции — «важнейшей гуманитарной задачей»⁵⁰, во время Второй мировой войны У. Черчилль, бывший главой правительства Великобритании, не сделал практически ничего для спасения европейских евреев и не отменил Белую книгу, закрывшую перед искавшими спасения беженцами, спасавшимися от гитлеровских лагерей смерти, ворота их «национального дома». Убийство 6 ноября 1944 года активистами сионистской подпольной организации ЛЕХИ друга У. Черчилля, министра колоний Уолтера Эдварда Гиннеса (Walter Edward Guinness, 1880–1944), коего борцы за еврейскую государственность считали одним из главных ответственных за трагедию, переживаемую в то время еврейским наро-

⁴⁹ О том, насколько просионистским было важнейшее выступление У. Черчилля перед Королевской комиссией по Палестине во главе с лордом Пилем в 1937 году, см.: Martin Gilbert, *Churchill and the Jews* (London: Henry Holt and Co., 2007), pp. 110–120.

⁵⁰ Michael Makovsky, *Churchill's Promised Land*, p. 167.

дом, еще более отдалило, чтобы не сказать отвратило, премьер-министра Великобритании от сионизма.

На выборах, состоявшихся в Великобритании в июле 1945 года, Консервативная партия во главе с У. Черчиллем потерпела поражение, и его место у стола заседаний в Потсдаме занял новый премьер-министр Клемент Эттли (Clement Richard Attlee, 1883–1967). Он ответил Г. Трумэну, что Лондон «все еще не выработал окончательной политики по вопросу о Палестине» и что его меморандум будет изучен «с большой тщательностью». Никаких конкретных обязательств новый глава британского правительства на себя не взял. У. Черчилль же рекомендовал К. Эттли вообще отказаться от мандата на Палестину и от каких-либо обещаний, данных сионистскому движению. Поскольку мандат был получен «от исчезнувшей Лиги Наций, Британия более не должна защищать палестинских евреев и не несет за них более никакой ответственности», — утверждал он⁵¹.

Э. Харрисон подал свой первый отчет как раз тогда, когда закончилась Потсдамская конференция. 3 августа 1945 года начальник штаба сухопутных войск США генерал Джордж К. Маршалл (George Catlett Marshall, 1880–1959), получивший его, телеграфировал его основные выводы генералу Д. Эйзенхауэру. В них содержались серьезные обвинения в адрес американских военных властей в Германии, которые отказывались «признать евреев отдельной категорией беженцев ... хотя, согласно всеобщему мнению, они пострадали больше всех». Помимо этого, в отчете критиковались тяжелые жилищные условия еврейских перемещенных лиц. Вмешательство генерала Дж. Маршалла и военного министерства в Вашингтоне заставило генерала Д. Эйзенхауэра немедленно предпринять меры по улучшению условий жизни еврейских беженцев.

Свой заключительный десятистраничный отчет Э. Харрисон представил президенту Г. Трумэну 21 августа 1945 года. Э. Харрисон описывал страдания евреев во время Холокоста и их тяжелейшие жилищные условия в лагерях для перемещенных лиц. Однако главная часть отчета была посвящена поиску убежища для бездомных еврейских беженцев. Вывод Э. Харрисона состоял в том, что таким убежищем должна стать Палестина. В своем отчете он упомянул и требование Еврейского агентства о немедленной иммиграции туда ста тысяч перемещенных лиц. Э. Харрисон объяснил, что выполнение этого требования «будет способствовать достойному разрешению проблемы будущего евреев, которые все еще [находятся] на территории Германии и Австрии, а также других еврейских беженцев, ко-

⁵¹ Michael Makovsky, *Churchill's Promised Land*, p. 232.

торые не хотят ни оставаться там, ни возвращаться в страны своего исхода».

31 августа Г. Трумэн переслал отчет Э. Харрисона новому премьер-министру Великобритании К. Эттли, приложив к нему собственное сопроводительное послание. Президент подчеркнул рекомендацию Э. Харрисона о срочном предоставлении разрешения на иммиграцию в Палестину ста тысяч беженцев и остановился на ужасах, пережитых ими в концентрационных лагерях. «Как я уже говорил Вам в Потсдаме, весь американский народ полагает, что не следует закрывать врата иммиграции в Палестину», — писал Г. Трумэн⁵².

Послание президента было отправлено адресату без ведома Государственного департамента, что вызвало там резкое недовольство. Бывший тогда заместителем государственного секретаря Дин Ачесон (Dean Acheson, 1893–1971) неоднократно напоминал президенту, что эта инициатива нарушает данное арабам обещание проконсультироваться с ними перед принятием любых решений, способных изменить «существующее положение дел» в Палестине. Д. Ачесон утверждал, что предложение Г. Трумэна означает «ликвидацию краеугольного камня политики Белой книги и что его последствия для взаимоотношений США с арабскими государствами могут носить катастрофический характер»⁵³. Сотрудники внешнеполитического ведомства США считали, что ответственность за происходящее в Палестине должна и дальше нести Британия, не говоря уже о том, что они серьезно опасались отрицательной арабской реакции на заявление Г. Трумэна по поводу «ста тысяч» еврейских иммигрантов в Палестину/Эрец-Исраэль.

Эти опасения разделял и глава правительства Великобритании, который ответил на послание Г. Трумэна 16 сентября 1945 года — и этот ответ не только имел ярко выраженный антиссионистский характер, но и представлял собой вопиющее игнорирование реалий Холокоста. Во-первых, К. Эттли подчеркивал тот факт, что не только евреи являются перемещенными лицами, и что их положение якобы ничем не отличается от положения других перемещенных лиц. Во-вторых, К. Эттли напоминал Г. Трумэну о том, что У. Черчилль и Ф.Д. Рузвельт (а также и сам Г. Трумэн) обещали проконсультироваться с арабами перед принятием каких-либо решений по Палестине.

⁵² Письмо Г. Трумэна К. Эттли от 31 августа 1945 года опубликовано в антологии *Foreign Relations of the United States, 1945, vol. VIII, pp. 737–739.*

⁵³ См., например, меморандум Д. Ачесона Г. Трумэну от 2 октября 1945 года, опубликованный в антологии *Foreign Relations of the United States, 1945, vol. VIII, pp. 753–755.*

К. Эттли предупреждал, что нарушение этого обещания может «разжечь пожар на всем Ближнем Востоке», причем, по его словам (последующий ход истории показал ошибочность этого прогноза), огонь быстро распространится и на девяносто миллионов мусульман в Индии. К. Эттли подчеркивал, что за поддержание стабильности в регионе отвечает Британия и что она может первой пострадать от инициативы Г. Трумэна. Премьер-министр указывал на то, что изменение существующего положения совершенно невозможно до тех пор, пока правительство Великобритании не выработает свою долгосрочную политику в этом вопросе, информацию о которой он обещал донести до президента США в полном объеме⁵⁴.

Получив ответ К. Эттли, Г. Трумэн немедленно сообщил премьер-министру Великобритании о своем решении отложить любые шаги по данному вопросу вплоть до возвращения государственного секретаря Дж. Бирнса с конференции министров иностранных дел в Лондоне⁵⁵. Нужно сказать, что сам Г. Трумэн в тот момент — и еще достаточно долго впоследствии — не имел внятной позиции по палестинскому вопросу, о чем свидетельствовало, например, его чрезвычайно противоречивое заявление, сделанное на пресс-конференции 16 августа 1945 года. По словам президента,

«американская позиция по вопросу о Палестине такова: мы хотим, чтобы как можно больше еврейских беженцев въехало в эту страну. Тогда проблема с арабами и британцами разрешится дипломатическим путем, и если окажется возможным создать там государство, то оно будет создано мирным путем. У меня нет никакого желания посылать туда пятьсот тысяч американских солдат в качестве миротворцев»⁵⁶.

Президент говорил о еврейских беженцах, которым должна была быть дана возможность въехать в Палестину/Эрец-Исраэль, но, упоминая государство, он не назвал его еврейским — какое именно государство он имел в виду, двунациональное, еврейско-арабское или все же еврейское и в каких границах? Каким именно образом то или иное государство, по мнению президента, могло быть создано, что означали в этой связи слова «если окажется возможным»? Значило ли это, что президент США надеялся, что арабы согласятся на

⁵⁴ Телеграмма К. Эттли Г. Трумэну от 16 сентября 1945 года опубликована в антологии *Foreign Relations of the United States, 1945, vol. VIII, pp. 740–741.*

⁵⁵ Телеграмма Г. Трумэна К. Эттли от 17 сентября 1945 года опубликована в антологии *Foreign Relations of the United States, 1945, vol. VIII, p. 741.*

⁵⁶ См.: Harry S. Truman, *Memoirs*, vol. 2, p. 136.

это — или что Великобритания, осуществлявшая в то время властные полномочия в Палестине/Эрец-Исраэль, сможет навязать это решение? Откуда взялось представление о столь громадном требуемом миротворческом контингенте в полмиллиона солдат, и значило ли это, что президент был в принципе готов делегировать туда миротворческий контингент, но существенно меньшей численности? Случайной оговоркой это число не было: о пятистах тысячах солдат, якобы необходимых для защиты еврейского государства в Палестине, Г. Трумэн писал и сенатору Джозефу Боллу (Josef Hurst Ball, 1905–1993) спустя три месяца, в конце ноября 1945 года:

«Я прямо говорю евреям, что, если они готовы предоставить мне пятьсот тысяч солдат для ведения войны с арабами, мы можем удовлетворить их желания, а иначе мы пока повременим с переговорами. Я не думаю, что Вы и другие члены Сената склонитесь к тому, чтобы послать полдюжины дивизий в Палестину для поддержания еврейского государства. Я пытаюсь превратить мир в безопасное место для евреев, но при этом не хочу идти войной на Палестину»⁵⁷.

Если Г. Трумэн считал такой контингент необходимым, но не хотел отправлять в Палестину/Эрец-Исраэль американские войска, был ли он готов к тому, чтобы его делегировала другая страна, или же к тому, чтобы это был международный контингент, частью которого могли бы стать американские войска? Как он предполагал — и как предлагал действовать другим заинтересованным сторонам — в случае, если бы создать государство мирным путем не получилось: считал ли он правильным в этой связи отступить от идеи еврейской государственности либо же был готов признать правомерность использования силы для реализации этой цели?

На все эти вопросы заявление Г. Трумэна ответов не давало, и едва ли сам президент в принципе на эти вопросы какие-то ответы имел. Президент чувствовал проблему, но не видел приемлемого пути ее решения, в целом будучи крайне скептически настроенным по отношению к идее о создании еврейского государства. 26 августа 1945 года, обсуждая вопрос о Палестине, Г. Трумэн объяснил, что, несмотря на свою поддержку идеи свободной иммиграции, он очень опасается того, что арабское сопротивление окажется слишком сильным, вследствие чего лучше позаботиться об улучшении положения евреев в Европе и тем самым «ослабить давление на Палестину». Кроме

⁵⁷ Телеграмма Г. Трумэна Дж. Боллу от 24 ноября 1945 года // President's Secretary's File, Harry S. Truman Library and Archive.

того, принимая 29 сентября 1945 года в Белом доме руководителей Американского сионистского чрезвычайного комитета Стивена Вайза и Аббу-Хиллеля Сильвера, Г. Трумэн сообщил, что принципиально возражает против идеи еврейского государства, так как считает его религиозным образованием, создание которого противоречит принципам американской политики. Президент также заявил, что он категорически против какого-либо американского вмешательства в происходящее в Палестине. Вместе с тем он выразил надежду на то, что его попытки добиться въезда ста тысяч евреев в Палестину принесут плоды. В письме же будущему первому послу США в Израиле Джеймсу Макдональду (James Grover McDonald, 1886–1964), отправленном 31 июля 1946 года, Г. Трумэн постулировал, что проблема Палестины «не имеет решения»... Насколько известно, на заседании правительства 30 июля 1946 года, разозленный растущей критикой со стороны американских евреев в свой адрес, Г. Трумэн даже воскликнул: «Иисус Христос, когда он был здесь, на Земле, не смог удовлетворить их. Так кто может ожидать, что мне это удастся лучше, чем Ему?!»⁵⁸

Руководители Государственного департамента оставались верны своей антиссионистской линии. После того как в декабре 1945 года обеими палатами Конгресса была наконец принята резолюция, призывавшая правительство Соединенных Штатов предпринять действия, необходимые для обеспечения свободы еврейской иммиграции в Палестину, 5 января 1946 года государственный секретарь Дж. Бирнс направил телеграмму консулу США в Саудовской Аравии, уполномочивая его заверить короля Ибн Сауда в том, что «эта резолюция ни в коей мере не является обязательной для администрации»⁵⁹.

Тем временем новое британское лейбористское правительство, и в особенности новый министр иностранных дел Эрнст Бевин (Ernest Bevin, 1881–1951) и сотрудники возглавляемого им ведомства, начали планомерный анализ палестинской проблемы и возможных политико-стратегических последствий развития событий по каждому из возможных сценариев. С этой целью Э. Бевин вызвал в Лондон для консультаций послов Великобритании в странах Ближнего Востока, включая и главу мандатной администрации в Палестине. В октябре 1945 года Э. Бевин сформулировал несколько основных принципов новой британской политики в Палестине, один из которых состоял

⁵⁸ Цит. в статье: Николай Злобин, «Белый дом и создание Государства Израиль» // *Континент*, №111 (2002), стр. 275–287.

⁵⁹ Телеграмма государственного секретаря консулу в Саудовской Аравии от 5 января 1946 года включена в антологию *Foreign Relations of the United States*, 1945, vol. VIII, p. 844 (сноска 67).

в том, что США должны стать соучастниками в решении палестинской проблемы в долгосрочной перспективе. Британские руководители считали несправедливым, что представители США могли как угодно критиковать британскую политику (так, отчет Э. Харрисона представлялся Э. Беvinу неточным и тенденциозным документом, цель которого заключалась в оказании давления на Британию), но сами не несли никакой ответственности за происходящее. Как справедливо указывал заместитель государственного секретаря Дин Ачесон, позиция президента Г. Трумэна была очень двойственной: «...во-первых, немедленная эмиграция в Палестину ста тысяч перемещенных евреев из Восточной Европы; во-вторых, полное неприятие политической или военной ответственности за это решение»⁶⁰. Когда на Потсдамской конференции премьер-министр Великобритании заявил, что будет рад, если Соединенные Штаты пожелают заменить Англию в качестве главной силы в Палестине, Г. Трумэн быстро ответил: «Спасибо, не надо»⁶¹. Э. Бевин пришел к выводу о том, что необходимо добиваться участия США в процессах, происходящих в Палестине. При этом сам он правильным решением проблемы в перспективе считал не раздел Палестины/Эрец-Исраэль на еврейское и арабское государства (как предлагала еще в 1937 году Королевская комиссия), а устройство в ней федерации, что, по его мнению, должно было понравиться американским руководителям. При этом Э. Бевин не только полагал, что требования перемещенных лиц об иммиграции в Палестину уменьшатся после восстановления Европы, которая станет для евреев гораздо более привлекательным местом жительства, чем Палестина, но и считал правильным продолжение иммиграционной политики в соответствии с Белой книгой 1939 года, настаивая на том, что проблему перемещенных лиц в Европе и проблему Палестины нужно рассматривать по отдельности. Э. Бевин полагал, что рост значения арабской нефти для экономики США, с одной стороны, и нежелание втягиваться в еще один потенциальный вооруженный конфликт спустя несколько месяцев после окончания самой кровопролитной войны в мировой истории, с другой – побудят президента Г. Трумэна к согласию с британской позицией по проблеме Палестины. Предлагая создать совместную англо-американскую комиссию по данному вопросу, Э. Бевин надеялся, что она станет инструментом одобрения проводимого под его руководством жесткого антиссионистского курса. С августа 1945 по май 1948 года в

⁶⁰ Dean Acheson, *Present at the Creation: My Years in the State Department* (New York: Norton, 1969), p. 170.

⁶¹ Harry S. Truman, *Memoirs*, Vol. 1, p. 379.

Палестину/Эрец-Исраэль прибыли 64 судна, на которых находились около семидесяти тысяч еврейских беженцев из Европы; лишь примерно трети из них удалось остаться в Палестине/Эрец-Исраэль, остальные были перенаправлены британцами на Кипр и на Маврикий, где их расселяли в лагерях, режим в которых имел все признаки тюремного.

Британскому послу в Вашингтоне графу Галифаксу (Эдуард Вуд, Edward Wood, 1st Earl of Halifax, 1881–1959) было поручено постараться убедить представителей администрации Г. Трумэна принять участие в совместной комиссии по изучению положения еврейских перемещенных лиц в английской и американской зонах оккупации в Европе. 19 октября 1945 года посол начал переговоры по этому вопросу с государственным секретарем Дж. Бирнсом. Исходная позиция британской стороны подчеркивала отсутствие связи между проблемой перемещенных лиц и палестинской проблемой, однако администрация США считала эти вопросы взаимосвязанными⁶².

Англо-американская комиссия в составе двенадцати членов (по шесть представителей Великобритании и США) была создана в декабре 1945 года; председателем комиссии с английской стороны стал Джон Синглтон (John Singleton), с американской – Джозеф Хачесон (Joseph Hucheson). Эта комиссия немедленно приступила к работе. Сбор информации и свидетельских показаний продолжался четыре месяца, как в Вашингтоне и Лондоне, так и в Каире и Иерусалиме. Члены Комиссии также посетили лагеря перемещенных лиц на территории Германии и Австрии. Положение беженцев произвело на них тяжелое впечатление. Свои выводы Комиссия опубликовала в конце апреля 1946 года⁶³. В отношении политического будущего Палестины/Эрец-Исраэль Комиссия отклонила как требование Еврейского агентства о ее превращении в еврейское государство, так и требование арабов о ее передаче под их полный суверенитет. По сути, Комиссия не предложила какого-либо окончательного политического решения, поддержав при этом и позицию Э. Бевина, согласно которой Палестина не в состоянии разрешить проблему еврейских перемещенных лиц, и позицию Г. Трумэна о необходимости отменить ограничения Белой книги 1939 года и позволить иммиграцию в Палестину/Эрец-Исраэль ста тысяч беженцев из освобожденной

⁶² См. меморандум государственного секретаря США Дж. Бирнса послу Великобритании в США графу Галифаксу от 10 декабря 1945 г., включенный в антологию *Foreign Relations of the United States, 1945, vol. VIII, pp. 839–840.*

⁶³ См.: Michael J. Cohen, *Palestine and the Great Powers, 1945–1948* (Princeton University Press, 1982), pp. 96–115.

от нацистского режима Европы. Комиссия предложила продлить режим мандатной администрации, не создавая ни еврейского, ни арабского государства, до тех пор, пока не будет найдено такое решение, при котором «дальнейшая еврейская иммиграция не будет зависеть от арабского вето, но и не приведет к возникновению еврейского большинства»⁶⁴. Президент США поддержал выводы Комиссии, воздержавшись при этом от каких-либо обещаний в отношении долгосрочного решения, которое, по его словам, требовало «тщательного изучения»⁶⁵. К. Эттли и Э. Бевин опасались массовых беспорядков, которые могут устроить арабы, причем отнюдь не только в самой Палестине/Эрец-Исраэль (как это было в 1936–1939 гг.), против возобновления еврейской иммиграции, однако и идти против позиции, отчетливо выраженной президентом США, они тоже готовы не были. В итоге британские руководители приняли решение согласиться с поддержанной членами двусторонней комиссии позицией Г. Трумэна о необходимости разрешить иммиграцию в Палестину/Эрец-Исраэль ста тысяч евреев, переживших Холокост, но обусловили это согласие участием американских представителей в выработке плана «окончательного урегулирования» палестинской проблемы, в рамках которого сто тысяч беженцев и должны были получить разрешение на иммиграцию. Фактически именно из-за несогласия Лондона на американское требование о скорейшей иммиграции ста тысяч евреев руководители Великобритании и США не смогли прийти к согласованному решению по итогам работы Комиссии Синглтона – Хатчесона.

Чтобы как-то сдвинуть дело с мертвой точки, в июле 1946 года была создана вторая англо-американская комиссия по изучению проблемы Палестины⁶⁶. 11 июня 1946 года Г. Трумэн утвердил состав американской части двусторонней Комиссии по делам Палестины и сопутствующим проблемам: ее возглавил посол Генри Ф. Грейди (Henry Francis Grady, 1882–1957), который до этого никогда не занимался делами Палестины или Ближнего Востока. Г. Грейди и его коллегам предстояло отправиться в Лондон для ведения переговоров с сотрудниками Министерства иностранных дел Великобритании о выполнении рекомендаций первой двусторонней комиссии, в том числе об организации переезда ста тысяч беженцев в Палестину/

⁶⁴ Цит. по: Говард Сакер, *История Израиля* (Иерусалим: «Библиотека Алия», 1994), кн. 2, стр. 203.

⁶⁵ Позиция Г. Трумэна со ссылкой на него изложена в послании Д. Ачесона Дж. Бирнсу от 30 апреля 1946 года, опубликованному в антологии *Foreign Relations of the United States*, 1946, vol. VII, pp. 588–589.

⁶⁶ См.: Michael J. Cohen, *Palestine and the Great Powers*, pp. 116–134.

Эрец-Исраэль. Американская делегация во главе с Г. Грейди прибыла в Лондон 12 июля и немедленно приступила к переговорам с группой британских представителей, возглавляемой заместителем премьер-министра Гербертом Стэнли Моррисоном (Herbert Stanley Morrison, 1888–1965).

Спустя неделю Г. Грейди согласился с британской программой федерального устройства, которая с тех пор стала известна как «план Моррисона – Грейди». По сути, однако, речь шла о программе, составленной в годы Второй мировой войны опытным британским специалистом по палестинским делам сэром Дугласом Гордоном Харрисом (Sir Douglas Gordon Harris). В соответствии с ней территория Палестины/Эрец-Исраэль должна была быть разделена на четыре зоны: еврейский район, арабский район и два района под контролем Британии («большой Иерусалим» и пустыня Негев). Правительства еврейского и арабского районов должны были заниматься лишь внутренними делами, в то время как внешняя политика, оборона, иммиграция и налоги предполагалось оставить в ведении центрального британского правительства. Еврейскому району предназначалось всего 17% от общей площади страны (прибрежная равнина, Изреэльская долина и Восточная Галилея), а арабам выделялось примерно 40% (Западный берег Иордана и Яффский коридор); на два района, которые должны были остаться под властью Британии, приходилось 43% территории⁶⁷. Г. Грейди сообщил государственному секретарю Дж. Бирнсу, что лишь одобрение этого плана американской администрацией позволит выполнить требование Г. Трумэна об иммиграции в Палестину ста тысяч человек⁶⁸. *Так американская дипломатия солидаризировалась с политикой руководства Великобритании, направленной на то, чтобы не дать возникнуть еврейскому государству в Палестине/Эрец-Исраэль.*

Политика Великобритании была в то время едва ли не самой жесткой и антиссионистской за весь период мандатного правления в Палестине/Эрец-Исраэль. За считанные дни до отъезда Г. Грейди и его коллег в Лондон, 29 июня 1946 года, были интернированы многие из лидеров еврейской общины, в частности тогдашний глава

⁶⁷ Текст плана Моррисона – Грейди приводится по меморандуму, направленному в Государственный департамент тогдашним послом США в Великобритании Уильямом Гарриманом (William Averell Harriman, 1891–1986), опубликованному в антологии *Foreign Relations of the United States*, 1946, vol. VII, pp. 652–667.

⁶⁸ Послание Г. Грейди государственному секретарю Дж. Бирнсу от 19 июля 1946 г. приводится в антологии *Foreign Relations of the United States*, 1946, vol. VII, pp. 646–647.

Политического отдела Еврейского агентства Моше Шарет (урожденный Черток, 1894–1965) и глава Федерации профсоюзов Эрец-Исраэль Давид Ремез (урожденный Драбкин, 1886–1951); в здании Еврейского агентства прошел обыск, но Д. Бен-Гурион, который находился в это время в Париже, избежал ареста. Облавы и обыски были проведены в 27 населенных пунктах, сотни евреев, большинство из них — члены киббуцев, подверглись заключению в специальных лагерях. Британские власти стремились разрушить политический и военный потенциал еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль, чтобы навязать вырабатываемый ими план, получивший в середине июля название плана Моррисона — Грейди, бывший совершенно неприемлемым для борющихся за право на независимое государство евреев Палестины/Эрец-Исраэль.

По ряду причин, в том числе в связи с давлением американских просионистских организаций, 12 августа 1946 года Г. Трумэн направил К. Эттли телеграмму, в которой объявил, что вследствие категорического неприятия плана Моррисона — Грейди американской общественностью, он не может поддержать его⁶⁹. Пытаясь найти решение, приемлемое для всех заинтересованных сторон, Э. Бевин инициировал проведение в Лондоне в сентябре 1946 года и в конце января 1947 года двух конференций, в ходе которых рассматривались различные варианты урегулирования палестинской проблемы. В ходе второй лондонской конференции Э. Бевин представил на рассмотрение ее участников свой собственный план, в соответствии с которым Британия должна была продолжить править Палестиной в качестве «страны-опекуна» в течение пяти лет, после чего должно было возникнуть единое еврейско-арабское палестинское государство, разделенное на еврейские и арабские кантоны. Этот план, также предусматривавший право на иммиграцию в Палестину 96 тысяч евреев в течение двух лет, был отвергнут как представителями Еврейского агентства, так и палестинскими арабами.

Время шло, а ничего не происходило, несмотря на постоянные всплески дипломатической активности. 30 сентября 1946 года в газете *New York Herald Tribune* американские сторонники сионизма опубликовали открытое письмо руководству Демократической партии, в котором говорилось: «31 августа 1945 года президент США попросил премьер-министра Великобритании Эттли разрешить сотне тысяч бездомных беженцев иммигрировать в Палестину. С тех пор прошло более года, но евреи Европы по-прежнему томятся в тюремных

⁶⁹ Телеграмма Г. Трумэна К. Эттли от 12 августа 1946 г. включена в антологию *Foreign Relations of the United States*, 1946, vol. VII, p. 682.

лагерях. Не вызывает сомнения, что США располагают достаточной мощью и влиянием в мире, чтобы добиться осуществления этого гуманитарного акта. Мы приближаемся ко дню выборов [в Конгресс]... Мы не просим новых обещаний или программ, нам вполне достаточно старых. Мы просим лишь одного: чтобы наше правительство теперь выполнило свои обещания».

Однако и это обращение не привело к каким-либо реальным сдвигам, хотя 4 октября 1946 года президент Г. Трумэн вновь призвал открыть границы Палестины для «значительной» еврейской иммиграции⁷⁰. Однако и это выступление президента ничего не изменило. Решающий этап в политической борьбе за Палестину/Эрец-Исраэль начался 18 февраля 1947 года с заявления Э. Бевина о провале Второй лондонской конференции и о решении британского правительства передать палестинскую проблему на обсуждение Генеральной Ассамблеи ООН. Хотя в заявлении не упоминались какие-либо рекомендации, не содержалось обязательства выполнить предполагаемую резолюцию Генеральной Ассамблеи и ничего не говорилось о намерении вывести британские войска из Палестины, именно тогда стало понятно, что существующее положение, скорее всего, кардинально изменится, причем достаточно скоро.

За два года, прошедших со времени прихода Г. Трумэна на пост президента США и окончания Второй мировой войны, американские власти не добились ничего, что существенно облегчало страдания евреев, переживших Холокост и томившихся в лагерях для перемещенных лиц в Европе, не говоря уже о том, что они никак не приблизили создание еврейского государства. Опасаясь прогневать арабов, с одной стороны, и не желая ссориться с руководителями Великобритании – своего важнейшего военно-политического союзника в начавшейся «холодной войне», с другой – администрация Г. Трумэна топталась на месте, причем все это время Государственный департамент жестко отстаивал курс, крайне враждебный идее (вос)создания еврейской государственности в Палестине/Эрец-Исраэль. В результате ключевую роль в принятии решения о создании Государства Израиль и в поддержании его в первые, самые трудные месяцы его существования сыграли отнюдь не Соединенные Штаты.

⁷⁰ Текст заявления Г. Трумэна от 3 октября 1946 года цитируется по публикации в антологии *Foreign Relations of the United States, 1946, vol. VII, pp. 701–703.*

Глава 3

Упущенная инициатива: Администрация Г. Трумэна и дилемма (не)признания независимости Израиля, 1947–1948 гг.

В первой половине 1947 года проблема Палестины/Эрец-Исраэль очевидно не входила в число приоритетных для американской внешней политики. Администрацию Г. Трумэна в то время беспокоили совсем другие вопросы. 21 февраля правительство Великобритании сообщило о своей неспособности продолжить предоставление военной и экономической помощи Греции и Турции. Это заявление глубоко поразило правящие круги в Вашингтоне и вызвало у них опасения утраты влияния Западного мира в регионе Южной Европы и Ближнего Востока. В сложившейся обстановке президент принял важнейшее внешнеполитическое решение со времен окончания Второй мировой войны. В марте 1947 года он провозгласил «доктрину Трумэна», согласно которой Соединенные Штаты начали оказание помощи Греции и Турции (вместо Британии) и приняли на себя защиту Восточного Средиземноморья от возможных посягательств со стороны Советского Союза.

Передав палестинскую проблему на рассмотрение ООН без каких-либо сопроводительных рекомендаций, британские руководители вынуждали администрацию Г. Трумэна принять решение, от которого президент всячески старался уклониться. Теперь ему предстояло выработать четкую американскую позицию по вопросу о политическом будущем Палестины/Эрец-Исраэль, которая могла осложнить либо взаимоотношения администрации с просионистскими еврейскими организациями США, либо с Ибн Саудом и другими арабскими лидерами, а может быть, — с обеими сторонами сразу.

Решение Э. Бевина о передаче проблемы на рассмотрение ООН отнюдь не означало, что дни британского правления в Палестине/

Эрец-Израэль сочтены. Казалось, что состав Генеральной Ассамблеи ООН заранее гарантировал провал любого просионистского предложения: пять арабских и несколько мусульманских государств (а также страны, в которых существовали значительные мусульманские меньшинства) придерживались четкой антиссионистской позиции. Намерения Советского Союза и его сателлитов были на тот момент неясными, однако считались враждебными сионистскому движению в связи с преследованием сионистских групп и активистов и запретом языка иврит в СССР со второй половины 1920-х годов. Блок азиатских стран, крупнейшей из которых была Индия, также не симпатизировал сионизму. Латиноамериканские государства обладали тесными связями с арабскими странами и находились под влиянием Ватикана, который возражал против создания еврейского государства на Святой Земле. Вместе с тем всем было ясно, что характер рекомендации Генеральной Ассамблеи и судьбу дискуссии в ООН определяют две ведущие державы, Соединенные Штаты и Советский Союз. Многие считали, что в связи с растущей конфронтацией между США и Советским Союзом никакой проект решения не получит уверенного большинства голосов, вследствие чего ООН, скорее всего, продлит британский мандат на управление Палестиной, отменив при этом обязательства, связанные с Декларацией Бальфура.

Масштабы заинтересованности советского руководства в участии в судьбе Палестины ни в Вашингтоне, ни в Лондоне не знали, но опасения перед экспансионистской внешней политикой СССР испытывали. Как свидетельствуют недавно рассекреченные документы, эти опасения не были лишены оснований. Так, в записке по вопросам будущего мира и послевоенного устройства, представленной высшему руководству СССР еще 10 января 1944 года заместителем наркома иностранных дел и бывшим послом в Великобритании И.М. Майским (1884–1975), отмечалась объективная заинтересованность СССР в «распространении и укреплении своего политического и культурного влияния в Ираке, Сирии, Ливане, Палестине и Египте». «Дипломатическая активность СССР в только что перечисленных странах плюс пакты взаимопомощи с балканскими странами... явилась бы выходом СССР к Средиземному морю в обход Турции и проливов»⁷¹. С окончанием войны палестинская проблема была включена в повестку Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства при НКВД СССР. 27 июля 1945 года председатель Комиссии М.М. Литвинов (1876–1951) изложил

⁷¹ Архив внешней политики Российской Федерации. — Ф. 06., оп. 6. Д. 145. Л. 41.

свои выводы по палестинскому вопросу. Оптимальным решением, с точки зрения М.М. Литвинова, было установление над Палестиной коллективной опеки великих держав с участием СССР⁷². 11 ноября 1946 года, выступая на заседании Четвертого (по вопросам опеки и самоуправляющихся территорий) комитета Генеральной Ассамблеи ООН, тогдашний посол СССР в США Н.В. Новиков (1903–1989) указал на то, что не все страны-мандатарии представили проекты соглашений об «условиях опеки для каждой территории, подлежащей включению в систему опеки». Особое внимание в этой связи Н.В. Новиков обратил на позицию Великобритании, не представившей такого проекта для Палестины и не проинформировавшей ООН о причинах, почему этого не было сделано. Далее он заявил: «Одно ясно: попытки правительства Великобритании разрешить вопрос о Палестине путем переговоров с правительством Соединенных Штатов и с представителями арабов и евреев, помимо ООН, не соответствует принципам Устава ООН. ... Судьба этой, равно как и других бывших мандатных территорий, после ликвидации Лиги Наций не может оставаться висящей в воздухе»⁷³. Как справедливо указывает ведущий российский специалист по истории отношений Советского Союза с еврейской общиной Палестины в годы британского мандата М.Г. Агапов, «главной целью заявления Н.В. Новикова 11 ноября 1946 г. была дискредитация совместной англо-американской комиссии и англо-арабо-сионистской конференции по палестинскому вопросу, действовавших в тот период»⁷⁴. Как отмечал в своем меморандуме от 28 июня 1946 года тогдашний глава арабского отдела Политического департамента Еврейского агентства Элияху Сассон (1902–1978; позднее он занимал ряд важных постов и входил в состав правительства Государства Израиль), «они [руководители СССР] не хотят определить свое место в еврейско-арабском конфликте в Палестине», однако «они хотят быть влиятельным фактором на Арабском Востоке, вмешиваться в проблемы региона и участвовать в принятии решений...»⁷⁵. Э. Бевин, по-видимому, полагал, что, учитывая обострение «холодной

⁷² Архив внешней политики Российской Федерации. — Ф. 07., оп. 12а. Д. 6. Л. 38.

⁷³ *Советско-израильские отношения: Сборник документов. 1941–1953* (Москва: «Международные отношения», 2000), книга 1, стр. 513–514.

⁷⁴ Михаил Агапов, «Принять эффективное участие в судьбе Палестины»: политика СССР в палестинском вопросе в 1944–1947 гг.» // *Вестник Московского государственного гуманитарного университета. История и политология*, №1 (2012), стр. 34–44.

⁷⁵ Меморандум Э. Сассона опубликован в книге: *Советско-израильские отношения, 1941–1953*, кн. 1, стр. 154.

войны» и страх перед советской экспансией, угроза покинуть Палестину и оставить другим неблагодарную работу по поддержанию в ней стабильности заставит Г. Трумэна попросить Британию остаться — и тогда уже британские власти смогут диктовать условия, не подвергаясь какой-либо дипломатической критике. Вскоре после того, как Великобритания обратилась к ООН по поводу определения будущего Палестины, Д. Бен-Гурион, понимавший, на что рассчитывают новые британские власти, с горечью констатировал: «Еврейский народ может надеяться, прежде всего, на самого себя и лишь в очень небольшой степени — на то, что кто-то еще в мире захочет понять его проблемы и проникнется к нему некоторым сочувствием. Он не должен ни от кого зависеть и не должен верить никому, кроме самого себя»⁷⁶.

Обсуждение палестинской проблемы в ООН продолжалось несколько месяцев, причем ключевая роль принадлежала созданной Генеральной Ассамблеей Специальной комиссии (United Nations Special Committee on Palestine), которая вообще не включала представителя США. В состав Специальной комиссии вошли представители одиннадцати государств: Австралии, Канады, Чехословакии, Гватемалы, Индии, Ирана, Нидерландов, Перу, Швеции, Уругвая и Югославии. 3 сентября 1947 года Специальная комиссия представила отчет о своей работе, из которого выяснилось, что ее члены разошлись во мнениях. Восемь из них рекомендовали раздел Палестины на два независимых государства — еврейское и арабское — при сохранении экономического союза между ними, представители же Индии, Ирана и Югославии выступили против раздела, за создание единого федеративного двунационального государства. План, поддержанный восемью членами Специальной комиссии, предусматривал также создание зоны, включавшей Иерусалим, Вифлеем и их предместья, которая должна была перейти под управление ООН посредством договора о международной опеке⁷⁷. Ирак, Саудовская Аравия и Сирия внесли альтернативный план, предусматривающий создание в Палестине/Эрец-Исраэль не федеративного, а унитарного государства, которое бы, принимая во внимание демографические реалии, оказалось бы преимущественно арабским; очевидно, что для еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль это было совершенно неприемлемо.

⁷⁶ Выступление Д. Бен-Гуриона на заседании Центрального комитета Партии Труда, 26 апреля 1947 г. [на иврите] // Архив Партии Труда, Бейт-Берл.

⁷⁷ Подробнее см.: Григорий Меламедов и Алек Д. Эпштейн, *Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история* (Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2008), стр. 144–147.

Администрация США так и не смогла выработать единую, согласованную позицию в отношении плана раздела, предложенного Специальной комиссией Генеральной Ассамблеи. Частично это было следствием существенных перемен в персональном составе руководства США в 1947 году. В январе ушел в отставку государственный секретарь Джеймс Бирнс; его место занял генерал Джордж С. Маршалл, обладавший огромным авторитетом в глазах американского народа, Конгресса и самого президента Г. Трумэна. В июне Государственный департамент также покинул заместитель государственного секретаря Дин Ачесон; его место занял Роберт Э. Ловетт (Robert Abercrombie Lovett, 1895–1986), кандидатуру которого лоббировал министр флота Джеймс Форрестол. Сам Дж. Форрестол спустя короткое время был назначен первым в истории США министром обороны, в подчинение к которому перешли все вооруженные силы США (в 1951 году этот пост занял Р. Ловетт, ставший четвертым министром обороны в истории США). Таким образом сложились новая конфигурация власти и новый баланс сил в руководстве США. Люди, не имевшие до этого отношения к вопросам, касавшимся Палестины/Эрец-Исраэль и ее будущего, должны были выработать позицию по данному вопросу в то самое время, когда нужно уже было принимать то или иное решение.

Как и прежде, в руководстве США не было единства мнений: среди членов американской делегации в ООН трое – заместитель главы делегации Гершель В. Джонсон (Herschel V. Johnson, 1894–1966), вдова бывшего президента Элеонора Рузвельт (Eleanor Roosevelt, 1884–1962) и генерал Джон Хиллдринг (John H. Hilldring, 1895–1974) – поддерживали этот план, тогда как глава делегации посол Уоррен Р. Остин (Warren R. Austin, 1877–1962) колебался. Глава же Отдела Ближнего Востока Государственного департамента Лой Гендерсон был по-прежнему против раздела Палестины/Эрец-Исраэль и создания в какой-либо ее части еврейского государства. По словам видного израильского исследователя Цви Ганина, «Л. Гендерсон вел настоящий “крестовый поход” против раздела Палестины/Эрец-Исраэль, последовательно утверждая, что активная американская поддержка плана и мобилизация голосов в его пользу в ООН противоречат национальным интересам США»⁷⁸. В июле 1947 года Л. Гендерсон подал Дж. Маршаллу меморандум, в котором предупреждал: «Если принятый в конечном итоге документ будет считаться американским планом или таким, который был принят в результате амери-

⁷⁸ Zvi Ganin, *The Diplomacy of the Weak: American Zionist Leadership during the Truman Era, 1945–1948.*

канского давления, то на нас также возложат ответственность за его осуществление»⁷⁹. В конце сентября Л. Гендерсон составил подробный отчет, в котором были перечислены принципиальные и практические возражения Государственного департамента против идеи создания еврейского государства. По его словам, данную позицию разделяли все сотрудники Отдела Ближнего Востока и «почти все дипломаты... которые посвятили изучению проблем Ближнего Востока хоть какое-то время»⁸⁰. Л. Гендерсон утверждал, что с точки зрения национальных интересов США поддержка создания еврейского государства вопреки воле арабов будет ошибкой, так как помешает оказанию американской помощи Британии в обеспечении стабильности в Восточном Средиземноморье, затруднит предотвращение советского проникновения в ближневосточный регион и потребует от США военного и финансового участия в практической реализации плана раздела. В продолжение своего отчета Л. Гендерсон переходил к анализу самой идеи создания еврейского государства. По его мнению, она является абсолютно неприемлемой, так как еврейское государство в Палестине будет якобы неминуемо носить «расистско-теократический» характер. По его словам, не вызывает сомнения, что США должны заботиться о том, чтобы евреи не испытывали дискриминации в Палестине, однако «мы не несем по отношению к евреям никаких обязательств по созданию еврейского государства. Декларация Бальфура и Акт о введении мандатного правления в Палестине обещали евреям право на национальный очаг, а не на государство, — отмечал глава Отдела Ближнего Востока Государственного департамента, указывая, что ни британское правительство, ни руководство США не трактовали понятие «еврейский национальный очаг» в смысле еврейского национального государства». Л. Гендерсон и Р. Ловетт подготовили для Дж. Маршалла проект текста его планируемого выступления на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в котором акцентировалось, что с планом раздела Палестины согласились отнюдь не все члены Специальной комиссии, вследствие чего вопрос должен быть изучен дополнительно⁸¹. Проще говоря, подчиненные рекомендовали государственному секретарю тянуть время, не декларируя никакой внятной позиции.

⁷⁹ Меморандум Л. Гендерсона государственному секретарю от 7 июля 1947 г. опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States, 1947, vol. V, p. 1123.*

⁸⁰ Меморандум Л. Гендерсона от 22 сентября 1947 г. был опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States, 1947, vol. V, pp. 1153–1158.*

⁸¹ См.: Allis Radosh and Ronald Radosh, *A Safe Heaven. Harry S. Truman and the Founding of Israel*, p. 250.

17 сентября 1947 года, выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Дж. Маршалл осторожно объявил о поддержке Соединенными Штатами рекомендаций, которые были приняты большинством голосов членов Специальной комиссии ООН, предложив при этом отсрочить итоговое решение до тщательного изучения поданного ею отчета (вот как прозвучал соответствующий фрагмент его выступления в оригинале: «The final decision of this Assembly must properly await the detailed consideration of the report»); какое именно изучение можно было, по его мнению, счесть «тщательным», кто, как и сколько времени должен был его вести — обо всем этом государственный секретарь не сказал ни слова. *Американская дипломатия не инициировала процесс создания Израиля и никак не была его катализатором, в целом лишь формально присоединившись к решению, выработанному представителями других стран без ее участия. При этом факт состоит в том, что и после объявления государственным секретарем Дж. Маршаллом о поддержке Соединенными Штатами плана раздела Палестины/Эрец-Исраэль, в Государственном департаменте шла работа над тем, как не допустить реализации этого плана.* 3 октября 1947 года на совещании с ведущими американскими дипломатами госсекретарь Дж. Маршалл подчеркнул, что, хотя США отстаивают право на еврейскую иммиграцию в Палестину, они никак не обязались поддерживать создание там суверенного еврейского государства⁸².

В меморандуме, поданном заместителю государственного секретаря 22 октября 1947 года, глава Отдела Ближнего Востока Государственного департамента сформулировал предложения, которые были призваны позволить США отказаться от выраженной ими позиции. Л. Гендерсон предлагал фактически сорвать выполнение плана раздела, саботируя его реализацию. Л. Гендерсон рекомендовал американской делегации занять максимально пассивную позицию в том, что связано с мобилизацией большинства голосов стран — членов Генеральной Ассамблеи, чтобы план раздела был отклонен, а США смогли снять с себя всякую ответственность за его провал⁸³. Л. Гендерсон считал предпочтительным сохранение британской «опеки» над Палестиной на максимально длительный срок. По всей видимости, Дж. Маршалл передал меморандум Л. Гендерсона в Белый дом, после чего глава Отдела Ближнего Востока был принят советни-

⁸² См.: Allis Radosh and Ronald Radosh, *A Safe Heaven. Harry S. Truman and the Founding of Israel*, p. 258.

⁸³ Меморандум Л. Гендерсона заместителю государственного секретаря Роберту Ловетту от 22 октября 1947 года цит. по тексту, опубликованному в антологии *Foreign Relations of the United States, 1947*, vol. V, pp. 1195–1196.

ком президента Кларком Клиффордом (Clark Clifford, 1906–1980; в конце правления президента Л. Джонсона был министром обороны США), который его внимательно выслушал, однако сам сформулировал позицию по данному вопросу, существенно отличающуюся от мнения Л. Гендерсона⁸⁴.

23 октября 1947 года Государственный департамент направил инструкции американской делегации в ООН, согласно которым, если будет поставлено на голосование решение о разделе и создании еврейского государства, то нужно внести поправки в карту, представленную Специальной комиссией, причем обе названные поправки носили отчетливо антисионистский характер. Согласно директиве Дж. Маршалла, город Цфат (один из четырех важнейших для иудаизма городов в Эрец-Исраэль, наряду с Иерусалимом, Хевроном и Тверией) и Южный Негев должны были быть исключены из территории еврейского и переданы арабскому государству⁸⁵, что лишало еще не возникший Израиль выхода к Красному морю. Это показалось чрезмерным даже некоторым американским дипломатам, вследствие чего Гершель Джонсон и Джон Хиллдринг подали меморандум Уоррену Остину, в котором, указав на свое несогласие с этой инициативой, отметили, что ни одна другая страна в ООН не выдвигала требования о передаче Южного Негева арабскому государству⁸⁶. Представитель Еврейского агентства в США Элияху Эпштейн (позднее он сменил свою фамилию на Эйлат, 1903–1990), впоследствии ставший первым израильским послом в США, будучи шокированным этой инициативой Государственного департамента, обратился к Хаиму Вейцману со срочным призывом постараться как можно скорее добиться встречи с президентом Г. Трумэном.

Сионистские лидеры и их сторонники в США понимали, что добиться поддержки в Государственном департаменте они не смогут, в отсутствие иных альтернатив уповая на волю президента Г. Трумэна. Однако президент, в целом симпатизировавший лично Х. Вейцману, был настроен едва ли менее враждебно, чем сотрудники Госдепартамента. В 2003 году в мемориальной библиотеке Г. Трумэна были найдены дневниковые записи, сделанные президентом на трех листках, вложенных в одну из прежде не привлекавших чье-либо внимание книг. Они датированы 21 июля 1947 года и сделаны после встречи

⁸⁴ См.: Allis Radosh and Ronald Radosh, *A Safe Heaven. Harry S. Truman and the Founding of Israel*, pp. 253–254.

⁸⁵ Записка Дж. Маршалла Р. Ловетту от 23 октября 1947 года приводится в антологии *Foreign Relations of the United States*, 1947, vol. V, pp. 1200–1201.

⁸⁶ Меморандум Г. Джонсона и Дж. Хиллдринга приводится в письме У. Остина Дж. Маршаллу от 18 ноября 1947 г., опубликованном в антологии *Foreign Relations of the United States*, 1947, vol. V, pp. 1266–1268.

с бывшим министром финансов администрации Ф.Д. Рузвельта. «10 минут беседовал с Генри Моргантау о еврейском корабле в Палестине, — записал Трумэн. — Сказал ему, что поговорю об этом с генералом Маршаллом». Речь шла о судьбе легендарного судна *Exodus*, на борту которого находилось около четырех с половиной тысяч еврейских беженцев, переживших Холокост, и который британские власти не пустили в Палестину/Эрец-Исраэль. От президента можно было бы ожидать человеческого сочувствия к трагической судьбе этих людей, чудом спасшихся от уничтожения и лишенных возможности хоть где-то обрести чувство дома — однако его реакция была совершенно другой. «У евреев нет чувства соразмерности, так же как и суждений о событиях в мире», — записал Г. Трумэн. После того как миллионы ни в чем не повинных евреев Европы были расстреляны и сожжены, о чем он к тому времени хорошо знал, президент укоряет бывшего министра финансов: «Генри привез в Нью-Йорк тысячу евреев — как предполагалось, временно, но они остались». Вывод, к которому пришел Г. Трумэн, состоял в том, что «евреи очень, очень эгоистичны. Их не волнует, сколько эстонцев, латвийцев, финнов, поляков, югославов или греков были убиты или согнаны со своих мест, лишь бы только к евреям относились по-особенному»⁸⁷.

По свидетельствам современников, в 1947 году гнев Г. Трумэна в адрес просионистски настроенных лидеров американского еврейства был столь сильным, что он отказывался от встреч с ними; что же касалось А.-Х. Сильвера, то одно упоминание его имени приводило президента в ярость. Начиная с 1946 года, несмотря на многочисленные просьбы, А.-Х. Сильвера не допускали в Белый дом. Что касается разрешения палестинской проблемы, то Г. Трумэн, по всей видимости, по-прежнему верил в план ее сохранения в качестве священной страны трех религий, о чем писал, в частности, 16 июня 1947 года судье Роберту Г. Симмонсу (Robert Glenmore Simmons, 1891–1969), хотя и осознавал, что этот план был отвергнут как евреями, так и арабами.

Предложенный руководителем Отдела Ближнего Востока Государственного департамента «план бездействия», по всей видимости, был известен Г. Трумэну и получил его одобрение. 19 ноября Г. Трумэн принял Х. Вейцмана, однако единственное, чего удалось добиться 73-летнему сионистскому лидеру, — это отмены рекомендации

⁸⁷ Данная дневниковая запись президента Г. Трумэна от 21 июля 1947 г. воспроизведена в разделе «Harry S. Truman 1947 Diary» на сайте Мемориальной библиотеки Трумэна <http://www.trumanlibrary.org/diary/page21.htm> (материал размещен в августе 2003 г.).

поднять вопрос о передаче Южного Негева и Эйлатского залива под арабский контроль⁸⁸. Однако, потерпев неудачу в своем плане передать под контроль арабского государства Южный Негев, Госдепартамент выдвинул проект отторжения от Израиля Беэр-Шевы и Северного Негева, о чем Г. Джонсон заявил в специальном комитете ООН по Палестине (United Nations Ad Hoc Committee on Palestine) 22 ноября. Кроме того, американцы настаивали на отторжении от Израиля населенного арабами города Яффо, находящегося непосредственно на границе Тель-Авива, что превращало Яффо в анклав арабского государства внутри территории будущего Израиля⁸⁹.

Однако, несмотря на все эти упражнения в политической географии, само принятие решения о разделе было отнюдь не гарантированным. За пять дней до решающего голосования на Генеральной Ассамблее ООН, 24 ноября 1947 года, заместитель государственного секретаря Роберт Ловетт инструктировал членов американской делегации в ООН: «Президент не хочет, чтобы американская делегация прибегала к угрозам или давлению какого-либо рода на другие делегации, с тем чтобы они проголосовали за план большинства, поддерживающий раздел Палестины. Мы готовы проголосовать за этот отчет [Специальной комиссии по Палестине], так как он выражает позицию большинства, однако мы ни в коем случае не станем вынуждать другие делегации следовать нашему примеру»⁹⁰. Требуемого же большинства в две трети голосов членов Генеральной Ассамблеи не было до самого последнего момента; члены американской делегации стали более или менее активно убеждать представителей колеблющихся стран поддержать план раздела лишь в самые последние дни перед голосованием. Ключевую роль в изменении позиции американских дипломатов сыграл Дэвид Найлс, который, если верить цитировавшимся Л. Гендерсоном (в ходе данного им в 1973 году интервью) словам Г. Джонсона, позвонил им якобы от имени президента, чтобы передать, что «президент просит нас именем Господа собрать все голоса [в поддержку плана раздела], какие только можно собрать, и что, если голосование провалится, наступит ад». Когда Г. Джонсон спросил Д. Найлса, как быть с тем, что его слова находятся в разительном контрасте со всеми предшествующими многочисленными

⁸⁸ См.: Allis Radosh and Ronald Radosh, *A Safe Heaven. Harry S. Truman and the Founding of Israel*, pp. 264–265.

⁸⁹ См.: Benny Morris, *1948. A History of the First Arab–Israeli War* (New Haven: Yale University Press, 2008), p. 53.

⁹⁰ Меморандум по итогам телефонной беседы Роберта Ловетта с Гершелем Джонсоном и Джоном Хиллдрином от 24 ноября 1947 года опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States*, 1947, vol. V, pp. 1283–1284.

распоряжениями Государственного департамента, то Д. Найлс якобы ответил: «Не обращайтесь на Госдепартамент, это — распоряжение президента!»⁹¹ Уникальность ситуации здесь даже не в том, что в еврейской теологии — а Д. Найлс, как известно, был евреем — нет концепции ада как такового (в ТАНАХе «ад» не упоминается, в талмудической же и раввинистической литературе считается, что максимальное время пребывания там не превышает года после смерти, после чего души умерших попадают в «будущий мир»), а в том, что нет никаких документальных свидетельств в пользу того, что Д. Найлс в самом деле получил от президента подобные распоряжения, а не блефовал, действуя на свой страх и риск, рассуждая, что «победителей не судят» и главное поэтому — добиться победы. Известно и то, оказала ли резко изменившаяся в последние считанные дни перед голосованием позиция членов американской делегации влияние на представителей каких-либо других стран — конкретных свидетельств об этом опубликовано не было.

Как бы там ни было, на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи 29 ноября 1947 года резолюция о разделе Палестины и создании двух независимых государств, еврейского и арабского, была принята большинством в 33 голоса против 13 при 10 воздержавшихся и одном отсутствующем делегате. Однако совершенно очевидно, что *ключевая роль в том, что идея создания еврейского государства была поддержана в ООН принадлежала не Соединенным Штатам, а Советскому Союзу*, выступления постоянного представителя которого (им был Андрей Громыко, впоследствии — министр иностранных дел СССР на протяжении трех десятилетий) в 1947 году были несравнимо более просионистскими, чем выступления кого-либо из американских дипломатов. *В 1948 году именно Советский Союз стал первой из мировых держав, признавшей Израиль как де-факто, так и де-юре; именно Советский Союз — через Чехословакию — поставил Израилю оружие, которым была выиграна Война за независимость; и именно Советский Союз стал ключевым экспортером энергоносителей в еврейское государство.*

Впервые официальная позиция руководства Советского Союза по вопросу о будущем Палестины была изложена в ООН на пленарном заседании Первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи 14 мая 1947 года Андреем Громыко (1909–1989). Его выступление именно тогда имело особое значение, так как спустя всего сутки, 15 мая 1947 года, была создана неоднократно упомянутая выше Специальная комиссия из представителей одиннадцати государств, кото-

⁹¹ См.: Allis Radosh and Ronald Radosh, *A Safe Heaven. Harry S. Truman and the Founding of Israel*, pp. 273–274.

рым предстояло выработать рекомендации международного сообщества по проблеме Палестины. Очевидно, что официальная позиция одной из держав-победительниц во Второй мировой войне, имевшей к тому же постоянное место (и соответственно право вето) в Совете Безопасности ООН, имела большое значение для членов Специальной комиссии, заинтересованных в том, чтобы отчет, над которым они начинали работать, был принят.

Крайне важным было то исключительное внимание, которое А.А. Громыко уделил Катастрофе европейского еврейства:

«Еврейский народ перенес в последней войне исключительные бедствия и страдания. Эти бедствия и страдания, без преувеличения, не поддаются описанию... Общее число погибшего от рук фашистских палачей еврейского населения определяется приблизительно в шесть миллионов человек. Только около полутора миллионов евреев в Западной Европе пережили войну.

Но эти цифры, давая представление о жертвах, которые понес еврейский народ от фашистских агрессоров, не дают представления о том тяжелом положении, в котором очутились большие массы еврейского населения после войны. Огромное количество уцелевшего еврейского населения Европы оказалось лишенным родины, крова и средств существования. Сотни тысяч евреев бродят по разным странам Европы в поисках средств существования, в поисках убежища. Большая часть из них находится в лагерях перемещенных лиц и все продолжают терпеть большие лишения...

Позволительно спросить: могут ли Объединенные Нации, учитывая такое тяжелое положение сотен тысяч уцелевшего еврейского населения, не проявлять интереса к положению этих людей, оторванных от родины и от своих очагов?.. Пора не на словах, а на деле оказать этим людям помощь... То обстоятельство, что ни одно западноевропейское государство не оказалось в состоянии обеспечить защиту элементарных прав еврейского народа и оградить его от насилий со стороны фашистских палачей, объясняет стремление евреев к созданию своего государства. Было бы несправедливо не считаться с этим и отрицать право еврейского народа на осуществление такого стремления...»

А.А. Громыко отмечал, что «необходимо принять во внимание тот бесспорный факт, что население Палестины состоит из двух народов – арабов и евреев. Каждый из них имеет исторические корни в Палестине. Палестина стала родиной обоих этих народов, каждый из которых занимает видное место в экономике и культурной жизни страны». А.А. Громыко перечислил четыре варианта решения вопро-

са: можно образовать единое государство с равными правами евреев и арабов; можно разделить Палестину на два государства; можно создать арабское государство, в котором евреи будут меньшинством, и можно создать еврейское государство, в котором арабы станут меньшинством. А.А. Громыко высказался за «создание независимого двуединого демократического арабо-еврейского государства». При этом он признал, что окончательное решение о будущем Палестины должно приниматься только после рассмотрения выводов Специальной комиссии ООН. Однако еще до того, как эта Комиссия начала работу, постпред Советского Союза предсказал ее выводы, отметив, что если Комиссия подтвердит, что отношения между евреями и арабами в Палестине испорчены настолько, что создание двуединого государства невозможно, то «тогда было бы необходимо рассмотреть второй вариант... предусматривающий раздел Палестины на два самостоятельных независимых государства: еврейское и арабское»⁹².

Речь А.А. Громыко стала едва ли не самым заметным событием специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Ничего подобного в ООН тогда не произносил никто из членов делегации США. Давид Бен-Гурион так прокомментировал это выступление: «Уже давно мы не слышали из уст представителя великой державы (за исключением президента Трумэна) таких потрясающих и верных слов о страданиях еврейского народа, о мучениях и безвыходности положения сотен тысяч европейских евреев, тщетно ищущих пристанища после катастрофы, — слов, какие высказал Громыко от имени СССР». Д. Бен-Гурион особо подчеркнул политическое значение заявления А.А. Громыко: «Впервые мир услышал подтверждение от представителя Советского Союза: еврейский народ полон решимости создать собственное государство»⁹³. 16 мая «национальный поэт» сионистской общины Палестины/Эрец-Исраэль Натан Альтерман (1910–1970) писал в своей постоянной рубрике «Седьмая колонка» в газете «Давар» [«Слово»]: «Андрею Громыко. Ассамблея ООН. Спасибо. Нет слов. *Ишув* потрясен»⁹⁴.

⁹² Цит. по: *Советско-израильские отношения, 1941–1953*, кн. 1, стр. 217.

⁹³ Документ, разосланный от имени ЦК Партии Труда *Эрец-Исраэль* 29 мая 1947 г. и находящийся в Центральном сионистском архиве в Иерусалиме, был впервые опубликован в переводе с иврита на русский язык в антологии *Советско-израильские отношения, 1941–1953*, кн. 1, стр. 221–222.

⁹⁴ Цит. по: Йехиам Вайц, *Становление израильского парламентаризма. Политические и идеологические дискуссии* (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2001), стр. 150.

Ишув [букв. — поселение (*ивр.*)] — еврейское население Палестины/Эрец-Исраэль до создания Государства Израиль; принято различать «старый *ишув*», существовавший до начала первой волны репатриации в 1881 году, и «новый *ишув*», возникший в результате деятельности сионистского движения.

Когда Специальная комиссия ООН по Палестине представила свои рекомендации, 13 октября 1947 года советник-посланник посольства СССР в США С.К. Царапкин (1906–1984) официально заявил о принципиальном одобрении «плана большинства», т.е. плана раздела Палестины/Эрец-Исраэль на арабское и еврейское государства. С.К. Царапкин определил суть вопроса как «право на самоопределение сотен тысяч евреев и арабов, живущих в Палестине»⁹⁵.

Ввиду важности происходившего на Генеральной Ассамблее ООН обсуждения в Нью-Йорк отправился первый заместитель министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинский (1883–1954). 30 сентября 1947 года министр В.М. Молотов (1890–1986) отправил ему шифрограмму следующего содержания:

«Вы должны иметь в виду, что когда предлагалось в известной Вам директиве для Громыко в качестве первого варианта разрешения палестинского вопроса создание двуединого государства, то это делалось нами по тактическим соображениям.

Мы не можем брать на себя инициативу в создании еврейского государства, но нашу позицию лучше выражает второй вариант упомянутой нашей директивы о самостоятельном еврейском государстве.

Поскольку после обследования большинство Комиссии высказалось за создание отдельного еврейского государства, Вам следует поддержать мнение этого большинства, которое соответствует нашей основной установке по этому вопросу»⁹⁶.

26 октября В.М. Молотов отправил И.В. Сталину записку следующего содержания: «Вышинский сообщает, что первый подкомитет Палестинского комитета приступил к выработке плана устройства Палестины в переходный период на базе единогласно принятых рекомендаций и доклада большинства Специального комитета... Вышинский указывает, что вышеизложенные положения в основном совпадают с мнением представителей Еврейского агентства. Предлагаю с предложениями Вышинского согласиться»⁹⁷. На сохранившейся в архиве записке написано: «Тов. Поскребышев сообщил по ВЧ, что тов. Сталин согласен».

⁹⁵ Вторая сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Специальная (Ad Hoc) комиссия ООН по вопросам Палестины. Краткие отчеты заседаний, 25 сентября – 25 ноября 1947 года (Нью-Йорк, 1947), стр. 41.

⁹⁶ Документ был впервые опубликован в антологии *Советско-израильские отношения, 1941–1953*, кн. 1, стр. 251–252.

⁹⁷ Цит. по: *Советско-израильские отношения, 1941–1953*, кн. 1, стр. 260–261.

Таким образом, Советский Союз подтверждал свою прежнюю позицию: в случае, если комиссия ООН сочтет создание единого арабско-еврейского государства невозможным, необходим раздел Палестины/Эрец-Исраэль на самостоятельные еврейское и арабское государство. 26 ноября 1947 года А.А. Громыко произнес еще одну, сразу ставшую знаменитой, речь в защиту права евреев на свое государство:

«Представители арабских стран указывают на то, что будто бы раздел Палестины является исторической несправедливостью. Но с этой точкой зрения нельзя согласиться хотя бы уже потому, что еврейский народ был связан с Палестиной на протяжении длительного исторического периода времени. Кроме того, мы не можем упускать из виду положение, в котором очутился еврейский народ в результате последней мировой войны. Нелишне напомнить и сейчас о том, что в результате войны, навязанной гитлеровской Германией, евреи как народ претерпели больше, чем какой-либо другой народ. Вы знаете, что в Западной Европе не оказалось ни одного государства, которое сумело бы защитить в должной степени интересы еврейского народа от произвола и насилия со стороны гитлеровцев».

По словам советского представителя, раздел Палестины «будет иметь большое историческое значение»: «Такое решение будет идти навстречу законным требованиям еврейского народа, сотни тысяч представителей которого, как вы знаете, все еще являются бездомными, не имеющими своих очагов, нашедшими лишь временный приют в специальных лагерях на территориях некоторых западно-европейских государств».

А.А. Громыко обрушился на британское правительство (а опосредованно — и на американских дипломатов, отстаивавших схожую позицию), которое заявило, что готово уйти из Палестины и обеспечить условия для создания двух государств только в том случае, если арабы и евреи придут к согласию: «Обсуждение вопроса о Палестине на данной сессии показывает, что арабы и евреи не могут договориться. Поэтому выдвигать такое условие — это почти равносильно тому, чтобы еще до вынесения Генеральной Ассамблеей соответствующего решения похоронить его».

А.А. Громыко ответил и тем арабским делегациям, которые настаивали на том, что ООН вообще не вправе решать судьбу Палестины:

«Генеральная Ассамблея, как и в целом Организация Объединенных Наций, не только имеет право рассматривать этот вопрос, но при сло-

жившейся ситуации в Палестине она обязана принять соответствующее решение. По мнению советской делегации, подготовленный Комиссией *ad hoc* план решения вопроса о Палестине, согласно которому практическое осуществление мероприятий по проведению его в жизнь должно лежать на Совете Безопасности, полностью соответствует интересам поддержания и укрепления международного мира и интересам укрепления сотрудничества между государствами. Именно поэтому советская делегация поддерживает рекомендацию о разделе Палестины»⁹⁸.

Официальная позиция Советского Союза имела определяющее значение для превращения мечты о суверенном еврейском государстве в реальность. Три дня спустя после второго выступления А.А. Громыко, 29 ноября 1947 года, была принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, предусматривавшая раздел Палестины/Эрец-Исраэль и создание двух независимых государств, в том числе еврейского. Учитывая, что И.В. Сталину удалось добиться вступления в ООН в числе ее первоначальных членов не только самого Советского Союза как государства, но и двух входящих в него республик, Украины и Белоруссии, А.А. Громыко представил позицию сразу трех имевших право голоса делегаций; к ним присоединились уже находившиеся в фарватере советской политики Чехословакия и Польша, что дало в сумме пять голосов «за» из 33 проголосовавших в поддержку плана раздела.

Как указывалось выше, президент Г. Трумэн отказался в 1946–1947 годах от любых контактов с А.-Х. Сильвером, просионистский курс которого казался ему неприемлемым. Зная это, особенно отчетливым становится значение благодарственного письма, отправленного не имевших никаких просоветских иллюзий республиканцем А.-Х. Сильвером постпреду СССР в ООН А.А. Громыко:

«Ваше Превосходительство,

Еврейское агентство желает выразить свою глубокую благодарность правительству Союза Советских Социалистических Республик за поддержку резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей Объединенных Наций в поддержку образования еврейского государства.

Принятием этой рекомендации отмечен поворотный пункт в истории еврейского народа. После двух тысячелетий отсутствия национального очага евреям теперь предоставлена возможность вступить в семью наций и сделать свой заметный вклад в международную жизнь...

⁹⁸ Цит. по: *Советско-израильские отношения, 1941–1953*, кн. 1, стр. 267–273.

Еврейский народ всегда будет благодарен Вашему правительству, которое на этой сессии Генеральной Ассамблеи помогло ему в достижении национального освобождения.

Были бы весьма признательны, если бы Вы передали содержание этого письма Вашему правительству.

Имею честь, сэр, быть искренне Ваш

Абба-Хиллель Сильвер, председатель американской секции

Еврейского агентства для Эрец-Исраэль»⁹⁹.

Какими бы соображениями ни руководствовались И.В. Сталин, В.М. Молотов, А.Я. Вышинский и А.А. Громько (понятно, что они рассчитывали на то, что будущее еврейское государство станет форпостом советского влияния на Ближнем Востоке — но что мешало американским руководителям рассуждать и действовать аналогично?), именно они оказали сионистской дипломатии самую важную поддержку тогда, когда их американские коллеги, делая шаг вперед, тут же отступали на два назад, по сути продолжая бороться против создания Государства Израиль.

* * *

Важнейший этап политической битвы за создание суверенного еврейского государства закончился голосованием в ООН 29 ноября 1947 года. Однако, как и предсказывали скептики, это голосование не ознаменовало собой решение проблемы, а лишь открыло следующий этап борьбы за Палестину/Эрец-Исраэль и ее будущее. Верховный арабский комитет в Палестине выпустил заявление о том, что никогда не признает законность подобного раздела. Арабские представители также подчеркнули, что любая попытка со стороны евреев основать собственное государство приведет к полномасштабной региональной войне. И действительно, сразу по окончании голосования в ООН в Палестине/Эрец-Исраэль начались вооруженные столкновения между арабами и евреями, причем чем ближе была дата ухода из страны британских сил, тем более напряженной становилась обстановка. Декларируемая цель вооруженной борьбы, начатой арабами, заключалась в том, чтобы насильственным образом привести к срыву решения ООН и предотвратить создание еврейского государства. В конце декабря 1947 года американский генеральный консул

⁹⁹ Документ, копия которого находится в Государственном архиве Израиля в Иерусалиме, был впервые опубликован в переводе с английского на русский язык в антологии *Советско-израильские отношения, 1941–1953*, кн. 1, стр. 273–274.

в Иерусалиме Роберт Макати (Robert V. Macatee) докладывал в Государственный департамент, что в Палестине «доминирует террор», тогда как «нормальная жизнь исчезает»¹⁰⁰. Оставалось лишь менее полугода до гибели сменившего Р. Макати на посту генконсула США в Иерусалиме Томаса Вассона (Thomas Campbell Wasson, 1896–1948), причем кем он был убит и почему, до сих пор доподлинно неизвестно. Победа еврейской общины в этой длительной и кровопролитной войне не была предопределена заранее, и ситуация могла развиваться в совершенно другом направлении. Проблема исхода палестинских арабов в 1948 году, до сих пор оказывающаяся существенное влияние на ход не только ближневосточной, но даже международной политики в целом, возникла именно вследствие неготовности арабской стороны принять резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН. Арабские страны, во многом спровоцированные радикальным руководством палестинских арабов (прежде всего, муфтием Хадж-Амином аль-Хусейни, 1895–1974), каждая по своим причинам, ввязались в войну, в результате оказавшую катастрофическое влияние на судьбу палестинских арабов¹⁰¹.

Как справедливо заметил Л.М. Млечин, «чем более открыто Советский Союз поддерживал сионистов, тем отчаяннее американская администрация сопротивлялась идее создания еврейского государства в Палестине»¹⁰². *Уже после того, как Генеральная Ассамблея ООН 29 ноября 1947 года приняла решение о разделе Палестины/Эрец-Исраэль и созданию двух независимых государств, в том числе еврейского, высокопоставленные представители американского политического истеблишмента боролись за его отмену, стремясь добиться пересмотра резолюции Генеральной Ассамблеи. Эту борьбу вели Лой Гендерсон и Дин Раск (Dean Rusk, 1909–1994) из Государственного департамента (последний занимал позднее пост государственного секретаря в администрациях Джона Кеннеди и Линдона Джонсона) и министр обороны Джеймс Форрестол. «В регионе — тридцать миллионов арабов и только шестьсот тысяч евреев, — напоминал Дж. Форрестол. — Нельзя не учитывать реальность». Их возражения против раздела Палестины/Эрец-Исраэль вытекали из оценки ими положения на Ближнем Востоке и его влияния на собственно американские интересы в регионе; чаяния, касавшиеся еврейской*

¹⁰⁰ Доклад Р. Макати Дж. Маршаллу от 31 декабря 1947 года приводится в антологии *Foreign Relations of the United States, 1947, vol. V, pp. 1322–1328.*

¹⁰¹ Подробнее см.: Алек Д. Эпштейн, *Израиль и проблема палестинских беженцев. История и политика* (Москва: Институт Ближнего Востока, 2005), стр. 72–105.

¹⁰² Леонид Млечин, *Зачем Сталин создал Израиль?* (Москва: «Эксмо», 2005).

государственности, естественно, многократно усилившиеся после Холокоста, ставшего следствием того, что еврейским беженцам было негде искать пристанища, совершенно их не беспокоили.

Спустя всего неделю после голосования на Генеральной Ассамблее, 6 декабря 1947 года, из публикации в *New York Times* стало известно о том, что Государственный департамент объявил эмбарго на продажу оружия на Ближний Восток, действие которого было распространено также на «оружие и боеприпасы США за пределами этой страны, такие, как послевоенные избытки вооружения». Госдепартамент также заявил, что несмотря на то, что американским гражданам, имеющим «веские причины» посетить Ближний Восток, по-прежнему выдавались паспорта, их больше не будут выдавать лицам, которые имеют намерение «поступить на службу в военные силы иного государства, чем Соединенные Штаты»¹⁰³. Фактически это витиевато сформулированное решение имело одну-единственную цель: закрыть просионистски настроенным американским евреям возможность вступать в отряды еврейской самообороны в Палестине/Эрец-Исраэль.

Предложение ввести такое эмбарго Л. Гендерсон направил Дж. Маршаллу еще 10 ноября 1947 года, обращая внимание на то, что арабы и евреи будут стремиться приобретать оружие у США. «Я придерживаюсь мнения, — указал Л. Гендерсон, — что на фоне напряженной ситуации в Палестине и на ее границах мы не можем допустить экспорт каких-либо ресурсов подобного рода в Палестину или граничащие с ней государства до тех пор, пока напряженность будет сохраняться». Л. Гендерсон рекомендовал ввести немедленно вступающий в действие «временный запрет на экспорт оружия, боеприпасов и иных военных ресурсов в Палестину и пограничные с ней государства, до тех пор пока ситуация в этом регионе сколько-нибудь не прояснится»¹⁰⁴. Дж. Маршалл выразил согласие, после чего решение о введении эмбарго было обнародовано.

Насколько можно судить по косвенным свидетельствам, Г. Трумэн и сотрудники аппарата Белого дома не были в курсе всего этого, узнав об эмбарго только тогда, когда новость стала достоянием общественности¹⁰⁵. Г. Трумэн оказался в безвыходной ситуации: он не мог выступить против действий собственного Госдепартамента, о

¹⁰³ “U.S. Embargoes Arms to Mid-East” // *The New York Times*, December 6, 1947, p. 3.

¹⁰⁴ Меморандум Л. Гендерсона Дж. Маршаллу от 10 ноября 1947 г. опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States*, 1947, vol. V, p. 1249.

¹⁰⁵ См.: Allis Radosh and Ronald Radosh, *A Safe Heaven. Harry S. Truman and the Founding of Israel*, p. 278.

которых уже было объявлено в печати, поскольку это создало бы впечатление, что президент потерял контроль над выработкой внешнеполитического курса страны. При этом с внешней стороны позиция Госдепартамента выглядела нейтральной, демонстрируя лишь то, что руководство Соединенных Штатов стремится предотвратить кровопролитие. Однако руководители Госдепартамента знали, что британское правительство не имело ни малейшего намерения прекращать какие-либо из своих действующих контрактов на поставку оружия арабским государствам, армии которых к тому времени уже приобрели послевоенные избытки оружия у бывших союзников на сумму более чем 37 миллионов долларов. В этой связи некоторые небезосновательно проводили параллель с запретом, введенным Франклином Делано Рузвельтом на продажу оружия противоборствующим сторонам в Испании, в то время как Италия и Германия предоставляли войскам Франко всевозможную военную помощь, что в конечном счете и предопределило победу последних. *В условиях, когда сорок британских офицеров во главе с генералом Джоном Глаббом (Sir John Bagot Glubb, 1897–1986) непосредственно командовали трансйорданским Арабским легионом¹⁰⁶, введение Соединенными Штатами эмбарго на поставки оружия в Палестину/Эрец-Исраэль фактически было отнюдь не выражением миролюбивого нейтралитета, а актом, непосредственно направленным на то, чтобы, поставив руководство еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль в безвыходное положение, побудить их самих отказаться от провозглашения государственного суверенитета.*

Однако в своей борьбе против еврейского государства руководители внешнеполитического и военного истеблишмента США были готовы пойти существенно дальше, не ограничиваясь декларативным нейтралитетом и самоустранением. Уже 17 декабря 1947 года Джордж Ф. Кеннан (George F. Kennan, 1904–2005), протее министр обороны Джеймса Форрестола, возглавлявший группу политического планирования, созданную в Государственном департаменте незадолго до описываемых событий, вероятно — совместно с Лоем Гендерсоном и его сотрудниками, подготовили четырнадцатистраничный меморандум с грифом «совершенно секретно», послуживший основой для последующих исправленных и дополненных вариантов. (Меморандум от 17 декабря 1947 года был составлен без указания автора; 19 января 1948 года был подготовлен исправленный вариант этого документа, подписанный Джорджем Кеннаном). В этом документе были сформулированы интеллектуальные обоснова-

¹⁰⁶ См.: Benny Morris, *The Road to Jerusalem: Glubb Pasha, Palestine and the Jews* (London: Tauris Publishers, 2002).

ния идеи об отказе от раздела Палестины. В меморандуме представлен целый ряд апокалипсических последствий, которые может вызвать активная поддержка плана раздела Палестины Соединенными Штатами, среди которых: закрытие американских образовательных, религиозных и филантропических учреждений в странах арабского Востока; отмена экономических концессий, прав посадки самолетов и прокладки нефтяных трубопроводов, особенно в Саудовской Аравии, «чья позиция по палестинскому вопросу обладает особой важностью» и т.д. В документе указывалось, что столь существенный удар по американским экономическим интересам поставит под угрозу реализацию «плану Маршалла» по экономическому восстановлению Европы. В меморандуме также выражалось опасение, что участие мирового сообщества в определении судьбы Палестины, особенно если оно будет сопряжено с отправкой в этот регион вооруженных сил, предоставит Советскому Союзу повод вмешаться, в том числе и силовым путем, в определение политической судьбы Турции, Ирака, Ирана и Греции; указывалась и возможность отправки советских войск непосредственно в Палестину. В меморандуме Дж. Кеннана также утверждалось, что провозглашение еврейского государства в Палестине будет иметь крайне негативное влияние и на евреев диаспоры; выражалось опасение (оказавшееся, к счастью, в целом безосновательным), что евреи в арабских и мусульманских государствах подвергнутся преследованиям и погромам и что даже в самих США «положение евреев может ухудшиться, когда американский народ узнает, что государство готово жертвовать своими сыновьями и деньгами налогоплательщиков, чтобы поддержать еврейское государство вопреки жизненно важным американским интересам»¹⁰⁷.

Учитывая ожидаемые последствия, в «меморандуме Кеннана» рекомендовалось отказаться от раздела Палестины и созвать специальную сессию Генеральной Ассамблеи ООН в нейтральной стране (по-видимому, для того, чтобы исключить какие-либо обвинения в адрес США, которые возникали в связи с тем, что голосование 29 ноября 1947 года состоялось в Нью-Йорке), чтобы она постаралась найти решение, приемлемое для всех заинтересованных сторон. При этом если такое решение не было бы найдено, то предлагалось, чтобы Палестина перешла под опеку ООН; на практике это решение означало бы продолжение британского контроля над страной.

Руководители Государственного департамента, Пентагона и разведывательных служб согласились с анализом Дж. Кеннана и его ос-

¹⁰⁷ Меморандум от 17 декабря 1947 года цит. по: Zvi Ganin, *Truman, American Jewry and Israel*.

новными выводами. Противники раздела Палестины/Эрец-Исраэль координировали свои действия друг с другом и планомерно готовили общественное мнение и Конгресс к предстоящему изменению американской позиции по данному вопросу. Успеху кампании по отказу от поддержки раздела должно было способствовать значительное обострение «холодной войны», связанное с фактическим захватом власти просоветскими силами в Чехословакии в феврале 1948 года и ростом напряженности в Берлине, а также фактически начавшаяся гражданская война между евреями и арабами в Палестине/Эрец-Исраэль. Однако для успеха их курса Л. Гендерсону, Дж. Кеннану и Д. Раску в Государственном департаменте, главе Пентагона Дж. Форрестолу и другим сторонникам отказа от плана раздела необходимо было убедить в правоте своей позиции и Белый дом, так как подготавливаемый ими поворот в политике США невозможно было выполнить без поддержки президента.

В начале 1948 года Г. Трумэн столкнулся с целым рядом новых проблем во внутренней и внешней политике. Его популярность стремительно снижалась: согласно опросам, проводившимся Институтом Гэллапа (American Institute of Public Opinion), уровень одобрения деятельности президента упал в 1948 году до 36 процентов. Газеты и журналы публиковали саркастические материалы, доказывая, что Г. Трумэн не может справиться с ситуацией ни в стране, ни в мире. Журнал *New Republic* поместил на одной из своих обложек требование: «Трумэн должен уйти в отставку». Президенту явно было не до проблем Палестины, чем пользовались госсекретарь Дж. Маршалл и министр обороны Дж. Форрестол, уговаривавшие Г. Трумэна согласиться на отказ от раздела. С другой стороны, помощники президента в Белом доме, прежде всего Кларк М. Клиффорд и Дэвид Найлс, советовали ему не отступать от плана раздела, стараясь при этом опровергнуть угрожающие прогнозы Государственного департамента и Пентагона. В беседах с Г. Трумэном они подчеркивали значение голосов еврейских избирателей и их финансовой поддержки Демократической партии на приближавшихся президентских выборах (напомним, что Г. Трумэн занял пост главы государства после смерти Ф.Д. Рузвельта без выборов, вследствие чего электоральная кампания 1948 года была его первой попыткой быть избранным президентом США). Однако их противники были сильнее, и *в начале марта 1948 года Г. Трумэн, на которого, как обычно, оказывали давление обе стороны, все же дал согласие на созыв специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН для обсуждения отказа от плана раздела и его замены режимом опеки.* При этом, по свидетельству Кларка Клиффорда, он поставил три условия, выполнение которых не казалось сопряженным с существен-

ными сложностями: во-первых, перед этим должны быть исчерпаны все возможности посредничества между противоборствующими в Палестине силами со стороны ООН; во-вторых, Совет Безопасности ООН должен проголосовать за полный отказ от плана раздела Палестины; в-третьих, Совет Безопасности должен принять решение о том или ином альтернативном плане, чтобы ситуация не оставалась «подвешенной»¹⁰⁸.

Члены американской делегации в ООН были проинструктированы публично заявить об отказе США от поддержки плана раздела Палестины (до этого все планы, разрабатывавшиеся в Пентагоне и Государственном департаменте, держались в строгом секрете). И действительно, 19 марта 1948 года представитель США в ООН Уоррен Остин сделал сенсационное заявление об отказе его страны от поддержки плана раздела и о его замене «временным режимом опеки», объяснив это необходимостью сохранения мира в Палестине и желанием дать евреям и арабам еще одну возможность договориться между собой. Неожиданное выступление У. Остина ошеломило участников заседания Генеральной Ассамблеи, лидеров сионистского движения, американское общественное мнение и, что оказалось наиболее важным, президента Г. Трумэна, который не был заранее уведомлен о нем. Буквально накануне выступления У. Остина в ООН состоялась конфиденциальная встреча между Гарри Трумэном и Хаммом Вейцманом (гость был проведен в Белый дом через боковой вход!), в ходе которой президент заявил о своей поддержке плана раздела¹⁰⁹. В своем календаре в тот день Г. Трумэн сделал запись: «Госдепартамент вырвал у меня ковер из-под ног... Я не мог себе представить, что такое может произойти... Государственный департамент изменил на противоположную мою политику по палестинскому вопросу, и я узнал об этом из газет! Теперь я оказался лжецом и двуличным обманщиком. В жизни своей никогда так не чувствовал»¹¹⁰. В выступлении У. Остина не были озвучены и три поставленных Г. Трумэном условия изменения американской позиции.

Заявление У. Остина вызвало один из самых громких скандалов в Белом доме и привело к назначению внутреннего расследования обстоятельств его появления. Руководители Государственного департамента утверждали, что суть высказанной У. Остином позиции была

¹⁰⁸ См.: Clark Clifford, "Recognizing Israel" // *American Heritage* (April 1977), p. 7.

¹⁰⁹ См.: Harry S. Truman, *Memoirs*, Vol. 2, p. 161.

¹¹⁰ Запись в календаре Г. Трумэна от 19 марта 1948 года цитируется в книге о президенте его дочери: Margaret Truman, *Harry S. Truman* (New York: William Morrow, 1972), pp. 424–425.

согласована с президентом, а то, что его выступление прозвучало на завтра после встречи Г. Трумэна с Х. Вейцманом — не более чем случайность, так как изначально планировалось, что У. Остин выступит на три дня раньше, 16 марта¹¹¹. Друг детства и пресс-секретарь президента Чарльз Г. Росс (Charles Griffith Ross, 1885–1950) отметил в своем меморандуме, что «Государственный департамент, руководствуясь определенными соображениями, последовательным образом прибегал к волоките (если не использовать более сильных выражений) в связи с политикой президента в отношении Палестины». В конце своего меморандума, описывая встречу у президента с участием чиновников Государственного департамента и Белого дома, Чарльз Росс добавил важное наблюдение личного характера: «Дэвид Найлс продемонстрировал свое отношение к Лою Гендерсону; в ходе беседы между ними можно было почувствовать их враждебность друг к другу»¹¹². И действительно, они представляли две полярные позиции в вопросе о том, какова должна быть официальная позиция США по вопросу о судьбе Палестины/Эрец-Исраэль, давая президенту противоположные рекомендации.

Официально озвученный отказ США от поддержки плана раздела продемонстрировал не только значение Государственного департамента как самостоятельной силы в американской политике, но и ограниченность влияния американских еврейских организаций. Руководители Американского сионистского чрезвычайного комитета во главе с Аббой-Хиллелем Сильвером не только не смогли предотвратить изменение позиции США в ООН, но и не располагали никакой предварительной информацией о сроке и содержании речи У. Остина. В значительной мере эта неудача явилась следствием того факта, что сионистам и их сторонникам не удалось убедить военные и дипломатические круги США в том, что создание еврейского государства на Ближнем Востоке соответствует американским интересам.

24 марта 1948 года Г. Трумэн созвал совещание с руководителями Госдепартамента и некоторыми сотрудниками Белого дома, в котором, среди других, участвовали госсекретарь Дж. Маршалл, Дин Раск, Лой Гендерсон, Кларк Клиффорд и Дэвид Найлс. Л. Гендерсон пытался убедить президента в том, что «план раздела нужно считать умершим и похороненным», однако Г. Трумэн отверг этот подход. По-

¹¹¹ См.: Allis Radosh and Ronald Radosh, *A Safe Heaven. Harry S. Truman and the Founding of Israel*, p. 303.

¹¹² Меморандум Чарльза Росса от 29 марта 1948 г. // Harry S. Truman Library and Archive, Архив Ч. Росса.

сле длительного обсуждения Г. Трумэн поручил К. Клиффорду подготовить заявление, которое «будет иметь целью согласовать идею доверительной опеки над Палестиной с принципом раздела»¹¹³.

На следующий день Г. Трумэн сделал официальное заявление, в котором говорилось: «В настоящее время раздел Палестины не может осуществляться мирными средствами». В заявлении утверждалось, что, когда британцы откажутся от мандата на Палестину, за этим немедленно последуют боевые действия и кровопролитие, которые могут «распространиться на весь Ближний Восток». «Перед лицом неминуемой опасности» президент Соединенных Штатов предложил ввести временное управление в Палестине от имени ООН, которое должно способствовать сохранению мира в стране после ухода британцев. Президент подчеркнул, что США якобы не предлагают замену плана раздела, а лишь ищут, как заполнить вакуум, который возникнет после того, как Палестину покинут британские войска. Предлагаемое им промежуточное решение, по его словам, должно позволить впоследствии окончательно решить вопрос о будущем страны. Г. Трумэн завершил свое заявление требованием установить немедленное перемирие между евреями и арабами¹¹⁴.

Сионистская дипломатия оправилась от потрясения, связанного с внезапным изменением американской позиции, и голосами Советского Союза и латиноамериканских государств принятие ООН решения о назначении режима опеки было предотвращено. 9 апреля 1948 года министр иностранных дел В.М. Молотов отправил И.В. Сталину записку: «Представляю на утверждение проект директивы т. Громыко к сессии Генеральной Ассамблеи». Вот какую позицию А.А. Громыко должен был занять в вопросе о Палестине: «Отстаивать резолюцию Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1947 года о разделе Палестины... Подвергнуть критике американское предложение об опеке над Палестиной...»¹¹⁵ И.В. Сталин утвердил предложение В.М. Молотова, решение Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 года не было отменено — *и этим независимость будущего Государства Израиль была спасена от занесенного над ней меча американской дипломатии.*

Л.М. Млечин не слишком погрешил против истины, отмечая, что «советские дипломаты сражались рука об руку с сионистами»¹¹⁶.

¹¹³ См.: Allis Radosh and Ronald Radosh, *A Safe Heaven. Harry S. Truman and the Founding of Israel*, p. 305.

¹¹⁴ Политическое заявление президента Г. Трумэна, пресс-релиз Белого дома, 25 марта 1948 г.

¹¹⁵ Цит. по: *Советско-израильские отношения, 1941–1953*, кн. 1, стр. 290–292.

¹¹⁶ Леонид Млечин, *Зачем Сталин создал Израиль?*

20 апреля 1948 года А.А. Громыко, выступая на заседании Первого комитета Второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, решительно отверг предложение США установить опеку над Палестиной и повторил: «Делегация Советского Союза считает, что решение о разделе Палестины является правильным решением и что Организация Объединенных Наций должна принять эффективные меры для проведения его в жизнь»¹¹⁷.

Однако Государственный департамент продолжал вести тот же курс: в течение недель, предшествовавших дате истечения британского мандата на управление Палестиной, его чиновники приложили все усилия к тому, чтобы не допустить создания еврейского государства и добиться продолжения британского присутствия в стране после 15 мая 1948 года. Руководители Государственного департамента предупредили просионистских лидеров американского еврейства о том, что провозглашение государства приведет к немедленному вторжению арабских армий в Палестину/Эрец-Исраэль и вызовет вспышку насилия, последствия которой трудно предсказать. Сотрудники Государственного департамента выдвинули различные предложения по заполнению вакуума власти, который образуется в Палестине после ухода Британии. Последнее из них называлось «Предложение по неофициальной передышке в Палестине» и было датировано 28 апреля 1948 года. Согласно одному из его главных положений, зафиксированном в шестом пункте документа, во время предлагаемой трехмесячной передышки, помимо прекращения огня, «арабские и еврейские власти не предпримут каких-либо шагов к [созданию] суверенного государства»¹¹⁸.

В американском руководстве при этом продолжалась борьба между Государственным департаментом и Белым домом вокруг признания будущего еврейского государства. В то время как руководители Государственного департамента стремились вообще избежать провозглашения этого государства, советники президента К. Клиффорд и Д. Найлс выступали за его немедленное признание. Они доказывали президенту, что США извлекут пользу из признания еврейского государства (в особенности поскольку было известно о том, что Советский Союз собирается признать его). Они также объясняли Г. Трумэну, что такое признание лишь подтвердит уже свершившийся факт и будет способствовать повышению престижа ООН как организации, принявшей решение о создании государства. Помимо

¹¹⁷ Цит. по: *Советско-израильские отношения, 1941–1953*, кн. 1, стр. 303.

¹¹⁸ Меморандум от 28 апреля 1948 г. опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States, 1948*, vol. V, part 2, pp. 866–868.

этого, они подчеркивали внутривнутриполитическую пользу, которую извлечет президент, напоминая ему об очень сложной электоральной кампании, ожидавшей его осенью 1948 года, когда Г. Трумэн должен был впервые баллотироваться на пост президента США¹¹⁹.

Принятие решения, однако, все откладывалось и откладывалось. Решающее совещание состоялось лишь менее чем за трое суток до планируемого провозглашения Государства Израиль, 12 мая 1948 года, когда Г. Трумэн, собрав вместе своих советников и руководителей Государственного департамента, попытался преодолеть расхождения между ними по вопросу о Палестине и выработать единую американскую позицию в отношении признания еврейского государства. Очевидно, что решающее воздействие на выработку политического курса американского руководства в отношении еврейского государства оказывала позиция Советского Союза. Выступая за признание еврейского государства, Кларк Клиффорд отметил, что следует предпринять этот шаг «до того как Советская Россия признает еврейское государство»¹²⁰. К. Клиффорд предложил, чтобы президент объявил журналистам о его решении признать еврейское государство немедленно после установления в нем демократического режима в соответствии с резолюцией ООН от 29 ноября, уже в ходе пресс-конференции 13 мая. Он также предложил проинструктировать американскую делегацию в ООН добиваться скорейшего признания еврейского государства другими странами-членами этой организации.

Предложения К. Клиффорда натолкнулись на критику со стороны сотрудников Государственного департамента. Р. Ловетт, выступивший первым, заявил, что немедленное признание будет «преждевременным», нанесет ущерб престижу президента и будет воспринято всеми как «неуклюжая попытка завоевать еврейские голоса», однако в конечном итоге приведет к противоположным результатам. Еврейское государство представляет собой «кота в мешке», поскольку никто не знает, каким оно будет. Р. Ловетт сообщил, будто имеется разведывательная информация о проникновении в Палестину иммигрантов-коммунистов, высказав предположение о том, что будущее еврейское государство станет ориентироваться не на США и страны Запада, а на Советский Союз.

¹¹⁹ О влиянии предвыборных соображений Г. Трумэна на выработку им решений по вопросам внешней политики см.: Robert A. Divine, *Foreign Policy and U.S. Presidential Elections* (New York: New Viewpoints, 1974), pp. 175–178 и 196–200.

¹²⁰ Краткий конспект совещания в Белом доме, записанный сотрудником Государственного департамента 12 мая 1948 г., опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States, 1948, vol. V, part 2, pp. 972–976.*

Р. Ловетта самым резким образом поддержал госсекретарь Дж. Маршалл. Он отметил, что предлагаемые К. Клиффордом шаги диктуются внутривластными соображениями, которым не место в серьезной дискуссии о проблемах внешней политики. В заключение он откровенно сказал, что если президент решит действовать согласно предложению К. Клиффорда, то он, Дж. Маршалл, проголодает против Г. Трумэна на грядущих президентских выборах! Ричард Холбрук (Richard Holbrooke, 1941–2010), бывший в 1990-е годы одним из самых влиятельных американских дипломатов, в свое время помогавший К. Клиффорду работать над книгой воспоминаний, рассказывал о том, что после столь ошеломляющего выпада, заседание объявили закрытым и его участники в замешательстве разошлись. Р. Ловетт, хотя и не принял сторону президента, призвал Дж. Маршалла к сдержанности — даже если Г. Трумэн начнет действовать в нежелательном для них направлении¹²¹.

На следующий день на пресс-конференции журналисты ожидаемо спросили Г. Трумэна, признают или нет Соединенные Штаты новое еврейское государство в Палестине. До даты провозглашения Израиля оставалось всего двое суток, однако президент США все еще не был готов внятно сформулировать свою позицию. «Я буду переходить через мост, — ответил он, — только когда дойду до него». Насколько известно, вечером 14 мая государственный секретарь Дж. Маршалл позвонил президенту и сказал, что хотя он и не может поддержать позицию, которую Г. Трумэн решил занять, он не будет публично выступать против нее. Это был максимум, на который был способен глава Госдепартамента. Только после этого Г. Трумэн поручил К. Клиффорду готовить документы для признания нового государства. Когда стали выяснять, какие документы и бумаги для этого нужны, оказалось, что никто этого не знает. Ситуация была уникальной — надо было готовить признание государства, которого еще не было. Наконец какие-то документы были приготовлены, но название страны в них оставалось пустым — никто еще не знал, как будет называться новое государство.

За несколько часов до того, как часы в Тель-Авиве должны были пробить полночь, К. Клиффорд сообщил Еврейскому агентству, что в Белом доме ждут прошение о признании нового государства. В результате Гарри Трумэн выступил с коротким заявлением о признании «де-факто» еврейского государства через одиннадцать минут после того, как Давид Бен-Гурион декларировал создание этого государ-

¹²¹ Richard Holbrooke, “Washington’s Battle Over Israel’s Birth” // *Washington Post*, May 7, 2008.

ГЛАВА 3. Администрация Г. Трумэна и дилемма (не)признания независимости Израиля
ства: «Администрация была уведомлена о том, что в Палестине провозглашено еврейское государство, и его временное правительство обратилось с просьбой о признании. Соединенные Штаты признали временное правительство фактическим правителем нового Государства Израиль»¹²².

Все это произошло так быстро, что официальный документ в Вашингтоне составили, когда у государства еще не было названия. Позднее Кларк Клиффорд вписал от руки — «Государство Израиль». Таким образом, Соединенные Штаты оказались первой страной, которая признала Израиль¹²³.

Однако если США признали Израиль только «де-факто», в СССР сразу было принято решение не только о фактическом, но и полном признании нового государства, то есть «де-юре», которое состоялось 17 мая 1948 года. Соединенные Штаты признали новое государство «де-юре» только 31 января 1949 года — после того, как 25 января 1949 года в Израиле прошли первые демократические выборы в Учредительное собрание, объявившее себя Кнессетом первого созыва.

* * *

Политика президента Трумэна в палестинском вопросе отражает весь комплекс проблем, которые поставило создание еврейского государства перед христианской Америкой и ее лидерами в середине XX века. Сионизм, видевший в возобновлении еврейского суверенитета в Палестине/Эрец-Исраэль средство для разрешения проблем и аномалий существования еврейского народа, обрел в США как многочисленных сторонников, так и противников. С начала 1940-х годов, вследствие роста американской зависимости от ближневосточной нефти и страха перед советским проникновением в регион, американское отношение к сионизму перешло из области солидарности с новаторской общественно-национальной идеологией в плоскость соображений национальных интересов и международной безопасности. С точки зрения военно-политического истеблишмента в Вашингтоне, баланс между арабской мощью (территория, население, нефть и неоднократно продемонстрированная готовность к насильственным действиям для достижения своих целей) и еврейским *ишувом* Палестины/Эрец-Исраэль столь явственно склонялся в пользу арабов, что единственный приемлемый вывод заключался в отказе от поддержки создания еврейского государства. Однако существовали как объективные, так и субъективные условия, которые

¹²² Пресс-релиз Белого дома, 14 мая 1948 г.

¹²³ Richard Holbrooke, "Washington's Battle Over Israel's Birth".

способствовали формированию президентом умеренно-нейтрального курса, выразившегося в согласии в декларативной форме поддержать создание еврейского государства и в ходе голосования на Генеральной Ассамблее ООН 29 ноября 1947 года, и после провозглашения государственной независимости Израиля 15 мая 1948 года. К объективным причинам можно отнести ощущение вины из-за бездействия США по защите подвергавшихся систематическому тотальному уничтожению евреев Европы; проблему перемещенных лиц, годами находившихся в лагерях, созданных и снабжавшихся американскими вооруженными силами; определенное политическое влияние просионистских еврейских организаций в США, а к субъективным — присутствие людей, постепенно ставших сторонниками сионизма, среди советников президента Г. Трумэна. Однако, как было показано выше, *в обоих случаях решения принимались в самые последние моменты, в обоих случаях — вопреки жесткой антиссионистской позиции руководителей Государственного департамента и Пентагона, причем в обоих случаях американские руководители знали о том, что обсуждаемая ими поддержка провозглашению будущего еврейского государства уже гарантирована Советским Союзом и его союзниками — и страх, проголосовав «против», своими руками столкнуть будущий Израиль в просоветский лагерь, превратив его в форпост советского влияния на Ближнем Востоке, был одним из основных — если не основным — аргументом в пользу голосования «за».* Об этом сам Г. Трумэн недвусмысленно писал Элеоноре Рузвельт 20 мая 1948 года: «Так как в Палестине образовался вакуум, и русские собирались первыми признать Израиль, генерал Маршалл, Ловетт, д-р Раск и я обсудили положение и решили, что будет правильным немедленно признать еврейское правительство»¹²⁴. В письме к вдове своего предшественника президент изящно умолчал о том, что руководители Государственного департамента не поддерживали его, но главное сообщение — опередить Советский Союз — им передано точно.

Ни на каком этапе дипломатических обсуждений американская дипломатия не была катализатором просионистского курса, напротив, пытаясь в декабре 1947 — апреле 1948 года сорвать реализацию уже утвержденного плана раздела Палестины/Эрец-Исраэль, а также, что не менее важно, сократить территорию будущего еврейского государства, изменив рекомендации Специальной комиссии ООН в целях передачи тех или иных земель и населенных пунктов под арабский контроль.

Вопреки часто звучащим утверждениям, реальное влияние американских еврейских просионистских организаций на выработку политики

¹²⁴ Письмо президента Г. Трумэна Элеоноре Рузвельт от 20 мая 1948 г. // Архив Элеоноры Рузвельт, Библиотека Франклина Д. Рузвельта.

по этому вопросу было минимальным: их руководителей не принимали в Белом доме, а о ключевых изменениях официального курса они узнавали лишь из газет.

Более того: *каждый шаг американского руководства, который можно охарактеризовать как «присионистский», сопровождался его антитезой:* так, сразу после голосования «за» резолюцию о разделе, США ввели эмбарго, лишившее еврейских защитников независимости надежд на то, что они получат от США оружие, которое поможет им отразить агрессию арабских стран, в значительной мере инициированную и спровоцированную руководством палестинских арабов; а признав Государство Израиль де-факто 15 мая 1948 года, США не признавали его де-юре до конца января 1949 года! В то время, когда США вводили эмбарго на поставки вооружений, Советский Союз через Чехословакию поставил защитникам независимости Израиля столь необходимое им оружие, а признание Израиля де-юре было сделано Советским Союзом уже 17 мая 1948 года!

Наше отношение к И.В. Сталину, В.М. Молотову, А.Я. Вышинскому и другим советским руководителям, повинным в развязывании массовых репрессий против советского народа в 1920–1950-е годы, равно как и память о том антиизраильском курсе, который проводил МИД СССР под руководством А.А. Громыко в период правления Л.И. Брежнева, не должны способствовать искажению памяти о событиях второй половины 1940-х годов, когда именно эти люди, по тем или иным причинам, были архитекторами и проводниками курса, который позволил Государству Израиль возникнуть и выжить в самые сложные месяцы его истории. Какими бы стратегически доверительными ни были отношения руководителей Израиля и США когда бы то ни было впоследствии, это не повод забывать о том, что *провозглашение государственной независимости Израиля произошло – назовем вещи своими именами – вопреки и при активном сопротивлении руководства США, сквозь зубы и то далеко не единым фронтом говоривших будущему еврейскому государству «да» тогда, когда от этого «да» уже мало что зависело – и говоривших это «да» преимущественно для того, чтобы не проиграть Израиль вчистую Советскому Союзу; морально-правовые же обоснования еврейской государственности в эпоху после Холокоста оставались для американских руководителей совершенно чуждыми.*

ЧАСТЬ II.

**ВРАЖДЕБНАЯ ОТЧУЖДЕННОСТЬ:
АМЕРИКАНО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
НЕЗАВИСИМОСТИ ИЗРАИЛЯ**

Глава 4

Холодное безразличие: американо-израильские отношения в период второго срока правления Г. Трумэна, 1949–1952 гг.

Израильская внешняя политика начала формироваться, конечно, не после 15 мая 1948 года, когда была провозглашена независимость еврейского государства, а существенно раньше — ее основы заложила дипломатия сионистского движения, которая всегда стремилась заручиться поддержкой сверхдержав. Стремление опереться на могущественного друга оставалось одной из основных черт сионистского движения и после того, как оно получило политическое признание и практическую поддержку в Декларации Бальфура, и после установления британского мандата в Палестине¹²⁵. Тем не менее в период мандата, когда Великобритания управляла Палестиной от имени Лиги Наций, вопрос о внешнеполитической ориентации сионистских организаций Палестины/Эрец-Исраэль не мог иметь практического значения, несмотря на существование в нем просоветски настроенных левых политических групп и правых радикалов, готовых к партнерству с самыми разными антибританскими силами, в том числе — с фашистской Италией. Однако конец Второй мировой войны совпал с тремя историческими процессами, которые превратили руководство еврейских общинных организаций в Палестине/Эрец-Исраэль и их сторонников в разных странах в значимых участников процессов мировой политики.

В первые три года после Второй мировой войны в руководстве еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль шли сложные дискуссии о внешнеполитической ориентации будущего еврейско-

¹²⁵ См.: Aharon Kleiman, «Zionist Diplomacy and Israeli Foreign Policy» // *Jerusalem Quarterly*, no. 11 (1979), pp. 93–111; Sasson Sofer, *Zionism and the Foundation of Israeli Diplomacy* (Cambridge University Press, 1998), pp. 383–384.

го государства, в скорое создание которого верило значительное большинство сионистских лидеров. Основное противоречие существовало между политиками, считавшими, что необходимо продолжать ориентироваться на британцев (несмотря на враждебную по отношению к борьбе за еврейскую государственность политику британских правительств, как возглавляемого консерваторами, так и лейбористами, особенно после 1939 года), которые с точки зрения политики, экономики, энергетики и ряда других факторов имели в Палестине/Эрец-Исраэль наиболее сильные позиции, и теми, кто настаивал на том, что необходимо строить политические отношения с новыми, более перспективными партнерами, такими, как США или СССР.

При этом положение Израиля было чрезвычайно сложным: руководители нового государства должны были сделать свой выбор в разгар «холодной войны», когда, сблизившись с одной из сторон, они автоматически стали бы антагонистами по отношению к другой. Предвидя деструктивные результаты любого однозначного предпочтения, израильское руководство избрало линию, которая в то время была определена как «политика неприсоединения». Она заключалась в том, чтобы «стучаться в обе двери», тщательно избегая жестов, от которых какая-либо из них могла бы захлопнуться. В беседе с представителем Государственного департамента США, направленным в Израиль в конце 1948 года с целью выяснить, намерен ли Израиль стать частью советского блока, Д. Бен-Гурион сказал: «Национальный характер евреев Эрец-Исраэль — и это было видно еще до создания государства — не терпит зависимости — ни экономической, ни политической, ни интеллектуальной. Мы никому не подражаем, а идем своим собственным путем. Мы непохожи ни на английских лейбористов, ни на русских коммунистов, ни на немецких социал-демократов. Мы не собираемся кланяться ни Америке, ни России, а стремимся найти свой путь»¹²⁶. Политика неприсоединения нашла свое выражение в базовых принципах программы правительства, сформулированной после первых выборов в начале 1949 года. В ней, в частности, говорилось, что внешняя политика Израиля будет основана на «лояльности по отношению к принципам, на которых базируется Хартия ООН и на дружбе со всеми миролюбивыми государствами, и в особенности с США и СССР»¹²⁷.

¹²⁶ Дневник Д. Бен-Гуриона, запись от 25 ноября 1948 года // Архив Центра наследия Бен-Гуриона, Сде-Бокер [на иврите].

¹²⁷ Письмо Давида Бен-Гуриона к Залману Арану, 4 марта 1949 года // Государственный архив Израиля [на иврите].

Однако в то время, когда страны мира разделились на два противоборствующих лагеря, ведение такой политики было делом очень и очень сложным. В условиях начавшейся «холодной войны» ни Советский Союз, ни Соединенные Штаты не были заинтересованы в сохранявшем нейтралитет Израиле, причем руководители обеих держав подталкивали руководство еврейского государства к тому, чтобы сделать однозначный выбор, примкнув к возглавляемому ими лагерю. Давид Бен-Гурион и Моше Шарет, определявшие внешнеполитический курс Израиля в первые годы его существования, хорошо помнили о том, благодаря чьей дипломатической и военной поддержке еврейское государство возникло и выжило, но при этом они не испытывали симпатии к сталинской модели казарменного социализма, и им меньше всего хотелось проводить в своей стране судилища, аналогичные имевшим место в Праге в 1951–1952 годах. Однако и маккартистскую истерию устраивать в Израиле никому не хотелось... В период, когда ведущие мировые державы активно искали врагов среди собственных граждан, маленький Израиль, только вышедший из Войны за независимость, решал, к счастью, иные задачи...

Позицию Д. Бен-Гуриона в вопросе о международной ориентации Израиля и его отношениях с великими державами в первые годы существования государства можно понять только в контексте политических принципов, которых он придерживался в течение длительного времени¹²⁸. С тех пор как в 1920-е годы началась его карьера государственного деятеля, Д. Бен-Гурион предпочитал активные действия дипломатическим усилиям, рассчитанным на постепенное достижение желаемых результатов. В 1933 году он писал: «Было бы величайшим самообманом считать, что евреи как нация являются фактором мирового значения, определяющим политику таких великих держав, как Великобритания. Мы никогда не были таким фактором и, по-видимому, никогда не будем. Однако в некоторых вопросах мы должны быть сильнее, чем даже крупные государства. Речь идет о вопросах, оказывающих определяющее влияние на судьбу еврейского народа, чего нельзя сказать об их роли с точки зрения выживания Великобритании или какой-либо другой страны. Поэтому мы, более чем все остальные, способны повлиять на их решение. Ни Великобритания, ни арабский мир не исчезнут с карты мира, если они не будут обладать Эрец-Исраэль, в то время как наше существование пол-

¹²⁸ См.: Uri Bialer, "Facts and Pacts: Ben-Gurion and Israel's International Orientation, 1948–1956", in *David Ben-Gurion. Politics and Leadership in Israel*, ed. by Ronald Zweig (London, 1991), pp. 216–235.

ностью зависит от этого. Для нас это вопрос жизни или смерти...»¹²⁹ Два десятилетия спустя, ссылаясь на сформулированную им в начале 1930-х годов позицию, Д. Бен-Гурион заявил, что он не изменил бы в нем ни единого слова.

Завоевания Израиля в конце 1948 – начале 1949 года в Войне за независимость (территория страны увеличилась почти в полтора раза за счет аннексии Северной Галилеи, Северного Негева, «иерусалимского коридора» и Западного Иерусалима) послужили основой для шагов, предпринятых для достижения перемирия. В это время стратегическое положение Израиля было более выгодным в сравнении с тем, как это предписывалось резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН о разделе Палестины/Эрец-Исраэль. Израиль стремился усилить это преимущество, добиваясь урегулирования конфликта с соседними странами на постоянных условиях. Заключенные на острове Родос в первой половине 1949 года соглашения о прекращении огня между Израилем и всеми четырьмя граничащими с ним арабскими странами останавливали кровопролитие и, что еще более важно, фактически означали признание границ Израиля, пусть даже во всех соглашениях и утверждалось обратное; в настоящее время международное сообщество признает Израиль именно в этих границах, получивших название «зеленой черты». Израильские руководители очень надеялись, что эти переговоры приведут к полноценным мирным соглашениям, чего, однако, по ряду причин не случилось, хотя в 1949–1952 годах велись как двухсторонние, так и многосторонние переговоры между еврейским государством и граничащими с ним арабскими странами (последние проводились под эгидой ООН, в частности, в Лозанне – весной и летом 1949 года и в Париже – осенью 1951 года¹³⁰). Важно отметить, что *в первые годы государственной независимости Израиля его дипломаты вели переговоры с представителями Египта, Иордании, Сирии и Ливана*¹³¹, при этом представители США в этом процессе, приведшем к подписанию соглашений о прекращении огня

¹²⁹ Из письма Давида Бен-Гуриона редактору газеты «Давар» [«Слово»], 3 апреля 1954 г. // Архив Центра наследия Бен-Гуриона, Сде-Бокер [на иврите].

¹³⁰ См.: Neil Caplan, *Futile Diplomacy: Volume 3. The United Nations, the Great Powers and the Middle East, 1948–1954* (London, 1997).

¹³¹ См.: Itamar Rabinovich, *The Road Not Taken. Early Arab–Israeli Negotiations* (Oxford University Press, 1991); Заки Шалом, «Переговоры и контакты для выяснения возможности заключения израильско-египетского договора в 1949–1955 гг.» // *Июним бе'ткумат Исраэль* [«Исследования возрождения Израиля»], №10 (2002), стр. 753–783 [на иврите]; Mordechai Gazit, «The Israeli–Jordan Peace Negotiations, 1949–1951» // *Journal of Contemporary History*, no. 23 (1998), pp. 409–423.

между всеми приграничными странами, никак не участвовали. Даже на протяжении примерно пяти лет после убийства короля Иордании Абдаллы в 1951 году Министерство иностранных дел Израиля пыталось поддерживать контакты с арабским миром, где оставалось все меньше политиков и общественных деятелей, которые были к таким контактам готовы. Участие американских посредников в арабо-израильском переговорном процессе отнюдь не было неотъемлемой изначальной чертой этого процесса.

Не были Соединенные Штаты причастны и к выработке израильской стратегии национальной безопасности. Практически все израильские лидеры первого поколения были абсолютно убеждены, что арабы принципиально не хотят реальных мирных соглашений с Израилем, из чего следовали два вывода: во-первых, Израиль должен был готовить себя к существованию в состоянии непрерывного конфликта с соседями; во-вторых, он должен был основывать все решения в сфере национальной безопасности на том факте, что его демографическая ситуация и географическое положение делают его весьма уязвимым. Это обуславливало необходимость политики и стратегии безопасности, гарантирующих минимальный риск. Выступая на заседании Генерального штаба ЦАХАЛа [Армии обороны Израиля], Д. Бен-Гурион следующим образом сформулировал понимание проблемы политическим руководством страны: «Чрезвычайная острота нашей ситуации заключается в том, что мы не можем позволить себе поражения. Арабы могут проиграть пару войн, мы можем десять раз победить Египет, и ничего не случится. Но если мы позволим им победить один раз, все будет кончено»¹³². Чтобы помешать планам уничтожить еврейское государство, соображения обороны должны были превалировать над стремлением к миру. Логика этой концепции была очевидна: если достижение мира сомнительно не только в настоящем, но и в обозримом будущем, то в стремлении арабов уничтожить Израиль Д. Бен-Гурион и его соратники не сомневались¹³³. Из стран Ближнего и Среднего Востока Израиль признали Турция (в сентябре 1949 года) и Иран (в марте 1950 года), но ни одна из арабских стран.

В этой связи перед израильской дипломатией стояли две задачи: оптимальным и желательным было, конечно, добиться поддержки

¹³² Цит. по: Заки Шалом, *Давид Бен-Гурион, Государство Израиль и арабский мир в 1949–1953 гг.* (Сде-Бокер: Центр наследия Бен-Гуриона, 1995) [на иврите].

¹³³ См.: Дан Хоровиц, «Израильская концепция национальной безопасности», в книге *Дипломатия в тени конфронтации*, под ред. Бениамина Нойбергера (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 1984), стр. 118 [на иврите].

со стороны как можно большего числа стран, в особенности мировых держав; однако важным было и добиться того, чтобы как можно меньшее число стран поддерживали требования противников Израиля. Иными словами, Израиль был готов предложить ведущим мировым державам «нейтралитет в обмен на нейтралитет», предлагая им не поддерживать антиизраильские требования арабских стран в обмен на собственное неприсоединение ни к одному из блоков в «холодной войне». *Израиль не был в те годы ни сателлитом США, ни сателлитом СССР, так как демонстративно прозападная или жестко просоветская внешнеполитическая ориентация рассматривалась в Иерусалиме как ставящие под угрозу безопасность страны в связи с опасением, что держава, к лагерю противников которой примкнет Израиль, всей своей мощью, как дипломатической, так и военной, поддержит противников еврейского государства.* В конце марта 1951 года Д. Бен-Гурион объяснял находившемуся в Израиле американскому дипломату высокого ранга, почему он не хочет, чтобы Израиль имел контрактные обязательства перед кем бы то ни было, включая США. По словам Д. Бен-Гуриона, «нация должна быть самодостаточной. Мы не можем предвидеть, каков будет мир после следующей войны и каковы будут отношения между великими державами, даже если Запад эту войну выиграет. Возможно, США больше не будут заинтересованы в этом регионе и покинут его, но мы останемся, останутся здесь и арабы»¹³⁴.

Кроме того, в первые годы после создания государства, когда обеспечение иммиграции стало одной из важнейших национальных задач, требовалось проводить особенно осторожную внешнюю политику с теми странами, из которых можно было ожидать больших иммиграционных волн. Несмотря на наличие в США и Великобритании крупных еврейских общин, подавляющее большинство иммигрантов прибывали в Израиль отнюдь не из этих стран — и то, что евреи Западного мира в массе своей не свяжут с Израилем свои судьбы, руководители страны понимали, как бы горько им это ни было. Голда Меир (урожденная Мабович, по мужу — Мейерсон, 1898–1978) прибыла в Палестину/Эрец-Исраэль после пятнадцати лет жизни в США, но такие примеры были единичны. При этом израильские руководители «поколения отцов-основателей», сами в подавляющем большинстве своем — уроженцы «черты еврейской оседлости» в Российской империи, очень надеялись на прибытие в Израиль переживших Холокост евреев СССР и стран Восточной Европы, вследствие чего стремились создать у руководителей этих стран ощущение, что,

¹³⁴ Протокол встречи от 27 марта 1951 года [на иврите] // Государственный архив Израиля.

если они и не находятся с ними «по одну сторону баррикад», то как минимум не находятся по разные стороны. В том числе и по этим причинам, Израиль был очень заинтересован в том, чтобы в его политике по отношению к советскому блоку нельзя было увидеть никаких признаков враждебности. В начале 1950 года в беседе с одним из лидеров американского еврейства, гостившим в то время в Израиле, Д. Бен-Гурион говорил: «Иммиграция – наша единственная надежда. Румыния закрыта, но мы не можем отречься от сотен тысяч живущих там евреев. Еще продолжается иммиграция из Польши, Чехословакии и Болгарии. Если есть хоть малейший шанс обеспечить иммиграцию с Востока, в особенности из Румынии, мы не должны им пренебрегать»¹³⁵. При этом важным аргументом Д. Бен-Гуриона в пользу невозможности ведения Израилем антиамериканской политики был факт проживания в США крупнейшей еврейской общины в мире; об этом он говорил еще в апреле 1947 года. Д. Бен-Гурион опасался, что антиамериканский курс тогда еще будущего еврейского государства ударит по еврейской общине США, чего он не мог себе позволить¹³⁶.

В самые первые годы существования государства израильские руководители надеялись, что, несмотря на идеологические разногласия, благодаря новой политике Советского Союза станут возможными интенсивные политические контакты между двумя странами. В июне 1948 года первый министр иностранных дел Израиля Моше Шарет охарактеризовал новую политику СССР как «самую революционную перемену, которая произошла в мире по отношению к сионизму и еврейскому народу со времени Декларации Бальфура»¹³⁷. Д. Бен-Гурион и М. Шарет считали, что во всех случаях необходимо избегать любой конфронтации с Советским Союзом, однако они не собирались отказываться от борьбы с коммунистической партией в самом Израиле. Помимо практической проблемы налаживания отношений с Советским Союзом, Д. Бен-Гурион и сменивший его в конце 1953 года на посту главы правительства М. Шарет столкнулись с политическим противостоянием со стороны израильских левых радикалов, не признававших компромиссов в идеологических вопросах. Особенно активна в этом отношении была социалистическая Объединенная рабочая партия (МАПАМ), в которой Д. Бен-Гурион

¹³⁵ Дневник Бен-Гуриона, запись от 20 января 1950 года // Архив Центра наследия Бен-Гуриона, Сде-Бокер [на иврите].

¹³⁶ Запись от 26 апреля 1947 года // Архив Партии Труда Израиля [на иврите].

¹³⁷ Выступление на заседании Центрального комитета Партии Труда, 18 июня 1948 года // Архив Партии Труда [на иврите].

со времени ее основания в 1948 году видел главного политического противника. Израильские руководители в ходе полемики со своими оппонентами из левых сионистских партий позволяли себе определенную критику доминировавшей в Советском Союзе идеологии, внимательно следя за тем, чтобы не перейти границу, за которой началась бы политическая конфронтация с СССР¹³⁸.

Главной причиной стремления Израиля к укреплению связей с сверхдержавами было продолжение конфликта после окончания Войны за независимость. Политический и экономический бойкот Израиля со стороны арабских стран, обусловивший его изоляцию в регионе, и их военная агрессия заставляли израильское руководство предпринимать новые и новые попытки налаживания отношений с ведущими странами Запада, способными открыть новому государству доступ к жизненно необходимым ему ресурсам¹³⁹. Израилю нужна была финансовая поддержка, инвестиции, пищевые продукты, нефть, оружие и технологическая помощь, без которых вышедшее из изнурительной войны и только становившееся на ноги еврейское государство не могло существовать. Оружие, которое Чехословакия с одобрения СССР начала присылать в Израиль в начале Войны за независимость, оказав ему этим неоценимую помощь на критическом этапе боев, продолжало прибывать еще полтора года после ее окончания. Однако сложившаяся политическая реальность не позволяла Израилю рассчитывать на дальнейшее партнерство с СССР и его союзниками в развитии своего военного потенциала. Это стало абсолютно ясно израильскому руководству в начале 1951 года, когда чешское правительство наотрез отказало Израилю в дальнейших поставках¹⁴⁰. Обращение к американской администрации также оказалось бесполезным: США уже не в первый раз отказали Израилю в военной помощи.

Огромной проблемой для Израиля было то, что США, как и Великобритания, отказались признать территориально-демографический статус, обретенный Израилем в результате Войны за независимость. *США, как и другие страны Запада, не признали прав Израиля на владение занятым им к июлю 1948 года Западным Иерусалимом;*

¹³⁸ Shmuel Sandler, «Ben-Gurion's Attitude Towards the Soviet Union» // *Jewish Journal of Sociology*, vol. 21, no. 2 (1979), pp. 145–160.

¹³⁹ См.: Uri Bialer, *Between East and West: Israel's Foreign Policy Orientation, 1948–1956* (Cambridge University Press, 1990); Eli Podeh, «The Desire to Belong Syndrome: Israel and Middle East Defense, 1948–1954» // *Israel Studies*, vol. 4, no. 2 (1999), pp. 121–149.

¹⁴⁰ Uri Bialer, «The Czech–Israeli Arms Deal Revisited» // *Journal of Strategic Studies*, vol. 8, no. 2 (1985), pp. 307–315.

не приняли они и израильский подход, рассматривавший как свершившуюся данность исход палестинских арабов в ходе развязанной арабами войны и формирование почти мононационального еврейского государства. Стара-ясь предотвратить уход стран арабо-мусульманского мира в просоветский лагерь, США сознательно дистанцировались от Израиля. Когда израильские руководители обращались с просьбами включить еврейское государство в создававшееся, начиная с октября 1951 года, под эгидой США, Великобритании, Франции и Турции Высшее союзное командование на Ближнем Востоке (Supreme Allied Commander, Middle East; SACME), то в ответ снова и снова слышали о том, что поворот в этом направлении может свести на нет попытку Вашингтона создать региональную систему безопасности, которая неизбежно, учитывая демографические и геополитические реалии региона, должна опираться на арабские страны (вследствие чего, например, Египет был приглашен примкнуть к союзному командованию в качестве одного из его партнеров-основателей; однако это приглашение было отклонено). Визит министра иностранных дел Израиля Моше Шарета в Вашингтон в декабре 1950 года не изменил существовавшего положения; администрация Г. Трумэна отклоняла просьбы из Иерусалима о заключении двустороннего договора о стратегическом партнерстве и в 1951, и в 1952 годах¹⁴¹. В мае 1950 года США, Великобритания и Франция подписали декларацию, разрешавшую контролируемый и координируемый экспорт оружия в страны Ближнего Востока и предусматривавшую создание структуры для его осуществления. Инициаторами этой политики были США и Великобритания, которые предложили Франции партнерство главным образом для того, чтобы она в одиночку не перевооружала Сирию¹⁴². Израиль стремился добиться военного паритета между собой и арабскими странами, однако экспорт оружия «тройкой» западных держав на Ближний Восток происходил, исходя из сравнения арсеналов Израиля с каждым арабским государством по отдельности. Учитывая, что и до этого (в 1948 году), и после (в 1973 году) на Израиль нападали объединенные силы арабских стран (Израиль же явно не мог рассчитывать на то, что какая-либо арабская страна присоединится к нему в войне против другой), такого рода подсчеты никак не обеспечивали подлинный паритет сил в регионе.

¹⁴¹ См.: Авраам Бен-Цви, *От Трумэна до Обамы: Укрепление и начало ослабления отношений США и Израиля* (Тель-Авив: издательство «Едиот сфарим», 2011), стр. 30 [на иврите].

¹⁴² См.: Michael Oren, «The Tripartite System and Arms Control in the Middle East, 1950–1956», in: *Arms Control in the Middle East*, ed. by Dore Gold (Boulder, 1990), pp. 77–87.

Советский Союз ревностно следил за этими колебаниями внешнеполитического курса Израиля, в ноябре 1951 года потребовав разъяснений. Не зная, что американцы даже не предложили Израилю участвовать в проекте объединенного союзного командования на Ближнем Востоке (и будучи, видимо, уверенными в обратном), советские представители предостерегали израильских руководителей от участия в данной инициативе. Ответ МИДа еврейского государства гласил, что Израиль «не давал и не даст своего согласия на операции или подготовку агрессии против СССР». 24 ноября 1951 года ноты советского правительства по этому вопросу были направлены правительствам США, Великобритании, Франции и Турции¹⁴³. С другой стороны, в первые два года после провозглашения независимости Израиля американские и английские политики постоянно твердили о своих опасениях, что декларирующее свою приверженность социалистическим ценностям руководство еврейского государства предпочтет быть во внешней политике на стороне Советского Союза, хотя Д. Бен-Гурион еще в 1949 году обещал послу США в Тель-Авиве, что «скорее Рим станет коммунистическим, чем Иерусалим»¹⁴⁴. Даже когда в первые месяцы 1950 года, и в особенности в июне, после начала войны в Корее, стала очевидна необоснованность этих опасений, США и Великобритания осуждали сдержанность Израиля, отказывавшегося открыто занять проамериканскую позицию.

Уже в конце 1949 года работавшие в США израильские дипломаты начали убеждать руководителей своей страны продемонстрировать политическую солидарность с Вашингтоном, так как их очень беспокоили возможные отрицательные последствия неопределенной позиции Израиля в отношении возможности получения экономической помощи от США. В начале 1949 года Импортно-экспортный банк, принадлежавший правительству США, выделил Израилю ссуду в размере ста миллионов долларов. Израильские дипломаты в Вашингтоне снова и снова рекомендовали правительству развеять сомнения американской администрации относительно того, на чьей стороне находится Израиль в конфронтации сверхдержав, что должно было, по их мнению, создать в Конгрессе благоприятный политический климат для поддержания предоставления американской помощи еврейскому государству. Во второй год израильской

¹⁴³ См.: *СССР и арабские страны. 1917–1960* (Москва, 1961), документ №28.

¹⁴⁴ Отчет об этой встрече посол США в Израиле Дж. Макдональд направил телеграммой государственному секретарю США 5 декабря 1949 г. (сама встреча состоялась за день до этого); см. текст этой телеграммы в антологии *Foreign Relations of the United States, 1949, vol. VI, pp. 1521–1522.*

государственности США посетил депутат Кнессета Элизер Ливне (урожденный Либенштейн, 1902–1975), пользовавшийся доверием Д. Бен-Гуриона. Информировав премьер-министра о своей поездке и встречах с представителями Государственного департамента, Министерства обороны и сотрудников разведывательных служб, Э. Ливне сообщал, что в Вашингтоне ему было сказано: только в случае, если Израиль заявит о своей готовности «противостоять советской агрессии, станет возможным изменение отношения к его просьбам о помощи в создании военного потенциала»¹⁴⁵. Когда в июне 1950 года началась война в Корее, руководство Израиля заявило о своей безусловной поддержке действий США, предпринимаемых с целью остановить вторжение в Южную Корею сил Пхеньяна; при этом правительство Израиля воздержалось от каких-либо антисоветских выпадов. Позднее в том же году Д. Бен-Гурион переслал в США следующее сообщение о внешнеполитическом курсе Израиля: «Хотя в условиях мира мы пытаемся сохранить политическую независимость, в случае войны мы будем полностью на стороне Запада»¹⁴⁶. При этом Д. Бен-Гурион отказывался связывать себя обязательствами перед США в отношении глобальной политики в мирное время. В планах, переданных в Вашингтон, не было ни одного предложения ни по строительству в Израиле американских военных баз, ни по совместной военной стратегии против Советского Союза¹⁴⁷. При этом в начале января 1951 года Д. Бен-Гурион решительно отклонил предложение англичан о создании ими своих военных баз на территории Израиля. Он отказался от этого, едва ли не самого серьезного стратегического предложения Великобритании до начала Суэцко-Синайской кампании, из опасения, что оно маскирует «их желание вернуться в Палестину»¹⁴⁸, чего он очень боялся и чего никак не желал.

Антиеврейские процессы в Праге в конце 1952 года, сфабрикованное в СССР в начале 1953 года «дело врачей» и разрыв дипломатических отношений между Иерусалимом и Москвой в феврале 1953 года повлияли на позицию Д. Бен-Гуриона в отношении заключения союзов с государствами советского блока. Заявления, которые он делал по поводу этих событий, не оставляют сомнений в его резко

¹⁴⁵ Письмо Элизера Ливне Давиду Бен-Гуриону, 1 мая 1950 года // Государственный архив Израиля [на иврите].

¹⁴⁶ Телеграмма от 9 октября 1950 года // Архив Центра наследия Бен-Гуриона.

¹⁴⁷ См.: Uri Bialer, "Facts and Pacts: Ben-Gurion and Israel's International Orientation".

¹⁴⁸ Дневник Бен-Гуриона, запись от 29 января 1951 года // Архив Центра наследия Бен-Гуриона, Сде-Бокер [на иврите].

отрицательном отношении к советскому режиму и коммунистической идеологии. В конце января 1953 года он говорил членам правительства: «Мы в любом случае должны быть на стороне Запада. У нас нет выбора так же, как у нас не было выбора в дни Гитлера». Освобождение в апреле 1953 года врачей, арестованных в СССР без всякой вины годом ранее на пике антисемитской кампании позднего сталинизма¹⁴⁹, способствовало и улучшению израильско-советских отношений. В середине 1953 года в качестве условия возобновления отношений между двумя странами Д. Бен-Гурион согласился дать Советскому Союзу обязательство «не вступать ни в один блок, враждебный по отношению к СССР».

Не воспринимая Израиль как своего союзника, в 1952 году администрация США ответила отказом на просьбу его правительства о предоставлении займа; в том же году просьбу Израиля о получении ссуды в размере пяти миллионов фунтов отклонило правительство Великобритании. Тяжелейшая экономическая ситуация, в которой находилось еврейское государство, начала изменяться к лучшему, только когда начали поступать репарационные выплаты от правительства ФРГ, согласившегося таким образом компенсировать разграбленное и присвоенное нацистами имущество жертв Холокоста. Хотя из-за согласия Д. Бен-Гуриона вести переговоры с Германией и получать деньги от этой страны спустя считанные годы после Холокоста разгорелся один из самых острых политических кризисов в истории Государства Израиль¹⁵⁰, когда против правительства единым фронтом выступили все оппозиционные партии, от социалистической Объединенной рабочей (МАПАМ) и Коммунистической на левом фланге до движения «Херут» [«Свобода»] во главе с Менахемом Бегинем (1913–1992) – на правом, еврейское государство оказалось, по сути, в безвыходном положении. Сотни тысяч евреев, как переживших Холокост и прибывших в страну из Европы, так и иммигрировавших из Марокко, Алжира, Ирака, Йемена и других стран арабо-мусульманского мира, ютились в брезентовых палатках и барачных поселках, но никакая страна, включая США, не была готова

¹⁴⁹ См.: Кирилл Феферман и Алек Д. Эпштейн, *Черные годы. Советское еврейство между Гитлером и Сталиным, 1939–1953* (Раанана: Открытый университет Израиля, 2010), стр. 244–270 и многие другие публикации.

¹⁵⁰ См.: Yehudith Auerbach, “Ben-Gurion and Reparations from Germany”, in: *David Ben-Gurion: Politics and Leadership in Israel*, ed. by Ronald Zweig (London: Frank Cass, 1991), pp. 274–292; Йехиам Вайц, «Путь к “другой Германии”: отношение Бен-Гуриона к контактам с Германией в 1952–1960 гг.», в книге *Независимость: первые пятьдесят лет*, под ред. Аниты Шапира (Иерусалим: Центр им. Залмана Шазара, 1998), стр. 245–266 [на иврите] и многие другие публикации.

поддержать усилия по абсорбции этих людей, предоставлении им приемлемого жилья и создания рабочих мест. Согласие правительства Западной Германии выплачивать репарации Израилю — стране, которой во время Холокоста еще не существовало — было огромным дипломатическим достижением, прежде всего, многолетнего президента Всемирного еврейского конгресса Нахума Гольдмана (Nahum Goldmann, 1895–1982), однако это были деньги, которые в Израиле получать хотели меньше всего — и которые согласились, да и то после ожесточенных споров¹⁵¹, получать лишь потому, что более помощи было ждать неоткуда.

Не будет преувеличением сказать, что внешнеполитическое одиночество, в котором оказалось еврейское государство, таило в себе угрозу самому факту его выживания. Во-первых, проблемой была сильная поддержка — в особенности в ООН — требований арабского мира заставить Израиль отказаться от завоеваний в Войне за независимость; лидеры молодого государства рассматривали давление в этом направлении как серьезную угрозу, даже несмотря на то, что создание еврейского государства произошло под эгидой ООН, в которую Израиль был принят в качестве одного из членов. Во-вторых, Израиль, принявший в первые три года своего существования иммигрантов, численность которых равнялась численности его собственного населения на момент провозглашения независимости, нуждался в значительной экономической помощи извне для их абсорбции. Надежда на получение этой помощи от США оказалась тщетной; представителям еврейского государства пришлось вести переговоры о получении средств с официальными лицами страны, которая менее чем за десять лет до этого пыталась окончательно решить «еврейский вопрос» в печах Освенцима.

Израильский историк Авраам Бен-Цви в своей изданной на языке иврит книге об истории американо-израильских отношений справедливо указал, что «в конце эпохи Трумэна Израиль оказался в опасной изоляции, не будучи вовлеченным в какую-либо существующую или планируемую систему двусторонних и многосторонних союзов и не имея ни одного политико-стратегического союзника»¹⁵². За все годы своего президентства Г. Трумэн ни разу не посетил Израиль и ни разу не пригласил Д. Бен-Гуриона с официальным визитом в США. *Вашингтон не проявлял никакого интереса к заключению военного или ди-*

¹⁵¹ См.: Йехиам Вайц, *Становление израильского парламентаризма. Политические и идеологические дискуссии* (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2001), стр. 176–219.

¹⁵² См.: Авраам Бен-Цви, *От Трумэна до Обамы*, стр. 30.

Часть II. Враждебная отчужденность

дипломатического союза с Израилем, который оказался в дипломатической изоляции, так как по ряду причин не мог войти в какой-либо военно-политический блок или заключить стратегический союз с одной из мировых держав, оказавшихся в состоянии «холодной войны» между собой.

Глава 5

Первый срок правления Д. Эйзенхауэра, 1953–1956 гг.: Крах американских планов создания системы ближневосточной региональной безопасности и провал посреднических миссий Э. Джонстона и Р. Андерсона

В 1952 году Гарри Трумэн, опасаясь поражения, принял решение не участвовать в президентских выборах. Демократическая партия США, правившая к тому времени двадцать лет подряд, выдвинула своим кандидатом Адлая Стивенсона (Adlai Ewing Stevenson, 1900–1965), однако и он выборы проиграл. Президентом США был с перевесом в шесть с половиной миллионов голосов избран выдвинутый Республиканской партией бывший главнокомандующий союзных войск в Европе генерал Дуайт Эйзенхауэр (он получил голоса 442 выборщиков из 531). В то время как 55% избирателей проголосовали за Дуайта Эйзенхауэра, среди избирателей-евреев, согласно данным опросов, его поддержали лишь 36%, тогда как 64% – Адлая Стивенсона¹⁵³. Новая администрация не чувствовала себя хоть каким-то образом электорально обязанной еврейской общине, скорее, напротив – она восприняла еврейскую общину как своего противника. В том, что касалось отношения к Израилю, это, понятно, не сулило ничего хорошего.

На пост государственного секретаря Дуайт Эйзенхауэр назначил Джона Фостера Даллеса (John Foster Dulles, 1888–1959). Дж.Ф. Даллес стал третьим главой Государственного департамента в истории своей семьи: его дедушка Джон У. Фостер (John Watson Foster, 1836–1917) был госсекретарем США в 1892–1893 годах, а дядя Роберт Лансинг (Robert Lansing, 1864–1928) – в 1915–1920 годах. Младший брат

¹⁵³ Данные приводятся по книге: *Jews in American Politics*, ed. by Sandy Maisel and Ira Forman (Lanham: Rowman & Littlefield, 2001), p. 153.

Дж.Ф. Даллеса Аллен (Allen Welsh Dulles, 1893–1969) был назначен директором ЦРУ – и оставался на этом посту все восемь лет правления Д. Эйзенхауэра. В российском общественном сознании имена братьев Даллесов необычайно мифологизированы, то одному из них, то другому, то обоим сразу приписывают какой-то несуразный «план», который никогда не существовал, а также какую-то исключительную роль в поддержке Израиля, что также совершенно не соответствует действительности. Факт состоит в том, что на протяжении многих лет деятельность братьев Даллесов существенно затрудняла развитие военно-политического сотрудничества между США и Государством Израиль.

Как было показано выше, и в период правления Г. Трумэна руководители Израиля мало чего могли добиться в Вашингтоне, но с приходом к власти Д. Эйзенхауэра и Дж.Ф. Даллеса представители еврейского государства и защитники его интересов стали восприниматься в Белом доме едва ли не как враги. Дж.Ф. Даллес считал, что американские просионистские организации, действуя в интересах Израиля и пытаясь повлиять на политику администрации и Госдепартамента на Ближнем Востоке, подрывают геополитические интересы США, так как отталкивают от США арабские страны, которые, в свою очередь, неминуемо попадут в орбиту влияния Советского Союза. Дж.Ф. Даллес не только стремился лишить просионистские организации США, которых он воспринимал как надоедливых секторальных лоббистов, всяческого политического влияния, но и требовал от руководителей Израиля соучаствовать в этом процессе! На встрече с Д. Бен-Гурионом, состоявшейся в Иерусалиме 14 мая 1953 года, Дж.Ф. Даллес требовал от него «урезонить» просионистские организации США, призвав их к полному прекращению лоббистской деятельности в Вашингтоне. Убеждая израильских руководителей в том, что деятельность американских просионистских организаций наносит вред и им, Дж.Ф. Даллес и его заместитель по делам Ближнего Востока, Южной Азии и Африки Генри Байроуд (Henry Alfred Byroade, 1913–1993) утверждали, что усилия новой американской администрации по налаживанию и укреплению отношений с арабским миром будут способствовать снижению остроты ближневосточных конфликтов, созданию единой системы региональной безопасности, что, в свою очередь, принесет пользу и Израилю¹⁵⁴.

¹⁵⁴ См.: Авраам Бен-Цви, *От Трумэна до Обамы*, стр. 33–34.

Генри Байроуд был сотрудником Государственного департамента на протяжении многих десятилетий, успев поработать послом в шести странах, в том числе в Египте, Афганистане и Пакистане. Д.Ф. Даллес скончался в 1959 году, Г. Байроуд оставался в Государственном департаменте до 1977 года.

Д. Бен-Гурион считал иначе, не веря в то, что граничащие с Израилем арабские страны согласятся принять участие в иницируемых американцами «зонтичных» проектах в военно-политической сфере. Он оказался прав, но администрации Д. Эйзенхауэра потребовалось четыре года, чтобы понять это, в ходе которых всё новыми и новыми антиизраильскими мерами американцы безуспешно пытались завоевать доверие в арабском мире. В конце февраля 1953 года, вскоре после инаугурации Д. Эйзенхауэра, глава правительства Израиля пригласил посла США М.Б. Дэйвиса (Monnett Bain Davis, 1893–1953), сделав в его присутствии следующее политическое заявление:

«На Ближнем Востоке существуют три возможности:

установление подлинного мира в регионе и отношений сотрудничества между всеми странами Ближнего Востока в целях его защиты;

так как в настоящее время это не представляется достижимым, то вторая возможность — заключение Соединенными Штатами отдельных соглашений с теми из арабских стран, которые готовы защищать регион, и достижение отдельных соглашений между этими странами и Израилем;

впрочем, вторая альтернатива также едва ли достижима; поэтому если ни одно из арабских государств не заинтересовано в сотрудничестве по защите региона, Америка должна защищать его вместе с теми странами, которые готовы в этом участвовать. Чрезвычайно важно тщательно подготовиться к любому осложнению, которое может возникнуть в результате такого союза. Израиль готов содействовать этому. Обе наши страны должны вместе сделать все возможное»¹⁵⁵.

В 1953–1954 годах Д. Бен-Гурион выражал глубокую озабоченность ужесточением американской политики в отношении арабо-израильского конфликта и особенно в вопросах, связанных с планом использования водных ресурсов реки Иордан. Формально большую часть этого периода он находился в отставке, уступив пост главы правительства министру иностранных дел Моше Шарету, а пост министра обороны — Пинхасу Лавону (урожденный Лубяникер, 1904–1976), удалившись в кибуц Сде-Бокер в Негеве. Впрочем, там его регулярно посещали практически все члены высшего политического и военного руководства страны, которым он высказывал свои соображения по защите суверенитета Израиля и обеспечению его политической независимости вопреки давлению со стороны США. В конце

¹⁵⁵ Протокол встречи от 22 февраля 1953 г. // Государственный архив Израиля.

1953 года Д. Бен-Гурион заявил американским журналистам: «Я верю в США и в их миссию, но, если требования США будут противоречить нашей совести, мы вынуждены будем отказать им, несмотря на нашу заинтересованность в продолжении финансовой поддержки. Мы не позволим никому нам приказывать, это противоречило бы всей еврейской истории, наследниками которой мы являемся»¹⁵⁶. В интервью, данном им газете «Ха'дор» в середине января 1954 года, он даже выразил желание отказаться от помощи США, сохранив с ними, насколько возможно, дружеские отношения¹⁵⁷.

Арабо-израильский конфликт рассматривался в Вашингтоне как фактор, подталкивавший арабских националистов к Советскому Союзу. В этой связи администрация предпринимала неоднократные попытки улучшить отношения Израиля с его арабскими соседями. Одной из таких попыток был план Джонстона по распределению воды реки Иордан и ее притоков, инициированный администрацией США в 1954 году. Этот план был призван наладить реальное сотрудничество между Сирией, Израилем, Ливаном и Иорданией, обеспечить орошение засушливых районов, снабдить их электроэнергией, расселить палестинцев из лагерей беженцев на пригодных для жизни территориях и дать им работу.

Большая часть территории Израиля приходится на пустыню. Единственным постоянным источником воды является река Иордан, бассейн которой разделяют еще три страны – Сирия, Ливан и Иордания. Борьба Израиля за право на максимальное использование вод Иордана началась в 1951 году, когда стало ясно, что нет смысла надеяться на мирное решение конфликта, и когда несколько арабских государств начали строить планы независимой эксплуатации трех рек – Хацабани, Баниас и Ярмук, являющихся истоками Иордана и находящимися вне территории Израиля (они протекают по территориям соответственно Ливана, Сирии и Иордании). В том же году Израиль принял решение осушить озеро Хула и окружавшие его затопляемые земли, отвести воды северной части Иордана и построить Национальный водовод от озера Кинерет до пустыни Негев на юге Израиля. В июле 1953 года Израиль начал отвод части вод Иордана около моста Бнот-Яков в демилитаризованной зоне, примыкающей к сирийской границе. Это место было выбрано по техническим и финансовым соображениям, и работы были начаты, несмотря на

¹⁵⁶ Дневник Бен-Гуриона, запись от 18 августа 1953 г. // Архив Центра наследия Бен-Гуриона, Сде-Бокер [на иврите].

¹⁵⁷ Газета «Ха'дор», 15 января 1954 г. [на иврите].

ожидаемое противодействие. В октябре, почти сразу после начала экскавационных работ, Сирия подала жалобу в ООН, и от Израиля потребовали прекращения реализации проекта. США решительно поддержали это требование, а в ответ на отказ Израиля подчиниться международному давлению администрация США пригрозила задержать 50 миллионов долларов финансовой помощи. Этот первый случай финансового шантажа со стороны США сработал: работы по проекту были прекращены и больше никогда не возобновлялись. Израильским лидерам без обиняков дали понять, что администрация США не даст поставить себя перед фактом в отношении проектов по использованию вод Иордана.

Иордания и Сирия, со своей стороны, продвигали совместный план использования вод реки Ярмук в соответствии с соглашением, подписанным ими в начале июля 1953 года; они собирались строить плотину около своей общей границы. Так как основная часть нужного для этого капитала была предоставлена правительством США, Израиль прибег к дипломатическому давлению, заявив, что соглашение между Иорданией и Сирией полностью игнорирует водные права Израиля. Дипломатические усилия принесли плоды, и в конце 1953 года работа над плотинной прекратилась.

Отвечая на эти вызовы, в начале 1954 года администрация Д. Эйзенхауэра разработала детальный план по распределению воды бассейна реки Иордан, который предлагал решение не только собственно водных проблем, но и некоторых более широких вопросов. План создавался в надежде, что в результате его реализации, во-первых, будет найдено частичное экономическое решение проблемы палестинских беженцев, а во-вторых, начнет развиваться мирный процесс. Переговорами по согласованию этого плана Д. Эйзенхауэр поручил руководить Эрику Джонстону (Eric Johnston, 1896–1963), бывшему главе Торговой палаты США. Цель плана состояла в том, чтобы использовать водные ресурсы на благо всего региона. В соответствии с планом Ярмук должен был получить статус арабской реки, но часть его воды предполагалось направить в Израиль; Иордан определялся как израильская река, но часть его воды должна была поступать в Иорданию; воды Ярмука и Баниаса должны были использоваться только для орошения бассейна реки Иордан. Кроме того, должны были быть построены две ГЭС, одна – в Иордании, другая – в Израиле; озеро Кинерет должно было быть признано главным водохранилищем региона. Общий объем водных ресурсов бассейна Иордана оценивался в 1273 миллиона кубометров в год, которые, согласно Плану Джонстона, должны были быть распределены в

следующей пропорции: Иордании (включая Западный берег) – 56%, Израилю – 31%, Сирии – 10%, Ливану – 3% ¹⁵⁸.

По мнению Моше Шарета, бывшего с 26 января 1954 по 3 ноября 1955 года главой правительства Израиля, у США были веские причины продвигать этот План. Согласно записи, сделанной в ходе беседы М. Шарета с послом СССР в Израиле А.Н. Абрамовым (1905–1973), израильский премьер так оценивал ситуацию:

«США также заинтересованы в осуществлении этого плана. Во-первых, План Джонстона дает возможность частично разрешить проблему беженцев. До сих пор арабские беженцы находятся на иждивении ООН, т.е. практически – [на иждивении] США. Реализация Плана Джонстона даст возможность провести орошение десятков тысяч гектаров земли, на которой можно расселить беженцев и прекратить выплату им пособий. Во-вторых, План Джонстона, по замыслу его инициаторов, призван ослабить или смягчить израильско-арабский конфликт, что повысит престиж США в этом районе. В-третьих, США благодаря этому Плану проникают в Иорданию, где до сих пор безраздельно властвовали только англичане. В-четвертых, американские налогоплательщики сейчас все менее охотно дают деньги для помощи другим странам “во имя борьбы с коммунизмом”. Здесь у правительства США будет удобный повод показать налогоплательщикам, что их деньги расходуются на полезное дело...» ¹⁵⁹

Однако оптимизм М. Шарета оказался чрезмерным: в течение полутора лет американский посланник совершил четыре поездки на Ближний Восток, но не смог получить принципиальное согласие арабской стороны ни на один практический шаг, отвечающий желанию Израиля заключить соглашение, которое имело бы обязывающую силу. Как указывает видный российский политолог-ближневосточник И.Д. Звягельская, «вначале стороны благосклонно отнеслись к предлагаемому проекту, но вскоре по политическим мотивам он был отвергнут. В арабском мире не согласились с расселением палестинских беженцев на арабской земле и требовали их возвращения туда, откуда они были изгнаны» ¹⁶⁰. Кроме того, на политическом

¹⁵⁸ Sharif S. Elmusa, “Toward a Unified Management Regime in the Jordan Basin: The Johnston Plan Revisited” // *Yale School of Forestry & Environmental Studies Bulletin*, no. 103 (1997), pp. 297–313.

¹⁵⁹ Запись беседы А.Н. Абрамова с М. Шаретом от 17 августа 1955 г. опубликована в антологии *Ближневосточный конфликт. 1947–1967* (Москва: Международный фонд «Демократия», 2003), том 1, стр. 313–315.

¹⁶⁰ И.Д. Звягельская, *История Государства Израиль* (Москва: Институт востоковедения РАН – МГИМО, 2012), стр. 104.

уровне принятие Плана Джонстона заставило бы арабов подтвердить водные права Израиля, что было бы шагом, подразумевающим его политическое признание — а вот признать еврейское государство среди руководителей приграничных с ним стран в то время не был готов никто.

США привлекли к обсуждению Плана Египет, который не граничит с бассейном реки Иордан, с тем чтобы, употребив свое влияние, он подтолкнул стороны к соглашению. Однако в процессе затянувшихся переговоров в самом Египте происходил процесс политической радикализации, в результате которого его руководство, вопреки ожиданиям администрации США, заняло непримиримую позицию. Что касается Сирии и Ливана, то они имели доступ к другим водным ресурсам, которые, по крайней мере, в тот период удовлетворяли их нужды, и их мотивация для участия в переговорах была поэтому низкой, а политическая цена за гарантию кооперации — признание Израиля и его легитимация как государства — казалась чрезмерной. Иордания нуждалась в воде больше, чем Сирия и Ливан, и была настроена максимально использовать План Джонстона в своих интересах, в отношении как водообеспечения, так и экономической помощи, которую она получила бы под свои программы развития. Однако только взошедший в 1953 году на престол в связи с фактической недееспособностью его отца 18-летний король Хусейн не мог не считаться с остальной частью арабского мира, которая отвергала План Джонстона¹⁶¹.

Однако переговоры об использовании водных ресурсов имели для администрации США несравнимо меньшее значение, чем усилия по созданию на Ближнем Востоке регионального военного союза. Эти усилия, не без сложностей, но привели к заключению в 1955 году Багдадского пакта¹⁶² и к беспрецедентному решению США поставлять оружие Ираку — единственной из стран арабского мира, не имевшей общих границ с Государством Израиль, но объявившей ему войну немедленно после его провозглашения. Насколько известно, впервые идею создания военного блока в Ближневосточном регионе под эгидой США государственный секретарь Дж.Ф. Даллес высказал 1 марта 1953 года, начав ее обсуждение с политическими лидерами государств региона в ходе его поездки в двенадцать стран Средиземноморского бассейна, Ближнего и Среднего Востока в мае того

¹⁶¹ См.: David Wishart, "The Breakdown of the Johnston Negotiations over the Jordan Waters" // *Middle Eastern Studies*, vol. 26, no. 4 (1990), pp. 536–546.

¹⁶² См.: Eli Podeh, *The Quest for Hegemony in the Arab World: The Struggle over the Baghdad Pact* (Leiden, 1995).

же года (единственной страной, которую госсекретарь сознательно проигнорировал, был Иран)¹⁶³.

5 февраля 1954 года 6 сенаторов и 29 членов палаты представителей, поддерживавших Израиль, направили послание Дж.Ф. Даллесу, в котором выразили «серьезную озабоченность» в связи с намерением администрации предоставить оружие Ираку, «стране, юридически находящейся в состоянии войны с Израилем»¹⁶⁴. В начале марта 1954 года с этими конгрессменами встретились сначала Генри Байроуд, а затем заместитель госсекретаря Уолтер Б. Смит (Walter Bedell Smith, 1895–1961), за год до этого ушедший в отставку с поста директора ЦРУ. Разъясняя позицию правительства, они заверили конгрессменов, что американская военная помощь «предназначается для отражения агрессии с севера», а сотрудничество Ирака со странами НАТО якобы гарантирует, что американское оружие не будет использовано против Израиля. Тем не менее 19 апреля 1954 года уже 54 конгрессмена выступили против политики администрации в отношении Ирака. И позднее на заседаниях Конгресса раздавались протесты «против попыток администрации завоевать дружбу арабов в ущерб интересам Израиля». С осуждением планов присоединения Ирака к турецко-пакистанскому соглашению выступили и лидеры Израиля.

Однако Дж.Ф. Даллес оставался непреклонен. По его поручению Г. Байроуд сделал ряд заявлений, которые должны были убедить руководство Израиля в бесперспективности попыток организовать кампанию давления на администрацию Д. Эйзенхауэра¹⁶⁵. Джейкоб Джавитс (Jacob K. Javits, 1904–1986), на протяжении 24 лет бывший сенатором от штата Нью-Йорк, пытавшийся сочетать членство в Республиканской партии (в том числе, и в те годы) с искренним беспокойством за судьбу Израиля — государства, созданного народом, к которому он сам принадлежал, много лет спустя дал, видимо, наиболее трезвое объяснение политики госсекретаря: «Даллес не был настроен антиеврейски, но он считал, что американским интересам соответствует развитие связей с арабским миром с населением в сто миллионов человек, громадным стратегическим потенциалом и не-

¹⁶³ См.: Михаил Пелипась, *Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг.* (Томск: Издательство Томского университета, 2003), стр. 185–193. Документы, касающиеся этого турне Д.Ф. Даллеса, опубликованы в антологии *Foreign Relations of the United States, 1952–1954, Vol. IX. The Near and Middle East, part 1*, pp. 1–167.

¹⁶⁴ *The New York Times*, February 8, 1954.

¹⁶⁵ См.: Isaac Alteras, *Eisenhower and Israel: U.S.–Israeli Relations, 1953–1960*, (Gainesville: University Press of Florida, 1993), pp. 104–105.

фтяными запасами. Точка зрения Даллеса состояла в том, что Израиль останется одним из многих малых государств»¹⁶⁶ — и соответственно его интересами можно поэтому пренебречь.

В 1954–1955 годах группа американских и британских дипломатов, возглавляемая соответственно Фрэнсисом Генри Расселом (Francis Henry Russell, 1904–1989), позднее бывшим послом США в Новой Зеландии, Гане и Тунисе, и Эвелином Шукбургом (Evelyn Shuckburgh, 1909–1994), впоследствии бывшим постпредом Великобритании в НАТО и послом в Италии, начала разработку плана, получившего позднее название «Альфа». *План этот готовился в полной тайне от израильских руководителей и никак с ними не согласовывался и не обсуждался. Согласованный текст англо-американского плана включал целый ряд крайне проблематичных для Израиля положений.*

Во-первых, в плане «Альфа» говорилось о том, что Израиль вообще не должен быть приглашен к участию в ближневосточном региональном военно-политическом союзе, который стремился создать Дж.Ф. Даллес:

«Принимая во внимание сегодняшнее отношение арабов к Израилю, которое не улучшилось в связи с проведением Израилем рейда в Газе [речь идет о т.н. операции «Черная стрела» 28 февраля — 1 марта 1955 года], в настоящий момент мы считаем невозможным говорить о привлечении Израиля к участию в совместных соглашениях по вопросам обороны. Поэтому первоочередной задачей становится выработка самих условий этих соглашений. Когда эта задача будет выполнена, мы будем готовы обсуждать с Израилем его роль в обороне региона»¹⁶⁷.

Во-вторых, США и Великобритания декларировали отказ от предоставления каких-либо гарантий по обеспечению безопасности Израиля:

«Мы уделяем огромное внимание проблеме безопасности Израиля, однако мы не склонны принимать на себя обязательства по обеспечению безопасности границы, которая постоянно подвергается пограничным рейдам и военным нападениям».

¹⁶⁶ Jacob K. Javits and Rafael Steinberg, *Javits: The Autobiography of a Public Man* (Boston: Houghton Mifflin, 1981), p. 180.

¹⁶⁷ Документ переведен на русский язык автором книги по официальной публикации Госдепартамента США: *Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XIV. Arab-Israeli Dispute, 1955*, pp. 98–107.

В-третьих, от Израиля (напомню, в границах после войны 1948, а не после войны 1967 года!) требовались различные территориальные уступки в пользу Иордании и Египта:

«Израиль должен пойти на некоторые территориальные уступки, поскольку при существующих границах арабы не пойдут на добровольное соглашение с Израилем. ...

Граница с Иорданией должна быть изменена таким образом, чтобы арабские деревни на иорданской стороне вернули себе ту часть своих земель, от которой они были отрезаны демаркационной линией, а также чтобы отдельные арабские деревни, находящиеся на границе, оказались внутри территории Иордании в соответствии с устройством новой, более оправданной границы. Все изменения должны производиться в интересах Иордании, исключением станет лишь Латрунский выступ, который следует отнести к Израилю в целях восстановления старой дороги Тель-Авив – Иерусалим и ликвидации неоправданного выступа. ...

Израиль должен будет уступить Египту и Иордании два небольших территориальных сегмента треугольной формы на юге Негева, расположенные на границах Израиля с Египтом и с Иорданией соответственно, верхние точки которых сходятся вместе на линии нынешней или предлагаемой дороги на Эйлат. Это должно быть сделано с целью создать сухопутное сообщение между Египтом и остальным арабским миром. За данным участком будет установлено международное наблюдение».

От Израиля также требовалось предоставить Иордании право использования объектов портовой инфраструктуры в Хайфе и свободный доступ к этому порту на Средиземном море.

В-четвертых, англо-американский план «Альфа» налагал на Израиль, находившийся тогда в тяжелейшем экономическом положении в связи с удвоением его еврейского населения в результате массовой иммиграции евреев из арабских стран при практически полном отсутствии капиталов и инфраструктуры, необходимых для их интеграции, ответственность за выплату компенсаций палестинским арабам, покинувшим страну в 1948 году. Более того, от Израиля требовалось согласиться на возвращение 75 тысяч из них:

«Для того чтобы арабы могли принять настоящие предложения, в них должно содержаться обязательное условие о репатриации арабских беженцев и о выплате компенсаций. ...

Израиль должен будет репатриировать в качестве израильских граждан до 75 000 беженцев в течение пяти лет. ...

Важно добиться как можно более высокой доли участия Израиля в выплате компенсаций как в целях психологического умиротворения арабов, так и в целях минимизации финансового бремени Соединенных Штатов и Великобритании [sic!], однако мы признаем, что Израиль не способен осуществить выплату таких крупных сумм без внешней помощи. Учитывая то время, которое потребуется для определения индивидуальных требований, сложности с финансированием и низкий экономический потенциал территории, выплаты должны быть распределены во времени и произведены в десятилетний срок. 30 процентов этой суммы будет выплачено самим Израилем и еврейской диаспорой в различных государствах, а 70 процентов будут предоставлены Израилю в виде займов [sic!] мировым сообществом, в первую очередь Соединенными Штатами и Великобританией. Израиль должен будет принять на себя ответственность за возвращение этого долга [sic!]».

В-пятых, хотя план и требовал от арабских стран устранить ограничения на транзит через Суэцкий канал, в том числе осуществляемый на израильских водных судах, а также отменить бойкот израильских товаров, он постулировал, что «арабские государства не будут обязаны вступать в прямые торговые отношения с Израилем». С точки зрения американских и английских дипломатов, разработавших этот план (а Г.А. Насеру его представил от имени США лично Г. Байроуд, ставший 24 января 1955 года новым послом в Каире), даже отдача Израилем ряда территорий, прием 75 тысяч палестинских арабов, покинувших страну в ходе развязанной против Израиля войны, и выплата компенсаций остальным, не должны были привести к реальному состоянию мирного сосуществования между Израилем и арабскими странами, а лишь к прекращению формального состояния войны и бойкота!

Эти требования, разделявшиеся тогдашним политическим руководством США, разительно контрастировали с устремлениями и ожиданиями израильской дипломатии. Однако *руководители американской и британской дипломатии видели в плане «Альфа» инструмент, который поможет привести приграничные с Израилем арабские страны в число участников Багдадского пакта – и коль скоро, как указывалось выше, Израиль в этот военно-политический союз все равно никто не приглашал, именно израильскими интересами было решено пожертвовать в наибольшей мере.* По воспоминаниям Моше Даяна, бывшего в то время начальником Генерального штаба израильской армии, Д. Бен-Гурион был очень обеспокоен этой инициативой, дошедшей до него в форме разрозненных слухов. Д. Бен-Гурион полагал, что англичане и амери-

канцы потребуют от Израиля территориальных уступок — не до полного отхода к границам, предусмотренным резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН о разделе Палестины 1947 года, но значительных, а когда израильское правительство ответит на это отказом, то США и Британия не только иницируют в ООН введение санкций против Израиля, но и не будут препятствовать Египту и Иордании в случае, если те попытаются захватить эти земли силой¹⁶⁸ (не забудем, что до 2 марта 1956 года британский генерал Джон Глабб оставался командующим войсками иорданской армии). *Американские дипломаты не только пытались отторгнуть Негев от Израиля в ходе обсуждений в ООН в 1947 году, но и вернулись к этой идее восемь лет спустя!* Обратим внимание и на то, что глава правительства и министр обороны Израиля считал вполне вероятным, что США поддержат (если не иницируют) введение санкций против Израиля, а также ограниченные военные действия Египта и Иордании против еврейского государства!

Хотя формально сами Соединенные Штаты не стали членом Багдадского пакта, руководители Советского Союза отнеслись к инициативе по его созданию резко негативно, убеждая всех, кто был готов их слушать, и прежде всего — только ставшего тогда президентом Египта Г.А. Насера (1918–1970), не присоединяться к нему; Г.А. Насер, впрочем, и так присоединяться к альянсу, ведущую роль в котором играли Турция, Ирак и (за кадром) США, не рвался. Тема эта оставалась на повестке дня достаточно долго: так, в телеграмме посла СССР в Египте Е.Д. Киселева (1908–1963) в МИД СССР от 15 июля 1956 года, отправленной в связи с поездкой Г.А. Насера в СССР и предстоявшими советско-египетскими переговорами, отмечалось: «В коммюнике необходимо отметить о решимости обеих стран бороться против Багдадского пакта всеми силами и средствами»¹⁶⁹. Г.А. Насер же требовал от Советского Союза поддержать его режим поставками современных вооружений, и эта просьба была удовлетворена Москвой. Из недавно опубликованной записи беседы посла СССР в Египте Д.С. Солода (1908–1988) с Г.А. Насером, состоявшейся 15 июня 1954 года, известно, что Г.А. Насер обратился с просьбой о поставках оружия уже тогда:

«Насер стал жаловаться на то, что Египет по существу является оккупированной страной и при нынешних обстоятельствах ничего не мо-

¹⁶⁸ См.: Моше Даян, *Этапы пути* (Тель-Авив: издательство «Эйданим», 1976), стр. 215 [на иврите].

¹⁶⁹ Эта телеграмма опубликована в антологии *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том 1, стр. 450–451.

жет сделать реального для того, чтобы избавиться от оккупации, так как египетская армия не имеет необходимого вооружения. Раньше Египет получал вооружение, главным образом легкое, от Англии. Но в последнее время Англия прекратила поставку оружия и чинит всяческие препятствия Египту в его попытках получать оружие из других европейских стран. Поэтому египетское правительство приобретает в ряде европейских стран оружие тайным путем, что не может обеспечить и сотой доли потребностей египетской армии. При этом он дал понять, что США предлагают Египту военную помощь, но ставят какие-то условия, которые Египет не может принять.

... Без всякого перехода он спросил меня, как бы отнеслось в принципе советское правительство к предложению египетского правительства закупить оружие в Советском Союзе. На мой ответ, что мне об этом ничего не известно, Насер попросил спросить советское правительство об этом. ... На мой вопрос, является ли его обращение официальной просьбой египетского правительства, он, посоветовавшись на арабском языке с Гамалем Салемом, ответил утвердительно. Я пообещал ему довести до сведения МИД СССР о его просьбе»¹⁷⁰.

В качестве страны, от имени которой был заключен контракт, вновь, как и в 1948 году, была выбрана Чехословакия, только на этот раз оружие шло не в Израиль, а наиболее антиизраильски настроенному политическому лидеру в регионе¹⁷¹. Согласно этому договору, Египет должен был получить от Чехословакии сто самолетов-истребителей, пятьдесят авиабомбардировщиков, 230 танков, сто противотанковых ракет, 200 бронетранспортеров, около трехсот противотанковых пушек, двенадцать торпедных катеров и шесть подводных лодок. Масштабы этой сделки нанесли чувствительный удар системе западного контроля продажи вооружений региону. В первый раз со времени окончания Войны за независимость существованию Израиля угрожала очевидная опасность. Восстановление баланса сил в регионе стало неотложной стратегической задачей руководства Израйля.

¹⁷⁰ Запись беседы посла СССР в Египте Д.С. Солода с премьер-министром Египта Г.А. Насером от 15 июня 1954 года опубликована в антологии *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том 1, стр. 210–211. Гамаль Салем (1918–1968) был в то время заместителем премьер-министра Египта.

¹⁷¹ О развитии советско-египетских отношений в то время см.: Rami Ginat, *The Soviet Union and Egypt, 1945–1955* (London: Frank Cass, 1993), о реакции руководства Израйля на решение руководства Советского Союза о поставках оружия в Египет см.: Motti Golani, "The Historical Place of the Czech–Egyptian Arms Deal, Fall 1955" // *Middle Eastern Studies*, vol. 31. no. 4 (1995).

Приобретенным Египтом советским танкам смогли противостоять только американские «пэттоны», которых у Израиля не было, и английские «центурионы», которые Лондон едва ли согласился бы поставить в Израиль. Кроме того, Иерусалим хотел приобрести современные западные реактивные истребители, французские «Mystère 4» (поставка которых зависела от разрешения США, так как они финансировали производство этих самолетов для НАТО) и американские «F86 Saber», которые также производились за пределами США. Кроме того, ожидалось, что США предоставят Израилю кредит под его план развития вооружений, требовавший значительного увеличения израильского военного бюджета. Однако ожидаемый положительный ответ от США не был получен. «Несмотря на нескрываемую советско-арабскую подготовку к следующей войне, США и Англия отказывались продавать нам оружие, как бы часто, как бы громко мы ни стучали в их двери», — с горечью вспоминала позднее Голда Меир¹⁷². В середине сентября 1955 года Государственный департамент США отклонил просьбу Израиля о поставках оружия, сославшись на агрессию, проявленную Израилем в «операции возмездия» против сирийцев в районе озера Кинерет¹⁷³. Это решение отражало более широкие политические соображения американского руководства, использовавшего локальную вспышку конфликта как повод для отрицательного ответа Израилю. Дипломатическое давление, оказываемое Израилем в течение следующих трех месяцев, наконец побудило администрацию США обеспечить Израиль некоторым количеством вооружений для обороны и согласиться на продажу французских реактивных самолетов и канадских «саберов», однако поставка последних так и не была произведена¹⁷⁴.

Израильские руководители стремились к заключению стратегического союза с США, однако к середине 1955 года у них уже не было сомнений, что эта цель не будет достигнута по тем же причинам, которые мешали ее достижению в течение всего периода после Войны за независимость¹⁷⁵. К тому времени Израиль не был включен ни в один

¹⁷² Голда Меир, *Моя жизнь* (Иерусалим: «Библиотека Алия», 1985 [пер. с изд. на иврите 1976 г.]), книга 2, стр. 327.

¹⁷³ О т.н. «политике возмездия» и самых известных израильских акциях — в Кибие на территории тогдашней Иордании, в Газе, в то время контролировавшейся Египтом, и против сирийцев в районе озера Кинерет — см.: Заки Шалом, *Проблемы безопасности и формирование оборонной политики Израиля* (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2001), стр. 59–88.

¹⁷⁴ Zachariah Kay, *The Diplomacy of Prudence: Canada and Israel, 1948–1958* (Montreal: McGill-Queen's University Press, 1997).

¹⁷⁵ О попытках Израиля изменить эту ситуацию дипломатическими и другими средствами см.: David Tal, "The American–Israeli Security Treaty: Se-

из многосторонних международных пактов и не заключил ни одного оборонительного союза. Успехи Ирака и Египта в формировании стратегических связей с сверхдержавами разительно контрастировали с политической изоляцией, в которой находился Израиль. В мае 1955 года Д. Бен-Гурион сказал на встрече с американским послом Эдвардом Лосоном (Edward V. Lawson, 1895–1962): «Есть три вещи, более близкие моему сердцу, чем все остальное: безопасность Израиля, мир на Ближнем Востоке и дружба между Израилем и США. Правительство США может решить все три проблемы одним движением: заключить договор об обороне с Израилем. Даже если бы Америка могла принудить арабов к миру, я не советовал бы ей делать это. Сильная держава не нуждается в том, чтобы навязывать свою волю более слабой стране. Но когда США заключат с нами такой договор, арабы поймут, что их мечта уничтожить нас неосуществима»¹⁷⁶. Официальная просьба Израиля о заключении договора с США была подана после одной из наиболее серьезных «операций возмездия», проведенных Израилем в Газе. В израильском руководстве, кстати сказать, возникли разногласия по поводу побудительных причин к заключению такого соглашения. Министр иностранных дел М. Шарет надеялся, в случае подписания военного соглашения с США, на реальное исполнение ими обязательства при необходимости послать войска для обороны Израиля, тогда как Д. Бен-Гурион категорически отвергал идею о защите страны американскими солдатами. Он рассматривал такой пакт в первую очередь как сдерживающий политический фактор в отношениях с арабами и как средство обеспечения Израиля американским оружием, с помощью которого он будет защищать себя сам¹⁷⁷. Однако эти дискуссии не имели практического значения, так как *договор о партнерстве в сфере обороны американские власти с Израилем заключить отказались*.

Переговоры с представителями администрации США продолжались в течение всего лета 1955 года. Д. Бен-Гурион даже был готов предоставить американцам право на создание военных баз на территории Израиля, однако и это не изменило негативного отношения президента и Госдепартамента. Израильский историк и государственный деятель (в 1988–1992 гг. он возглавлял Комиссию

quel or Means to the Relief of Israeli–Arab Tension, 1954–1955” // *Middle Eastern Studies*, vol. 31, no. 4 (1995), pp. 828–848.

¹⁷⁶ Дневник Д. Бен-Гуриона, запись от 12 мая 1955 г. // Архив Центра наследия Бен-Гуриона, Сде-Бокер [на иврите]; телеграмма в израильское посольство в Вашингтоне от 15 мая 1955 г. // Государственный архив Израиля.

¹⁷⁷ См.: Uri Bialer, “Top Hat, Tuxedo and Cannons: Israeli Foreign Policy from 1948 to 1956 as a Field of Study” // *Israel Studies*, vol. 7, no. 1 (2002), pp. 1–80.

Кнессета по образованию и культуре) Михаэль Бар-Зохар указывал: «Несостоявшийся оборонительный договор был лишь одним из звеньев в цепи горьких разочарований, выпавших на долю Израиля в отношениях с Америкой. Уже после опубликования сообщений о чехословацко-египетской сделке Соединенные Штаты отказались поставить Израилю оружие. В декабре 1955 года Дж.Ф. Даллес ушел от ответа на просьбу М. Шарета о поставке 24 самолетов типа “сейбр”. Америка была тверда в своем решении добиться всеобъемлющего соглашения, которое урегулировало бы положение на Ближнем Востоке, пусть даже и за счет Израиля»¹⁷⁸.

Выступление Давида Бен-Гуриона на заседании Генерального штаба Армии обороны Израиля в июле 1955 года свидетельствует о том, что *первый глава правительства Израиля не считал ни одну страну, включая Соединенные Штаты, стратегической союзницей Израиля; в то время никакого «стратегического партнерства» между двумя странами не было и в помине*. Видение первым главой правительства Израиля геополитической ситуации было чрезвычайно пессимистичным:

Существует первый блок, который хочет нас уничтожить, — это блок арабских стран. Второй блок не готов нас уничтожить, но хочет помочь арабам в войне против нас: к нему относится большинство исламских наций. Затем существует третий блок, включающий такие страны, как Индия, который ничего не имеет против нас, но по ряду причин не хочет признать факт нашего существования. Есть также четвертый блок, который признает Государство Израиль, но отрицает существование евреев как нации, — это коммунистический блок. И наконец, существует пятый блок, который признает Государство Израиль и существование еврейского народа, но не особенно озабочен проблемами его выживания: это все остальные»¹⁷⁹.

Заметим, что ни о каком стратегическом или каком угодно еще партнерстве с США глава правительства Израиля не упомянул ни единым словом, никак не выделив эту страну, молчаливо отнеся ее к тем, кто «признает Государство Израиль и существование еврейского народа, но не особенно озабочен проблемами его выживания».

Стратегические последствия политической изоляции Израиля могли быть еще более опасными, так как «рейды возмездия», прово-

¹⁷⁸ Михаэль Бар-Зохар, *Бен-Гурион* (Иерусалим: «Библиотека Алия», 1985 [пер. с изд. на иврите 1980 г.]), книга 2, стр. 111.

¹⁷⁹ Текст выступления Д. Бен-Гуриона от 5 июля 1955 г. цит. по протоколу, находящемуся в Государственном архиве Израиля [на иврите].

дившиеся израильской армией в 1953–1956 годах, когда начальником Генерального штаба был Моше Даян (1915–1981), против конкретно ни в чем не повинных людей на территории приграничных арабских стран, резко осуждались мировым сообществом, и требования их прекращения звучали очень отчетливо. В этой обстановке для Израиля было чрезвычайно важно если не нейтрализовать, то хотя бы сократить масштабы критики извне, которая могла привести к делегитимации еврейского государства на международной арене. Израильские руководители опасались, что страна может стать объектом политических и экономических санкций.

Вместо того чтобы поддержать Израиль в то время, когда Советский Союз согласился поставить Египту огромные по тем временам арсеналы оружия, администрация США прибегла к тактике челночной дипломатии, для чего в Каир и в Иерусалим был делегирован бывший заместитель министра обороны США Роберт Андерсон (Robert Bernard Anderson, 1910–1989), пользовавшийся особым доверием президента Д. Эйзенхауэра, свидетельством чего стало его назначение в 1957 году на пост министра финансов США. Президент поставил перед Р. Андерсоном задачу добиться снижения остроты конфликта в отношениях между руководителями Израиля и Египта, для чего уполномочил его встретиться с ними столько раз, сколько будет необходимо. Тайная миссия Р. Андерсона начала 1956 года, получившая кодовое название план «Гамма», состояла из нескольких поездок между Каиром и Иерусалимом (и там, и там он жил инкогнито на частных виллах), имевших целью внести ясность в позиции сторон, сгладить разногласия между политическими руководителями Израиля и Египта и подготовить основу для встречи президента Г.А. Насера и премьер-министра Д. Бен-Гуриона, на которой последний настаивал и которую Г.А. Насер, в свою очередь, всячески оттягивал, стараясь уклониться от нее вообще.

Д. Бен-Гурион, однако, умел сказать американцам твердое «нет», и, несмотря на многочисленные предостережения со стороны американцев о «серьезных последствиях» для Израиля, которые могут наступить, в случае если последний не «проявит гибкость» в территориальном вопросе, отказался от любых заведомо односторонних уступок. Г.А. Насер же, знавший разработанный американцами совместно с англичанами план «Альфа», следуя ему, настаивал на создании соединительной полосы между Египтом и Иорданией на некоторой части Негева, которая будет передана арабам. *Фактически именно англо-американский план «Альфа» спровоцировал Г.А. Насера на те требования, которые он выдвигал в отношении Израиля.* С точки зрения премьер-министра Израиля, Родосские соглашения, заключенные

между Израилем и всеми граничащими с ними арабскими странами в 1949 году, сформировали границы, которые не подлежали корректировке. В то время как позиция Г.А. Насера заключалась в том, чтобы «границы были пересмотрены в пользу арабов, а Израиль в целом согласился с идеей возвращения арабских беженцев», Д. Бен-Гурион выражал готовность рассматривать лишь «незначительные *взаимные* корректировки границы, направленные на решение задач местного значения, таких, как обеспечение доступа жителей местных деревень к земле или воде». Будучи уверенным в том, что никакой посредник не может объяснить позицию Израиля по принципиальным вопросам более убедительно и достоверно, чем сами представители Израиля, Д. Бен-Гурион считал прямые египетско-израильские переговоры (желательно проходящие на самом высоком уровне) ключевым условием успеха в процессе снижения напряженности между Каиром и Иерусалимом¹⁸⁰.

Несмотря на изначальные оптимистичные ожидания Р. Андерсона, американский эмиссар вскоре осознал, что при существующей позиции руководителей Израиля и Египта соглашение между ними достигнуто быть не может, поскольку президент Г.А. Насер не соглашался ни вступить в прямые переговоры с Израилем, ни положить конец антиизраильским рейдам *федаянов* из сектора Газа. Г.А. Насер повторял Р. Андерсону, что в случае ведения прямых переговоров с Израилем он подвергается риску покушения, как это произошло с королем Иордании Абдаллой, который был убит в Иерусалиме в 1951 году. Д. Бен-Гурион же стоял на своем, утверждая, что прямые контакты с Египтом необходимы для того, чтобы рассеять недоверие, которое превалировало в отношениях между сторонами. Р. Андерсон завершил свою миссию, не добившись никакого результата, и это отнюдь не способствовало улучшению отношения Д. Эйзенхауэра и его администрации к Израилю и его несговорчивым руководителям.

Р. Андерсон отправился назад в Вашингтон докладывать Д. Эйзенхауэру о своей поездке. Д. Бен-Гурион направил американскому президенту письмо, где выражал разочарование по поводу отказа Г.А. Насера от прямых переговоров. «Действительно ли полковник Насер [после свержения в январе 1954 года Мухаммеда Нагиба пост президента Египта на протяжении двух лет оставался вакантным] искренне хочет мира, — спрашивал Д. Бен-Гурион, — или он желает просто выиграть время до тех пор, пока египетская армия

¹⁸⁰ См.: Avraham Ben-Zvi, *Decade of Transition. Eisenhower, Kennedy, and the Origins of the American-Israeli Alliance* (New York: Columbia University Press, 1998), pp. 51–52.

не получит всего советского оружия и не будет способна сломить Израиль? Мои сомнения, к сожалению, усиливаются в связи с тем, что полковник Насер не взял на себя обязательство соблюдать соглашение о разъединении войск между Израилем и Египтом или хотя бы отдать приказ о прекращении огня [антиизраильских рейдов] своим войскам в приграничных районах»¹⁸¹. На фоне чехословацко-египетской сделки Д. Бен-Гурион снова просил США о поставках оружия. В своем ответе Д. Эйзенхауэр сообщал, что «содержательные переговоры, которые вел Р. Андерсон, вопреки ожиданиям, не приблизили урегулирования стоящих перед нами проблем»¹⁸². Р. Андерсон вернулся на Ближний Восток и возобновил переговоры в Каире. Там его снова ожидало разочарование. Г.А. Насер наотрез отказался от каких бы то ни было прямых контактов с израильянами, даже если представителем Израиля будет неофициальное лицо. Так был положен конец всем усилиям добиться прямого диалога между Израилем и Египтом. Р. Андерсон вылетел в Иерусалим, где, по существу, признался в провале своей миссии. Просьбу Израиля о поставке оружия администрация Д. Эйзенхауэра отклонила.

Отказ США и Великобритании в качестве ответного шага вооружить Израиль адекватно усилению египетских арсеналов вызвал обсуждение возможности обратиться за помощью к СССР по дипломатическим и военным каналам. Предложения, выдвинутые сотрудниками МИДа Израиля, касались возможного партнерства с Советским Союзом, причем он должен был иметь равные с западными державами права в регионе. Целью этих предложений было уменьшить ущерб от изоляции, в которой мог оказаться Израиль в ходе «соревнования» великих держав за поддержку арабских стран. Вопрос о том, следует ли Израилю обращаться к СССР с просьбой о покупке оружия, вызывал разногласия, хотя во главе той группы политиков, которая требовала обратиться к СССР с просьбой о поставках вооружений в контексте арабо-израильского конфликта в регионе, стоял сам Д. Бен-Гурион. Его доводы были вызваны нежеланием отказаться от малейшего шанса на приобретение вооружений и основывались на информации, поступившей в Израиль в конце 1955 – начале 1956 года, о том, что СССР якобы может отнестись положительно к новой позиции Израиля. В апреле 1956 года Д. Бен-Гурион даже пред-

¹⁸¹ Письмо Д. Бен-Гуриона Д. Эйзенхауэру от 14 февраля 1956 г. опубликовано в антологии *Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XV. Arab-Israeli Dispute, January 1 – July 26, 1956*, pp. 185–187.

¹⁸² Письмо Д. Эйзенхауэра Д. Бен-Гуриону от 27 февраля 1956 г. опубликовано в антологии *Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XV. Arab-Israeli Dispute, January 1 – July 26, 1956*, p. 242.

положил, что поворот в сторону Советского Союза будет с пониманием воспринят еврейскими организациями США: «Американские евреи знают, что нам угрожала опасность и что Америка и госсекретарь США Джон Фостер Даллес отказались поставить нам оружие, в то время как Россия согласна сделать это. Поэтому они одобряют это решение»¹⁸³. Всем этим планам было не суждено воплотиться в жизнь, так как никакого оружия Советский Союз в Израиль не поставил, и ситуация развивалась совершенно в другом направлении: ближайшим военно-политическим союзником Израиля на десять лет стала Франция. Израильские же руководители пришли к идее о целесообразности превентивной войны против Египта до того, как он получит все то советское оружие, которое должен был получить.

Собственно говоря, именно ощущение полного внешнеполитического одиночества в условиях, когда ни одна из стран региона, в котором находится Израиль, не признавала легитимность его существования, не подписала с ним мирный договор и не установила с ним дипломатических отношений, сформировало стремление Д. Бен-Гуриона к развитию собственного ядерного потенциала. *Именно в обладании оружием, которое не может быть побеждено, Д. Бен-Гурион и некоторые его соратники видели гарантию самого факта существования еврейского государства, особенно важную в связи с тем, что никаких других гарантий его существования никакая из мировых держав, включая США, предоставить ему готовы не были.* Представляется, что обещание, данное официальными представителями Франции в 1956 году помочь Израилю в создании им ядерного потенциала было на самом деле важнейшей причиной, побудившей Д. Бен-Гуриона к войне против возглавляемого Г.А. Насером Египта – войне, в которой более всего были, преимущественно по экономическим причинам, заинтересованы Франция и Англия, но которую вели почти исключительно израильские войска. По всей видимости, Д. Бен-Гурион не считал такую плату за возможность обладания ядерным потенциалом чрезмерной. Обо всем этом тогда не имели представления ни граждане Израиля, ни американские руководители, которые об израильско-французских договоренностях не знали практически ничего.

¹⁸³ Протокол заседания 10 апреля 1956 г. // Государственный архив Израиля, Иерусалим [на иврите].

Глава 6

В войне по разные стороны баррикад: США против Израиля в ходе Суэцко-Синайской кампании 1956 года

В декабре 1955 года министр иностранных дел Израиля Моше Шарет находился с визитом в США, где, как справедливо указывает израильский историк Давид Шахам, «почти отчаянно стремился убедить администрацию согласиться на поставки оружия Израилю и на создание двустороннего оборонительного союза»¹⁸⁴. Однако добиться поддержки американской администрации не удалось и в этот раз...

К счастью для Израиля, французские руководители того времени демонстрировали совершенно другой подход, согласившись поставить в Израиль значительное количество танков, самолетов и других видов вооружения. *Именно французское – а отнюдь не американское – оружие, поставленное в 1955–1956 годах в Израиль, позволило еврейскому государству сохранить баланс сил с получавшим в беспрецедентно больших количествах советское оружие Египтом.*

К началу 1956 года, по мере того, как военное сотрудничество Франции и Израиля становилось все более плотным, Д. Бен-Гурион и Ш. Перес начали видеть именно во Франции основного потенциального помощника в деле развития ядерной программы. Д. Бен-Гурион был убежден, что только обладание ядерным оружием может гарантировать выживание Израиля во враждебном окружении как в кратко-, так и в долгосрочной перспективе. О том, чтобы добиться в этом вопросе помощи Соединенных Штатов, нечего было и думать. Соответственно Ш. Перес стремился убедить министра обороны Франции Мориса Бурж-Манури (Maurice Bourguès-Maupouy, 1914–1993) – сейчас его именем названа одна из иерусалимских

¹⁸⁴ Давид Шахам, *Израиль – 50 лет* (Тель-Авив: издательство «Ам овед», 1998), стр. 126 [на иврите].

улиц — предоставить Израилю возможность начать разрабатывать программу, которая в конечном счете позволит ему производить ядерное оружие. На тот момент Франция сама еще не имела четкого представления о будущем своего ядерного потенциала ни в гражданской, ни в военной сфере. Еще сравнительно слабо развитой ядерной программе Франции требовался крупный международный заказчик, который позволил бы этой европейской стране закрепить за собой статус ядерной державы. По другую сторону Атлантики и Соединенные Штаты, и Канада уже были вовлечены в крупные контракты по экспорту ядерного ноу-хау, технологий и материалов новым государствам, в частности — Индии. Шимон Перес, бывший тогда генеральным директором Министерства обороны Израиля (пост министра по совместительству занимал сам глава правительства Д. Бен-Гурион), и председатель созданной в 1952 году Комиссии по атомной энергии профессор химии Эрнст Давид Бергман (Ernst David Bergmann, 1903–1975) вели интенсивные переговоры со своими коллегами в Министерстве обороны Франции и в Комиссариате по атомной энергетике по поводу возможной покупки французского ядерного реактора.

Французские официальные лица тянули время, и Ш. Перес понял, что желаемый им прогресс не будет достигнут, если Израиль не сможет предложить взамен нечто действительно значимое — таким заместителем министра обороны счел собираемую израильской разведкой информацию, касающуюся отношений между Египтом и алжирскими повстанцами. В начале 1956 года глава военной разведки (АМАН) Иехошпат Харкави (1921–1994) вылетел в Париж для встречи с Пьером Бурсикотом (Pierre Boursicot, 1899–1986), возглавлявшим в то время секретную Службу внешней документации и контрразведки Франции (SDECE), подчиненную непосредственно главе правительства¹⁸⁵. Однако никаких сведений о том, что предоставленная И. Харкави информация каким бы то ни было образом повлияла на подход французских руководителей относительно возможностей двустороннего сотрудничества в ядерной сфере, нет.

Однако ситуация развивалась стремительно, причем совершенно неожиданно, как для израильских, так и для французских руководителей. 26 июля 1956 года Г.А. Насер объявил о национализации Суэцкого канала. «Никогда еще ни один арабский лидер не совершал такого эффектного поступка, и арабский мир был поражен. Только одно оставалось Насеру совершить, чтобы управляемый им Египет

¹⁸⁵ См.: Barry Turner, *Suez. 1956. The Inside Story of the First Oil War* (London: Hodder & Stoughton, 2006), p. 261.

был признан главной мусульманской державой: уничтожить нас», — чутко передает Голда Меир настроения, доминировавшие тогда в израильском руководстве¹⁸⁶. Компания Суэцкого канала представляла собой акционерное общество, офис которого находился в Париже, но почти половина акций которого принадлежала Великобритании — неудивительно, что это решение египетского президента и во Франции, и в Англии подвергли резкой критике. Оглашение Г.А. Насером решения о национализации компании Суэцкого канала после того, как завершился вывод британских войск с территории Египта (это произошло 13 июня 1956 года), подтвердило опасения относительно судьбы соглашения о статусе Суэцкой базы и перспектив сохранения британского влияния на Ближнем Востоке. Премьер-министр Великобритании Энтони Иден (Anthony Eden, 1897–1977) сравнил Г.А. Насера с Б. Муссолини, а ситуацию в целом — с обстановкой накануне Мюнхенской конференции 1938 года. Члены британского правительства утверждали, что в реальности правительство Египта не располагает возможностями обеспечить бесперебойное функционирование канала. Позиция руководства Великобритании состояла в том, что Суэцкий канал — это объект большого международного значения, который должен находиться под международным управлением. Члены правительства Э. Идена считали, что на Египет должно быть оказано экономическое и политическое давление со стороны тех государств, чьи интересы в данном случае оказались затронуты в наибольшей степени; более того, по их мнению, политическое давление должно быть поддержано угрозой силы, а если понадобится, то и ее применением.

При этом британское руководство стремилось привлечь к военной операции и Соединенные Штаты. В секретном послании Д. Эйзенхауэру Э. Иден писал о «немедленной угрозе поставок нефти в Западную Европу» (по его словам, собственно британских запасов хватило бы только на шесть недель), убеждая американского президента в необходимости оказания такого давления на Египет, которое, по выражению британского премьер-министра, «привело бы Насера в чувство»¹⁸⁷. Однако американские руководители не были убеждены, что национализация компании Суэцкого канала создавала серьезный вызов интересам Запада, требующий безотлагательного вооруженного вмешательства, тем более что сомнений в том, что

¹⁸⁶ Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 328.

¹⁸⁷ Послание Э. Идена Д. Эйзенхауэру от 27 июля 1956 г. опубликовано в антологии *Foreign Relations of the United States. 1955–1957, Vol. XVI. Suez Crisis*, pp. 9–11.

Г.А. Насер имел право принять то решение, которое он объявил, в общем и целом, не было; сам Э. Иден в четвертом пункте своего послания Д. Эйзенхауэру указал, что «мы не должны позволить себе быть вовлеченными в правовую софистику [на эту тему]». И хотя начальник штаба сухопутных войск США Максвелл Д. Тэйлор (Maxwell Davenport Taylor, 1901–1987), по согласованию с другими членами Объединенного комитета начальников штабов, рекомендовал министру обороны (а тот переслал этот меморандум Дж.Ф. Даллесу) принять участие в совместной с Великобританией и Францией военной операции в Египте¹⁸⁸, администрация Д. Эйзенхауэра решила сконцентрировать усилия на дипломатических и экономических мерах воздействия на Каир. В ноябре 1956 года должны были состояться очередные выборы президента США, и Д. Эйзенхауэр выставлял свою кандидатуру для переизбрания на второй срок. Какие-либо военные действия со стороны ближайшего союзника Соединенных Штатов, не говоря уже об участии самих США в этой силовой акции (ход и последствия которой никто не мог гарантировать наверняка), могли всерьез осложнить перспективу переизбрания Д. Эйзенхауэра. По точному замечанию В.П. Румянцева, «тактика действий Соединенных Штатов и Великобритании после объявления о национализации компании Суэцкого канала определялась желанием Лондона втянуть своих американских коллег в обсуждение планов военных действий на египетской территории, с одной стороны, и дистанцированием Вашингтона от подобных дискуссий, с другой»¹⁸⁹.

Однако позицию Лондона активно поддержало французское правительство. Министр иностранных дел Франции Кристиан Пино (Christian Pineau, 1904–1995) сравнил действия Г.А. Насера с захватом А. Гитлером Рейнской области в 1936 году и выразил непреклонную решимость своего правительства «не дать Насеру возможности уйти с добычей». В противном случае, заявлял французский дипломат, у арабских стран появится соблазн уже в «ближайшие три месяца национализировать нефтепроводы на Ближнем Востоке», и тогда Европа «будет полностью зависеть от доброй воли арабских правительств»¹⁹⁰. Позиция Дж.Ф. Даллеса была принципиально другой, и чем больше он убеждал своих британских и французских собеседников в том, что решение проблемы Суэцкого канала может быть

¹⁸⁸ Меморандум М. Тэйлора от 31 июля 1956 г. опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States. 1955–1957, Vol. XVI. Suez Crisis*, pp. 117–118.

¹⁸⁹ Владимир Румянцев, *Ближневосточная политика США и Великобритании в 1956–1960 гг.* (Томск: издательство Томского университета, 2010), стр. 23.

¹⁹⁰ Цит. по: Михаил Пелипась, *Скованные одной цепью*, стр. 319.

достигнуто исключительно путем переговоров, тем меньше они информировали государственного секретаря о том, как собираются действовать.

Британские и французские военные пришли к выводу, что подготовка военной операции против Египта займет не менее полутора месяцев, а то, как пойдет сама кампания, не мог предсказать никто. В этот момент и была выдвинута казавшаяся прежде абсолютно невозможной идея обратиться к Израилю, предложив еврейскому государству взять на себя основную тяжесть ведения боевых действий — то, что правительство Д. Бен-Гуриона крайне обеспокоено политикой Г.А. Насера и инициированным им перевооружением египетской армии, в Лондоне и Париже понимали хорошо. Министр обороны Франции М. Бурже-Манури пригласил Ш. Переса на срочную встречу, в ходе которой без обиняков спросил, сколько времени нужно Армии обороны Израиля для того, чтобы пересечь Синайский полуостров и дойти до Суэцкого канала. Когда Ш. Перес ответил, что, по его оценкам, это можно сделать в срок от недели до двух (когда война началась, израильской армии понадобилось на то, чтобы занять район Газы и Синайский полуостров, превосходившие по площади Израиль в два с половиной раза, менее ста часов), М. Бурже-Манури поинтересовался, будет ли Израиль готов к участию в тройственной военной операции, в которой задача израильских сил как раз и будет состоять в том, чтобы, пройдя Синайский полуостров, выйти к Суэцкому каналу. Ш. Перес, занимавший, повторим, лишь пост генерального директора оборонного ведомства, не имея возможности связаться с правительством, не говоря уже о том, чтобы получить санкцию Кнессета, на свой страх и риск ответил утвердительно: «Я полагаю, что при определенных обстоятельствах мы будем готовы к этому». Своему биографу Ш. Перес четверть века спустя намекнул, что сразу же дал французскому министру утвердительный ответ, понимая, что это может в итоге помочь Израилю получить ядерный реактор¹⁹¹. Излишне упоминать, что ни французы, ни израильтяне не поставили в известность американскую администрацию ни о начавшихся между ними переговорах, ни о сути обсуждавшихся ими вопросов; ни Д. Эйзенхауэр, ни Дж.Ф. Даллес понятия не имели, что Израиль стремится войти в число ядерных держав, делая первые шаги в этом направлении. Ни граждане Израиля (ни в прессе, ни даже в Кнессете обо всем этом ни говорилось в то время вообще ничего), ни представители американской администрации не знали, что Синайская кампания, получившая в Израиле

¹⁹¹ См.: Матти Голан, *Перес* (Тель-Авив: издательство «Шокен», 1982), стр. 53–54 [на иврите].

неуместное название операции «Кадеш» [от слова *кодеш* — святость], была связана со стремлением Израиля обрести атомное оружие в не меньшей мере, чем с решением Г.А. Насера о национализации Суэцкого канала, с одной стороны, и его военным сотрудничеством с Советским Союзом, с другой.

Дело, однако, начало двигаться. В августе Шалхевет Фрейер (Shalheveth Freier, 1920–1994) — израильский ученый, сыгравший огромную роль в развитии израильской ядерной программы, возглавлявший в 1971–1976 годах Комиссию по атомной энергии, прибыл в Париж для переговоров об оперативно-технологических аспектах сотрудничества. 17 сентября 1956 года руководители Комиссариата по атомной энергетике Франции согласились в ходе переговоров продать Израилю «небольшой» исследовательский реактор¹⁹². Этого было мало — однако что-то большее можно было попробовать добиться лишь в ходе более доверительных переговоров на самом высоком уровне.

14 октября Энтони Иден принял в своей загородной резиденции заместителя министра иностранных дел и заместителя министра обороны Франции, которые представили план военных действий против Египта. В соответствии с этим планом Израиль должен был атаковать египетские войска, расположенные на Синайском полуострове. Нападение Израиля на Египет создало бы Франции и Англии предлог для ввода своих войск в зону Суэцкого канала. Они могли декларировать намерение развести воюющие стороны и защитить свободу судоходства в Суэцком канале. Э. Иден одобрил этот замысел. 16 октября 1956 года Энтони Иден и министр иностранных дел Селвин Ллойд (John Selwyn Brooke Lloyd, 1904–1978) выехали в Париж и провели переговоры с Ги Молле и Кристианом Пино, в ходе которых был согласован круг вопросов для обсуждения на переговорах с представителями Израиля.

Очевидной (и не достигнутой) целью стран-участниц этого альянса — первого стратегического международного союза, в который вступал Израиль, причем не вместе с США, а втайне от них — было свержение Г.А. Насера, что для Израиля означало решение как минимум оперативных, если не фундаментальных проблем безопасности. Кроме того, это давало шанс открыть Тиранский пролив (на входе в Эйлатский залив) для израильских судов и изменить южную государственную границу к выгоде Израиля. Секретные трехсторонние переговоры, которые проходили с 22 по 24 октября 1956 года

¹⁹² См.: Avner Cohen, *Israel and the Bomb* (New York: Columbia University Press, 1998), pp. 52–55.

в Севре, в окрестностях Парижа, были предварены двухсторонней встречей представителей Израиля и Франции. Ядерный вопрос был предметом краткого обсуждения в конце этой конференции. По воспоминаниям Ш. Переса, он попросил Д. Бен-Гуриона ненадолго отложить подписание договора, «и во время этой паузы я встретился с Ги Молле и Морисом Бурж-Манури наедине. Именно тогда мы согласовали основные положения договора о постройке ядерного реактора в Димоне, на юге Израиля, а также об организации поставки топлива для него»¹⁹³. В ходе переговоров в Севре, несмотря на ряд разногласий между сторонами, был подписан протокол о совместных военных действиях против Египта, которые планировалось начать наступлением израильской армии в Синае (предполагалось, что она выйдет на дальние подступы к Суэцкому каналу) и завершить оккупацией зоны канала французскими и британскими войсками под предлогом защиты этой важнейшей международной транспортной артерии. «Если бы не эти две крупнейшие европейские державы, вообще маловероятно, что Израиль начал бы военные действия на Синайском полуострове», — честно признавал в своей изданной почти десять лет спустя книге Моше Даян, бывший в 1956 году главой Генерального штаба Израиля¹⁹⁴. Сроки проведения операции (конец октября — начало ноября 1956 года) были установлены с таким расчетом, чтобы свести к минимуму возможность вмешательства в конфликт США (где в это время вступала в завершающую фазу предвыборная кампания) и Советского Союза (внимание которого было сосредоточено на событиях в Венгрии, где всюду развивалось антикоммунистическое восстание и куда 4 ноября был введен масштабный советский воинский контингент для его подавления). Как отмечал

¹⁹³ См.: Shimon Peres, *Battling for Peace: Memoirs* (London: Weidenfeld & Nicolson, 1995), p. 130.

¹⁹⁴ Моше Даян, «Дневник Синайской кампании» [пер. с изд. на англ. яз. 1966 г.], в книге *Арабо-израильские войны. 1956, 1967* (Москва: «Изографус»–«ЭКСМО», 2003), стр. 18. Интересно, что об обсуждении на переговорах в Севре сотрудничества между Израилем и Францией в сфере создания ядерного оружия М. Даян, который сам в этих переговорах участвовал, не упоминает вообще. Можно было бы предположить, что М. Даян решил не писать об этом, исходя из самоцензуры, отражающей израильскую политику непрозрачности в ядерной сфере (даже и в конце первой половины 1960-х годов, когда он писал свою книгу, премьер-министр Израиля Леви Эшколь убеждал президента США Линдона Джонсона в том, что Израиль не занят разработкой и производством ядерного оружия), однако израильский политолог Авнер Коэн предполагает, что переговоры по конкретно этому вопросу, которые вели Д. Бен-Гурион и Ш. Перес, были настолько секретными, что даже начальника Генерального штаба не особенно информировали о них; см.: Avner Cohen, *Israel and the Bomb*, p. 363, сноска 56.

в своей книге шестой президент Израиля Хаим Герцог, «в Соединенных Штатах в разгаре были президентские выборы, и можно было предположить, что президент Эйзенхауэр воздержится от принятия важных международных решений, которые могли бы помешать его переизбранию»¹⁹⁵. Подписанный в Севре протокол включал обязательство Франции и Великобритании обеспечить воздушное прикрытие городов Израиля в случае, если авиация Египта или других арабских стран попытается бомбить их (это условие имело принципиальное значение для израильской стороны); одновременно французское правительство аннулировало значительную часть израильского долга, возникшего в результате закупок вооружений. Обратим внимание: стороны искали такую дату начала боевых действий, которая бы, по их расчетам, в наименьшей мере позволила вмешаться Советскому Союзу или США, причем обе страны – не только поставивший Египту значительные арсеналы оружия Советский Союз, но и Соединенные Штаты – воспринимались как в равной мере враждебные!

Переход ситуации, связанной с национализацией Суэцкого канала, в фазу военного кризиса застал врасплох администрацию США. Ставшие известными архивные материалы позволяют судить, что американский президент не располагал достоверной информацией о подготовке плана военной агрессии против Египта. До середины октября 1956 года Д. Эйзенхауэр продолжал руководствоваться оценками разведслужб, которые считали «в высшей степени маловероятной» попытку Израиля осуществить «крупномасштабное военное нападение на египетские войска, находящиеся на Синайском полуострове»¹⁹⁶. В это время подготовка израильскими силами военных действий против Египта уже велась, что называется, «на всех парах».

В ночь с 24 на 25 октября 1956 года в Израиле началась мобилизация части резервистов; она проводилась тайно и сопровождалась кампанией дезинформации, нацеленной на то, чтобы создать впечатление готовящейся военной акции против Иордании¹⁹⁷. «Над всей военной операцией висел дамоклов меч политики, – признавал Моше Даян. – Преждевременно раскрыв свои планы или затянув кампанию на несколько дней, Израиль рисковал встретить мощнейшее давление со стороны Соединенных Штатов и Советского Союза»¹⁹⁸. Обратим

¹⁹⁵ Хаим Герцог, *Арабо-израильские войны* (London: Nina Karsov, 1986 [пер. с изд. на англ. яз. 1982 г.]), том 1, стр. 174.

¹⁹⁶ Цит. по: Михаил Пелипась, *Скованные одной цепью*, стр. 331.

¹⁹⁷ Хаим Герцог, *Арабо-израильские войны*, том 1, стр. 178.

¹⁹⁸ Моше Даян, «Дневник Синайской кампании», стр. 215.

на это внимание: глава израильской армии открыто признает, что воспринимал США стороной враждебной, как и Советский Союз! Однако тайная мобилизация резервистов и кампания дезинформации достигли своей цели: к моменту начала операции египетские войска в Синае не были готовы к отражению наступления израильской армии. Согласно донесению, отправленному 29 октября 1956 года в МИД СССР послом в Египте Е.Д. Киселевым, посещенный им утром этого дня начальник канцелярии президента Египта Али Сабри считал, «что и сейчас, несмотря на все эти крики и мобилизацию, Израиль не готов для серьезной войны, да к тому же нет и непосредственного повода или зацепки»¹⁹⁹.

Однако в середине того же дня, 29 октября, четыре легких израильских самолета, совершая заходы на четырехметровой высоте, разрезали крыльями и винтами все воздушные линии телефонной связи в Синае, частично нарушив связь между оборонявшимися египетскими подразделениями. Вслед за этим батальон воздушно-десантной бригады, которым командовал ставший много лет спустя начальником Генерального штаба израильской армии Рафаэль Эйтан (1929–2004), был высажен у восточного входа в ущелье Митла. Остальные подразделения этой бригады, которой командовал ставший много лет спустя министром обороны, а затем и главой правительства Ариэль Шарон (1928–2014), размещавшиеся близ линии прекращения огня с Иорданией, за 28 часов пересекли Южный Негев и большую часть Синайского полуострова, захватили укрепленные позиции египетской армии в Ал-Кунтилле, Ат-Тамаде, Нахле и к исходу 30 октября соединились с батальоном Р. Эйтана. Завершение этого маневра позволило десантникам закрепиться в семидесяти километрах от Суэцкого канала.

В Советском Союзе совершенно неверно оценивали обстановку: в докладной записке начальника ГРУ Сергея Штеменко (1907–1976), разосланной 30 октября членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС, утверждалось, что «Англия якобы готова оказать помощь Египту в изгнании израильских войск из Египта и находится в готовности нанести удар в течение 24 часов по Израилю или другому агрессору на Среднем Востоке»²⁰⁰. В действительности все обстояло совсем по-другому.

¹⁹⁹ Цитируемая телеграмма посла СССР в Египте Е.Д. Киселева опубликована в антологии *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том 1, стр. 535–537.

²⁰⁰ Докладная записка С.М. Штеменко от 30 октября 1956 г. опубликована в антологии *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том 1, стр. 537–538.

30 октября Великобритания и Франция, как было предусмотрено Севрским протоколом, предъявили Израилю и Египту ультиматум, требуя, чтобы в целях обеспечения безопасности Суэцкого канала вооруженные силы обеих воюющих сторон не подходили к нему ближе чем на десять миль. Когда правительство Египта, которому только и был на самом деле адресован этот ультиматум, отказалось вывести свои войска из зоны канала, британская и французская авиация начала 31 октября бомбить аэродромы и другие военные объекты страны, главным образом расположенные к западу от него. 1 ноября египетское командование приказало всем подразделениям, занимавшим позиции на Синае, отойти к Суэцкому каналу для усиления частей, которые готовились к ожидавшемуся вторжению англо-французских сил. Однако организовать упорядоченный отход египтянам не удалось, и их отступление превратилось в паническое бегство. Преследуя противника, израильские части вышли на подступы к Исмаилии (2 ноября) и Кантаре (3 ноября). В соответствии с условиями англо-французского ультиматума продвижение израильской армии в западном направлении было остановлено в десяти милях от Суэцкого канала.

Американская администрация открыто действовала против Израиля: 31 октября Д. Эйзенхауэр принял решение о прекращении американской государственной помощи Израилю. Госсекретарь Дж.Ф. Даллес внес на обсуждение Генеральной Ассамблеи ООН проект резолюции о незамедлительном свертывании военных действий против Египта и отводе израильских войск с захваченных территорий. 2 ноября этот документ был поддержан подавляющим большинством делегатов (84 голосовали «за», тогда как только 5 — «против»). Впрочем, документ, принятый не Советом Безопасности, а Генеральной Ассамблеей, не имел обязательного характера и потому не мог не только остановить агрессию, но даже предотвратить ее эскалацию.

Однако и в Совете Безопасности ООН были предприняты усилия, чтобы добиться прекращения огня, причем США, как и Советский Союз, выступали резко против израильско-британско-французской коалиции. Англия и Франция дважды наложили вето на готовящиеся резолюции, требовавшие немедленно прекратить боевые действия. Выражаясь словами Хаима Герцога, «англо-французская эскадра продолжала плыть по Средиземному морю, но ее скорость уступала скорости роста политического давления»²⁰¹. Под нажимом событий командующий британским контингентом генерал-лейтенант Хью Стоквелл (Hugh Charles Stockwell, 1903–1986) на день уско-

²⁰¹ Хаим Герцог, *Арабо-израильские войны*, том 1, стр. 211.

рил высадку парашютного десанта в районах Порт-Саида и Порт-Фуада и назначил ее на 5 ноября. Общественное мнение в Англии и во всем мире все более враждебно относилось к кампании, поэтому командование эскадрой наложило ограничения на тип орудий, которые могли использовать корабли для поддержки десанта. 6 ноября первые английские солдаты высадились на пляжах Порт-Саида, а французские войска высадились в Порт-Фуаде. Генерал Х. Стоквелл решил перебросить свои войска на юг с помощью вертолетов и сбросить парашютный десант в Исмаилии и в Абу-Сувейре. Но в момент подготовки этой операции английское правительство уступило международному давлению и согласилось на прекращение огня в полночь с 6 на 7 ноября.

5 ноября председатель Совета министров СССР Николай Булганин (1895–1975) направил послания Энтони Идену, Ги Молле и Давиду Бен-Гуриону, в которых было заявлено, что «советское правительство полно решимости пойти на применение силы, чтобы сокрушить агрессоров и восстановить мир». В послании, направленном Д. Бен-Гуриону, утверждалось: «Правительство Израиля, действуя в качестве орудия внешних империалистических сил, продолжает безрассудную авантюру, бросая вызов всем народам Востока, ведущим борьбу против колониализма. ... Выполняя чужую волю ... правительство Израиля преступно и безответственно играет судьбой мира, судьбой своего народа. Оно сеет такую ненависть к Государству Израиль среди народов Востока, которая не может не сказаться на будущем Израиля и которая поставит под вопрос само существование Израиля как государства»²⁰². Одновременно Н.А. Булганин направил президенту Д. Эйзенхауэру персональное послание с предложением предпринять совместную советско-американскую военно-морскую операцию по принуждению к миру тех участников ближневосточного конфликта, которые вопреки решению Совета Безопасности ООН продолжают кровопролитие. Видный российский историк Г.В. Костырченко уверен, что «автором этой идеи был Хрущев»²⁰³. Д. Эйзенхауэр отверг план совместной советско-американской боевой акции в Восточном Средиземноморье. Белый дом официально заявил, что вооруженные силы ни СССР, ни каких-либо других стран

²⁰² Текст послания был опубликован в газете *Известия* 6 ноября 1956 г. Премьер-министру Израиля послание было отправлено на английском языке; его текст воспроизводится в антологии *Israel's Foreign Relations. Selected Documents, 1947–1974*, ed. by Meron Medzini (Jerusalem: Ministry for Foreign Affairs, 1976), vol. 1, pp. 557–558.

²⁰³ Геннадий Костырченко, *Тайная политика Хрущева. Власть, интеллигенция, еврейский вопрос* (Москва: «Международные отношения», 2012), стр. 168.

не могут вмешаться в конфликт на Ближнем Востоке без санкции Совета Безопасности ООН. При этом сам Д. Эйзенхауэр, который в ходе прошедших 4 ноября выборов был с перевесом почти в семь миллионов голосов (34 075 529 человек проголосовали за него, тогда как 27 375 090 — за повторно проигравшего выборы кандидата от Демократической партии Эдлая Стивенсона) избран на второй срок, также потребовал от Израиля, Великобритании и Франции немедленного прекращения огня и вывода войск. Послание Д. Эйзенхауэра Д. Бен-Гуриону было отправлено 7 ноября вечером²⁰⁴.

Ранним утром 8 ноября 1956 года Давид Бен-Гурион тайно делегировал Шимона Переса и сменившую в июне того же года М. Шарета на посту министра иностранных дел Голду Меир в Париж, поручив им выяснить, каковы планы французских руководителей в ситуации возможного советского военного вмешательства. Министр иностранных дел Франции Кристиан Пино и министр обороны Морис Бурж-Манури не дали израильским эмиссарам никаких конкретных обещаний. Заверив, что Франция будет поддерживать Израиль, К. Пино сказал, что он воспринимает угрозы Советского Союза очень серьезно, и призвал выполнить требования выдвинутого СССР ультиматума. Спустя полвека Е.М. Примаков писал о том, что «Н.С. Хрущев еще до тройственной агрессии передал Насеру, что Советский Союз не развяжет из-за Суэца мировую войну, и, судя по всему, это сообщение было встречено Насером с полным пониманием»²⁰⁵. В то время ни во Франции, ни в Израиле не было ни малейшей уверенности в том, что высказанные Н.А. Булганиным угрозы ракетной атаки на государства, напавшие на Египет, в случае если их войска не уйдут с египетской территории, являются блефом. Посоветовавшись со своими эмиссарами и поняв, что поддержки ждать неоткуда, Д. Бен-Гурион принял решение об окончании боевых действий. В тот же день Д. Бен-Гурион отправил письмо об этом на имя Н.А. Булганина, сообщив, что «заявил в Кнессете от имени правительства Государства Израиль о готовности немедленно вступить в прямые переговоры с Египтом без предварительных условий и принуждения для достижения стабильного мира», выразив надежду, что «все миролюбивые государства и особенно поддерживающие дружеские отношения с Египтом используют все свое влияние для обеспечения успеха

²⁰⁴ Текст этого послания приводится в антологии *Israel's Foreign Relations. Selected Documents, 1947–1974*, vol. 1, pp. 563–564.

²⁰⁵ Евгений Примаков, *Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами* (Москва: «Российская газета», 2006), стр. 49.

мирных переговоров без дополнительных проволочек»²⁰⁶. В тот же день глава правительства Израиля отправил телеграмму президенту США, а также генеральному секретарю ООН. За десять дней кампании Израиль потерял 170 солдат и офицеров убитыми, один человек попал в плен²⁰⁷. Было убито и ранено несколько тысяч египтян, около шести тысяч солдат и офицеров взяты в плен.

Вслед за этим начались затяжные переговоры. Израиль стремился получить гарантии стабильности двух важных достижений войны — отмены блокады Тиранского пролива и прекращения вылазок *федаюнов* с египетской территории. Канадское правительство предложило создать Чрезвычайные силы Организации Объединенных Наций, и это предложение было принято ООН. Под контроль этих войск должны были перейти сектор Газа и район Шарм-аль-Шейха. «Президент Эйзенхауэр оказывал давление на Англию и Францию, и Иден был первым, кто сдался, — честно рассказала Голда Меир, добавив: — Президент был разгневан и сказал, что, если Израиль не отступит немедленно, Соединенные Штаты поддержат в ООН санкции против него»²⁰⁸. Англия и Франция, как справедливо отмечает видный российский историк Г.В. Костырченко, «в основном под нажимом США» вывели свои воинские контингенты с территории Египта, в том числе и из Порт-Саида к 22 декабря 1956 года²⁰⁹. Израильские войска оставили практически весь Синай, однако кроме участка побережья проливов и полосы Газы — вследствие чего, как признал Д. Бен-Гурион, «наши разногласия с ООН и с правительством США обострились еще более»²¹⁰.

3 февраля 1957 года Д. Бен-Гурион получил еще одно послание от Д. Эйзенхауэра, написанное в дружественном тоне, но содержащее недвусмысленную угрозу. Президент США настаивал, что полное отступление Израиля с занятых его силами в ходе войны территорий должно быть немедленным и безусловным. В своем ответе Д. Эйзенхауэру Д. Бен-Гурион отметил, что ООН в своих действиях небеспристрастна, и к Израилю относится иначе, чем к Египту. Израильский премьер-министр обращал внимание на то, что с 1948 года египет-

²⁰⁶ Телеграмма Д. Бен-Гуриона Н.А. Булганину от 8 ноября 1956 г. цит. в книге: David Ben-Gurion, *Israel. A Personal History* (New York: Herzl Press, 1972), pp. 510–511.

²⁰⁷ В различных источниках приводятся неодинаковые, хотя и не сильно различающиеся, сведения о потерях. Здесь цитируются данные, приведенные Давидом Бен-Гурионом в ходе политического доклада в Кнессете 5 марта 1957 г.

²⁰⁸ Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 333.

²⁰⁹ Геннадий Костырченко, *Тайная политика Хрущева*, стр. 169.

²¹⁰ Цит. доклад Д. Бен-Гуриона в Кнессете 5 марта 1957 г. [на иврите].

ские власти поступали вопреки Уставу ООН, нарушали договор о перемирии, осуществляли враждебные действия против Израиля, препятствовали проходу израильских судов и судов иностранных государств, направлявшихся в Израиль, через Суэцкий канал, отрекаясь и от собственных обещаний и обязательств относительно свободы мореплавания в Эйлатском заливе, данных правительству США прежде — и что ООН ничего не сделала для защиты Израиля от этих актов агрессии²¹¹. Представители американской администрации угрожали Израилю различными санкциями как экономического, так и политического характера, но Д. Бен-Гурион отказался подчиняться давлению. Американцы, однако, стояли на своем, согласившись гарантировать свободу израильского мореплавания в Тиранском проливе (через который только и можно добраться до города Эйлат — единственного израильского порта на Красном море) лишь после полного вывода израильских войск.

Д. Бен-Гурион был резко против вывода израильских сил из сектора Газа, напоминая, что «он никогда не был египетской территорией и что Египет не может ссылаться на свои права по договору о перемирии, после того как все эти годы он систематически нарушал договор и находился фактически в состоянии войны против нас [Израиля], вопреки резолюции Совета Безопасности. Поэтому нельзя ни в коем случае возвращать Египту территорию, которая под египетской оккупацией превратилась в базу агрессий против Израиля»²¹². По воспоминаниям Моше Даяна, Д. Бен-Гурион еще в марте 1955 года говорил ему, что единственный способ предотвратить вылазки боевиков из Газы — оккупация сектора, и что Израилю, рано или поздно, неминуемо придется сделать это²¹³; 3 апреля 1955 года предложение о проведении военной операции с целью захвата сектора Газа было внесено Д. Бен-Гурионом (в то время — министром обороны; пост главы правительства занимал М. Шарет) на заседание правительства, однако большинство министров проголосовали против²¹⁴ — и план этот не был реализован. 5 декабря того же года правительство, главой которого вновь стал Д. Бен-Гурион, обсуждало аналогичный план, получивший кодовое название операции «Омер», однако большинство министров, сплотившись вокруг М. Шарета, вновь проголосовали против, к огромному разочарованию М. Дая-

²¹¹ Телеграмма Д. Бен-Гуриона Д. Эйзенхауэру цит. в книге: David Ben-Gurion, *Israel. A Personal History*, pp. 525–526.

²¹² Цит. доклад Д. Бен-Гуриона в Кнессете 5 марта 1957 г. [на иврите].

²¹³ См.: Моше Даян, *Этапы пути*, стр. 143.

²¹⁴ Поименные итоги голосования см. в книге: Михаэль Бар-Зохар, *Бен-Гурион*, книга 2, стр. 100.

на²¹⁵. Теперь же, когда сектор Газа находился под контролем израильских сил, Д. Бен-Гурион стремился сохранить это положение.

Однако администрация США и в этом вопросе выступила против позиции, занятой премьер-министром Израиля. 20 февраля 1957 года Д. Бен-Гурион получил новое послание от Д. Эйзенхауэра, единственной уступкой в котором было согласие ненадолго отложить обсуждение санкций против Израиля в ООН. Повторив, что противодействие со стороны Египта свободе мореплавания израильских судов в Суэцком канале и в Эйлатском заливе после вывода израильских войск недопустимо, Д. Эйзенхаур без обиняков писал Д. Бен-Гуриону, что, «ввиду отсутствия немедленных конструктивных решений со стороны правительства Израиля нет уверенности, что решения, которые будут приняты в ООН, не будут иметь для Израиля серьезных последствий»²¹⁶. В тот же день Д. Эйзенхауэр выступил с обращением к американскому народу, в котором, среди прочего, указал, что Организации Объединенных Наций следует оказать давление на Израиль, с тем чтобы побудить его вывести свои войска из занятых ими районов Египта. Д. Бен-Гурион пытался бороться, настаивая на том, что ни при каких условиях нельзя возвращать сектор Газы Египту. Премьер-министр Израиля предложил, чтобы комиссия ООН прибыла в регион, выразив готовность обсудить с ней в комплексе проблемы сектора: безопасность, восстановление благосостояния жителей и вопрос о палестинских беженцах. 21 февраля Д. Бен-Гурион информировал Д. Эйзенхауэра, что посол Израиля в США Абба Эвен (Abba Eban, 1915–2002) возвращается в Вашингтон с новыми инструкциями правительства в надежде, что общий язык между руководителями двух стран будет найден²¹⁷.

Надежда оказалась иллюзорной, администрация США ни на йоту не изменила своей позиции. «Мы оказались в труднейшем положении, — признал Д. Бен-Гурион. — Как правительство, так и народ Израиля готовились к санкциям: их наложили бы на нас, если бы арабский блок при помощи или при нейтралитете США сумел набрать две трети голосов в пользу этого решения»²¹⁸. Однако идти против двойного американско-советского политического прессинга правительство Д. Бен-Гуриона не решилось, объявив о готовности вывести израильские войска и из района Шарм-аль-Шейха, и из сектора Газа.

²¹⁵ См.: Михаэль Бар-Зохар, *Бен-Гурион*, книга 2, стр. 109.

²¹⁶ Послание Д. Эйзенхауэра Д. Бен-Гуриону от 20 февраля 1957 года опубликовано в антологии *Foreign Relations of the United States. 1955–1957, Vol. XVII. Arab-Israeli Dispute, 1957*, pp. 225–226.

²¹⁷ См.: David Ben-Gurion, *Israel. A Personal History*, pp. 528.

²¹⁸ Цит. доклад Д. Бен-Гуриона в Кнессете 5 марта 1957 г. [на иврите].

О том, какими изнурительными были переговоры с госсекретарем Дж.Ф. Даллесом и постпредом США в ООН Г.К. Лоджем, равно как и о том, что они нарушили те неформальные соглашения, которые были достигнуты в ходе этих переговоров, с болью вспоминала Г. Меир, которая в качестве министра иностранных дел Израиля эти переговоры вела. Поскольку она фактически выросла в США, прожив в этой стране с 1906 по 1921 год (министр иностранных дел Ирака даже сказал, обращаясь к ней, с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН: «Миссис Меир, возвращайтесь в Милуоки – там ваше место»²¹⁹), языковых или культурных проблем в коммуникации с американскими дипломатами у нее не было. Не было такого рода проблем и у родившегося в ЮАР и с отличием закончившего обучение в Кембриджском университете Аббы Эвена. Однако и они оказались бессильны... Голда Меир вспоминала:

«Я никак не могла довести до сознания американцев – особенно их госсекретаря холодного, серого Джона Фостера Даллеса, – что от гарантий – настоящих, зубастых гарантий – зависит самая наша жизнь и что вернуться к положению, которое было до Синайской кампании, мы не можем. Ничего не помогало. Ни доводы, ни призывы, ни логика, ни даже красноречие нашего посла в Вашингтоне и в ООН Аббы Эвена. Мы говорили на разных языках и ставили во главу угла разные вещи. Даллес был одержим страхом перед призраком мировой войны, и он твердил мне, что Израиль из-за своей неразумности будет виновником этой войны, если она разразится. Много раз в это время мне хотелось бежать, бежать обратно в Израиль, чтобы кто-нибудь другой поработал с Даллесом или Генри Каботом Лоджем (Henry Cabot Lodge, 1902–1985), главой американской делегации в ООН. Все бы я отдала – только бы не присутствовать на очередном раунде переговоров, вечно кончавшихся обвинениями. Но я оставалась на месте, и глотала обиды, и подавляла чувство, что нас предали, и в конце февраля мы достигли некоего компромисса. Последние наши части уйдут из Газы и Шарм-аль-Шейха в ответ на то, что Объединенные Нации гарантируют право Израиля на свободу судоходства через Тиранский пролив и что египетским солдатам не разрешено будет вернуться в район Газы. Это было немного и не за это мы боролись – но это было все, чего мы смогли добиться, и все-таки лучше, чем ничего.

3 марта 1957 года, предварительно проверив и уточнив каждую запятую с м-ром Даллесом в Вашингтоне, я сделала заключительное заявление: «Правительство Израиля в настоящее время готово объявить

²¹⁹ Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 343.

свой план скорого и полного отступления из Шарм-аль-Шейха и Газы. Согласно резолюции №1 от 2 февраля 1957 года, нашей единственной целью было обеспечить, после отступления израильских вооруженных сил, постоянную свободу навигации для израильского и международного судоходства в Акабском заливе и Тиранском проливе”. Но едва я села на свое место, поднялся Генри Кабот Лодж. К моему изумлению, он заверил Объединенные Нации, что, хотя право судоходства для всех наций через Тиранский пролив будет обеспечено, будущее Газы еще предстоит решить в рамках соглашения о перемирии. Может быть, и не все присутствующие поняли, о чем говорит Кабот Лодж, но мы-то поняли слишком хорошо. Госдепартамент США выиграл битву с нами, и египетское военное управление со своим гарнизоном вернется в Газу. Я ничего не могла ни сказать, ни сделать»²²⁰.

Сектор Газа и Синайский полуостров израильские силы заняли еще раз спустя десять лет, в июне 1967 года, в ходе Шестидневной войны. К тому моменту и Д. Бен-Гурион, и Д. Эйзенхауэр, и Г. Меир (правда, она, как оказалось впоследствии, временно) уже отошли от дел, в обеих странах ключевые решения военно-политического характера принимали уже другие люди. Восстановление дипломатических отношений между Египтом и Великобританией произошло существенно раньше: в ограниченном формате (на уровне поверенных в делах) — в декабре 1959 года, а в полном объеме (на уровне чрезвычайных и полномочных послов) — в начале 1961 года²²¹.

В результате Суэцкого кризиса Соединенные Штаты укрепили свое влияние в регионе; в особенности это касалось их отношений с Египтом. Однако улучшение этих отношений было следствием того, что администрация США отвернулась от Израиля, вследствие чего руководители еврейского государства считали себя преданными. В период Суэцкого кризиса американцы фактически объединившись с Советским Союзом, против которого, собственно, они и строили всевозможные военно-политические союзы, от НАТО до Багдадского пакта включительно. В ходе встречи с послом США в Египте Раймондом Хэйром (Raymond Arthur Hare, 1901–1994), состоявшейся 15 декабря 1956 года, Г.А. Насер заявил, что никогда не ожидал, что США будут сдерживать Израиль в случае его нападения на Египет²²². Как справедливо указывал

²²⁰ Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 339.

²²¹ См.: Владимир Румянцев, «Британская дипломатия в поисках путей развития отношений с Египтом в 1961–1962 гг.» // *Известия Алтайского государственного университета. История*, том 4, №1 (2010), стр. 223–227.

²²² Слова Г.А. Насера, сказанные американскому послу Р. Хэйру, цит. в телеграмме последнего в Государственный департамент от 16 декабря

компетентный российский историк-ближневосточник В.П. Румянцев, «в правительственных кругах США полагали возможным сделать из Египта опору для распространения американского влияния на Ближнем и Среднем Востоке. К середине 1950-х годов одним из основных препятствий для усиления позиций США в регионе стало использование египетским президентом Г. А. Насером практики игры на глобальном противостоянии Соединенных Штатов и Советского Союза в интересах своей страны. Задачей американского правительства в этих условиях стало недопущение дальнейшего развития советско-египетских отношений и неконтролируемого западными странами изменения соотношения сил между арабскими странами и Израилем»²²³. В рамках настоящей книги нет необходимости давать ответ на вопрос, насколько оправданным было израильское нападение на Египет 29 октября 1956 года; но для честного анализа динамики американо-израильских отношений важно помнить, что *в Суэцко-Синайской войне США и Израиль находились по разные стороны баррикад: администрация США не была извещена правительством Израиля о планируемом начале боевых действий, на всем протяжении боев американцы требовали их немедленно прекратить, а по окончании боевых действий угрожали Израилю международной изоляцией и политико-экономическими санкциями, требуя отказаться от всех плодов достигнутой еврейским государством военной победы.*

1957 г., опубликованной в антологии *Foreign Relations of the United States. 1955–1957, Vol. XVI. Suez Crisis*, pp. 1314–1321.

²²³ Владимир Румянцев, «Политика американского правительства Д. Эйзенхауэра в связи с Суэцким кризисом, 1956–1957 гг.». Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук (Томск, 2000), стр. 177.

ЧАСТЬ III.

**В ПОИСКАХ ДЕРЖАВ-СОЮЗНИЦ,
НАДЕЯСЬ ТОЛЬКО НА СЕБЯ:
ТРУДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ С США
В МНОВЕКТОРНОЙ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
ИЗРАИЛЯ В 1957—1968 ГГ.**

Глава 7

Прагматичное использование: значение Израиля для реализации геополитической доктрины США во второй срок правления Д. Эйзенхауэра, 1957–1961 гг.

В самые тяжелые дни Суэцкого кризиса и в последующее время Д. Эйзенхауэр и Дж.Ф. Даллес дали понять и словом, и делом, что они намерены добиваться двух целей: во-первых, воспрепятствовать тому, чтобы англо-французская акция воспринималась бы как концепция действий всего Запада в отношении арабских стран, а во-вторых, выработать такую политику в отношении региона, которая помогла бы наиболее эффективно преодолеть кризис и помешать тому, чтобы Советский Союз извлек из него наибольшую выгоду и одержал бы победу на этом новом фронте «холодной войны». Сотрудники Государственного департамента никогда не прерывали контактов с египтянами, а сам Дж.Ф. Даллес старательно избегал открыто выражать враждебное отношение к решению Г.А. Насера о национализации Суэцкого канала. Госсекретарь США старался проводить политику посредничества между интересами Англии и Франции, с одной стороны, и Египта – с другой; он стремился также подчеркнуть четкое различие между позициями Соединенных Штатов и трех государств-агрессоров.

Как верно отмечает в своей прекрасной монографии В.П. Румянцев, «после Суэцкого кризиса характер американо-израильских и англо-израильских отношений изменялся разнонаправленно. На первый взгляд казалось парадоксальным, что Соединенные Штаты, доведя свои отношения с Израилем до наивысшей точки напряженности за всю их историю и угрожая применением санкций, смогли довольно быстро нормализовать их, в то время как Великобритания за этот же период сильно “охладила” свои отношения с недавним союзником по антиегипетской коалиции»²²⁴.

²²⁴ Владимир Румянцев, *Ближневосточная политика США и Великобритании в 1956–1960 гг.*, стр. 291.

Когда была преодолена наиболее острая фаза конфликта, 5 января 1957 года, американский президент представил Конгрессу политический доклад об общих принципах и перспективах политики на Ближнем Востоке, получивший название «доктрины Эйзенхауэра». Президент провозгласил готовность оказать экономическую и военную помощь тем странам этого региона, которым грозит советская агрессия и которые обратятся с просьбой о помощи. Упомянув об оккупации Советским Союзом Эстонии, Латвии и Литвы в 1939 году и введении советских войск в Венгрию в 1956 году и ни словом не объяснив, какое отношение все это имеет к Ближнему Востоку, Д. Эйзенхауэр сформулировал три в высшей степени проблематичных тезиса (которые ни до, ни после в целом не подтверждались историческими фактами), беспричинно назвав их «простыми и неоспоримыми» (simple and indisputable):

- «1. Средний Восток, который всегда представлял соблазн для России, сегодня является для международного коммунизма еще более желанной, чем когда-либо, наградой;
2. советские правители продолжают демонстрировать, что они не остановятся ни перед чем, чтобы добиться желаемых целей;
3. свободные государства Среднего Востока нуждаются в дополнительной поддержке, и большинство из них стремится заручиться ею для того, чтобы продолжать оставаться независимыми»²²⁵.

По факту, Д. Эйзенхауэр сформулировал подложную доктрину, которая имела одну-единственную цель: дезавуировать итоги Суэцко-Синайской кампании, в которой неожиданно для самих себя руководители Советского Союза и Соединенных Штатов выступили с одной стороны баррикад! Обращаясь, прежде всего, к руководителям Египта, которым они до этого отказали и в финансовой помощи для строительства Асуанской плотины, и в поставках оружия, Д. Эйзенхауэр требовал сделать выбор, декларируя, что рассчитывать и на американскую поддержку, и на советскую более невозможно.

О том, какое небольшое значение придавал президент Д. Эйзенхауэр Государству Израиль, свидетельствует тот факт, что во всем его программном докладе о Ближнем Востоке оно упоминалось всего дважды, а об американо-израильских отношениях не было сказано вообще ни единого слова! В ряде публикаций утверждается, будто «доктрина Эйзенхауэра» стала

²²⁵ Dwight D. Eisenhower, "Special Message to the Congress on the Situation in the Middle East", January 5, 1957 // *Congressional Record*, vol. 103, p. 181 и далее.

водоразделом, свидетельствующим о смене парадигмы восприятия ближневосточных проблем администрацией США, якобы с этого момента сделавшей ставку на союз с Израилем. Однако в самом выступлении президента не было на это и намека! Имеет смысл привести полностью оба фрагмента выступления, в которых упоминался Израиль, и это станет совершенно очевидным. В первой части доклада президент, в частности, сказал: «Имевшее место в октябре относительно серьезное военное нападение Израиля усилило основные противоречия между этим государством и его арабскими соседями. Эта нестабильность осложнялась, а порой и использовалась международным коммунизмом». В седьмой части, когда основные положения доктрины уже были им изложены, Д. Эйзенхауэр добавил: «Эта программа не решит всех проблем Среднего Востока. Не исчерпывает она и всего комплекса политических решений, касающихся этого региона. Существуют проблемы Палестины и взаимоотношений Израиля с арабскими государствами, а также судьбы арабских беженцев». Никаких других упоминаний Израиля или, паче чаяния, американских обязательств в отношении Израиля в «доктрине Эйзенхауэра» не было.

Учитывая, что военная операция Израиля, Великобритании и Франции закончилась, прежде всего, в связи с ультиматумом, выдвинутым руководством СССР, и это осознавали во всем арабском мире, «доктрина Эйзенхауэра» была призвана перехватить инициативу у Советского Союза, не дав ему возможности углубить свое влияние на государства Ближнего и Среднего Востока²²⁶. Американцы отвергли инициативу министра иностранных дел СССР Д.Т. Шепилова о выработке параметров арабо-израильского урегулирования под совместным патронажем США, СССР, Великобритании и Франции. Д. Эйзенхауэр стремился к единоличному доминированию США, и им была выдвинута сугубо антисоветская доктрина, обозначившая новый виток «холодной войны», которая ничем и никак не отвечала на запросы Израиля и не была связана с его интересами. Опасаясь обвинений в произраильском уклоне и желая завоевать симпатии арабских лидеров, Д. Эйзенхауэр никак не обозначил сколько-нибудь приоритетное место еврейского государства во внешней политике США. Хотя эта доктрина вскоре позволила Соединенным Штатам направить войска на Ближний Восток (войска прибыли в Ливан, где фактически началась гражданская война), этот шаг никоим образом не был связан с защитой интересов Израиля.

²²⁶ См.: Peter L. Hahn, "Securing the Middle East: The Eisenhower Doctrine of 1957" // *Presidential Studies Quarterly*, vol. 36, no. 1 (2006), pp. 38–47.

Спустя считанные дни после выступления Д. Эйзенхауэра, 9 января 1957 года, Энтони Иден ушел в отставку с поста главы правительства Великобритании, и его место занял Гарольд Макмиллан (Harold Macmillan, 1894–1986), последовательно бывший до этого министром обороны, иностранных дел и финансов. Вопросы, касавшиеся Ближнего Востока, Д. Эйзенхауэр в марте 1957 года обсуждал с Г. Макмилланом на встрече, прошедшей на Бермудских островах. Хотя Г. Макмиллан был одним из наиболее влиятельных министров в кабинете Э. Идена, отставка последнего позволила сделать вид, что США и Великобритания начинают новый этап двусторонних отношений, принципиально отличающийся от предыдущего. Д. Эйзенхауэр и Г. Макмиллан договорились восстановить между двумя странами «особые отношения», перевернув страницу, связанную с Суэцким кризисом. В октябре 1957 года посольство Великобритании в США передало в Госдепартамент очередные предложения по арабо-израильскому урегулированию²²⁷, которые обсуждались на встрече дипломатов обеих стран, в которых участвовали и Дж.Ф. Даллес, и Селвин Ллойд. По сути, британские дипломаты предлагали вернуться к видоизмененному варианту плана «Альфа», предлагая установить границы между Израилем и граничащими с ним арабскими странами между линиями прекращения огня, зафиксированными в Родосских соглашениях, и линиями, установленными резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 года. Однако американцам и этого показалось мало! Как указано в официальном протоколе переговоров, «госсекретарь указал, что предлагаемый совместный документ не касается очень важного аспекта ситуации в Палестине [sic!], а именно опасной политики увеличения иммиграции, которую проводит израильское правительство»²²⁸. Действительно, в то время как в 1952–1954 годах в Израиль прибыли 54 676 еврейских иммигрантов, в 1955–1957 годах их число достигло 166 492 человек²²⁹, т.е. было втрое большим за идентичный период времени, что соответствовало задачам по «собираению диаспор», которую, так или иначе, ставили перед собой все израильские правительства на протяжении всей истории существования госу-

²²⁷ Меморандум посольства Великобритании, переданный в Государственный департамент США 21 октября 1957 г., опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States. 1955–1957, Vol. XVII. Arab-Israeli Dispute, 1957*, pp. 769–770.

²²⁸ В оригинале: “The dangerous policy of increased immigration which the Israeli Government is following”. См.: Конспект встречи, состоявшейся в Государственном департаменте США 22 октября 1957 г., опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States. 1955–1957, Vol. XVII. Arab-Israeli Dispute, 1957*, pp. 766–768.

²²⁹ См.: *Statistical Abstract of Israel* (Jerusalem, 2009), p. 234.

дарства. Обратим на это внимание: глава американской дипломатии считал эту политику «опасной», попрекая представителей Министерства иностранных дел Великобритании тем, что они не упомянули ее в своем меморандуме, посвященном путям урегулирования арабо-израильских противоречий. То есть *администрация Д. Эйзенхауэра была готова не только потребовать от Израиля отдачи части территорий, занятых им в ходе навязанной ему сразу после провозглашения его суверенитета войны, но и считала возможным поднимать вопрос сокращения еврейской иммиграции в независимое еврейское государство!*

Еще 1 мая 1954 года, выступая в Филадельфии перед активом Американского совета в поддержку иудаизма (American Council for Judaism), заместитель государственного секретаря Генри Байроуд заявил, что Израиль должен сократить масштабы еврейской иммиграции «во имя мира и стабильности в регионе». В Израиле были потрясены и шокированы, премьер-министр М. Шарет проинструктировал посла в США А. Эвена немедленно встретиться с Г. Байроудом и выразить решительный протест против изложенной им позиции; такая встреча состоялась 5 мая 1954 года²³⁰. Израильские руководители не могли знать, каков уровень поддержки позиции, озвученной Г. Байроудом, в руководстве США: как стало ясно из опубликованных позднее документов, ни с госсекретарем, ни с Белым домом она предварительно не согласовывалась. Однако 5 мая 1954 года Г. Байроуд извещал Дж.Ф. Даллеса о том, что бывший вице-президентом все восемь лет правления Д. Эйзенхауэра Ричард Никсон поддержал его²³¹. Тема постепенно сошла с повестки дня, однако сменивший Г. Байроуда на посту заместителя государственного секретаря по делам Ближнего Востока, Южной Азии и Африки Уильям Роунтри (William Manning Rountree, 1917–1995), позднее работавший послом США в Пакистане, Судане, ЮАР и Бразилии, вновь поднял ее. 13 марта 1957 года он подготовил специальный меморандум, посвященный еврейской эмиграции в Израиль. Напоминая о выступлении Г. Байроуда в Филадельфии за три года до этого, У. Роунтри повторял, что позиция США состоит в том, что «широкомасштабная иммиграция в Израиль увеличивает напряженность в регионе»²³². *Заместитель госсекретаря*

²³⁰ Протокол этой встречи см. в антологии *Foreign Relations of the United States. 1952–1954, Vol. IX. The Near and Middle East*, part 1, pp. 1542–1545.

²³¹ См. приписку от руки в тексте меморандума, поданного Г. Байроудом Дж.Ф. Даллесу, опубликовано в антологии *Foreign Relations of the United States. 1952–1954, Vol. IX. The Near and Middle East*, part 1, pp. 1546–1547.

²³² Меморандум У. Роунтри от 13 марта 1957 г. опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States. 1955–1957, Vol. XVII. Arab-Israeli Dispute, 1957*, pp. 412–413.

рекомендовал отклонить израильские просьбы о выделении экономической помощи на нужды интеграции значительного числа иммигрантов, считая это легитимным способом давления на правительство Д. Бен-Гуриона с целью сокращения числа пребывающих в еврейское государство евреев диаспоры. Как указывалось выше, спустя девять месяцев, в октябре 1957 года, позицию о том, что массовая иммиграция евреев в Израиль «опасна», озвучил уже и лично государственный секретарь. Эта тема обсуждалась и на встрече Дж.Ф. Даллеса с израильским послом Аббой Эвеном и его фактическим заместителем (позднее – главой администрации главы правительства Израиля) Яаковом Херцогом (Yaakov Herzog, 1921–1972), состоявшейся 31 октября 1957 года, однако добиться каких-либо изменений во враждебной позиции госсекретаря израильским дипломатом не удалось.

На всем протяжении второго срока правления администрации Д. Эйзенхауэра израильские представители пытались добиться согласия на поставки в еврейское государство американского оружия, но годами эти усилия не давали никакого эффекта. Во второй половине 1950-х годов практически всё оружие, которое получал Израиль, шло из Франции (как до прихода к власти Шарля де Голля, так и после этого, пусть и в меньших масштабах) и из Западной Германии (в обоих случаях ведущая посредническая роль принадлежала Шимону Пересу²³³), а не из США, которые оставались глухи ко всем израильским обращениям. Военная помощь Соединенных Штатов Израилю с 1948 по 1958 год составила примерно 900 тысяч долларов, в то время как Саудовская Аравия, Ирак, Иордания и Ливан за это же десятилетие получили американских вооружений на сумму порядка 137 миллионов долларов!²³⁴

Когда в 1958 году правительство Израиля обратилось к администрации Д. Эйзенхауэра с просьбой продать ему противотанковые безоткатные орудия, малые подводные лодки, вездеходы, вертолеты и управляемые ракеты противовоздушной обороны, большая часть просьб была отклонена. Комментируя эту просьбу, У. Роунтри отмечал, что для США и дальше было бы предпочтительнее не выступать в роли крупного поставщика вооружений на Ближнем Востоке, но правительство Д. Бен-Гуриона «значительно помогло нам в таком вопросе, как перелеты через территорию Израиля ... следовательно, нашу политику можно изменить и отправить оружие, поставки

²³³ См.: Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес* (Москва: «Гамма-пресс», 2011), стр. 169–198 [пер. с изд. на яз. иврит 2010 г.].

²³⁴ См.: Zach Levey, *Israel and the Western Powers, 1952–1960* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1997), p. 97.

которого арабы не смогут охарактеризовать как потворство агрессивным планам Израиля. Сугубо оборонительные противотанковые безоткатные орудия идеально подходят под этот критерий»²³⁵. Но кроме охарактеризованных У. Роунтри как «сугубо оборонительные» 106-миллиметровых безоткатных орудий Соединенные Штаты отказались поставлять что-либо еще из обширного запроса правительства Д. Бен-Гуриона, о чем У. Роунтри сообщил послу А. Эвену 26 августа 1958 года. В июне 1959 года госдепартамент США инструктировал нового американского посла в Израиле Огдена Рейда (Ogden R. Reid) постараться свести к минимуму контакты с израильскими военными, избегая действий, которые могли быть интерпретированы как сочувствие нуждам Армии обороны Израиля²³⁶.

Совет национальной безопасности США в июле 1960 года подтвердил намерение и впредь избегать превращения США в крупного поставщика вооружений ближневосточным странам, снабжая их тем не менее небольшими партиями оружия, чтобы не допустить «монополии» Советского Союза на ближневосточном рынке вооружений. Увеличение американской военной помощи Израилю сдерживалось опасением, что арабские государства в ответ могли обратиться за помощью к СССР. Обнадеживающей для Израиля была поддержка, которую выразил новый госсекретарь Кристиан Гертер (Christian Herter, 1895–1966), считавший, что Соединенным Штатам «следует незамедлительно что-нибудь предпринять в отношении нужд израильской противовоздушной обороны... Это могут быть поставки ракет “земля–воздух”»²³⁷. Помощники К. Гертера, однако, единодушно выступили против поставок ракет «хок». Директор ближневосточного бюро Госдепартамента США Армин Мейер (Armin Henry Meyer, 1914–2006), заместители госсекретаря Кларенс Дуглас Диллон (Clarence Douglas Dillon, 1909–2003) и Ливингстон Т. Мерчант (Livingston T. Merchant, 1903–1976) настаивали, что продажа «хоков» тесно привяжет Соединенные Штаты к вопросам обеспечения безопасности Израиля в ущерб отношениям с большей частью арабского мира. Как это ни удивительно, среди аргументов против поста-

²³⁵ Меморандум У. Роунтри Д.Ф. Даллесу от 22 августа 1958 г. опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States. 1958–1960, Vol. XIII. Arab-Israeli Dispute*, pp. 88–91.

²³⁶ Протокол встречи У. Роунтри и О. Рейда в Вашингтоне от 11 июня 1959 г. опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States. 1958–1960, Vol. XIII. Arab-Israeli Dispute*, pp. 182–184.

²³⁷ Протокол обсуждения от 13 марта 1960 г. опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States. 1958–1960, Vol. XIII. Arab-Israeli Dispute*, pp. 296–300.

вок ракет называлось и то, что «хок» — это секретное американское оружие, а у многих граждан Израиля сохранились связи с жителями просоветских государств за «железным занавесом»²³⁸. Кроме того, ракеты системы «хок» не поставлялись за пределы НАТО, и их отправка в Израиль выглядела бы слишком демонстративной. 4 августа 1960 года в письме К. Гертера Д. Бен-Гуриону израильская просьба об американских ракетах класса «земля–воздух» была формально отвергнута²³⁹.

Достаточно твердая позиция Соединенных Штатов по вопросам поставок оружия Израилю объяснялась, помимо соображений ближневосточной политики, рядом внутривосточных факторов. Как верно указывает В.П. Румянцев, «в правительстве Д. Эйзенхауэра не было политиков, через которых Израиль мог бы пытаться осуществлять влияние на внешнеполитическую деятельность США»²⁴⁰, и это в значительной мере предопределяло отношение к еврейскому государству со стороны откровенно отчужденной от него администрации Д. Эйзенхауэра — Р. Никсона — Дж.Ф. Даллеса.

В 1957–1958 годах на Ближнем Востоке произошли судьбоносные изменения, причем речь идет как о странах, где эти изменения стали необратимыми (речь, конечно, прежде всего идет об Ираке, где король и премьер-министр были свергнуты и убиты), так и о государствах, где векторы развития в последующие годы изменились (как случилось с просуществовавшим всего три года объединенным государством Египта и Сирии), а также о странах, режимы которых, пусть и с большим трудом, смогли устоять: Иордании и Ливане. В обоих случаях — а речь идет о приграничных Израилю государствах — стабилизация положения была достигнута в значительной мере благодаря военному вмешательству США (в Ливане) и Великобритании (в Иордании), причем Израиль оказался — в целом, помимо своей воли — вовлеченным в эти конфликты, что, в некоторой степени, привело к определенным изменениям в отношении к нему со стороны администрации США.

На очередных парламентских выборах, которые состоялись в Иордании 21 октября 1956 года, победила левая оппозиция. В соз-

²³⁸ Протокол обсуждения от 27 июля 1960 г. опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States. 1958–1960, Vol. XIII. Arab-Israeli Dispute*, pp. 356–357.

²³⁹ Письмо К. Гертера Д. Бен-Гуриону от 4 августа 1960 г. опубликовано в антологии *Foreign Relations of the United States. 1958–1960, Vol. XIII. Arab-Israeli Dispute*, pp. 358–361.

²⁴⁰ Владимир Румянцев, *Ближневосточная политика США и Великобритании в 1956–1960 гг.*, стр. 298.

давшихся условиях король Хусейн поручил формирование правительства лидеру Национальной социалистической партии, бывшему министру финансов и экономики и послу в Великобритании Сулейману Набулси (Sulayman al-Nabulsi, 1908–1976). Обозначая свой курс, С. Набулси заявил о решимости отменить англо-иорданский договор 1948 года, ликвидировать английские военные базы и добиться полного вывода английских войск из Иордании, осуществить замену английских финансовых субсидий помощью арабских стран, укреплять дружеские отношения с Египтом и Сирией, а также установить дипломатические отношения с СССР (эти отношения были установлены уже после отставки С. Набулси, 21 августа 1963 года). Пока С. Набулси занимал пост премьер-министра, Иордания 1 ноября 1956 года разорвала дипломатические отношения с Францией; 19 января 1957 года подписала десятилетний договор с Египтом, Саудовской Аравией и Сирией о ежегодной помощи в размере 36 миллионов долларов США вместо субсидий, предоставлявшихся Великобританией; 12 февраля 1957 года достигла договоренности с Великобританией о прекращении действия договора 1948 года и аннулировала его 13 марта того же года. По данному соглашению британские войска должны были покинуть Иорданию в течение 6 месяцев, передав все строения, сооружения и определенное количество амуниции иорданской армии. Будучи сторонником идеологии панарабизма, С. Набулси считал, что Иордания должна объединиться с одной или несколькими арабскими странами. Премьер-министр считал, что Иордания должна соединить свой военный, экономический и политический потенциал с братскими странами. Действуя вместе с командующим иорданской армией Али Абу Нуваром, С. Набулси создавал условия для свержения королевского режима, провозглашения республики и интеграции в состав некой арабской федерации, которую предполагалось сформировать²⁴¹.

Опасаясь за судьбу трона, король Хусейн 10 апреля 1957 года отправил правительство в отставку. Однако тандем Набулси – Абу Нувар попытался оказать давление на остальные политические силы Иордании с целью не допустить создания прокоролевского кабинета. Одновременно в армейских казармах в Зарке и Аджлуне начались волнения, которые состоявший в иорданской организации «Свободные офицеры» (создана по египетскому примеру) Абу Нувар хотел трансформировать в вооруженный мятеж для свержения короля. 13 апреля Али Абу Нувар отдал приказ окружить Амман, угрожая

²⁴¹ См.: А.Р. Аганин и З.А. Соловьева, *Современная Иордания* (Москва: Институт Ближнего Востока, 2003), стр. 88–89.

свергнуть монарха и провозгласить республику. Ситуацию спасли лояльные трону офицеры-бедуины, поднявшие вверенные им войска против мятежников из гарнизона в Зарке. Помимо этого, 16 апреля, в разгар операции против мятежников, 200 бедуинских шейхов публично принесли королю клятву в своей полной преданности трону. Борьба внутри офицерского корпуса закончилась победой прокоролевских сил. Действовавшие по согласованию с Сирией А. Абу Нувар и его преемник генерал А. Хияри бежали в Дамаск. Дядя короля шериф Насер Бен Джамиль сформировал особое подразделение для охраны дворца, а на ключевые посты в армии были назначены преданные монарху офицеры²⁴². 25 апреля новый командующий армией Хабис аль-Маджали ввел чрезвычайное положение и приступил к нейтрализации левонационалистических и прокоммунистических деятелей. На следующий день было объявлено о запрете политических партий, через неделю – других общественных организаций левого толка. В Иорданию были введены иракские войска (не забудем о том, что тогдашний король Ирака Фейсал II был троюродным братом короля Иордании Хусейна). Короля поддержали также США, направившие в Восточное Средиземноморье Шестой флот во главе с авианосцем, носившем имя министра обороны Дж. Форрестала. С сентября 1957 года в Иорданию начала поступать американская военная помощь.

14 февраля 1958 года Иордания и Ирак провозгласили образование Арабской Федерации, целью создания которой было противостояние Объединенной Арабской Республике (ОАР), сформированной путем слияния Египта и Сирии буквально в то же время (первые соглашения о создании панарабского государства были подписаны в Каире 1 февраля 1958 года Г.А. Насером и президентом Сирии Шукри аль-Куатли; 21 февраля в Египте и Сирии прошли референдумы об объединении в единое государство, а Г.А. Насер был избран президентом ОАР; акт об объединении стран был подписан их президентами 22 февраля, при этом было объявлено, что любое из арабских государств могло присоединиться к ОАР). Попытка расширить Арабскую Федерацию путем привлечения Саудовской Аравии успехом не увенчалась: сказалась традиционная вражда саудитской (Саудовская Аравия) и хашимитской (Иордания и Ирак) династий. Весной отношения между этими двумя арабскими блоками настолько ухудшились, что многие предсказывали новую войну в регионе. Однако Арабская

²⁴² См.: К.З. Хамзин [А.Р. Аганин], «Армия, власть и общество в Иордании» // *Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии*, под ред. В.М. Ахмедова (Москва: Институт Ближнего Востока, 2002), стр. 33.

Федерация просуществовала недолго: 14 июля 1958 года в Ираке произошла антимонархическая революция, установившая в стране республику, а 2 августа расторгнувшая федеративный договор.

Ареной конфронтации двух федераций стал Ливан, где в 1958 году резко обострилась внутривосточная обстановка. В стране фактически возникло острое противостояние прозападных либеральных группировок, интересы которых выражал президент Камиль Шамун (Camille Nimr Chamoun, 1900–1987), и антизападных радикально-националистических сил, объединившихся в Национальный фронт с участием ливанских коммунистов. Ливанское правительство приняло «доктрину Эйзенхауэра» и согласилось получать в соответствии с ней американскую военную помощь. Оппозиция обвинила правительство в нарушении принципа нейтралитета Ливана и стала развертывать против него воинственную агитацию. Напряженность в стране достигла пика в мае 1958 года, когда в стране началась всеобщая забастовка, переросшая в массовые антиправительственные выступления. К. Шамун обратился за помощью к Арабской Федерации, руководство которой решило перебросить на территорию Иордании, ближе к границам Ливана, крупную группировку иракских войск.

Однако события приняли совершенно неожиданный оборот: когда предназначенная для марша в Иорданию группировка иракских военных во главе с бригадным генералом Абдель Каримом Касемом (1914–1963) подошла к Багдаду, она неожиданно 14 июля 1958 года осуществила в Ираке кровавый военный переворот. В его ходе была уничтожена вся политическая элита страны, были убиты король Фейсал и вся королевская семья (за исключением супруги наследного принца принцессы Хайям, которая была ранена, но выжила), многолетний глава правительства страны Нури Саид, бывший регент Абд эль-Илах и другие. Здание английского посольства было сожжено. Монархия была ликвидирована. После переворота в Ираке, который был сердцевиной Багдадского пакта, стало казаться, что один за другим рушатся все прозападные режимы Ближнего Востока.

Король Иордании Хусейн провозгласил себя главой Арабской Федерации и попытался организовать интервенцию в Ирак с целью свержения режима А.К. Касема, однако эти планы реализованы не были — более актуальной была защита самого Хусейна и его режима от того, чтобы в Иордании не произошел переворот, подобный случившемуся в Ираке. 17 июля под предлогом защиты Иордании от угрозы со стороны Египта в Иорданию стали прибывать британские войска; в августе их число достигло четырех тысяч человек. Неожиданно для Великобритании и США король Саудовской Аравии отка-

заявил, что готов предоставить воздушное пространство своей страны для того, чтобы американские и британские самолеты могли использовать его для создания «воздушного моста» в Иорданию, и страной, которая сделала возможной военную операцию по спасению режима короля Хусейна, оказался Израиль. Несмотря на противодействие со стороны депутатов от социалистической Объединенной рабочей партии (МАПАМ), Д. Бен-Гурион разрешил пролет английских и американских самолетов с войсками и снаряжением над израильской территорией в Иорданию с утра 17 июля.

Борьба за спасение короля Хусейна шла на трех фронтах: внутренняя оппозиция и офицеры, близкие к А.К. Касему, были факторами важными, но не единственными. Президент Египта Г.А. Насер не особенно скрывал свою вовлеченность в борьбу с режимом короля Хусейна: в ходе визита в СССР на переговорах с участием Н.С. Хрущева, прошедших 30 апреля 1958 года, он говорил, что «народ Иордании настроен против существующего правительства. Там в любой момент можно ожидать сильное движение за создание национального правительства. Если такое правительство будет создано в результате народного движения, то оно попросит у нас помощи и нам трудно будет остаться в стороне». Единственное, что сдерживало Г.А. Насера — боязнь столкновения с израильской армией. «Западные державы могут воспользоваться этой обстановкой и толкнуть Израиль на то, чтобы он перешел границы Иордании, — выражал опасения Г.А. Насер. — Это приведет к войне с Израилем, который может быть поддержан западными державами путем посылки добровольцев из других стран, в частности Франции и Америки»²⁴³.

Американская дипломатия вела в это время двойную игру. С одной стороны, от израильских руководителей требовалось ни в коем случае не задействовать силы израильской армии для каких-либо операций на территории Иордании; 23 октября 1957 года госсекретарь Дж.Ф. Даллес отправил Д. Бен-Гуриону отдельное послание на эту тему²⁴⁴, после чего американские представители поднимали эту тему вновь и вновь, требуя от Израиля не инициировать новый региональный вооруженный конфликт, каковы бы ни были векторы развития событий. При этом американская администрация требовала от Израиля не вмешиваться в происходящее и ни в коем случае

²⁴³ Цит. по протоколу беседы, опубликованной в антологии *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том 2, стр. 190–197.

²⁴⁴ Послание Д.Ф. Даллеса от 23 октября 1957 г. опубликовано в антологии *Foreign Relations of the United States. 1955–1957, Vol. XVII. Arab-Israeli Dispute, 1957*, pp. 772–773.

не пытаться оккупировать Западный берег, заставив Д. Бен-Гуриона дать обещания воздержаться от шагов такого рода²⁴⁵. При этом на просьбу главы израильского правительства, направленную в октябре 1957 года, чтобы США гарантировали безопасность Государства Израиль, распространив мандат сил НАТО на Ближний Восток, госсекретарь Дж.Ф. Даллес ответил отказом, ограничившись лишь констатацией того, что США «заявили Советскому Союзу о своей поддержке независимости и территориальной целостности всех государств Ближнего Востока, включая Израиль»²⁴⁶. С другой стороны, в беседах с представителями Египта, в том числе лично с Г.А. Насером, американские дипломаты отмечали, что в случае если в Иорданию будут направлены египетские силы, Израиль с высокой степенью вероятности предпримет вооруженную операцию против них, а США не смогут сделать практически ничего, чтобы предотвратить такое развитие событий; именно это говорил Г.А. Насеру личный представитель Д. Эйзенхауэра Роберт Д. Мерфи (Robert Daniel Murphy, 1894–1978)²⁴⁷. Американцам было очень удобно использовать израильскую угрозу для того, чтобы отговаривать Г.А. Насера от участия в свержении Хашимитского режима в Иордании, при этом сдерживая Израиль от того, чтобы использовать кризис в целях улучшения собственного геополитического положения. Эта политика принесла свои плоды, позволив сохранить режим короля Хусейна тогда, когда это менее всего было очевидным.

Когда он только огласил свою речь, Д. Эйзенхауэр назначил Джеймса Ричардса (James Richards, 1894–1979) специальным посланником по ведению переговоров с государственными деятелями Ближнего Востока, касавшихся данной доктрины и ее реализации; 7 января 1957 года Д. Ричардсу был присвоен ранг чрезвычайного и полномочного посла. 2–3 мая 1957 года Д. Ричардс находился в Израиле, где его приняли Д. Бен-Гурион, Г. Меир и бывший тогда министром финансов Л. Эшколь. Согласно его отчету, израильские руководители не поднимали вопрос о поставках оружия, сосредоточившись на двух темах: защите Израиля в случае возможного нападения той или иной арабской страны при поддержке Советского

²⁴⁵ Это обещание главы израильского правительства приводится в рабочем документе Госдепартамента США: Donald Bergus, "Situation in Israel", 22 May 1957 // 784A.00/5-2257, Record Group 59, State Department Decimal File, National Archives, Washington.

²⁴⁶ Послание Д.Ф. Даллеса от 12 ноября 1957 г. опубликовано в антологии *Foreign Relations of the United States. 1955–1957, Vol. XVII. Arab-Israeli Dispute, 1957*, pp. 792–793.

²⁴⁷ См.: Авраам Бен-Цви, *От Трумэна до Обамы*, стр. 55–56.

Союза (при этом Д. Бен-Гурион и Г. Меир отказались публично заявить о поддержке Доктрины, аргументировав это беспокойством за судьбу евреев в странах за «железным занавесом») и предоставлению Израилю экономической помощи на нужды абсорбции новых иммигрантов. Д. Ричардс особо отметил в телеграмме Дж.Ф. Даллесу, что не взял никаких обязательств ни по первому, ни по второму вопросу²⁴⁸. Израильским руководителям за их согласие поддержать ключевую внешнеполитическую инициативу США не предлагалось вообще ничего. Даже когда Голда Меир спросила, может ли Израиль рассчитывать на американскую поддержку, если будет атакован арабской страной, находящейся «под коммунистическим влиянием», Д. Ричардс уклончиво ответил, что в послании президента речь шла не о «влиянии», а о «контроле со стороны международного коммунизма»; представитель президента подчеркнул, что языку резолюции нужно следовать точно.

В 1957 году существенно менее стабильной стала ситуация в Сирии. Государственный департамент требовал от правительства Израиля не предпринимать против Сирии никаких действий, «которые повлекли бы за собой углубление арабо-израильского конфликта». Это не значило, однако, что американцы равнодушно взирали на происходящее в Дамаске – совсем нет, стремясь организовать переворот, воспользовавшись силами Турции, Ирака и Иордании. Этот переворот провалился, сирийцы выслали из страны двух американских дипломатов, обвиненных ими в соучастии в подготовке государственного переворота, однако куда важнее для нашего обсуждения тот факт, что, как справедливо указывает М. Бар-Зохар, «Израилю не отводилось в этих американских мероприятиях никакой роли»²⁴⁹, единственное, что хотели представители администрации Д. Эйзенхауэра от руководителей еврейского государства – это невмешательства нигде и ни во что. Впрочем, собственные войска американцы в Сирию не послали тоже.

В октябре 1957 года израильские руководители вновь попробовали пробить брешь в броне американской сдержанности. Правительства Сирии и СССР выступили с угрозами в адрес Турции, и Соединенные Штаты во всеуслышание заявили, что гарантируют ее безопасность. В Израиле с тревогой замечали, что усиление вовлеченности СССР в дела Ближнего Востока не побудило США взять

²⁴⁸ Телеграмма Д. Ричардса в Государственный департамент США от 4 мая 1957 г. опубликована в антологии *Foreign Relations of the United States. 1955–1957, Vol. XVII. Arab-Israeli Dispute, 1957*, pp. 597–601.

²⁴⁹ Михаэль Бар-Зохар, *Бен-Гурион*, книга 2, стр. 184.

еврейское государство, подобно другим странам, под свою защиту, гарантировать его существование. Голда Меир отправилась в Вашингтон для переговоров с заместителями государственного секретаря Кристианом Гертером (как указывалось выше, после смерти Дж.Ф. Даллеса в 1959 году именно он возглавил Госдепартамент) и Уильямом Роунтри. Дж.Ф. Даллес уделил ей лишь несколько минут, вследствие чего министру иностранных дел Израиля пришлось общаться с двумя из его заместителей. Г. Меир стремилась добиться официального американского заявления советскому правительству относительно гарантий существования Израиля, а также военных поставок Израилю и оказания ему помощи в расширении портов и аэродромов, с тем чтобы «мы могли в нужный час выполнить свой долг»²⁵⁰. Однако и эти переговоры не дали Израилю практически ничего. По словам М. Бар-Зохара, «упования на Америку обернулись горьким разочарованием»²⁵¹.

Однако то, что требовалось применительно к участию в возможной защите Израиля, стало вдруг совершенно необязательным, когда речь зашла о Ливане, где началась гражданская война, к которой мифический «международный коммунизм» и близко не имел никакого отношения. Президент Камиль Шамун, будучи не в силах подавить сопротивление своих противников, решил прибегнуть к помощи США, ссылаясь на «доктрину Эйзенхауэра». Гражданская война в стране вспыхнула между христианами, сплотившимися вокруг бывшего президента Камиля Шамуна, и мусульманами, добивавшимися присоединения Ливана к насеровскому арабскому блоку. Начавшись с небольших стычек, вражда между христианами и мусульманами переросла в настоящую вооруженную борьбу, сопровождающуюся активной поддержкой одной из сторон египетскими и сирийскими деньгами, оружием и солдатами. Американские дипломаты вместе с Камилем Шамуном формулировали текст его обращения к США, чтобы он как можно лучше вписывался в условия, сформулированные президентом Д. Эйзенхауэром, хотя никакого советского следа во внутриливанском конфликте не было и в помине, разговоры о защите Ближнего Востока от коммунистической экспансии были в этом случае просто «притянуты за уши». Однако 15 июля 1958 года американские морские пехотинцы высадились в Ливане, где они оставались до октября. Эта двойная интервенция в

²⁵⁰ Протокол переговоров от 12 октября 1957 г. опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States. 1955–1957, Vol. XVII. Arab-Israeli Dispute, 1957*, pp. 759–762.

²⁵¹ Михаэль Бар-Зохар, *Бен-Гурион*, книга 2, стр. 184.

Иорданию и в США не была связана с иракскими событиями, но они обеспечили действиям Вашингтона и Лондона, как там считали, «неожиданную легитимацию»²⁵². В Персидский залив были срочно переброшены соединения морской пехоты из залива Окинава, а на военную базу возле турецкого города Адана были направлены вспомогательные силы США. Американцы желали, чтобы кто-нибудь из уцелевших иракских лидеров обратился к Соединенным Штатам с просьбой вмешаться в иракские события ради спасения государства, но этого не произошло. В то время как вице-президент США Р. Никсон выступал за немедленное американское военное вторжение и в Ирак, победила противоположная точка зрения, отстаиваемая Дж.Ф. Даллесом. В результате, стремясь сохранить Багдадский пакт, уже 2 августа США и Британия признали новое правительство Ирака. Однако и эти расчеты не оправдались: 24 марта 1959 года Ирак во главе с А.К. Касемом официально вышел из Организации центрального договора (The Central Treaty Organization), которую теперь уже было невозможно называть «Багдадским пактом», и начал движение в сторону Советского Союза, хотя, как утверждает Е.М. Примаков, уже весной 1959 года А.К. Касем «стал другим — начались аресты среди коммунистов, кровавая война с курдами на севере Ирака»²⁵³.

С отказом короля Саудовской Аравии поддержать операцию США и Великобритании в Иордании и полураспадом «Багдадского пакта», при очевидном дрейфе как возглавляемой Г.А. Насером Объединенной Арабской Республики Египта и Сирии, так и возглавляемого А.К. Касемом Ирака в сторону Советского Союза, американские руководители осознали, что, не смотря на занятую ими проегипетскую позицию в период Суэцкого кризиса, у них нет союзников в странах арабского Востока. Израиль, на празднование десятилетия государственной независимости которого Госдепартамент за считанные месяцы до этого отказался отправить какую-либо делегацию»²⁵⁴, вдруг оказался единственной страной Ближнего Востока, готовой следовать в фарватере американской внешней политики. Десантная операция Великобритании в Иордании продемонстрировала значение Израиля для стран НАТО как важной транзитной терри-

²⁵² Irene L. Gendzier, "Oil, Politics and US Intervention", in: *A Revolutionary Year: The Middle East in 1958*, ed. by W. Roger Louis and Roger Owen (London: I.B. Tauris — Woodrow Wilson Center Press, 2002), p. 126.

²⁵³ Евгений Примаков, *Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами*, стр. 78.

²⁵⁴ Меморандум Д.Ф. Даллеса президенту Д. Эйзенхауэру от 5 марта 1958 г. опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States. 1958–1960, Vol. XIII. Arab-Israeli Dispute*, pp. 29–30.

тории, которую можно было использовать в своих стратегических целях²⁵⁵.

Однако Израиль предложил Соединенным Штатам нечто намного большее, чем просто транзит через свою территорию. К сожалению, даже в изданном в 1992 году обстоятельном сборнике документов из серии *Foreign Relations of the United States*, касающихся отношений США с Израилем и странами Ближнего Востока в 1958–1960 годах, данная тема купирована (указано, что соответствующие материалы не были рассекречены²⁵⁶), вследствие чего ее нужно восстанавливать по другим источникам. Дело в том, что израильские руководители по своей инициативе стали подготавливать создание нетривиального негласного союза четырех государств на Ближнем и Среднем Востоке. Еще до Суэцко-Синайской операции у Израиля стали втайне складываться особые отношения с двумя государствами, находящимися на периферии ближневосточного региона: Ираном — на севере и Эфиопией — на юге. Эфиопия — единственная в Африке преимущественно христианская страна — с растущим страхом внимала панисламистским и panaфриканским лозунгам Г.А. Насера. Вскоре после окончания Синайской операции в Эфиопию прибыл высокопоставленный израильский дипломат. Его принял император Хайле Селассие I (Haile Selassie I, 1892–1975). Обсуждались совместные политические шаги против подрывной деятельности Г.А. Насера, а также сотрудничество в области экономики²⁵⁷. Параллельно с укреплением отношений с Эфиопией были предприняты шаги по всестороннему развитию связей с Ираном. Посланцы Израиля побывали в Тегеране, где были приняты шахом и премьер-министром. В апреле 1958 года состоялась встреча израильского дипломата Элияху Сассона с министром иностранных дел Турции Фатином Зорлу (Fatin Zorlu, 1910–1961). Турецкий министр выразил опасения своего правительства по поводу новой расстановки сил, складывающейся на Ближнем Востоке в связи с союзом между их северным соседом, СССР, и южным, Сирией. Иракская революция подхлестнула руководителей Турции к укреплению связей с Израилем. Теперь, на фоне многообещающе-

²⁵⁵ См.: Владимир Румянцев, *Ближневосточная политика США и Великобритании в 1956–1960 гг.*, стр. 300.

²⁵⁶ См. протокол встречи Д.Ф. Даллеса и У. Роунтри с А. Эвеном и Р. Шилоахом от 27 июля 1958 г., опубликованный с купюрами в антологии *Foreign Relations of the United States. 1958–1960, Vol. XIII. Arab-Israeli Dispute*, pp. 74–77 и купированную телеграмму Д.Ф. Даллеса Д. Бен-Гуриону от 1 августа 1958 г., там же, pp. 77–79.

²⁵⁷ См.: Michael B. Bishku, “Israel and Ethiopia: From a Special to a Pragmatic Relationship” // *Conflict Quarterly*, vol. 14, no. 2 (1994), pp. 39–62.

го укрепления связей с государствами, расположенными к северу и к югу от Израиля, в умах израильских государственных деятелей стал вырисовываться общий план т.н. «Периферийного союза» — создания блока государств, находящихся на периферии Ближнего Востока и объединенных с Израилем в единый «треугольник»: на севере — Турция и Иран, на юге — Эфиопия. Этот неофициальный блок имел ярко выраженную прозападную ориентацию. Соединенные Штаты были крайне обеспокоены советским проникновением на Ближний Восток. Израильские руководители впервые почувствовали, что на этот раз у них есть что предложить Америке — уже не одинокого слабого союзника, ненавидимого и отвергнутого всем арабским миром, но государство, являющееся соединительным звеном и лидером блока стран, в состав которого входит один член НАТО, два члена Багдадского пакта и одно из центральных государств Африки.

24 июля 1958 года Д. Бен-Гурион подготовил памятную записку в адрес президента Д. Эйзенхауэра, в которой американскому президенту впервые был представлен «Периферийный союз»:

«Воцарение Насера, поддерживаемого всей мощью Советского Союза, на арабском Ближнем Востоке будет иметь самые печальные последствия для Запада. Нет необходимости объяснить, какое значение имеет этот процесс для Израиля и Турции. Мы начали укреплять связи с государствами, расположенными на периферии Ближнего Востока: Ираном, Эфиопией и Турцией, стремясь создать надежный заслон советско-насеровской экспансии. У нас сложились отношения дружбы и взаимного доверия с правительством Ирана и императором Эфиопии. За последнее время наши контакты с правительством Турции также стали более тесными, выйдя за рамки обычных дипломатических отношений. Наша цель заключается в сколачивании группировки государств, чей союз не обязательно будет носить официальный и гласный характер... Задача этой группировки — остановить расползание в нашем регионе советского влияния, проводником которого является Насер, и спасти свободу Ливана, а со временем, возможно, и Сирии. В эту группировку будут входить две мусульманские неарабских страны (Иран и Турция) и одна христианская (Эфиопия), а также Государство Израиль»²⁵⁸.

²⁵⁸ По соображениям секретности документ не был опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States. 1958–1960, Vol. XIII. Arab-Israeli Dispute*, куда его было бы логично включить. Оригинал письма находится в Президентской библиотеке Д. Эйзенхауэра: Ben-Gurion to Eisenhower, 24 July 1958 // Eisenhower Papers, International Series, Box 35, Mid-East, July 1958 (4), Eisenhower Library, Abilene, Kansas.

24 июля 1958 года посол Абба Эвен был принят Дж.Ф. Даллесом и вручил ему послание Д. Бен-Гуриона. На следующий день Д. Бен-Гурион получил первый ответ Д. Эйзенхауэра: «На меня произвел глубокое впечатление ваш всеобъемлющий подход к серьезным проблемам, стоящим перед свободным миром на Ближнем Востоке и за его пределами... Поскольку Израиль относится к Ближневосточному региону, вы можете быть уверены, что Соединенные Штаты заинтересованы в целостности и независимости Государства Израиль. Мы обсудили ваше послание с государственным секретарем, который в ближайшее время напишет вам более подробно»²⁵⁹.

Этот ответ разочаровал Д. Бен-Гуриона. Он надеялся, что получит приглашение в Вашингтон для официальных переговоров. Разочарование премьер-министра отчасти проявилось в его беседе с одним из американских дипломатов. «Почему, присылая приглашения премьерам больших и малых стран, президент не приглашает меня?» – спросил он с досадой²⁶⁰. 28 августа 1958 года Давид Бен-Гурион, которого сопровождали Голда Меир, Элияху Сассон, Реувен Шилоах и Ицхак Навон, побывали с секретным визитом в Турции, где их приняли премьер-министр Аднан Мендерес (Ali Adnan Ertekin Menderes, 1899–1961) и министр иностранных дел этой страны. Д. Бен-Гурион, учившийся когда-то в Турции, прислушиваясь к беседе турецких представителей, с удовольствием убедился в том, что он еще помнит турецкий язык. Английским премьер-министр Израиля тоже владел, но приглашения на встречу с Д. Эйзенхауэром он так и не получил.

Вообще, кроме двух встреч Гарри Трумэна с первым президентом Израиля Хаимом Вейцманом еще в конце 1940-х годов (в мае 1948 и апреле 1949 годов), израильских руководителей не приглашали в Белый дом. В 1950-е годы там ни разу не побывали ни второй президент Израиля Ицхак Бен-Цви (урожденный Шимшелевич, 1884–1963), ни премьер-министры Давид Бен-Гурион и Моше Шарет. Д. Бен-Гурион в 1951 году провел почти весь май месяц в США, побывав в Нью-Йорке, Бостоне, Чикаго, Кливленде, Филадельфии, Лос-Анджелесе и других городах, но Г. Трумэн не пригласил его на беседу. Не приглашал его и Д. Эйзенхауэр. За пятнадцать лет пребывания Д. Бен-Гуриона на посту главы правительства (с коротким формальным перерывом в 1954–1955 годах) ни один из президентов США не посещал Израиль, а из всех государственных секретарей (их с 1948 по 1963 год сменилось пять) в Израиле побывал лишь Дж.Ф. Даллес,

²⁵⁹ Цит. по: Михаэль Бар-Зохар, *Бен-Гурион*, книга 2, стр. 190.

²⁶⁰ Там же.

причем только один раз, в 1953 году. В этих условиях в марте 1960 года Д. Бен-Гурион фактически решил навязать Д. Эйзенхауэру свое посещение. Воспользовавшись приглашением Университета им. Луиса Брандейса, присудившего Д. Бен-Гуриону звание почетного доктора, премьер-министр Израиля прибыл в США, сообщив предварительно по дипломатическим каналам, что, хотя его визит не носит официального статуса, он очень рассчитывает на то, что Д. Эйзенхауэр найдет время с ним встретиться.

Эта встреча состоялась 10 марта 1960 года и продлилась два часа. Д. Бен-Гурион сказал президенту, что еще в 1945 году был воодушевлен встречей с ним, когда тот был генералом, и теперь рад приветствовать его уже как президента США. В ходе встречи глава правительства Израиля высказал Д. Эйзенхауэру благодарность от имени тех, кого армия США спасла от смерти. Д. Бен-Гурион преподнес в подарок Д. Эйзенхауэру альбом с фотографиями, показывающими, как проходит процесс социальной реабилитации бывших узников нацизма в Израиле. О том, как мало сделала администрация Ф.Д. Рузвельта для спасения евреев Европы в годы Холокоста, Д. Бен-Гурион деликатно не проронил ни слова, как не сказал он и о том, что лагеря смерти, находившиеся на территории Польши, освобождала не американская, а советская армия, поскольку на протяжении большей части встречи Д. Бен-Гурион фактически читал Д. Эйзенхауэру лекцию о международном положении, от начала до конца пронизанную антикоммунистической и антисоветской риторикой. Израильский премьер-министр обращал внимание американского президента на то, что вооруженный современным оружием Израиль мог бы играть ключевую роль в сдерживании Советского Союза в Ближневосточном регионе. Свой вдохновенный полуторачасовой монолог глава израильского правительства закончил просьбой о поставках американского оружия Израилю. В ответ президент, однако, ответил, что «не верит в то, что безопасность лежит в сфере вооружений». Д. Эйзенхауэр ограничился крайне аморфным обещанием, что сотрудники Государственного департамента изучат предложения и запросы премьер-министра Израиля, которого он, однако, просил понять, что США не хотят занимать позицию какой-либо одной из сторон в ближневосточном конфликте. Президент отметил, что американское влияние должно быть использовано для того, чтобы принести в регион мир и предотвратить вспыхивание новой войны²⁶¹.

²⁶¹ См. протокол встречи Д. Бен-Гуриона с Д. Эйзенхауэром от 10 марта 1960 г., опубликованный в антологии *Foreign Relations of the United States. 1958–1960, Vol. XIII. Arab-Israeli Dispute*, pp. 280–288.

Д. Бен-Гурион был сильно разочарован результатом своей встречи с Д. Эйзенхауэром, о которой даже не упомянул в масштабном томе своих мемуаров.

Спустя несколько дней, 14 марта, в нью-йоркском отеле «Уолдорф-Астория» Д. Бен-Гурион тайно — между Израилем и ФРГ тогда не было дипломатических отношений — встретился с канцлером ФРГ Конрадом Аденауэром (Konrad Adenauer, 1876–1967). Это была, без преувеличения, историческая встреча премьер-министра еврейского государства и лидера нации, которая лишь за пятнадцать лет до этого предпринимала последовательные и систематические усилия для уничтожения еврейского народа. К. Аденауэр не только согласился предоставить Израилю (в дополнение к выплачиваемым ФРГ с 1952 года репарациям) льготный заем в пятьсот миллионов долларов, но и подтвердил свое согласие с обещанием, предварительно данным министром обороны Францем Йозефом Штраусом (Franz Josef Strauss, 1915–1988) Шимону Пересу и Моше Даяну о безвозмездной передаче Израилю крупной партии оружия²⁶². Это обещание было выполнено в объеме, значительно превосходившем изначальные договоренности, вследствие чего секретные поставки немецкого оружия в Израиль продолжались до 1964 года. Д. Бен-Гурион остался очень доволен итогами своей поездки в США, но связано это было отнюдь не с успехом израильско-американских переговоров. От администрации Д. Эйзенхауэра (а это была их последняя личная встреча) Д. Бен-Гурион не добился ничего.

В середине декабря 1960 года в ведущих американских и британских газетах (кажется, первая такая публикация появилась в лондонской *Daily Express* 16 декабря) появились сенсационные сообщения о строительстве в Израиле атомного реактора, способного через несколько лет обеспечить производство ядерного оружия. Израиль действительно в течение нескольких лет в обстановке строжайшей секретности соорудил два атомных реактора. Один — маломощный — в нескольких десятках километров южнее Тель-Авива, в Нахаль-Сореке, другой — мощностью в 42 мегаватт — в пустыне Негев, между Беэр-Шевой и Мертвым морем, в Димоне. Официальные лица

²⁶² См.: Михаэль Бар-Зохар, *Бен-Гурион*, книга 2, стр. 200–203. Протокол встречи К. Аденауэра и Д. Бен-Гуриона (который сам Д. Бен-Гурион, как он утверждал, никогда не видел), составленный, по всей видимости, сопровождавшим премьер-министра атташе по экономическим вопросам посольства Израиля в США Арье Манором, был опубликован спустя почти сорок лет с предисловием проф. Заки Шалома; см: “David Ben-Gurion and Chancellor Adenauer at the Waldorf Astoria on 14 March 1960” // *Israel Studies*, vol. 2, no. 1 (1997), pp. 50–71.

в Соединенных Штатах не обладали информацией об этих объектах, полученных непосредственно от Израиля, однако снимки, сделанные американскими самолетами-шпионами (а антиизраильский шпионаж всегда был – и до сих пор остается – одной из основных тем повестки дня американских спецслужб), оставляли немного поводов для сомнений. Администрация Д. Эйзенхауэра испытывала подозрения в отношении намерений Израиля; председатель Комиссии по атомной энергии США Джон Мак-Коун (John Alexander McCone, 1902–1991), в 1961–1965 годах возглавлявший ЦРУ, в телевизионном интервью 18 декабря 1960 года подтвердил опубликованную в СМИ информацию о планах Израиля по обретению ядерного потенциала. Руководство США прикладывало максимальные усилия для того, чтобы убедиться, что атомные реакторы в Нахаль-Сореке и особенно в Димоне будут использоваться исключительно в мирных целях; эксперты ЦРУ очень сомневались в этом²⁶³. Американские специалисты считали, что реактор в Димоне после введения его в эксплуатацию сможет производить 8–10 кг плутония в год, что было достаточно для создания одной атомной бомбы²⁶⁴. Попытки Государственного департамента добиться согласия на скорейшую инспекцию данного объекта специалистами из МАГАТЭ, а также требования гарантий исключительно мирного характера израильской атомной программы²⁶⁵ были восприняты как ограничение суверенитета страны. 3 января 1961 года посол США в Израиле Огден Рейд (Ogden R. Reid; позднее он на протяжении двенадцати лет был членом палаты представителей Конгресса США от Республиканской партии) от имени Госдепартамента направил министру иностранных дел Голде Меир требование предоставить до полуночи в тот же день (!) конкретные ответы на пять вопросов, касавшихся израильской атомной программы. Естественно, Г. Меир немедленно проинформировала об этом Д. Бен-Гуриона, который собрал экстренное совещание. Д. Бен-Гурион был взбешен неуважительным тоном американских требований, решив проигнорировать требование дать ответ до полуночи, однако на следующий день ему пришлось пригласить посла О. Рейда

²⁶³ См. протокол заседания Совета национальной безопасности США от 8 декабря 1960 г., опубликованный в антологии *Foreign Relations of the United States. 1958–1960, Vol. XIII. Arab-Israeli Dispute*, pp. 391–392.

²⁶⁴ См.: Douglas Little, “The Making of a Special Relationship. The United States and Israel, 1957–1968” // *International Journal of Middle East Studies*, vol. 25, no. 4 (1993), p. 567.

²⁶⁵ См. телеграмму послу О. Рейду из Государственного департамента США от 31 декабря 1960 г., опубликованную в антологии *Foreign Relations of the United States. 1958–1960, Vol. XIII. Arab-Israeli Dispute*, pp. 399–400.

на личную встречу. При этом в ходе самой встречи Д. Бен-Гурион занял жесткую позицию, подчеркнув, что не даст согласия на международную инспекцию плутония, производимого в реакторе, а возможность посещения объекта в Димоне специалистами из США или МАГАТЭ «возможна, но не в данный момент». При этом глава правительства Израиля выразил сильное недовольство как американскими действиями, приведшими к утечке сведений о реакторе, так и оскорбительным характером требований Госдепартамента, заявив послу О. Рейду: «Хотя мы и малое государство, но с нами нужно разговаривать на равных или же не разговаривать вообще»²⁶⁶. Администрация Д. Эйзенхауэра на протяжении восьми лет избегала заключения сделок по продаже американского вооружения Израилю, и в Вашингтоне меньше всего могли предполагать, что Израиль сумеет стать региональной военной державой без помощи в США и даже в тайне от них; случилось, однако, именно это.

Подобно тому как в 1947–1948 годах критически важная дипломатическая и военная помощь была получена Израилем от Советского Союза, а в 1956 году – от Франции и Великобритании, так в первой половине 1960-х годов основная военная и экономическая помощь была получена Израилем от Западной Германии. *Соединенные Штаты ни с какой стороны не оказывали Израилю значительной помощи. Хотя в современной научно-публицистической литературе нередко можно встретить утверждение об «особых отношениях» между США и Израилем, сложившихся с самого первого дня израильской государственности, действительность была совершенно другой: отношение американских администраций к Израилю во времена Г. Трумэна и Д. Эйзенхауэра колебалось между равнодушием и враждебностью. Ситуация стала медленно меняться лишь в период правления Джона Кеннеди и особенно при ставшем президентом после его гибели Линдоне Джонсоне.*

²⁶⁶ Об этом поведал 6 января 1961 г. в своем выступлении в Комитете по иностранным делам Сената США госсекретарь Кристиан Гертер.

Глава 8

Дж.Ф. Кеннеди и начало военно-политического сотрудничества Израиля и США под сенью «ядерного шантажа», 1961–1963 гг.

В январе 1961 года в Белый дом пришел новый, 35-й президент США Джон Фицджеральд Кеннеди (John Fitzgerald Kennedy, 1917–1963), самый молодой за всю историю страны. С его приходом в Израиле надеялись, что на смену прохладным отношениям, которые имели место в предшествующие восемь лет, придут более теплые. Во время инаугурации Дж.Ф. Кеннеди говорил о себе как о «новом поколении», рожденном в XX веке, «испытанном войной», «воспитанном тяжелым и горьким миром».

Родился Джон Кеннеди 29 мая 1917 года в Бруклайне (штат Массачусетс) в семье крупного бизнесмена-мультимиллионера Джозефа Патрика Кеннеди (Joseph Patrick Kennedy, 1888–1969). Кеннеди-отец принимал участие и в политической жизни: поддерживал Франклина Рузвельта на президентских выборах в 1932 году, в 1938–1940 годах занимал пост посла США в Лондоне и открыто выступал против участия США во Второй мировой войне, поддерживая политику умиротворения, проводимую Невиллом Чемберленом (Neville Chamberlain, 1869–1940) в отношении гитлеровской Германии.

В 1940 году Джон Кеннеди окончил Гарвардский университет, после чего записался добровольцем в резерв морского флота. В звании лейтенанта Джон Кеннеди участвовал в военных действиях на Тихом океане, командовал торпедным катером «ПТ-109», который ночью 2 августа 1943 года был протаранен японским эсминцем. Семье сообщили, что лейтенант Дж. Кеннеди пропал без вести в южной части Тихого океана, но ему удалось спастись. 4 января 1944 года Джон Кеннеди вернулся в США.

В августе 1944 года старший брат Джона, Джозеф Кеннеди-мл. (Joseph Patrick Kennedy, Jr., 1915–1944), военный летчик, погиб в Ев-

ропе, и их отец, мечтавший о том, что его старший сын когда-нибудь станет президентом, все свое внимание обратил на второго сына (всего в семье было девять детей). В 1945 году Джон вернулся в Бостон, чтобы начать кампанию за избрание в Конгресс от Демократической партии, где когда-то заседал его дед по материнской линии, Джон Фрэнсис Фицджеральд (John Francis Fitzgerald, 1863–1950).

Несмотря на молодость, Джон вначале опередил всех своих конкурентов на праймериз в Демократической партии, а затем победил своего республиканского противника во время ноябрьских выборов в Конгресс, куда он потом избирался еще дважды. Гражданам импонировал молодой ветеран войны, отличившийся и награжденный медалью за отвагу, который при этом происходил из семьи, хорошо известной в городе и в стране в целом (семья эта и поныне продолжает играть не последнюю роль в американской политической жизни: в июле 2013 года Барак Обама назначил дочь Дж.Ф. Кеннеди Кэролайн послом США в Японии). Поддержка отца позволила Джону обеспечить финансирование избирательной кампании. Устав переизбираться в палату представителей каждые два года, в 1952 году Джон Кеннеди выдвинул свою кандидатуру на выборах в Сенат от штата Массачусетс и выиграл и их, со значительным перевесом обойдя республиканца Генри Кэбота Лоджа-младшего (Henry Cabot Lodge, Jr., 1902–1985).

На протяжении всех лет пребывания в палате представителей и Сенате Джон Кеннеди, за исключением того случая, когда он выступил в оппозиции по вопросу оказания экономической помощи Израилю в 1951 году, придерживался произраильской позиции. В 1954 году Дж.Ф. Кеннеди направил запрос президенту Д. Эйзенхауэру относительно целесообразности отправки оружия в Ирак, а также выступал за оказание американской военной помощи Израилю в противовес поставкам вооружения из СССР в возглавлявшийся Г.А. Насером Египет. В письме от 5 марта 1956 года, адресованном государственному секретарю Дж.Ф. Даллесу, сенатор Дж.Ф. Кеннеди решительно возражал против эмбарго на поставки вооружения в Израиль, проводимого США: «Представляется, что Египет и другие арабские страны получают оружие от Советского Союза, и, если мы продолжим наше эмбарго в отношении поставок в Израиль, его результатом станет военный дисбаланс, жертвой которого станет Израиль»²⁶⁷. А немногим более месяца спустя, обращаясь к тысячам собравшихся на нью-йоркском стадионе по случаю восьмой годов-

²⁶⁷ Цит. по: Warren Bass, *Support Any Friend. Kennedy's Middle East and the Making of the U.S.–Israel Alliance* (Oxford University Press, 2003), p. 53.

щины независимости Государства Израиль, сенатор Дж.Ф. Кеннеди провозгласил: «Настало время, чтобы народы всего мира, на Ближнем Востоке и в любой точке планеты, поняли, что Израиль существует и будет существовать. Он не отступит, он не будет побежден, и мы не дадим уничтожить его»²⁶⁸.

Поздней осенью того же года Дж.Ф. Кеннеди принял участие в демонстрации в поддержку Израиля и праздничном обеде, устроенном сионистской организацией Бостона сразу после Синайской кампании. Министр иностранных дел Израиля Голда Меир, также участвовавшая в этом мероприятии, вспоминала: «Я сидела рядом с Кеннеди, он был в числе ораторов и произвел на меня сильное впечатление своей молодостью и своей речью, хотя разговориться с ним было нелегко. Мне он показался очень застенчивым; друг другу мы сказали всего несколько слов»²⁶⁹. Голда Меир не упомянула о том, что две трети выступления Дж.Ф. Кеннеди были посвящены ей самой и ее судьбе; изучение оригинального текста выступления тогда еще сенатора позволяет отметить исключительное внимание и доброжелательность с его стороны в адрес руководительницы израильской дипломатии, о которой он сказал, что «история Голды Меир – это история современного Израиля»²⁷⁰. При этом нельзя сказать, однако, что мысли об Израиле занимали центральное место в политическом мировоззрении Дж. Кеннеди: так, в его самом известном выступлении в Сенате, посвященном проблемам Ближнего Востока (оно прозвучало в 1957 году) об Израиле не было сказано ни единого слова, а посвящено оно было праву Алжира на независимость. С течением времени популярность сенатора Дж.Ф. Кеннеди как политического деятеля продолжала расти. В 1958 году он легко выиграл новые выборы в Сенат, получив 74% голосов избирателей (это была уже пятая подряд выигранная им кампания), после чего пришел к выводу, что может выдвигаться и на пост президента.

На первых порах президентской кампании католицизм Дж.Ф. Кеннеди настораживал многих потенциальных избирателей. Самого кандидата это раздражало, и, выступая в 1960 году в Западной Вирджинии, он задал вопрос, который неожиданно был не таким уж риторическим: «Должны ли мы сказать, что еврей может быть из-

²⁶⁸ Remarks by Senator John F. Kennedy at Yankee Stadium on April 29, 1956, стр. 3 // Архив Президентской библиотеки Дж.Ф. Кеннеди, Бостон, США.

²⁶⁹ Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 344.

²⁷⁰ Remarks of Senator John F. Kennedy at a Dinner Honoring Mrs. Golda Meir, Israel's Foreign Minister in Boston, Massachusetts, November 25, 1956, стр. 1 // Архив Президентской библиотеки Дж.Ф. Кеннеди, Бостон, США.

бран мэром Дублина, протестант может стать министром иностранных дел Франции, мусульманин может заседать в израильском парламенте, но католик не может стать президентом США?!»²⁷¹ Кеннеди говорил отнюдь не абстрактно: в 1956 году сын еврейских эмигрантов-выходцев из Литвы (имя его отца — Абрам Черрик, матери — Ида Дина Иодике) Роберт Бриско (Robert Briscoe, 1894–1969) был избран мэром Дублина, спустя два года протестант Морис Кув де Мюрвиль (Maurice Couve de Murville, 1907–1999) стал министром иностранных дел Франции (в 1968–1969 годах он был и премьер-министром страны), мусульмане же постоянно входили (и входят) в состав Кнессета, начиная с 1951 года.

Дж.Ф. Кеннеди придавал определенное значение и отношениям с еврейской общиной США. На первых порах выдвижение Дж.Ф. Кеннеди кандидатом в президенты было воспринято лидерами еврейских организаций весьма настороженно, что объяснялось несколькими обстоятельствами. Во-первых, многие из них на протяжении продолжительного времени поддерживали тесные отношения с такими либеральными деятелями, как Эдлай Стивенсон и Хьюберт Хэмфри (Hubert Horatio Humphrey, Jr., 1911–1978; позднее — вице-президент США в администрации Линдона Джонсона). Во-вторых, многих беспокоило, сумеет ли Дж.Ф. Кеннеди открыто и решительно выступить против реакционных проповедей сенатора Джозефа Маккарти (Joseph Raymond McCarthy, 1908–1957). Немалое беспокойство вызывало и возможное влияние на будущего президента его отца, Джозефа Кеннеди; памятна была его позиция во времена мюнхенского сговора 1938 года, не забылись и его антисемитские настроения. Опасения относительно этого вопроса высказывались в разных формах на протяжении всей предвыборной кампании. Желая превратить своих противников в сторонников, 8 августа 1960 года Дж.Ф. Кеннеди встретился в Нью-Йорке с группой руководителей еврейских организаций. Во время этой встречи кандидат в президенты заверил еврейских лидеров в своей безусловной поддержке нужд безопасности Израиля и пообещал всем, кто будет его поддерживать, что в случае избрания двери Белого дома всегда будут для них открыты. Такое заверение контрастировало с положением, сложившемся при Д. Эйзенхауэре, когда еврейские лидеры очень редко приглашались в Белый дом. Дж.Ф. Кеннеди убедил собравшихся, что его мнение о евреях и нацистской Германии не тождественно мнению его отца²⁷².

²⁷¹ Цит. по: Warren Bass, *Support Any Friend*, p. 53.

²⁷² См.: Seymour M. Hersh, *The Samson Option. Israel's Nuclear Arsenal and American Foreign Policy* (New York: Vintage Books, 1993), pp. 95–98.

Своим кандидатом на пост вице-президента Дж.Ф. Кеннеди выдвинул лидера демократического большинства в Сенате Линдона Джонсона (Lyndon Baines Johnson, 1908–1973). Республиканцы выдвинули на пост главы государства бывшего при Д. Эйзенхауэре вице-президентом Ричарда Никсона, а на пост его заместителя – Генри Кэбота Лоджа-мл. Президентские выборы в начале ноября 1960 года завершились победой Джона Кеннеди с минимальным перевесом (34 220 984 голосов – против 34 108 157 за Ричарда Никсона), при этом, согласно опросам, его поддержали около 82% избирателей-евреев²⁷³.

Инаугурация Дж.Ф. Кеннеди состоялась 20 января 1961 года. Он стал первым американским президентом, который ввел в свой кабинет двух евреев в качестве министров. Сын еврейских эмигрантов из входившей тогда в состав Российской империи Польши Абрахам А. Рибикофф (Abraham Alexander Ribicoff, 1910–1998), в прошлом – губернатор штата Коннектикут, давний знакомый новоизбранного президента (сам он считал себя единственным на протяжении многих лет евреем в ближнем круге Дж.Ф. Кеннеди), мнением которого он никогда не пренебрегал, стал министром по делам здравоохранения, образования и социального обеспечения, а сын еврейских эмигрантов с Украины Артур Дж. Голдберг (Arthur Joseph Goldberg, 1908–1990) получил назначение на пост министра труда. Кроме того, декан юридического факультета Йельского университета Юджин Ростоу (Eugene V. Rostow, 1913–2002), внук еврейских эмигрантов из «черты оседлости», вошел в число политических советников, а Джером Виснер (Jerome Bert Wiesner, 1915–1994) стал членом президентского совета по развитию науки (в 1970-е годы он был президентом Массачусетского технологического института).

Новому президенту пришлось сразу же столкнуться со многими сложными вопросами внутри- и внешнеполитической жизни. К последним относились Карибский кризис, проблема Южного Вьетнама и особенно Берлинский кризис. В этих условиях Дж.Ф. Кеннеди не рассматривал Ближний Восток как регион, требовавший его личного внимания – опасность третьей мировой войны в период его правления явно исходила из других мест. Отношения с Израилем развивались соответственно ни шатко ни валко, хотя относительно восьмилетнего периода правления Д. Эйзенхауэра прогресс все же, конечно, был, и довольно существенный.

После вступления Дж.Ф. Кеннеди на пост президента США Давид Бен-Гурион стремился как можно быстрее встретиться с ним;

²⁷³ См.: L. Sandy Maisel and Ira Forman (eds.), *Jews in American Politics*, p. 153.

официальная просьба о такой встрече была подана послом Израиля в США Авраамом Харманом (Avraham Harman, 1914–1992) государственному секретарю Дину Раску 13 апреля 1961 года. Два государственных лидера уже в общем были знакомы между собой: в составе делегации членов Конгресса США Дж.Ф. Кеннеди в 1951 году посетил Израиль (это было второе посещение им страны; впервые он побывал в Палестине/Эрец-Исраэль в 1939 году); естественно, Д. Бен-Гурион был рад принять конгрессменов и изложить им свое видение региональных и международных проблем, хотя, по всей видимости, никаких ярких впечатлений от этой встречи у него не сохранилось, и в своих мемуарах он о ней даже не упомянул. Однако по прошествии десяти лет Д. Бен-Гурион оставался премьер-министром Израиля, Дж.Ф. Кеннеди же уже не был просто одним из членов палаты представителей... Новая встреча состоялась 30 мая 1961 года, она прошла в отеле «Waldorf Astoria»; приглашения прибыть с официальным визитом в Белый дом глава израильского правительства не дождался и на этот раз. Американцы поставили крайне унижительные для Израиля условия: сам факт визита Д. Бен-Гуриона в США должен был держаться в тайне до 20 мая, причем и тогда должно быть объявлено, что цель поездки – встречи с лидерами еврейских общин в США; встреча с президентом должна была выглядеть «случайным экспромтом». Кроме Д.Ф. Кеннеди и Д. Бен-Гуриона, во встрече также участвовали (хотя, если верить протокольной записи, не произнесли ни слова) посол Израиля в США Авраам Харман, заместитель госсекретаря США по Ближнему Востоку и Африке Филипс Тальбот (William Phillips Talbot, 1915–2010) и один из помощников президента Мейер Фельдман (Myer Feldman, 1914–2007).

Об этой встрече – второй встрече главы правительства Израиля с президентом США, прошедшей лишь год с небольшим спустя после первой (однако за этот год в США сменилось все политическое руководство страны), написано много небылиц. Так, автор статьи «Джон Кеннеди и Израиль» вслед за некоторыми другими авторами утверждал, будто президент «с неожиданной искренностью обратился к Бен-Гуриону со словами: “Я знаю, что выиграл выборы благодаря поддержке американских евреев. Им я обязан своей победой. Скажите, что я должен сделать?”»²⁷⁴. В этом описании удивительно всё: и представление ситуации таким образом, будто Дж. Кеннеди считал свое избрание результатом поддержки со стороны исключительно еврейских избирателей; и наделение премьер-министра Израиля

²⁷⁴ Семен Киперман, «Джон Кеннеди и Израиль» // www.jewish.ru, 30 ноября 2001 г. См. также: Warren Bass, *Support Any Friend*, p. 55.

правом собирать политические дивиденды от имени американского еврейства, как будто евреи США когда-либо наделяли Д. Бен-Гуриона (или кого-либо еще из руководителей государства, в котором большинство из них в то время не побывали ни единого раза) какими-либо представительскими функциями; и то, что президент США просит у премьер-министра небольшого ближневосточного государства «руководящих указаний». В этой совершенно немыслимой мизансцене биограф Д. Бен-Гуриона рисует израильского премьера как человека, которого интересуют исключительно судьбы мира, а никак не своей страны: «Вопрос [президента Кеннеди] был прямой и неожиданный, но израильский премьер прибыл в Соединенные Штаты не для извлечения выгоды из еврейских бюллетеней для голосования, и подобный выборный торг ему не нравился. Последовал достойный и лаконичный ответ: “Вам следовало бы сделать то, что пойдет на пользу свободному миру”»²⁷⁵.

Это удивительное описание неоднократно использовалось анти-израильски и антисемитски настроенными авторами для иллюстрации отстаиваемого ими ложного тезиса, будто израильский «хвост» вертит американской «собакой»: президента США фактически выбирают, исходя из своих соображений, евреи (пусть и американские), при этом президент США отдает себе в этом полный отчет и просительно обращается к главе правительства еврейского государства (марионетками которого, вестимо, являются миллионы граждан США еврейского происхождения) за указаниями. Однако изучение рассекреченного к настоящему времени протокола встречи Дж. Кеннеди и Д. Бен-Гуриона, который скрупулезно вел Филипс Тальбот²⁷⁶, не оставляет от всей этой абсурдной конспирологии камня на камне: президент США, естественно, ничего подобного премьер-министру Израиля не говорил, а тот, в свою очередь, на протяжении всей их беседы поднимал всевозможные просьбы, которые касались будущего Израиля в несравнимо большей мере, чем т.н. «свободного мира» в целом, хотя антисоветизм и проходил красной нитью через их диалог. При этом даже то небольшое, что Д. Бен-Гурион просил, чтобы Дж. Кеннеди сделал для обеспечения военных интересов Израиля, президент сделать отказался.

Сегодня, по прошествии более чем полувека, трудно читать этот протокол, не испытывая неловкости. Израильский премьер

²⁷⁵ Цит. по: Michael Bar-Zohar, *Ben-Gurion* (New York: Adama Books, 1986), р. 274. В издание книги Михаэля Бар-Зоухара *Бен-Гурион* на русском языке данный фрагмент не включен.

²⁷⁶ Протокол встречи Д. Бен-Гуриона и Дж. Кеннеди находится в архиве Госдепартамента США // Department of State, Central Files, 033.8411/5-3061.

откровенно дезинформировал президента США, пытаясь (как прежде Д. Эйзенхауэра) склонить его к поставкам Израилю различных видов оружия. Беседа началась с темы, оставленной Дж. Кеннеди в наследство прошлой администрацией, обнаружившей, что втайне и от нее, и от МАГАТЭ Израиль развивает собственную ядерную программу, о чем уже говорилось выше. Д. Бен-Гурион, Ш. Перес и верные им ученые-физики, среди которых одну из центральных ролей играл ставший впоследствии депутатом Кнессета и министром науки и технологий Юваль Неэман (1925–2006), не имея возможности избежать инспекционной поездки американских экспертов, сумели дезориентировать их, убедив в том, будто атомный реактор в Димоне создан исключительно в мирных целях. Двое американских ученых пробыли в Израиле с 18 по 22 мая 1961 года; в районе самого реактора в Димоне они находились в течение шести часов²⁷⁷. В самом начале встречи президент Дж. Кеннеди выразил удовлетворение по поводу того, что двое американских ученых получили возможность посетить реактор и предоставили об этом успокаивающие отчеты. Дж. Кеннеди отметил, что, поскольку ряд стран с опаской смотрит на создание в Израиле ядерного реактора, информация о нем должна распространяться таким образом, чтобы ни у кого не возникло сомнения в исключительно мирных целях ядерной программы Израиля. Умолчав о том, что говорить об «исключительно мирных целях ядерной программы Израиля» было бы крайним лукавством, Д. Бен-Гурион ответил, что следует говорить о ядерном реакторе в контексте проблем Израиля в целом. По его словам, главной из этих проблем является острый недостаток пресной воды, и единственное решение этого вопроса – опреснение морской воды, для чего требуется дешевая энергия. Д. Бен-Гурион выразил надежду, что в последующем атомная энергия станет существенно дешевле и облегчит этот процесс. Признав в общих чертах, что при строительстве ядерного реактора в Димоне Израиль получил помощь от Франции, израильский премьер подчеркнул, что возглавляемая им страна стремится использовать возможности ядерной энергии именно с целью получения дешевой энергии для нужд опреснения морской воды.

Дж. Кеннеди не скрывал своего беспокойства в связи с тем, что действия Израиля в сфере ядерных разработок усиливали напряженность в Ближневосточном регионе. Президент подчеркнул, что общий интерес обеих стран – США и Израиля – состоит в том, чтобы

²⁷⁷ См.: Заки Шалом, *Между Димоной и Вашингтоном. Борьба за развитие ядерной опции Израиля, 1960–1968* (Сде-Бокер: Университет им. Бен-Гуриона в Негеве, 2004), стр. 61–62 [на иврите].

не создавать ни у кого впечатления, будто Израиль способствует распространению атомного оружия. Дж. Кеннеди также добавил, что Объединенная Арабская Республика не смирится с ядерной монополией Израиля и что Г.А. Насер не позволит Израилю продвигаться в данном направлении, прежде чем возглавляемая им страна сама не начнет разработку своей ядерной программы.

Дж. Кеннеди спросил Д. Бен-Гуриона о том, стоит ли уведомлять арабские государства о данных, полученных американскими учеными при посещении реактора в Димоне. Учитывая то, какими были выводы дезинформированных инспекторов, не приходится удивляться тому, что Д. Бен-Гурион ответил: с точки зрения руководства Израиля, администрация США может свободно использовать этот отчет и даже опубликовать его.

Затем Д. Бен-Гурион, как обычно, завел разговор о том, что Израиль испытывает острую нехватку вооружения по сравнению с войсками Объединенной Арабской Республики. Д. Бен-Гурион выразил убежденность в том, что цель Г.А. Насера – не просто победить, а уничтожить Израиль, причем, как сказал израильский премьер, «если они победят нас, они сделают с евреями то же, что Гитлер». Д. Бен-Гурион напомнил о том, что в ходе своего предыдущего визита в Вашингтон и встречи с Д. Эйзенхауэром он попросил США предоставить Израилю оружие – прежде всего, речь шла о зенитном ракетном комплексе средней дальности «хоук» (MIM-23 HAWK, бэкроним слова «ястреб» – англ. Homing All the Way Killer – «перехватчик, управляемый на всей траектории полета»), однако, «несмотря на твердое обещание Д. Эйзенхауэра, Израиль до сих пор не получил обещанное, хотя наличие у Израиля оборонительного оружия как нельзя лучше отвечает интересам США».

В нашем распоряжении нет точных данных о том, какие справочно-информационные материалы были подготовлены для Дж. Кеннеди перед этой встречей. Сам президент предпочел уйти от конкретного ответа, указав, что в его распоряжении нет точных сведений о том, какие обещания были даны предыдущей администрацией. Согласно собранному нами данным, Д. Бен-Гурион действительно поднимал вопрос о поставке Израилю комплексов противовоздушной обороны «хоук», однако госсекретарь США К. Гертер еще в августе 1960 года, то есть за пять с половиной месяцев до окончания срока правления президента Д. Эйзенхауэра, ответил на эту просьбу отказом²⁷⁸, вслед-

²⁷⁸ См. письмо К. Гертера Д. Бен-Гуриону от 4 августа 1960 г., опубликованное в антологии *Foreign Relations of the United States. 1958–1960, Vol. XIII. Arab-Israeli Dispute*, pp. 359–361.

ствие чего говорить о том, что Израиль не получил от США «обещанное», едва ли было правомерно. Дж. Кеннеди, однако, добавил, что система «хоук» является не только оружием обороны, но также рассматривается как наступательная система. Президент не лукавил, да и Д. Бен-Гурион наверняка отлично знал это сам: первоначально комплекс разрабатывался именно для уничтожения самолетов и лишь позднее был доработан для перехвата ракет в полете. Первый испытательный пуск комплекса состоялся в июне 1956 года, а на вооружение он был принят в 1960 году – то есть речь шла о самой новой и передовой на тот момент войсковой зенитно-ракетной системе²⁷⁹. Дж. Кеннеди говорил, что если США поставят боевые ракеты в Израиль, то возникнет опасность начала нового витка гонки вооружений в регионе, который и без того находится в состоянии, далеком от спокойствия. Фактически в единственной поднятой им конкретной просьбе Дж. Кеннеди Д. Бен-Гуриону отказал, добавив к этому крайне расплывчатые рассуждения о том, что «если противники Израиля внезапно начнут увеличивать свои боеприпасы и военный потенциал, то администрация обратит на это внимание и выработает стратегию действий»; какую именно – президент не уточнил. Дж. Кеннеди прямо сказал Д. Бен-Гуриону, что «на данный момент США не видят непосредственной угрозы Израилю и не хотели бы стать причиной гонки вооружений на Ближнем Востоке». Д. Бен-Гурион не отступал, повторяя, что Израиль просит об оружии не только на основании обещаний прежней администрации, но и в силу насущной необходимости, однако в ответ на это Дж. Кеннеди вновь озвучил свое нежелание инициировать гонку вооружений в регионе.

Затем последовало краткое обсуждение количества танков и самолетов, находящихся в распоряжении Израиля и Объединенной Арабской Республики. О том, какое именно современное оружие и в каких количествах Израиль получил из Франции и ФРГ, Д. Бен-Гурион не сказал ни слова. Приведенные им выкладки показали, что военный потенциал Израиля существенно ниже, чем Египта и Сирии, что побудило Дж. Кеннеди отметить: он не хотел бы, чтобы слабость Израиля стала настолько очевидной, что спровоцировала бы соседние страны на агрессию в отношении него. В ответ на это

²⁷⁹ С того времени комплекс «хоук» неоднократно подвергался модернизациям, пока в 1994 году в армии США не началась его постепенная замена на «МІМ-104-Пэтриот». Окончательно эксплуатация комплекса «хоук» в США была прекращена в 2002 году. Вероятность поражения цели одной ракетой составляла 56%; модификация *I-Hawk* (модернизированная система поступила на вооружение в 1972 году) улучшила этот показатель до 85%. США никогда не применяли «хоук» в боевых действиях.

Д. Бен-Гурион вновь поднял вопрос о поставке в Израиль системы «Хоук» как о наиболее уместном способе избежать такой опасности, по его словам — не навредив ни одному из соседних государств. Дж. Кеннеди в третий раз объяснил израильскому премьеру, что в ответ на поставку в Израиль системы «хоук» арабские страны интенсифицируют переоснащение своих ракетных арсеналов, что вызовет последствия, нежелательные для всех. Отметив, что он понимает неудовлетворенность руководства Израиля, Дж. Кеннеди лишь пообещал продолжать внимательно следить за развитием ситуации в дальнейшем.

Когда главы двух государств перешли к обсуждению международного положения в целом, Д. Бен-Гурион реалистично заметил, что новая мировая война в ближайшем будущем маловероятна, поскольку ни народ Советского Союза, ни народ Соединенных Штатов не хотят войны. Дж. Кеннеди, однако, отметил, что такая опасность все же существует, напомнив о стремлении советских руководителей вынудить американские силы покинуть Берлин. «Зачем вам нужны гарантии [безопасности], данные нами, если мы сами не можем даже удержаться в Берлине?» — то ли с сарказмом, то ли с чувством обреченности спросил президент США. Д. Бен-Гурион обратился к истории, не без пафоса ответив президенту, что Государство Израиль создано наследниками народа, который борется за выживание на протяжении четырех тысячелетий, и что победа сил Г.А. Насера над Израилем будет означать его уничтожение. Кроме того, что эта высокопарная мысль никак не отвечала на вопрос, который поставил Дж. Кеннеди, нельзя не отметить довольно странное, особенно в контексте данной встречи, утверждение о том, что победа сил Г.А. Насера над Израилем могла означать окончание всей истории еврейского народа. Уместно напомнить, что тогда, когда проходила встреча Д. Бен-Гуриона и Дж. Кеннеди, численность еврейского населения одних лишь США примерно вдвое превосходила численность еврейского населения Израиля. С точки зрения национал-этатистской концепции Д. Бен-Гуриона создание Государства Израиль, которое может призвать к ответу убийц евреев (в этой связи завершившейся незадолго до этого суд над Адольфом Эйхманом имел огромное значение), было вершиной и венцом истории еврейского народа²⁸⁰, однако все же существование этого государства не отменяло — и не могло отменить — продолжающуюся историю еврейства диаспоры.

²⁸⁰ См.: Michael Keren, “Ben-Gurion’s Theory of Sovereignty: The Trial of Adolf Eichmann”, in Ronald W. Zweig (ed.), *David Ben-Gurion. Politics and Leadership in Israel* (London: Frank Cass, 1991), pp. 38–51.

На вопрос Дж. Кеннеди о том, как он сам оценивает ситуацию в регионе Ближнего Востока, Д. Бен-Гурион ответил, что границы Израиля более или менее спокойны и что гораздо большее беспокойство вызывают такие государства, как Иордания и Ирак, где режимы построены на власти одного человека, к которым, как указал израильский премьер, Г.А. Насер может подослать убийц, что полностью изменит политическую ситуацию в этих странах. При этом Д. Бен-Гурион заметил, что, хотя Г.А. Насер и не является коммунистом, его отношения с СССР очень близки, и он очень рассчитывает на советскую поддержку.

Премьер-министр Израиля, с 1930 года возглавлявший вообще-то социалистическую Рабочую партию, польстил президенту США, отметив, будто все развивающиеся страны с надеждой смотрят на США и другие западные государства, отличающиеся высоким уровнем жизни, а также качеством медицинских и образовательных услуг. К этой лестной для США оценке Д. Бен-Гурион добавил еще одну, отметив, будто единственной империалистической державой в мире остается Советский Союз. Через считанные минуты два лидера, совместно «боровшиеся» против империализма, обсудили, какое руководство должно быть у власти в Турции и Иране. Д. Бен-Гурион обратил внимание Дж. Кеннеди на благоприятные отношения Израиля с Ираном и Турцией. По словам израильского премьера, «Турция более стабильна и может решить свои проблемы самостоятельно», что же касалось Ирана, то «эта страна страдает от многочисленных проблем, и помощь США могла бы быть уместной». Дж. Кеннеди ответил, что и администрация Д. Эйзенхауэра, и возглавляемое им правительство «уделяли много внимания ситуации в Иране — более чем какой-либо другой стране региона — и намерены и дальше поддерживать всеми силами нынешнее правительство Ирана». В протоколе встречи указано, что Д. Бен-Гурион «выразил большую радость по поводу этого заявления». Кажется, это был единственный вопрос, в отношении которого глава правительства Израиля мог выражать радость после встречи с президентом США; ничего, что касалось собственно израильских интересов и перспектив американо-израильского военно-политического сотрудничества, радость вызывать не могло.

Пожалуй, это был тот самый случай, что хорошей новостью можно было считать именно отсутствие плохих новостей. Д. Бен-Гурион очень беспокоился за судьбу ядерного реактора в Димоне; этот проект, о котором в израильской прессе не писали ничего, был фактически главной заботой премьер-министра. Учитывая, что в создании реактора Израиль получал значительную помощь со стороны

Франции, перед отъездом в США Д. Бен-Гурион направил личное послание Ш. де Голлю, объяснив, во что именно он намеревался посвятить Дж.Ф. Кеннеди. В своем ответе Ш. де Голль попросил, чтобы Д. Бен-Гурион не информировал президента США о франко-израильском соглашении 1956 года; кроме того, поскольку завод по выделению плутония – сугубо израильский проект, к которому Франция не имела никакого отношения, президент Франции, сняв с себя всякую ответственность за сопричастность этому, указал, что никак не будет комментировать ответ Д. Бен-Гуриона, который тому придется дать президенту США. При этом, желая знать из первых уст, что же все-таки было сказано, Ш. де Голль пригласил Д. Бен-Гуриона снова посетить Францию после встречи с Дж.Ф. Кеннеди. Д. Бен-Гурион воспользовался этим приглашением, сделав остановку в Париже и встретившись с президентом Франции на обратном пути из США в Израиль²⁸¹. Очередной этап совместного израильско-французского проекта по «усыплению бдительности» американцев прошел успешно. Французы продолжали подыгрывать Израилю, пусть и в меньшей степени, чем прежде, до самой Шестидневной войны: так, в ходе переговоров с президентом Дж.Ф. Кеннеди в октябре 1963 года министр иностранных дел Кув де Мюрвиль сказал заведомую неправду, утверждая, будто Франция продала Израилю лишь ракеты ближнего радиуса действия, которые не могут нести ядерные боеголовки.

Следующий год мало что дал американо-израильским отношениям: в том, что касалось Ближнего Востока, у нового президента были, в целом, старые приоритеты. Дж.Ф. Кеннеди стремился к улучшению отношений с Г.А. Насером, в чем он видел главное направление ближневосточной политики США, что, в свою очередь, привело к заметному снижению антизападной риторики в высказываниях официальных лиц Египта. Египту была предоставлена американская экономическая и технологическая помощь²⁸². Стремясь продемонстрировать арабским странам, что отношения с ними более важны для США, чем отношения с Израилем, в марте 1962 года тогдашний постпред США в ООН Эдлай Стивенсон присоединился к резолюции, осуждавшей Израиль за рейд, проведенный силами ЦАХАЛа против предполагаемых пособников боевиков на территории Сирии.

Еще в ходе встречи с Давидом Бен-Гурионом Джон Кеннеди поднял проблему палестинцев, покинувших в 1948 году места своего постоянного проживания, отметив, что ООН пытается найти

²⁸¹ См.: Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес*, стр. 255–256.

²⁸² См.: Douglas Little, “The New Frontier on the Nile: JFK, Nasser, and Arab Nationalism” // *Journal of American History*, vol. 75 (1988), pp. 505–510.

нейтрального представителя, который сможет подготовить предложения, призванные способствовать решению этой проблемы. Президент упомянул о трех возможностях: возвращение в Палестину, выплату компенсаций или переселение в арабские или иные страны. Д. Бен-Гурион не стал скрывать свой скептицизм; по его словам, никакая комиссия не сможет достичь этого, «Объединенная Арабская Республика и другие арабские страны воспринимают беженцев лишь как удобное и доступное оружие в борьбе против нас». Президент Дж. Кеннеди добавил, что, если Израиль сможет предпринять какие-либо конструктивные действия, это может смягчить проблему, на что Д. Бен-Гурион ответил: «Да, всегда есть смысл стараться, однако пока между Израилем и арабами нет мира, я не вижу перспективы успеха». Он также напомнил, что вскоре после объявления независимости Израиля арабы массово покинули страну, но при этом в нее прибыло сравнимое количество евреев из стран арабо-мусульманского мира.

Американские дипломаты опасались, что без реального продвижения в вопросе палестинских беженцев Г.А. Насер серьезно ужесточит свой и без того не дружественный по отношению к Израилю курс. Убеждая (хоть и, в общем, безуспешно) годом ранее Д. Бен-Гуриона в том, что невозможно игнорировать «трагическую судьбу арабских беженцев», Дж. Кеннеди, который неоднократно выражал свое стремление способствовать поиску решения этой проблемы²⁸³, конфиденциально обратился к генеральному секретарю ООН Дагу Хаммаршёльду (Dag Hammarskjöld, 1905–1961) с просьбой возложить посредническую миссию по разрешению проблемы беженцев на Джозефа Джонсона (Joseph Esrey Johnson, 1895–1990), в 1950–1971 годах — президента Фонда Карнеги по международной миротворческой деятельности (Carnegie Endowment for International Peace). После почти года дипломатических маневров Дж. Джонсон в августе 1962 года обратился к Израилю с предложением принять до ста тысяч палестинских беженцев в течение ближайшего десятилетия, при условии, что на протяжении всего этого времени Г.А. Насер не будет предпринимать каких-либо мер, угрожающих существованию и безопасности Израиля. Американские руководители, конечно, знали, что 6 ноября 1961 года Кнессет принял более чем недвусмысленное постановление, гласившее: «Арабские беженцы не могут вернуться на территорию Государства Израиль; единственное возможное решение проблемы — их расселение в арабских странах»²⁸⁴. Пони-

²⁸³ См.: Warren Bass, *Support Any Friend*, p. 166.

²⁸⁴ Цит. по протоколу заседаний Кнессета от 6 ноября 1961 г. [на иврите].

мая, что израильские руководители не будут склонны принять план Дж. Джонсона, Дж. Кеннеди решил смешать все карты, предложив им в обмен на принятие плана то, чего они так добивались — поставки зенитно-ракетного комплекса «хоук»²⁸⁵.

18 августа 1962 года эмиссар Дж. Кеннеди Мейер Фельдман втайне отправился в Израиль, с тем чтобы предложить Д. Бен-Гуриону и Г. Меир комплекс «хоук» в обмен на обещание принять план Дж. Джонсона в целях разрешения проблемы беженцев. О том, что президент посылает в Израиль своего эмиссара, он 15 августа информировал Д. Бен-Гуриона²⁸⁶, однако в прессу была дана информация о том, что М. Фельдман с супругой отправились на отдых на остров Родос, решив, по соображениям географической близости, также принять давнее приглашение Научно-исследовательского института им. Вейцмана в Реховоте о посещении этой организации; ни о каких переговорах М. Фельдмана с главой правительства и министром иностранных дел Израиля в прессе не упоминалось вообще, американская администрация как огня чуралась дать любой повод обвинениям в ее «несбалансированной» близости с Израилем. Более того, посольство США в Израиле было проинструктировано не организовывать никаких публичных мероприятий с участием М. Фельдмана²⁸⁷. При этом Дин Раск убеждал заместителя посла Великобритании в США Сэмюэля Худа (Samuel Hood) в том, что миссия М. Фельдмана касается исключительно Плана Джонсона и он «ни в какой мере не уполномочен закрывать вопрос о комплексе “хоук”», о чем британский дипломат сразу же сообщил в собственный МИД²⁸⁸. Реальность была, однако, совершенно другой, хотя мы не можем знать наверняка, кто здесь является первопричиной обмана: госсекретарь США сознательно дезинформировал британских партнеров, либо же госсекретарь не был посвящен в полной мере в инструкции, которые дал президент М. Фельдману, либо же (хотя это кажется наименее вероятным) сам М. Фельдман, впервые посещавший еврейское госу-

²⁸⁵ См.: Steven L. Spiegel, *The Other Arab–Israeli Conflict. Making America’s Middle East Policy, from Truman to Reagan* (Chicago: The University of Chicago Press, 1985), pp. 110–112.

²⁸⁶ Телеграмма Дж.Ф. Кеннеди Д. Бен-Гуриону от 15 августа 1962 г. // Архив Президентской библиотеки Дж.Ф. Кеннеди (фонд «Израиль», папка 119).

²⁸⁷ Телеграмма заместителя госсекретаря Джорджа Вала (George Ball) в посольство США в Израиле от 16 августа 1962 г. // Архив Президентской библиотеки Дж.Ф. Кеннеди (фонд «Израиль», папка 118А).

²⁸⁸ Телеграмма С. Худа в Министерство иностранных дел Великобритании от 19 августа 1962 г. // Архив Министерства иностранных дел Великобритании, документ 371/164347, Public Records Office, Лондон.

дарство, движимый некими национальными чувствами, решил предложить руководителям Израиля больше, чем ему было поручено предложить, понимая, что «отыграть назад» будет уже невозможно.

Немедленно после своей встречи с Д. Бен-Гурионом и Г. Меир 19 августа 1962 года М. Фельдман отправил телеграмму президенту и госсекретарю²⁸⁹. Позднее он признал, что сделка, включавшая поставки Израилю зенитно-ракетного комплекса «хоук» в обмен на принятие им Плана Джонсона, предусматривавшего возможность возвращения палестинских беженцев в Израиль, включала еще одно условие: Д. Бен-Гурион должен был разрешить американским специалистам регулярное посещение Димоны, чтобы они могли отслеживать сугубо мирный характер израильской ядерной программы²⁹⁰.

Желание Д. Бен-Гуриона получить передовой зенитно-ракетный комплекс было столь велико, что, после долгих и изнурительных переговоров с эмиссаром президента США (их встреча продолжалась три с половиной часа, отдельная встреча М. Фельдмана с Г. Меир 21 августа – шесть), он декларировал согласие с обоими американскими условиями. В том, что он блефовал относительно исключительно мирного характера израильской атомной программы, сомнений нет; насколько изначально они с Г. Меир блефовали в том, что касалось согласия принять План Джонсона, наверняка сказать невозможно, однако, скорее всего, и в этом вопросе они не собирались менять свою изначальную позицию, зафиксированную ими лично в выступлениях в Кнессете совсем незадолго до этого, 11 октября (когда выступил Д. Бен-Гурион) и 6 ноября (когда выступала Г. Меир) 1961 года. Из беседы с М. Фельдманом Д. Бен-Гурион и Г. Меир поняли, что американцы требуют от них согласиться первыми на предложения, в которых Г.А. Насера и других арабских лидеров еще только предстояло убедить принять. Понимая это и не веря в то, что арабские руководители согласятся на какие-либо компромиссы, получив возможность приобрести долгожданные зенитно-ракетные комплексы, Д. Бен-Гурион дал понять, что Израиль, во-первых, готов всерьез рассмотреть предложение в отношении решения проблемы арабских беженцев, а во-вторых, не имеет планов создавать ядерное оружие. Вероятнее всего, Д. Бен-Гурион и Г. Меир разумно предпо-

²⁸⁹ Телеграмма М. Фельдмана Дж.Ф. Кеннеди и Д. Раску от 19 августа 1962 г. // Архив Президентской библиотеки Дж.Ф. Кеннеди (фонд «Израиль», папка 119).

²⁹⁰ См.: *New York Times*, 16 June 1968, p. 5; см. также книгу советника Дж.Ф. Кеннеди по национальной безопасности Мак-Джорджа Банди (1919–1996): McGeorge Bundy, *Danger and Survival: Choices about the Bomb in the First Fifty Years* (New York, 1988), p. 510.

ложили, что план, представленный на их рассмотрение, еще будет неоднократно исправляться, вследствие чего они смогут отказаться от него, аргументируя это тем, что внесенные изменения неприемлемы для них.

Собственно, так и произошло. В сентябре 1962 года Голда Меир прибыла на заседание Генеральной Ассамблеи ООН, где вновь встретила с Мейером Фельдманом. Вместе они насчитали в Плане Джонсона 62 (!) изменения в сравнении с той версией, которую М. Фельдман представил израильским руководителям в августе²⁹¹. Учитывая, что к тому времени о поставках в Израиль комплексов «хоук» уже было объявлено публично, израильские руководители, очевидно, получили свободу маневра, и, выступая на Генеральной Ассамблее ООН, Голда Меир резко раскритиковала План Джонсона как несправедливый, несбалансированно проарабский и несущий неприемлемые риски для выживания Израиля как еврейского государства. Кнессет провел двухдневное обсуждение этого вопроса, по завершении которого 63 голосами против 11 принял бескомпромиссную резолюцию, дословно повторявшую утвержденную 6 ноября 1961 года²⁹².

Несмотря на то что для Дж.Ф. Кеннеди было очевидно, что израильские руководители, получив желаемое, ничего не дали взамен, он тем не менее не стал совершать резких движений. Проблемой Западного мира был не Израиль, а Египет: незадолго до этого Г.А. Насер не только получил значительное количество советских ракет средней дальности, которые были способны сровнять израильские города с землей в течение нескольких минут, но и направил войска в Йемен с целью поддержать радикальный режим, который, как опасались многие в Вашингтоне и Лондоне, может стать плацдармом для дальнейших продвижений египетских войск на Аравийском полуострове²⁹³.

Обеспокоенный этим всем, в конце 1962 года Дж.Ф. Кеннеди пригласил Г. Меир в свою резиденцию в Палм-Бич в штате Флорида. Требования президента были теми же: он хотел сдвинуть с мертвой точки реализацию Плана Джонсона, а также добиться от Израиля обязательства не создавать ядерное оружие. Голда Меир же, со своей стороны, хотела закрепить успех, добившись поставок в Израиль нового американского оружия. В общем, каждый собирался говорить о своем, но эта встреча, состоявшаяся 27 декабря 1962 года, оказалась по-настоящему переломной.

²⁹¹ См.: Steven L. Spiegel, *The Other Arab–Israeli Conflict*, p. 114.

²⁹² См.: David Ben-Gurion, *Israel. A Personal History*, pp. 667–670.

²⁹³ См.: Steven L. Spiegel, *The Other Arab–Israeli Conflict*, pp. 102–104.

Голда Меир позднее вспоминала:

«Я приехала во Флориду, и мы беседовали очень долго и очень непринужденно. ... Присутствовало еще два-три человека, среди них Мейер Фельдман, но никто из них в разговоре не участвовал.

Сначала я стала описывать сегодняшнее положение на Ближнем Востоке. И тут мне пришло в голову, что этот умнейший молодой человек может и не слишком хорошо разбираться в евреях и в том, что для них значит Израиль, и я решила, что попробую объяснить ему это прежде, чем начать разговор про оружие. «Разрешите, господин президент, — сказала я, — рассказать вам, чем Израиль отличается от других стран». Пришлось мне начинать издали, потому что евреи очень уж древний народ. «Евреи появились больше трех тысяч лет назад и жили рядом с народами, которые давно исчезли — то были аммонитяне, моавитяне, ассирийцы, вавилоняне и прочие. Все эти народы в древние времена попадали под иго других государств, в конце концов, смирились со своей судьбой и становились частью главенствовавшей тогда культуры. Все народы — за исключением евреев. И с евреями бывало, как с другими народами, что их землю оккупировали чужеземцы, но судьба их была совершенно иной, потому что только евреи, в отличие от всех прочих, твердо решили остаться тем, что они есть. Другие народы оставались на своей земле, но теряли свое национальное лицо, а евреи, потерявшие свою страну и рассеянные среди народов мира, никогда не изменяли своему решению оставаться евреями — и своей надежде вернуться к Сиону. И вот теперь мы вернулись — и на руководство Израиля это накладывает совершенно особую ответственность. Правительство Израиля во многом ничем не отличается от всякого другого ответственного правительства. Оно заботится о благосостоянии народа, о развитии государства и так далее; но к этому присоединяется еще одна величайшая ответственность — ответственность за будущее. Если мы опять потеряем независимость, то те из нас, кто останется в живых — а таких будет немного, — будут рассеяны снова. Но у нас уже нет того огромного резервуара религии, культуры и веры, какой был раньше. Мы многое из этого запаса утратили, когда шесть миллионов евреев погибли во время Катастрофы».

Кеннеди не отрывал от меня внимательных глаз, и я продолжала: «На нашей стене огненными буквами написано: «Остерегайтесь снова потерять независимость, ибо на этот раз вы можете потерять ее навсегда». И если это случится, то мое поколение сойдет под своды истории как поколение, которое снова сделало Израиль независимым, но не сумело эту независимость сохранить». Кеннеди наклонился ко мне, взял меня за руку, посмотрел прямо в глаза и сказал, очень торжественно:

“Я понимаю, миссис Меир. Не беспокойтесь. С Израилем ничего не случится”²⁹⁴.

Уподобив «особые отношения» Вашингтона с Иерусалимом отношениям с Лондоном – сравнение, которое ни один президент США не делал прежде, Дж.Ф. Кеннеди ясно дал понять, что в случае военного вторжения в Израиль извне Соединенные Штаты поддержат еврейское государство. *Начиная с этого времени, то есть с самого конца 1962 года, постепенно, можно сказать – медленно, но последовательно, выстраивались рамки военно-политического сближения США и Государства Израиль. При этом в значительной мере подобное более внимательное отношение американского руководства к Израилю было вызвано тем, что в США осознали: став ядерной державой, Израилю уже будет невозможно диктовать условия. В результате американская администрация взяла курс на то, чтобы предотвратить появление у Израиля ядерного оружия, будучи готовой ради этого на существенную интенсификацию двустороннего военно-политического сотрудничества.* Однако Д. Бен-Гурион и сменивший его в 1963 году на постах главы правительства и министра обороны Леви Эшколь не собирались отказываться от стремления обрести ядерное оружие, продолжая вести с американцами двойную игру. В период правления Дж.Ф. Кеннеди руководители Израиля так и не признали, что обретение ядерного оружия – их стратегическая цель, над которой ведется самая активная работа.

Ситуация на Ближнем Востоке в целом в 1962–1963 годах была весьма и весьма нестабильной. 21 июля 1962 года в Египте были произведены испытания двух новых типов ракет, названные Г.А. Насером «Аль-Зафаф» [«Победитель»] и «Аль-Кахир» [«Завоеватель»], дальность полета которых позволяла им поразить любую цель на территории Израиля. В Ираке 8 февраля 1963 года произошел военный переворот, в результате которого был свергнут режим генерала Абдель-Керима Касема, и к власти пришли генерал Ахмед Хасан аль-Бакра (1914–1982), занявший пост премьер-министра, и полковник Абдель-Салам Ареф (1921–1966), ставший президентом. А.К. Касем ни с какой стороны не был прозападным политиком, но новые лидеры, убившие отстраненного президента прямо в прямом эфире в телестудии, пугали еще больше. 8 марта 1963 года военный переворот произошел и в Сирии; страну возглавили Амин аль-Хафез (1921–2009) и Салах ад-Дин Битар (1912–1980), начавшие радикальные социалистические реформы. Крайне нестабильной была ситуация и в Иордании, где режим короля Хусейна вновь висел на волоске.

²⁹⁴ Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 344–346.

Все это усиливало и без того обоснованный страх израильтян быть со всех сторон окруженными радикальными арабскими режимами. Израильские руководители стремились добиться более конкретных американских гарантий безопасности, и хотя администрации США становились все более очевидными мотивы, предопределявшие желание Израиля обрести свой ядерный потенциал, она стремилась всеми возможными способами не допустить этого.

6 марта 1963 года эксперт ЦРУ Шерман Кент (Sherman Kent) в меморандуме, попавшем на стол президента Дж.Ф. Кеннеди, указал на то, что нарастающая нестабильность ситуации на Ближнем Востоке может привести к тому, что Израиль, вопреки данным его руководителями обещаниям, начнет разрабатывать собственное атомное оружие. Аналитик ЦРУ высказывал мнение о том, что подобное развитие событий нанесет «значительный вред положению США и Запада в арабском мире». Отмечая растущую зависимость США от нефтедобывающих стран Ближнего Востока, Ш. Кент предостерегал о том, что «арабское возмущение, направленное против США и Запада, может привести к конфискации важных объектов, находящихся в иностранной собственности в этом регионе, или даже к их разрушению из-за акций вандализма на местах»²⁹⁵.

Глубоко обеспокоенный возможными результатами развития израильской ядерной программы, Дж.Ф. Кеннеди создал 26 марта межведомственную рабочую группу с целью разработать предложения по предотвращению распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке. Ожидая ее доклада, Дж.Ф. Кеннеди конфиденциально предупредил Г.А. Насера о «рисках и возможных потерях в новом витке гонки вооружений на Ближнем Востоке», одновременно с этим заверив Израиль в том, что США остаются преданными идее обеспечения безопасности еврейского государства. Хотя в октябре 1962 года американские специалисты второй раз посетили Димону, израильская ядерная программа очень беспокоила Дж.Ф. Кеннеди.

В начале 1963 года президент Дж.Ф. Кеннеди направил несколько жестких писем Давиду Бен-Гуриону, поручив послу США в Тель-Авиве держать израильское правительство под постоянным давлением по этому вопросу. Он требовал от израильского правительства согласия на то, чтобы американские представители дважды в год посещали Димону, направляя едва завуалированные угрозы и намекая, что отношения между двумя странами могут сильно испортиться, если Израиль не уступит его требованиям. Такое давление продол-

²⁹⁵ Цит. по: Mordechai Gazit, *President Kennedy's Policy toward the Arab States and Israel* (Syracuse University Press, 1983), pp. 116–120.

жалось и после ухода в отставку Д. Бен-Гуриона в июне 1963 года в результате внутреннего кризиса, не имевшего отношения к ядерной проблеме или отношениям с США. Теперь резкие послания Кеннеди были адресованы уже преемнику Д. Бен-Гуриона – Леви Эшколю. Кеннеди приказал чиновникам Белого дома и Государственного департамента разработать меры по предупреждению возможного создания ядерного оружия Израилем, а также Египтом, хотя у этой страны не было возможностей для его производства.

В самом начале апреля 1963 года для обсуждения нового запроса Израиля о поставках современного оружия в Вашингтон прибыл Шимон Перес. 2 апреля Ш. Перес встретился с Мейером Фельдманом, после чего, несмотря на его тогдашний статус заместителя министра обороны, был принят лично президентом. И вновь для того чтобы не навлечь гнев со стороны арабских стран, Белый дом проинформировал прессу, что президент Дж.Ф. Кеннеди якобы случайно «столкнулся» с Ш. Пересом в одном из коридоров Белого дома и лишь из соображений формальной вежливости пригласил его на краткую беседу.

Хотя переговоры, которые вел Ш. Перес с американскими официальными лицами, не касались ядерной программы, Дж.Ф. Кеннеди более всего интересовала именно она, и он в лоб спросил: «Вы знаете, что мы с большим вниманием и озабоченностью следим за любыми признаками развития ядерного потенциала в этом регионе. Это создало бы очень опасную ситуацию. Поэтому мы так серьезно нацелены на поддержание постоянного контакта, следя за вашими ядерными усилиями. Что вы можете сказать мне по этому поводу?» Ш. Перес продолжал отрицать очевидное, ответив: «Я могу ясно заявить, что мы определенно не будем первыми, кто привнесет в этот регион атомное оружие; наоборот, мы заинтересованы в уменьшении гонки вооружений и даже в ее полном прекращении»²⁹⁶. Согласно американской записке об этой встрече, «М. Фельдман сказал [президенту], что Перес дал недвусмысленные заверения, касающиеся того, что Израиль не предпримет в этой сфере [в области создания атомного оружия] ничего, пока не обнаружит, что другие страны региона не вовлечены в этот процесс»²⁹⁷. Ш. Перес говорил неправду, и знал об этом: Израиль развивал свою атомную программу в разных

²⁹⁶ См.: Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес*, стр. 258.

²⁹⁷ Памятная записка о телефонном разговоре зам. госсекретаря США Ф. Тальбота и зам. специального советника президента М. Фельдмана от 5 апреля 1963 г. опубликована в антологии *Foreign Relations of the United States. 1961–1963, Vol. XVIII. Near East*, pp. 450–451.

направлениях, причем в то время как французы считали, что полностью контролируют этот процесс в связи с тем, что Израиль ультимативно зависит от них, на самом деле государств, готовых продать уран в промышленных количествах было не так мало, и об этих переговорах израильские официальные лица своих французских коллег не информировали.

Дж.Ф. Кеннеди хотел добиться от Израиля отказа от создания оружия, которое, по мнению Д. Бен-Гуриона, только и могло надежно гарантировать обеспечение безопасности еврейского государства в долгосрочной перспективе. Ш. Перес же, в свою очередь, хотел добиться от США гарантий безопасности и поддержки, прежде всего на то время, которое было нужно Израилю до создания собственного ядерного оружия; по завершению этого этапа Израиль мог бы в значительно большей мере, чем когда-либо прежде, самостоятельно гарантировать свое выживание. Дж.Ф. Кеннеди сразу же напомнил о гарантиях, которые он дал Голде Меир в декабре предыдущего года, но при этом указал, что не сможет сделать публичную декларацию о поддержке Израиля, ибо, по его словам, это могло спровоцировать Советский Союз к выступлению с аналогичным заверением в поддержке в адрес их арабских союзников, что лишь привело бы к эскалации напряженности на Ближнем Востоке. Однако наибольшее беспокойство Дж.Ф. Кеннеди испытывал в связи с возможной реакцией Израиля, в случае если в результате внутреннего переворота или интервенции извне падет режим короля Хусейна. На это Ш. Перес достаточно недвусмысленно ответил: «Израиль уже дал явно понять, что в этой ситуации мы не останемся безучастными». По воспоминаниям Ш. Переса, Дж.Ф. Кеннеди, очень обеспокоенный будущим Иордании, ответил, что не думал, что когда-либо будет молиться за жизнь королей²⁹⁸.

Однако одних молитв Дж.Ф. Кеннеди королю Хусейну уже было явно недостаточно. 17 апреля 1963 года Гамаль Абдель Насер, глава Национального совета революционного командования (фактически – президент) Сирии генерал Луай аль-Атасси (1926–2003) и премьер-министр Ирака генерал Ахмед Хасан аль-Бакр подписали в Каире Манифест единства, согласно которому три страны должны были объединиться в единое государство со столицей в Каире; одной из целей, перечисленных в Манифесте, была борьба «за освобождение Палестины». На следующий день толпы палестинцев вышли на улицы Аммана, требуя, чтобы король Хусейн присоединился к борьбе

²⁹⁸ Цит. по: Shimon Peres, *David's Sling* (London: Weidenfeld & Nicolson, 1970), p. 99.

Г.А. Насера против Израиля или сложил с себя властные полномочия. По мере обострения внутривосточного кризиса в Иордании администрация Кеннеди убеждала Израиль сохранять максимальную сдержанность, не вмешиваясь в иорданские события²⁹⁹. Однако Д. Бен-Гурион настаивал на том, что «нарастающая сложность ситуации на Ближнем Востоке становится ни с чем не сравнимой по своей серьезности», намекнув на то, что Израиль будет готов оккупировать Западный берег Иордана, если США «не предпримут значительных усилий для того, чтобы гарантировать территориальную целостность всех ближневосточных государств»³⁰⁰. На срочной встрече в Государственном департаменте, которую он по распоряжению Д. Бен-Гуриона запросил в воскресный день, посол Израиля в США Авраам Харман указал, что Израиль не сможет смириться, если на Западном берегу Иордана будут расквартированы войска египетско-сирийско-иракской коалиции или же дружественного им режима, который придет на смену королю Хусейну, если такое случится; от имени своего правительства посол выдвинул требование полной демилитаризации Западного берега в случае смены режима в Иордании³⁰¹.

Как раз накануне, в субботу 27 апреля, Дж.Ф. Кеннеди созвал совещание со своими советниками, чтобы обсудить возможные варианты развития событий. Присутствующие были убеждены в том, что открытое публичное обещание защищать Израиль разрушило бы отношения США с Г.А. Насером и побудило бы арабских радикалов обратить свои взоры в сторону Кремля, но, с другой стороны, в отсутствие подобного обещания Д. Бен-Гурион был готов захватить Западный берег, что неизбежно спровоцировало бы масштабное арабско-израильское столкновение. Военная поддержка оказавшегося в трудном положении короля Хусейна выглядела как наиболее приемлемый вариант. В соответствии с этим решением Дж.Ф. Кеннеди направил в восточную часть Средиземного моря корабли Шестого флота США с несколькими сотнями бойцов на борту, «готовых не-

²⁹⁹ См., например, директивы Госдепартамента послу США в Израиле от 27 апреля 1963 г., опубликованные в антологии *Foreign Relations of the United States. 1961–1963, Vol. XVIII. Near East*, pp. 486–487.

³⁰⁰ Это послание Д. Бен-Гуриона Дж.Ф. Кеннеди, скорее всего — по соображениям секретности, не было включено в антологию *Foreign Relations of the United States*; однако его цитировал госсекретарь Дин Риск в телеграмме послу США в Израиле Уолворту Барбуру (Walworth Barbour, 1908–1982) от 26 апреля 1963 г. // Архив Президентской библиотеки Дж.Ф. Кеннеди (фонд «Израиль», папка 119).

³⁰¹ Протокол встречи в Госдепартаменте, состоявшейся 28 апреля 1963 г., опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States. 1961–1963, Vol. XVIII. Near East*, pp. 494–495.

медленно вторгнуться в Иорданию». Однако силы, верные 27-летнему на тот момент королю, смогли подавить бунт и без помощи американских морских пехотинцев. При этом именно тогда, в 1963 году, начались прямые тайные (формально две страны находились в состоянии войны) контакты короля Хусейна с представителями высшего политического руководства Израиля³⁰² — контакты, которые уже не прерывались до кончины монарха в 1999 году.

Несмотря на то что в Иордании было восстановлено относительное спокойствие, недавний кризис заставил Израиль и его друзей в Вашингтоне еще активнее требовать ясных гарантий безопасности от Соединенных Штатов. В начале мая Дж.Ф. Кеннеди лично заверил Бен-Гуриона в том, что США никогда не допустят уничтожения Израиля, а М. Фельдман обещал представителям Американско-Израильского комитета по общественным связям (*American Israel Public Affairs Committee*, АИРАС), что Вашингтон немедленно окажет помощь Иерусалиму в случае «непровоцированного нападения на его территорию».

Однако сторонники Израиля в Вашингтоне не считали, что этого достаточно. 6 мая в Белом доме узнали о том, что сенаторы Джейкоб Джавитс и Хьюберт Хамфри собираются выступить с предложением заключения «коллективных оборонительных соглашений с Израилем». Дж.Ф. Кеннеди, как и его предшественники на посту президента, не был заинтересован в заключении соглашения подобного рода, не желая брать фиксированные обязательства в отношении обеспечения безопасности Израиля даже перед лицом недвусмысленной объединенной арабской угрозы. Президент был готов лишь заявить о том, что «мы поддерживаем безопасность как Израиля, так и его соседей»³⁰³.

Спустя неделю политический советник израильского посольства в США Мордехай Газит (позднее он был послом во Франции, а в 1973–1975 годах возглавлял Администрацию главы правительства) прибыл в Белый дом, где его ждал тогдашний руководитель сектора по проблемам Ближнего Востока Совета национальной безопасности Роберт У. Комер (Robert William Komer, 1922–2000); много лет спустя он был заместителем министра обороны в администрации Дж. Картера. Израильский дипломат сообщил, что вскоре президент получит послание от Д. Бен-Гуриона о «стремлении Израиля к заклю-

³⁰² См.: Avi Shlaim, *Lion of Jordan. The Life of King Hussein in War and Peace* (London: Allen Lane, 2007), pp. 189–201.

³⁰³ Выступление Дж.Ф. Кеннеди на пресс-конференции 8 мая 1963 г. цит. по: *Public Papers of the Presidents: Kennedy, 1963* (Washington: Office of the Federal Register, National Archives and Records Service, 1964), p. 373.

чению формального соглашения об обороне и военной помощи»³⁰⁴. Однако, как и большинство американских экспертов, Р.У. Комер считал, что израильские руководители преувеличивали серьезность арабской угрозы, полагая, что военное превосходство Израиля над арабскими государствами неоспоримо. *В то время, когда израильские руководители стремились добиться двустороннего военно-политического соглашения с США, их американские партнеры ставили себе совершенно иную цель: добиться свертыwania израильской ядерной программы.* Президент Дж.Ф. Кеннеди считал, что обозначенный им в переговорах с израильскими руководителями «особый характер» двусторонних отношений — достаточная плата за отказ Израиля от планов по разработке ядерного оружия, которые очень его беспокоили³⁰⁵.

В ходе их встречи Р.У. Комер спросил у М. Газита, могут ли недавние заявления Д. Бен-Гуриона, М. Даяна и других руководителей Израиля о необходимости усилить обороноспособность страны быть частью кампании, нацеленной на то, чтобы обосновать разработку ядерного оружия. «Больше всего мы не хотели, чтобы Израиль развивал ядерную программу, — вспоминал Р.У. Комер годы спустя, — поскольку Египет мог ответить на это тем, что стал бы еще больше опираться на Советский Союз в целях обеспечения своей безопасности»³⁰⁶. Выступая на закрытых слушаниях в Сенате 5 июня 1963 года, госсекретарь Д. Раск прямо заявил: «Мы не можем себе представить ничего более ужасного, чем ядерное оружие в руках израильтян. ... Я не могу представить себе ничего, что могло бы с большей силой побудить арабские страны переметнуться на сторону Советского Союза»³⁰⁷.

Американские руководители выработали следующий политический курс: полномочные представители США должны успокоить тревоги руководителей Израиля по поводу безопасности еврейского государства, при этом демонстрируя свое неизменное равное отношение ко всем странам региона. Для достижения этих целей было решено направить на Ближний Восток председателя Совета по международным делам и главу Фонда Форда Джона Дж. Мак-Клоя (John J. McCloy, 1895–1989) в качестве специального эмиссара. В Каире он

³⁰⁴ Памятная записка Р.У. Комера от 14 мая 1963 г. // Архив Президентской библиотеки Дж.Ф. Кеннеди (фонд «Израиль», папка 119).

³⁰⁵ См.: Mordechai Gazit, "Israeli Military-Strategic Relationship and the Dimona Issue" // *Journal of Contemporary History*, vol. 35, no. 3 (2000), pp. 413–422.

³⁰⁶ Запись интервью Р.У. Комера от 22 декабря 1969 г. // Архив Президентской библиотеки Дж.Ф. Кеннеди.

³⁰⁷ Rusk testimony, 5 June 1963 // *Executive Sessions of the Senate Foreign Relations Committee*, 15, pp. 341–342.

должен был предупредить Г.А. Насера о том, что, только пообещав не приобретать новые советские ракеты, Египет мог предотвратить осуществление израильских планов по развитию ядерного оружия. Затем Дж. Мак-Клой должен был проинформировать Д. Бен-Гуриона о том, что США согласны рассмотреть возможность дать Израилю гарантии безопасности, если Иерусалим пообещает не производить никакого перемещения войск вне Израиля (в том числе на Западный берег) и не разрабатывать ядерное оружие. Если бы все пошло по плану, то к середине лета 1963 года Белый дом смог бы приблизиться к достижению соглашения между Египтом и Израилем об ограничении вооружений и гарантиях безопасности. В Белом доме и в Госдепартаменте считали, что миссия Дж. Мак-Клоя будет лучшим способом избежать выбора между ядерным Израилем и союзом Египта с Кремлем.

Однако когда Дж. Мак-Клой и сопровождавший его специалист Госдепартамента по вопросам Ближнего Востока (позднее он был послом в Саудовской Аравии, Бангладеш и Египте) Герман Ф. Эйлтс (Hermann Frederick Eilts, 1922–2006) в конце июня 1963 года прибыли в Каир, Г.А. Насер проявил себя куда менее благосклонно, чем надеялись в администрации Кеннеди. (Сам Дж.Ф. Кеннеди 26 июня 1963 года прилетел в Западный Берлин, кризис вокруг которого в то время, очевидно, волновал его много больше.) Президент Египта отказался от заключения предложенного ему оборонного соглашения с США, объяснив свою позицию тем, что это поставит под удар суверенитет Египта; он также объявил о невозможности инспекционных поездок американских военных экспертов на египетские военные объекты. Несмотря на то что глава Египта разделял беспокойство американцев по поводу новой гонки вооружений на Ближнем Востоке, Г.А. Насер настаивал на том, что в свете решения Дж.Ф. Кеннеди продать зенитно-ракетные комплексы «хоук» Израилю Египет должен обзавестись аналогичными собственными ракетами. Не сумев убедить Г.А. Насера в том, что это приведет лишь к новому витку напряженности, Дж. Мак-Клой и Г.Ф. Эйлтс в начале июля вернулись в Вашингтон с пустыми руками, даже не посетив Израиль³⁰⁸. 11 июля с Г.А. Насером встретился посол США в Египте Джон Бадо (John Badeau, 1903–1995), однако и эта беседа не привела к какому-либо прогрессу.

Отклонение Г.А. Насером предложений американских эмиссаров побудило Дж.Ф. Кеннеди пересмотреть традиционную амери-

³⁰⁸ Об этой дипломатической миссии и ее провале см.: Warren Bass, *Support Any Friend*, pp. 226–230.

канскую политику равноудаленного нейтралитета по отношению к государствам, вовлеченным в арабо-израильское противостояние. При наличии семидесяти тысяч египетских солдат в Йемене, где находился и главнокомандующий египетской армии фельдмаршал А.Х. Амер (1919–1967), в условиях использования этими войсками химического оружия (отравляющих газов), что было установлено американскими экспертами в конце июня 1963 года, и при стремлении Г.А. Насера к дальнейшему усовершенствованию находящихся на вооружении египетской армии баллистических ракет, основой ближневосточного курса Дж.Ф. Кеннеди постепенно становился диалог с Израилем о предоставлении гарантий безопасности в обмен на обещание отказаться от разработки ядерного оружия. Хотя эксперты ЦРУ предупреждали, что Израиль сможет создать собственную атомную бомбу уже к 1965, самое позднее – 1966 году³⁰⁹ (эти оценки были исключительно верными), Леви Эшколь, пришедший в середине июня на смену Давиду Бен-Гуриону, сделал заявление о том, будто Израиль не разрабатывает в Димоне ядерную бомбу. Дж.Ф. Кеннеди не мог быть уверен, что израильские руководители не обманывают его, но хотя бы на декларативном уровне готовность Л. Эшколя и Г. Меир к сотрудничеству разительно контрастировали с непреклонностью Г.А. Насера. При этом в подробном письме, направленном президентом 2 октября 1963 года через посольство США в Израиле для передачи непосредственно Л. Эшколю, Дж.Ф. Кеннеди, указав, что «никто в арабском мире не сомневается, как мыотреагируем в случае неспровоцированной агрессии с их стороны», отказал в просьбе о заключении двустороннего военно-политического соглашения, мотивировав это тем, что такой договор станет существенным раздражающим фактором для арабского мира и тем самым нанесет, по его мнению, вред и интересам безопасности Израиля, и усилиям по снижению региональной напряженности³¹⁰. В книге М. Газита утверждается, что 7 октября 1963 года Дж.Ф. Кеннеди направил Л. Эшколю еще одно письмо, однако таковое до сих пор не опубликовано. По данным М. Газита, президент Дж.Ф. Кеннеди обещал, что «Соединенные Штаты окажут Израилю военную помощь в случае агрессии», при условии, что Израиль воздержится от разработки ядерного оружия³¹¹. М. Газит утверждает, что Дж.Ф. Кеннеди пришел к выводу, что

³⁰⁹ См.: Warren Bass, *Support Any Friend*, pp. 223.

³¹⁰ Послание президента Д.Ф. Кеннеди от 2 октября 1963 г. опубликовано в антологии *Foreign Relations of the United States. 1961–1963. Vol. XVIII. Near East*, pp. 720–722.

³¹¹ См.: Mordechai Gazit, *President Kennedy's Policy toward the Arab States and Israel*, pp. 53–54.

Израиль будет хорошим стратегическим подспорьем США в борьбе против арабских радикалов, поддерживаемых Советским Союзом, в то время как, будучи предоставлен сам себе, Израиль может интенсифицировать создание собственного ядерного оружия.

Всю вторую половину октября президент был целиком поглощен Карибским кризисом, ему явно было не до Израиля и не до Египта. К тому моменту, когда Дж.Ф. Кеннеди уехал в Даллас спустя шесть недель (там он и был убит 22 ноября 1963 года), египетская экспансия на Аравийском полуострове, с одной стороны, и осваивание Израилем ядерных технологий – с другой, загнали президента США в угол. Дж. Кеннеди отправлял Л. Эшколю послание за посланием – 5 июля, 27 августа и 3 октября 1963 года, – требуя, чтобы Израиль прекратил все работы, которые вел в направлении создания ядерного оружия, допустив американских экспертов в Димону на новую инспекционную поездку³¹². Президент США раз за разом повторял, что США готовы гарантировать безопасность Израиля, в случае если он подвергнется нападению извне, указывая, что у американских войск есть все возможности для реального осуществления гарантий подобного рода; президент настаивал на том, что его гарантии безопасности достаточны для Израиля, которому незачем развивать свой ядерный потенциал. *Успехи израильских ученых, дипломатов и разведчиков в направлении обретения еврейским государством ядерного оружия изменили ситуацию: Израиль двигался в направлении получения «козырной карты» в отношениях с арабским миром, и, чтобы не дать этому случиться, американцы были готовы, пусть медленно, осторожно и непублично, признать Израиль своим стратегическим союзником.*

³¹² См.: Avner Cohen, *Israel and the Bomb*, pp. 153–174.

Глава 9

Л. Джонсон, Л. Эшколь и сложности выстраивания двусторонних квазипартнерских отношений в 1963–1966 гг.

Первая встреча высших офицеров США и Израиля в направлении выработки параметров двустороннего военного сотрудничества состоялась 13–14 ноября 1963 года; с израильской стороны в ней участвовали тогдашний заместитель начальника Генерального штаба Ицхак Рабин (1922–1995) и помощник главы военной разведки Аарон Ярив (1920–1994). Планировалось, что в 1964 году И. Рабин возглавит Генштаб, а А. Ярив – военную разведку (так и случилось), поэтому выбор участников переговоров военных экспертов был логичным и оправданным. Дж. Кеннеди дал согласие на контакты такого рода, надеясь, что этим ему удастся убедить израильских руководителей в серьезности предлагаемых им гарантий безопасности, что должно было побудить их отказаться от развития собственного ядерного потенциала. На эту встречу стороны прибыли с разными целями: американские представители были готовы обсуждать данные, касавшиеся ракетного потенциала, собранные ЦРУ в Египте, тогда как израильские представители интерпретировали эти данные как достаточный повод для выдвижения запроса о поставках в Израиль современных танков и ракет «земля – земля». Главное в этих переговорах было, однако, не то, до чего их участники договорились, а то, что впервые начался стратегический диалог между Израилем и США, пусть даже американская администрация и пошла на него исключительно в качестве компенсаторного «пряника», прилагавшегося к требованию, чтобы Израиль прекратил свой атомный проект. Однако через неделю произошло событие, которого не ожидал никто и которое могло оказать какое угодно влияние, в том числе, и на американо-израильские отношения.

22 ноября 1963 года Джон Ф. Кеннеди был убит, и это убийство, без преувеличения, потрясло мир. На похороны от Израиля приехали президент Залман Шазар и Голда Меир, тогда – министр иностранных дел; ситуация была достаточно пикантной, если вспомнить, что в прошлом на протяжении многих лет З. Шазара и Г. Меир связывали исключительно близкие отношения. Однако в США израильским руководителям едва ли было до романтических воспоминаний: стратегическое сотрудничество между двумя странами могло закончиться, едва начавшись. Во время приема после похорон, состоявшегося 25 ноября 1963 года, пришедший к власти новый президент Линдон Б. Джонсон заверил Голду Меир: «Соединенные Штаты продолжают поддерживать теплые отношения с Израилем. Израиль может рассчитывать на это». Сама она вспоминала: «На похоронах Кеннеди – точнее, вечером того дня, на обеде, который давал новый президент, – я увидела Линдона Джонсона. Я видела его раньше, на Генеральной Ассамблее ООН 1956–1957 года, когда он был лидером демократического большинства в Сенате; он энергично выступил против санкций, которыми президент Эйзенхауэр пригрозил Израилю, так что я уже знала, как он к нам относится. Но в этот вечер, когда я подошла к нему, он на минуту обнял меня и сказал: “Знаю, что вы потеряли друга, но, надеюсь, вы понимаете, что я тоже ваш друг!” – что он впоследствии и доказал»³¹³. Голда Меир диктовала свою книгу во второй половине 1970-х, когда Израиль уже в значительной мере находился в зависимости от США, и, как представляется, это существенно повлияло на высказываемые ею мнения; в середине 1960-х ситуация была существенно более сложной, и о «дружбе» в двусторонних отношениях говорить едва ли приходилось.

В Израиле принято считать, что симпатии Л. Джонсона к еврейскому государству начали проявляться в те времена, когда он был главой большинства в Сенате в эпоху Д. Эйзенхауэра. Он выступал против позиции Д. Эйзенхауэра, угрожавшего Д. Бен-Гуриону международными санкциями по линии ООН в связи с отказом вывести израильские войска из сектора Газа в 1957 году, а спустя два года выступал за предоставление еврейскому государству специальной военной помощи. Став президентом, Линдон Джонсон выдвинул на отдельные важные посты людей, случайно или нет, не разделявших традиционные проарабские взгляды, которые были присущи специалистам по Ближнему Востоку из Государственного департамента. Во время президентской гонки в 1964 году Линдон Б. Джонсон выбрал своим кандидатом в вице-президенты Хьюберта Х. Хамфри (Hubert Horatio Humphrey, 1911–

³¹³ Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 346.

1978), давнего сторонника близких связей между США и Израилем. Спустя год президент назначил бывшего министра труда и занятости и члена Верховного суда Артура Дж. Голдберга (Arthur Joseph Goldberg, 1908–1990), убежденного сторонника Израиля, новым постпредом США в ООН. В 1966 году открыто произраильски ориентированные братья Ростой были назначены на важные посты в сфере международных отношений: Юджин Ростой (Eugene V. Rostow, 1913–2002) стал заместителем госсекретаря по политическим вопросам, а его младший брат Уолт У. Ростой (Walt Whitman Rostow, 1916–2003) был назначен советником президента по национальной безопасности. Джон П. Рош (John P. Roche, 1923–1994) из Брандейского университета занял в 1967 году должность спичрайтера президента. Четверо последних были евреями, и, ни в коем случае не ставя под сомнение их американский гражданский патриотизм, в ближневосточном конфликте их симпатии явно были на стороне Израиля.

В целом же Линдон Джонсон оказался более произраильски настроенным президентом, чем был Джон Кеннеди, не говоря уже о Дуайте Эйзенхауэре. На протяжении пяти лет своего правления (он оставался президентом до 20 января 1969 года) Линдон Джонсон санкционировал поставку Израилю современных танков и самолетов, вначале продолжая курс Джона Кеннеди «гарантии безопасности в обмен на отказ от ядерного оружия», а позднее фактически приняв создание Израилем такого оружия как нечто неизбежное.

Вместе с тем и в период его правления американо-израильские отношения были совсем, совсем не безоблачными. Так, в 1964 году Линдон Джонсон отказался расширить военную помощь Израилю. После того как по инициативе Г.А. Насера с 13 по 17 января 1964 года в Каире прошла встреча руководителей арабских государств, на которой фактически было принято решение о создании Организации освобождения Палестины (оформлено это было на специально созданном при активном содействии египтян первом заседании Палестинского национального совета, прошедшем 2 июня 1964 года), руководители Израиля обратились к администрации США с просьбой о срочных дополнительных поставках вооружения, в том числе двухсот танков М-48. Госсекретарь Дин Раск весьма критически отнесся к этой просьбе, высказав опасение, что продажа Израилю «сверхсовременных американских танков и другого оружия нападения» неминуемо спровоцирует региональную гонку вооружений³¹⁴. Хотя два че-

³¹⁴ Памятная записка Дина Раска Линдону Джонсону от 24 февраля 1964 г. // Архив Президентской библиотеки Л.Б. Джонсона (фонд «ОАР», папка 158).

ловека, оставшиеся в администрации со времен Дж. Кеннеди, пытались, каждый используя собственные аргументы, убедить Л. Джонсона санкционировать эти поставки – Мейер Фельдман напоминал о моральном обязательстве США перед Израилем, а Роберт Комер указывал на необходимость заручиться поддержкой избирателей-евреев перед президентскими выборами в ноябре 1964 года³¹⁵ – к маю 1964 года президент пришел к мнению, что интересы Израиля лучше удовлетворять чужими руками, предложив Западной Германии поставить в Израиль запрошенные его руководителями танки. Как и два его предшественника, Л. Джонсон осознавал, что прямая поддержка Израиля нанесет существенный урон отношениям США с арабским миром. При этом он также разделял опасения Д. Эйзенхауэра и Дж. Кеннеди по поводу того, что без такой поддержки арабские страны, прикрываясь заботой о палестинских арабах, не реализовавших свое право на государственность, при поддержке Советского Союза могут развязать «национально-освободительную войну». Американцы стремились по мере сил контролировать уровень эскалации конфликта, не позволяя при этом ни одной из сторон (ни Израилю, ни насеровскому Египту) получить решающее преимущество над другой.

Триумфальный визит Н.С. Хрущева в Египет в мае 1964 года, приуроченный к открытию первой очереди Асуанской плотины, построенной советскими специалистами и ставшей символом сотрудничества между двумя странами, вызвал в Израиле крайне болезненную реакцию. Голда Меир срочно вызвала к себе посла СССР в Израиле Михаила Бодрова (1903–1988), который докладывал в Москву о том, что министр высказала «озабоченность израильского правительства в связи с отдельными заявлениями Хрущева против Израиля. Например, Хрущев заявил, что советское правительство поддерживает требования Египта о том, чтобы Израиль выполнил все решения ООН. Но ведь и Египет не выполняет решения ООН о свободном проходе израильских судов и другие. Израилю не понятно, почему Хрущев поддерживает требование Египта в отношении выполнения решений ООН, а аналогичные требования Израиля не поддерживает». Голда Меир выразила уверенность в том, что «Хрущеву известно, что Насер неоднократно заявлял о том, что он предполагает уничтожить Израиль. Последнее такое заявление Насер сделал перед приездом Хрущева в Египет корреспонденту западногерманской

³¹⁵ Памятные записки Линдону Джонсону Мейера Фельдмана от 14 марта 1964 г. и Роберта Комара от 4 марта 1964 г. // Архив Президентской библиотеки Л.Б. Джонсона (фонд «Записки президенту», папка 1).

газеты». «Поэтому, — указала Голда Меир, — заявление Хрущева о том, что Советский Союз будет снабжать Египет оружием, вызывает искреннюю озабоченность у Израиля»³¹⁶. Однако все это не побуждало американскую администрацию поддержать Израиль в том же объеме, в каком Советский Союз поддерживал Египет, да и визита в Израиль, аналогичного поездке Никиты Хрущева в Каир, Линдон Джонсон не совершил ни тогда, ни когда-либо позднее. Хотя, по сообщению посла США в Египте, Г.А. Насер пообещал возглавившему ООП Ахмеду Шукейри (Ahmad Shuqairi, 1908–1980) многомиллионную субсидию за проведение «учений палестинской армии на Синае и в секторе Газа»³¹⁷, в августе 1964 года Госдепартамент лишь высказывал опасения, что поддержка насеровским Египтом Организации освобождения Палестины может «спровоцировать превентивную реакцию Израиля»³¹⁸ — *американские власти возможная израильская реакция на создание ООП заботила едва ли не больше, чем само появление ООП, на десятилетия ставшей одним из самых деструктивных факторов мировой политики.*

С самого начала работы своей администрации Л. Джонсон, как и Дж. Кеннеди, сделал одним из своих приоритетов предотвращение распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке. Инспекционный визит американских экспертов в Димону состоялся уже 18 января 1964 года и продолжался одиннадцать часов. Эксперты пришли к выводу, что объект в Димоне «в настоящее время не позволяет производить ядерное оружие»; вместе с тем они отметили, что Израиль стремится создать условия, которые позволят ему обрести ограниченное количество ядерного оружия, если и когда руководство страны примет решение об этом³¹⁹. 20 февраля 1964 года Линдон Джонсон направил телеграмму по данному вопросу Леви Эшколю, потребовав обещания, что Израиль не станет способствовать распространению оружия на Ближнем Востоке путем создания или приобретения ядерного оружия и ракет для его доставки. При этом президент США заверял главу правительства Израиля в том, что подтверждает как американские гарантии безопасности еврейского государства, так и свое согласие на приобретение им конвенционального

³¹⁶ Запись беседы М.Ф. Бодрова с Г. Меир от 16 мая 1964 г. опубликована в антологии *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том 2, стр. 426–427.

³¹⁷ Телеграмма посла Уильяма Босуэлла Дину Раску от 12 сентября 1964 г.

³¹⁸ Меморандум Государственного департамента Л. Джонсону «Основные вопросы в отношениях США и ОАР», август 1964 г. (точная дата не указана) // Архив Президентской библиотеки Л.Б. Джонсона (фонд «ОАР», папка 159).

³¹⁹ См.: Заки Шалом, *Между Димоной и Вашингтоном*, стр. 139–140.

оружия у стран Западной Европы. Л. Джонсон обратился к Л. Эшколю с просьбой, чтобы декларация Израиля о том, что он не создает ядерное оружие в Димоне или где бы то ни было еще, была доведена до сведения Г.А. Насера. 3 марта 1964 года премьер-министр Израиля отклонил эту просьбу американского президента. 19 марта президент отправил Л. Эшколю еще одно послание, в котором, выразив разочарование полученным ответом, аргументированно повторил свою просьбу³²⁰. В апреле 1964 года Уолт Ростоу отправил президенту тревожный прогноз Госдепартамента, в котором высказывались опасения, что «если Египет считает, что Израиль уже приобрел или собирается приобрести ядерное оружие, то он может попытаться прийти к соглашению с СССР, подобному тому, которое было заключено между СССР и Кубой»³²¹. Однако, несмотря на давление, Л. Эшколь, которого недостаточно знакомые с ним люди нередко ругали за якобы отсутствие должной политической воли, остался непреклонен, повторив свой отказ в послании, отправленном им Л. Джонсону 15 апреля 1964 года³²². Обращает на себя внимание подмена понятий в этой переписке: речь шла не столько о сути происходящего в Димоне (производит там Израиль или нет ядерное оружие), а исключительно о форме подачи «успокаивающей» информации об этом президенту Египта. Неизвестно, насколько Л. Джонсон в то время верил, будто Израиль не работает над созданием своего ядерного оружия, однако в обоих письмах Л. Эшколю президент поднимает не вопрос о том, что на самом деле происходит в Димоне, сколько лишь о том, как, не отрицая сам очевидный факт существования объекта в Димоне, передать египетскому руководству информацию, которая, с его точки зрения, могла бы способствовать снижению уровня остроты конфликта. Как представляется, американцы пытались связать руки израильских руководителей обязательствами в отношении Египта, от чего Л. Эшколь благоразумно стремился увернуться.

Л. Эшколь стал первым израильским премьер-министром, получившим приглашение посетить США с официальным визитом, и это само по себе не оставляет камня на камне от разглаговольствований об «особом характере»

³²⁰ См.: Заки Шалом, *Между Димоной и Вашингтоном*, стр. 143.

³²¹ Цит. Меморандум сотрудника отдела планирования Государственного департамента Уильяма Полка (William Polk), поданный им У. Ростоу 7 апреля 1964 г. и переправленный последним Л. Джонсону 14 апреля 1964 г. // Архив Президентской библиотеки Л.Б. Джонсона (фонд «ОАР», папка 158).

³²² См.: Меморандум Р. Комера президенту Л. Джонсону от 16 апреля 1964 г., см.: *Foreign Relations of the United States. 1964–1968, Vol. XVIII. Arab–Israeli Dispute*, pp. 102–103.

американо-израильских отношений: страну, с которой поддерживаются «особые отношения», за пятнадцать-то лет ее государственности хотя бы один из президентов США мог посетить, да и руководителей самой этой страны можно представить себе частыми гостями на Капитолийском холме. В действительности не было ничего похожего. И даже в этих обстоятельствах буквально накануне прибытия Л. Эшколя в США (он прилетел 31 мая 1964 года) Р. Комер обращал внимание Л. Джонсона на то, что отношения США с Израилем будут казаться слишком дружественными, что нанесет урон связям США с арабским миром. «Мы просим от израильтян не давить на нас, чтобы мы вели тотально произраильскую политику», – писал Р. Комер президенту, указывая все те же причины этого: во-первых, сбалансированная политика стратегически необходима США для того, чтобы исключить вмешательство Советского Союза в дела Ближнего Востока, а во-вторых, в связи с экономической зависимостью от ближневосточной нефти³²³. Констатация условий, якобы «сдерживавших Советский Союз вне Ближнего Востока» (*“a balanced policy is essential strategically to keep the Soviets out of the ME”*) спустя менее чем месяц после крайне резонансного визита солидарности главы СССР Н.С. Хрущева в Египет, представляется полностью оторванной от реальности, но ведущий специалист по региону в Совете национальной безопасности писал президенту Л. Джонсону именно это, убеждая его занять жесткую позицию на переговорах с израильским премьером.

Однако другие советники оказывали на Л. Джонсона влияние противоположного рода, причем мотивирующим для них фактором было вмешательство во внутривнутриполитическую жизнь Израиля! Аверелл Гарриман (William Averell Harriman, 1891–1986), должность которого – заместитель государственного секретаря – отнюдь не отражала его статус (в год победы во Второй мировой войне он был послом США в Москве, затем – министром торговли в администрации Г. Трумэна, а во второй половине 1950-х – губернатором штата Нью-Йорк) и положение конфидента президента, считал, что Л. Джонсону нужно всячески поддерживать «умеренного» Л. Эшколя, чтобы укрепить его позиции и не дать Д. Бен-Гуриону, которого в Вашингтоне считали «ястребом», вернуться к власти. Встречаясь с Ш. Пересом, остававшимся и при Л. Эшколе заместителем министра обороны Израиля, хотя и растерявшим значительную часть своего полити-

³²³ Меморандум Р. Комера президенту Л. Джонсону от 28 мая 1964 г. опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States. 1964–1968, Vol. XVIII. Arab–Israeli Dispute*, pp. 147–151.

ческого влияния³²⁴, А. Гарриман недвусмысленно дал понять, что для политических элит обеих стран выгодно сохранение сложившихся в них властных конфигураций. А. Гарриман отчетливо высказался в поддержку Л. Эшколя и против возвращения Д. Бен-Гуриона³²⁵, в то время очень атаковавшего того, кого он фактически сам выбрал в свои преемники. Не забудем, что за десять лет до этого, когда он ушел с поста премьер-министра первый раз, Д. Бен-Гурион точно так же вел себя по отношению к М. Шарету, которого в итоге сместил — и вернулся; опасения, что он проделает то же самое по отношению к Л. Эшколю совсем не были поэтому беспочвенными. Принимая Леви Эшколя в Вашингтоне, Линдон Джонсон не столько поддерживал еврейское государство, сколько его конкретного руководителя, которого он считал более уступчивым.

По своим каналам советники Л. Джонсона знали, что, будучи министром финансов, Л. Эшколь считал проект создания Израилем своего ядерного реактора крайне дорогой авантюрой, которую он неоднократно критиковал. Именно поэтому они рассчитывали, что на посту премьера Л. Эшколь свернет эту, столь беспокоившую американскую администрацию, деятельность, поддерживая Л. Эшколя в противоборстве с уставшим от отдыха и рвавшимся обратно к власти 78-летним Д. Бен-Гурионом. Однако в конечном итоге эти расчеты американцев не оправдались: став главой правительства и министром обороны, Леви Эшколь радикально изменил свое отношение к проекту в Димоне, думая не о том, во что он обходится бюджету, а о том, насколько он важен для обеспечения безопасности Израиля. Л. Джонсон дважды встречался с Л. Эшколем, 1 и 2 июня 1964 года, и оба раза подчеркивал то, что повторял и Дж. Кеннеди: во-первых, что администрация США настойчиво (президент использовал слово *violently*) выступает против распространения ядерного оружия и требует от Израиля воздержаться от его разработки, и, во-вторых, что США гарантируют Израилю, что защитят его в случае агрессии, вследствие чего Израиль не нуждается в разработке такого оружия. Леви Эшколь, однако, остался непреклонен: прочитав президенту небольшую лекцию по истории еврейского народа, он отметил, что этот народ не может поставить все свое будущее в зависимость от доброй воли США. В присутствии Р. Комера, А. Гарримана и Ф. Тальбота Л. Эшколь в

³²⁴ См.: Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес*, стр. 278.

³²⁵ См.: Меморандум Министерства иностранных дел Израиля от 9 июня 1964 г. [на иврите] // Государственный архив Израиля (фонд иностранных дел, папка 5301/13).

лицо сказал президенту Л. Джонсону: «Израиль знает, что США – наш настоящий друг, мы верим в это. Нам говорят, что США берут на себя обязательства по отношению к Израилю. Но я не могу просить свой народ полагаться только на это, когда я обсуждаю это с представителями своего народа, они спрашивают меня: “Есть ли у нас достаточно танков?”»³²⁶.

Собственно, танки М-48 Л. Эшколь у американцев и попросил: *доверия к готовности США защищать Израиль в случае опасности у премьер-министра Израиля не было, и события, произошедшие через три года, подтвердили правоту его пессимистичного пророчества.* Поставить же танки американцы были не готовы, посоветовав своим израильским собеседникам приобрести их в ФРГ, в чем, правда, обещали содействие. По всей видимости, Р. Комер и другие советники Л. Джонсона не знали, что военное сотрудничество между Израилем и ФРГ шло в первой половине 1960-х крайне успешно, вследствие чего американское содействие в вопросе контактов с Западной Германией едва ли было израильянам на самом деле нужно. Вероятно, информация об этом сотрудничестве стала известной в США во второй половине 1964 года – и американцы фактически сорвали его: после публикации в октябре 1964 года в газете *New York Times* достаточно подробной информационной справки о поставках оружия из ФРГ в Израиль канцлер Людвиг Эрхард (Ludwig Erhard, 1897–1977) принял решение прекратить любые военные поставки на Ближний Восток; Израилю была выплачена денежная компенсация за срыв договоренностей³²⁷. Только после этого Линдон Джонсон санкционировал поставку в Израиль 110 танков М-48 напрямую из США. *Это было важным для Израиля, ознаменовав начало постепенной переориентации внешней политики Израиля со стран Западной Европы на США.*

3 ноября 1964 года Линдон Джонсон, получив более 60% голосов избирателей, был избран президентом США на четырехлетний срок, на четырнадцать миллионов голосов обогнав Барри Голдуотера (Barry Morris Goldwater, 1909–1998) – этот разрыв был огромным, несравнимым с почти случайной победой Джона Кеннеди над Ричардом Никсоном с разницей лишь в 112 тысяч голосов (0,2%), сделавшей Л. Джонсона вначале вице-, а потом и президентом США.

³²⁶ Протокол встречи Л. Эшколя и Л. Джонсона от 1 июня 1964 г. опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States. 1964–1968, Vol. XVIII. Arab–Israeli Dispute*, pp. 152–159, цит. фрагмент на стр. 155; см. описание и анализ переговоров Л. Джонсона и Л. Эшколя в книге: Йоси Гольдштейн, *Эшколь. Биография* (Иерусалим: издательство «Кетер», 2003), стр. 477–482 [на иврите].

³²⁷ См.: Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес*, стр. 280.

Линдон Джонсон доказал, что по праву, а не только вследствие выстрелов Ли Харви Освальда (1939–1963) занимает свой пост.

Президент Л. Джонсон очень опасался того, что пример Израиля окажется заразительным для Египта, вследствие чего в сентябре 1964 года направил Дж. Мак-Клоя в Каир с целью добиться от Г.А. Насера обещания не приобретать и не разрабатывать атомное оружие. Хотя Дж. Мак-Клой «нашел Насера менее подозрительным и более расположенным обсудить этот вопрос, чем во время безуспешных переговоров о разоружении в 1963 году», по словам госсекретаря Д. Раска, «никаких конкретных результатов визит не принес»³²⁸. Г.А. Насер, воодушевленный успешными испытаниями ракет с дальностью действия в 175 и в 350 миль, проведенными 21 июля 1962 года, с одной стороны, и успешно прошедшим визитом Н.С. Хрущева в Каир – с другой, стремился к обретению стратегического преимущества над Израилем. В январе 1965 года американские представители с разочарованием, но почти без удивления узнали о том, что Г.А. Насер планирует построить 150-мегаваттовый реактор возле Александрии с «возможностью производства материалов, пригодных для создания атомных боеголовок»³²⁹. При этом египтяне считали крайне маловероятными сколько-нибудь значительные поставки в Израиль американского оружия, о чем свидетельствует, в частности, запись беседы вице-президента Объединенной Арабской Республики Абделя Хакима Амера (1919–1967) с советским послом В.Я. Ерофеевым (1909–1986), состоявшейся 11 марта того же года³³⁰. Как представляется, египетские руководители не отдавали себе отчет в том, что курс Л. Джонсона в отношении Израиля отличался от курса его предшественников, и он был готов сделать шаги, которые не делали ни Г. Трумэн, ни Д. Эйзенхауэр, ни даже Дж. Кеннеди, хотя и при нем отношения США и Израиля были далеки от отношений СССР и Египта.

Нужно отметить, что в то время как Израилю администрация Соединенных Штатов поставлять танки напрямую отказывалась, используя Германию и Италию в качестве стран-посредников (США поставляли самые современные танки в Западную Германию, с тем

³²⁸ Послание Д. Раска послу США в Израиле У. Барбуру от 12 октября 1964 г. // Архив Президентской библиотеки Л.Б. Джонсона (фонд NSF, папка 139).

³²⁹ Телеграмма атташе ВВС США в Каире от 17 января 1965 г. // Архив Президентской библиотеки Л.Б. Джонсона (фонд «ОАР», папка 159).

³³⁰ Запись беседы В.Я. Ерофеева с А.Х. Амером от 11 марта 1965 г. опубликована в антологии *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том 2, стр. 462–463.

чтобы часть более устаревших образцов были проданы Израилю, причем сами поставки танков в разобранном виде в целях конспирации осуществлялись через Италию), соседняя Иордания видела пример совершенно другого отношения к своим запросам. 19 февраля 1965 года госсекретарь Дин Раск рекомендовал президенту продать Иордании сто танков М-48 в 1965–1966 годах, согласившись на обсуждение поставок еще более современных танков М-48А3 со 105-миллиметровыми пушками в 1967–1968 годах³³¹. 25 февраля Авелл Гарриман прибыл в Израиль для проведения переговоров с Леви Эшколем и Голдой Меир (Роберт Комер прибыл еще раньше), которые открыто заявили ему, что, если Израиль не получит сравнимое количество танков, на Ближнем Востоке возникнет опасный дисбаланс в сфере вооружения, который может спровоцировать арабов к началу войны³³². Израильские собеседники настаивали на двух условиях: во-первых, они требовали, чтобы король Хусейн обязался не размещать полученное оружие на Западном берегу Иордана, а во-вторых, чтобы США компенсировали поставки танков в Иорданию аналогичными шагами в отношении Израиля, тем паче что в ходе переговоров А. Гарриман подчеркнул стратегическое значение согласия президента Л. Джонсона на прямые поставки американского оружия в Израиль, хотя и просил не разглашать эту информацию.

Что касалось первого вопроса, то посол США в Иордании Роберт Г. Бэрнс (Robert Gaylord Barnes, 1914–1977) поднял его в ходе встречи с королем Хусейном 11 марта 1965 года. Отметив, что он не может гарантировать заранее, где и как будут размещены те или иные виды вооружения, король указал, что в мирное время при отсутствии эскалации напряженности он не планирует размещать танки на Западном берегу Иордана, оговорив, что это его неформальное обязательство не распространяется на военное время; король Хусейн также указал, что постарается избегать любых шагов, которые могут быть истолкованы как провоцирующие³³³. По второму же вопросу израильские руководители передали А. Гарриману список тех видов вооружения, которые они хотели бы приобрести. Этот список был воспринят в

³³¹ Меморандум Д. Раска Л. Джонсону от 19 февраля 1965 г. опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States. 1964–1968, Vol. XVIII. Arab–Israeli Dispute*, pp. 340–341.

³³² Докладная записка А. Гарримана в Госдепартамент 26 февраля 1965 г. опубликована в антологии *Foreign Relations of the United States. 1964–1968, Vol. XVIII. Arab–Israeli Dispute*, pp. 351–353.

³³³ Докладная записка, отправленная послом США в Иордании Р.Г. Бэрнсом в Госдепартамент 12 марта 1965 г., опубликована в антологии *Foreign Relations of the United States. 1964–1968, Vol. XVIII. Arab–Israeli Dispute*, pp. 404–405.

Вашингтоне весьма настороженно; особое беспокойство Пентагона вызвала просьба продать партию бомбардировщиков средней дальности В-66, поскольку это означало, что Израиль может подыскивать воздушное судно, способное перевозить ядерное оружие. Когда в середине марта Г.А. Насер пожаловался на то, что США, очевидно, готовы продать Израилю оружие, Дин Раск телеграфировал послу в Каире Лусиусу Бэттлу (Lucius Durham Battle, 1918–2008), что целью США было «поддерживать давление на Израиль, с тем чтобы предотвратить его превращение в ядерную державу»³³⁴. Хотя никто не мог быть уверен в результативности такого давления, посчитав, что ядерная гонка вооружений создаст еще больше проблем в этом взрывоопасном регионе, Белый дом решил дать Израилю возможность получить практически любое конвенциональное оружие в обмен на отказ от развития ядерной программы.

Давление Линдона Джонсона на Леви Эшколя в отношении развития проекта в Димоне было очень сильным. На встрече с премьер-министром Израиля, состоявшейся 4 января 1965 года (инструкции для нее были присланы Госдепартаментом еще 14 декабря 1964 года³³⁵), посол США требовал обеспечить американским экспертам право «эффективного всеобъемлющего» (*effectively comprehensive*) контроля над всеми работами, которые велись в Димоне, включая возможность изучить рабочую документацию (*operating records*)³³⁶. Л. Эшколь настаивал, что ни о каком американском «всеобъемлющем контроле» договоренности ни с Д. Бен-Гурионом, ни с ним самим не было, что речь может идти только о посещении «приглашенными гостями» (*invited guests*) – американцы отвечали, что как бы ни определялся статус экспертов, они настаивают на предоставлении им всей запрашиваемой информации и документов³³⁷. Л. Эшколю было крайне трудно противостоять американско-

³³⁴ Телеграмма Д. Раска послу США в Каире Л. Бэттлу от 18 марта 1965 г. // Архив Президентской библиотеки Л.Б. Джонсона (фонд «ОАР», папка 159).

³³⁵ Телеграмма из Госдепартамента послу США в Израиле У. Барбуру от 14 декабря 1964 г. опубликована в антологии *Foreign Relations of the United States. 1964–1968, Vol. XVIII. Arab–Israeli Dispute*, pp. 249–250.

³³⁶ Телеграмма из Министерства иностранных дел Израиля в посольство Израиля в Вашингтоне от 4 января 1965 г. [на иврите] // Государственный архив Израиля (фонд иностранных дел, папка 4317/9); телеграмма посла США в Израиле У. Барбура в Госдепартамент от 4 января 1965 г. опубликована в антологии *Foreign Relations of the United States. 1964–1968, Vol. XVIII. Arab–Israeli Dispute*, pp. 262–264.

³³⁷ Телеграмма из Госдепартамента послу США в Израиле У. Барбуру от 5 января 1965 г. // National Archives and Records Administration, RG 59, Central Files 1964–66, AE 11–2 ISR.

му давлению, особенно учитывая, что, победив на выборах, Линдон Джонсон отверг его просьбу, переданную в конце октября 1964 года как «исключительно частное и неформальное» обращение, о том, чтобы посещение американскими представителями реактора в Димоне было отложено и состоялось только после выборов в Кнессет, запланированных на (и прошедших) 2 ноября 1965 года³³⁸. Леви Эшколь опасался, что, если информация об этой де-факто инспекционной поездке станет известна в Израиле даже весьма узкому кругу лиц, это будет использовано Д. Бен-Гурионом и его доверенными лицами в предвыборной пропаганде против него. Однако выигравший свои выборы Л. Джонсон не проявил ожидавшегося понимания к политическому положению, в котором находился Л. Эшколь (возглавляемый им список Рабочей партии, впрочем, выборы 2 ноября выиграл, получив 443 379 голосов избирателей; список РАФИ, который создал и возглавил Д. Бен-Гурион, получил только 95 328 голосов), настаивая на организации поездки экспертов в Димону как можно скорее. В итоге была согласована дата – 30 января 1965 года; американские представители (в состав делегации входили трое ученых-ядерщиков), посетив до этого Институт им. Вейцмана и реактор в Нахаль-Сорек³³⁹, пробыли на объекте в Димоне десять часов³⁴⁰, после чего *случилось то, чего премьер-министр Израиля более всего опасался: один из членов американской делегации при молчаливом бездействии администрации США «слил» информацию о ядерной программе Израиля и о посещении реактора в New York Times, где она была опубликована 14 марта 1965 года*³⁴¹. Если кому-то были нужны дополнительные доказательства того, насколько у руководителей Израиля и США были принципиально разные интересы, то, пожалуй, это различие трудно было проиллюстрировать более отчетливо.

Показательно, что «слив» этот случился спустя всего считанные дни после того, как 10 марта 1965 года Леви Эшколь подписал с Робертом Комером и послом Уильямом Барбуром «Меморандум о взаимопонимании», в первом пункте которого декларировалось, что США обязуются способствовать обеспечению независимости, территориальной целостности и безопасности Израиля. Однако данные об этом Меморандуме правительство Израиля согласилось хранить в строгой тайне (*full secrecy*), дабы не ставить США в неудобное положение.

³³⁸ См.: Заки Шалом, *Между Димоной и Вашингтоном*, стр. 172–174.

³³⁹ См.: Avner Cohen, *Israel and the Bomb*, p. 181.

³⁴⁰ См.: Заки Шалом, *Между Димоной и Вашингтоном*, стр. 178–179.

³⁴¹ John W. Finney, “Israel Permits U.S. to Inspect Atomic Reactor” // *New York Times*, March 14, 1965, pp. 1 and 8.

ние перед их арабскими партнерами³⁴² — о том, чтобы не ставить в неудобное положение Израиль и лично премьер-министра Л. Эшколя, никто в руководстве США не задумывался... При всей символической важности «Меморандума о взаимопонимании», который, вообще говоря, был неким компромиссом, отражавшим неготовность администрации США заключить с Израилем более обязывающее союзническое военно-политическое соглашение, практические аспекты имели, конечно, большее значение: в обмен на подписание этого Меморандума премьер-министр Израиля согласился, в частности, снять свои возражения против продажи большой партии американских танков Иордании.

Израильские руководители, однако, стремились все же получить какую-то компенсацию, попросив американцев продать еврейскому государству 210 танков М-48, аналогичных проданных Иордании, а также 50 военных самолетов, сравнимых с теми, которые Советский Союз поставлял Египту. Представители США заявили, что в принципе готовы рассмотреть эти просьбы, однако предложили израильтянам вначале узнать, не могут ли они приобрести подобные самолеты, как и танки, в Западной Европе. Не позволяя израильтянам забыть об основной причине смягчившейся американской политики по поводу продажи оружия, представители США вновь и вновь повторяли, как важно, чтобы Израиль не продвигался в направлении обладания ядерным оружием. После пяти месяцев переговоров в июле 1965 года США согласились предоставить Израилю 210 танков М-48, выдав на эти цели специальный кредит³⁴³, после чего была сделана попытка обратиться к Франции по поводу приобретения боевых самолетов.

После полученного от французов отказа, командующий военно-воздушными силами израильской армии Эзер Вейцман (1924–2005) отправился в октябре 1965 года в Вашингтон, стремясь добиться согласия на продажу еврейскому государству истребителей-перехватчиков «Фантом» F-4 (*McDonnell Douglas F-4 Phantom II*; этот самолет был снабжен новейшей электроникой и первым среди американских машин был способен без помощи наземной станции наведения находить и уничтожать цели, находящиеся за пределами визуального контакта) или хотя бы истребителей системы «Скайхок» А-4 (*Douglas A-4*

³⁴² См.: Заки Шалом, *Между Димоной и Вашингтоном*, стр. 189–192. См. также: Йоси Гольдштейн, *Эшколь. Биография*, стр. 504.

³⁴³ Меморандум Р. Комера президенту Л. Джонсону от 29 июля 1965 г. опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States. 1964–1968, Vol. XVIII. Arab–Israeli Dispute*, p. 483.

Skyhawk). В меморандуме от 18 октября 1965 года Роберт Комер выразил сомнение в том, что Израилю действительно нужны такие передовые самолеты, предлагая президенту настаивать на том, «чтобы правительство Израиля пересмотрело вопрос ядерных гарантий; то, что Эшколь делает в Димоне... будет иметь огромное влияние на наш настрой»³⁴⁴. После длительных споров с израильскими офицерами и дипломатами по поводу продажи сверхзвуковых самолетов «Фантом» F-4, 23 марта 1966 года представители администрации США согласились поставить Израилю «на выгодных кредитных условиях» 48 самолетов менее продвинутого типа «Скайхок» А-4, оцененных в 72,1 миллиона долларов США. У израильтян не было выбора, они вынуждены были брать то, что дают, как бы ни хотелось им получить самолеты «Фантом» F-4, в которых им, однако, было отказано. *Даже соглашаясь поставлять в Израиль военную технику через Западную Германию или напрямую, американская администрация ограничивалась уже начинавшими устаревать моделями танков и самолетов, которые отнюдь не были лучшими из возможных на тот момент времени.*

В конце июля 1966 года, накануне так называемой «неформальной» встречи Линдона Джонсона с израильским президентом Залманом Шазаром в Вашингтоне 2 августа 1966 года³⁴⁵, Дин Раск передал главе государства заключение Госдепартамента, согласно которому «если руководители Израиля не смогут добиться выполнения своих запросов в сфере конвенционального оружия, сторонники ядерного оружия в Израиле смогут гораздо успешнее пропагандировать свои взгляды»³⁴⁶. Встречаясь 28 июля 1966 года с постпредом Израиля в представительстве ООН в Женеве Гидеоном Рафаэлем (1913–1999), Дин Раск настаивал на том, что Израиль должен согласиться на инспекцию своих ядерных объектов представителями МАГАТЭ³⁴⁷ (об этом Л. Джонсон писал Л. Эшколю еще 21 мая 1965 года). Однако *американцы понимали, что возможности их давления неограниченны и что чем ближе Израиль к созданию собственного ядерного оружия, тем более независимый от США курс его правительство сможет вести – и именно это*

³⁴⁴ Меморандум Р. Комера Л. Джонсону от 18 октября 1965 г. // Архив Президентской библиотеки Л.Б. Джонсона (фонд Совета национальной безопасности, папка 6).

³⁴⁵ Протокол встречи Л. Джонсона и З. Шазара от 2 августа 1966 г. опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States. 1964–1968, Vol. XVIII. Arab–Israeli Dispute*, pp. 625–627.

³⁴⁶ Приложение к памятной записке Дина Раска Линдону Джонсону от 29 июля 1966 г. // Архив Президентской библиотеки Л.Б. Джонсона.

³⁴⁷ Вторая телеграмма Д. Раска в посольство в Израиле от 28 июля 1966 г. опубликована в антологии *Foreign Relations of the United States. 1964–1968, Vol. XVIII. Arab–Israeli Dispute*, pp. 622–623.

администрация Л. Джонсона стремилась предотвратить. В результате контракт на поставку самолетов «Скайхок» А-4 был подписан в августе 1966 года, и позднее военно-воздушные силы Израиля оказались крупнейшим эксплуатантом разных модификаций этих самолетов за пределами США. Однако первый из этих самолетов прибыл в Израиль уже после июньской войны 1967 года, вошедшей в историю под именем Шестидневной, качественно изменившей параметры арабо-израильского конфликта и политическую карту Ближнего Востока в целом.

Глава 10

Предательство: отказ от гарантий безопасности и провал попыток предотвращения Шестидневной войны, 1967 г.

Период, предшествовавший июньской войне 1967 года, – ярчайший пример того, как администрация США, отчетливо стремясь не допустить эскалации региональной напряженности, оказалась бессильной что-либо сделать и, несмотря на наличие «Меморандума о взаимопонимании» с Израилем, самоустранилась от поддержки еврейского государства в самый критический период его борьбы за существование. Рассекреченные к настоящему моменту архивные документы позволяют с высокой степенью точности и достоверности реконструировать детали и побудительные мотивы как израильской, так и американской политики и дипломатии мая–июня 1967 года.

Как представляется, поворотный момент на пути к Шестидневной войне произошел 11 мая 1967 года, когда председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный (1903–1983) сообщил находившемуся с визитом в Москве председателю Национального собрания Египта Ануару Садату (1918–1981) о якобы имевшей место израильской подготовке к крупномасштабной войне, утверждая, будто израильские силы дислоцируются на северной границе с целью свержения правящего в Сирии режима; была названа и предполагаемая дата вторжения – в период между 16 и 22 мая³⁴⁸. Е.М. Примаков называет даты с 18 по 22 мая, утверждая и поныне, будто «резидентура советской внешней разведки обладала фактическим материалом о подготовке израильских сил к атаке»³⁴⁹. Опубликованные в настоящее время релевантные фрагменты протоколов заседаний Генераль-

³⁴⁸ См.: Michael Oren, *Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East* (Oxford University Press, 2002), p. 54.

³⁴⁹ Евгений Примаков, *Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами*, стр. 119.

ного штаба ЦАХАЛа свидетельствуют, что, начиная с января 1967 года, израильские военные высшего ранга, включая Ицхака Рабина, Аарона Ярива и командующего бронетанковыми войсками Исраэля Таля, обсуждали возможность и целесообразность более или менее широкомасштабной наступательной операции против Сирии³⁵⁰, более того – посетив в январе 1967 года Великобританию, Францию и Германию, возглавлявший военную разведку Аарон Ярив даже обсуждал возможность проведения этой операции со своими европейскими собеседниками³⁵¹. При этом нет никаких данных о том, чтобы эти обсуждения были санкционированы Леви Эшколем, совмещавшим посты главы правительства и министра обороны; тем более нет никаких индикаторов того, что Л. Эшколь санкционировал какие-либо конкретные военные шаги, необходимые для практической реализации планов подобного рода.

Советские руководители не были заинтересованы в том, чтобы спровоцировать войну, стремясь, скорее, «надавить» на арабские страны и подтолкнуть их к сближению друг с другом, что, во-первых, автоматически привело бы к усилению советских позиций в регионе, а во-вторых, сделало бы невозможным повторение сценария 1956 года, когда Израиль при почти исключительно дипломатической поддержке Великобритании и Франции за неделю разгромил Египет при фактическом соблюдении нейтралитета другими арабскими странами. Советские оценки базировались на том, что аналогичную войну против Сирии израильская армия достаточно легко выиграет, а потому единственная возможность избежать начала боевых действий состояла в том, чтобы угрожать Израилю войной как минимум на два фронта, с непредсказуемыми результатами, на что, как считали в Москве, правительство Л. Эшколя никогда не пойдет. *Желая предотвратить двустороннее вооруженное столкновение, советские руководители вынули из бутылки джинна, угрожавшего общерегиональной войной – а администрация США в третий раз, как и в войнах 1948 и 1956 годах, фактически плелась в хвосте событий.*

Получив эту информацию от А. Садата, Г.А. Насер использовал ее как основание для переброски египетских войск на Синайский полуостров, что давало Египту прямой доступ к израильским границам и, что не менее важно, – к Тиранскому проливу, ведущему к израильскому южному порту Эйлат. В 1956 году египетские силы уже блокировали этот пролив для израильского судоходства, что стало

³⁵⁰ См.: Ами Глуска, *Эшколь, отдай приказ!* (Тель-Авив: Издательство Министерства обороны, 2004), стр. 173–186 и далее [на иврите].

³⁵¹ См.: Ами Глуска, *Эшколь, отдай приказ!*, стр. 185.

одним из основных факторов, приведших к войне. Блестящая военная победа позволила гарантировать свободу израильского судоходства в Тиранском проливе. После отступления из Синайского полуострова и сектора Газа в марте 1957 года Израиль получил от администрации США гарантии предотвращения египетских попыток вновь установить блокаду Тиранского пролива. Право Израиля на свободу судоходства гарантировалось силами ООН, размещенными на Синайском полуострове, в том числе и в районе Шарм-аль-Шейха и непосредственно на египетском побережье Тиранского пролива. Однако в связи с выдвинутым Г.А. Насером ультиматумом об их передислокации, который Генеральный секретарь ООН У Тан (U Thant, 1909–1974) выполнять отказался, «голубые каски» вообще покинули Синайский полуостров и сектор Газа³⁵², вследствие чего 14 мая 1967 года колонны египетской пехоты и бронетехники пересекли Суэцкий канал и за несколько последующих дней заняли эту большую – и при этом практически не заселенную – территорию.

Советское руководство полностью поддержало эти действия Г.А. Насера; в телеграмме, переданной А.А. Громыко египетскому президенту через советского посла, говорилось, что «правительство СССР считает оправданным требование правительства ОАР о выводе войск ООН из района Газы и Синайского полуострова. Такое требование является бесспорным правом Объединенной Арабской Республики. Мы считаем эту меру сильным шагом, который произвел соответствующее положительное действие. Советские представители в ООН будут действовать, исходя из именно такого понимания и оценки позиции ОАР в этом вопросе, в случае если западные державы попытаются оспаривать правильное решение Генерального секретаря ООН У Тана, давшего распоряжение об отводе войск ООН с территории ОАР»³⁵³.

Такое развитие ситуации застало Израиль врасплох. Генеральным штабом ЦАХАЛа были разработаны планы ведения военных действий на случай обострения ситуации, в том числе – и на израильско-египетской границе, однако они базировались на присутствии на Синайском полуострове значительного контингента миротвор-

³⁵² См.: Report of the Secretary-General on the Withdrawal of the Emergency Force, A/6730/Add. 3, June 26, 1967, с приложением телеграммы, посланной Генеральным секретарем ООН командующему сил быстрого реагирования 18 мая 1967 г. См. также: Charles W. Yost, "How It Began" // *Foreign Affairs*, vol. 46, no. 2 (1968), pp. 304–320.

³⁵³ Телеграмма А.А. Громыко послу СССР в ОАР (Египте) Д.П. Пожидаеву от 25 мая 1967 года опубликована в антологии *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том 2, стр. 564–566.

ческих сил ООН. Этот «буфер», на протяжении более чем десяти лет бывший важным фактором обеспечения региональной безопасности, исчез буквально в одночасье, после чего тысячи египетских солдат устремились на Синай, создавая реальную и вполне ощутимую угрозу безопасности Израиля. По словам Е.М. Примакова, «когда Насер отдал приказ войскам направиться на Синай, то вереница танков, машин с солдатами ночью прошла мимо окон посольства США в Каире. Было ясно, что Насер хотел через американцев запугать Израиль»³⁵⁴. 16 мая начальник Генерального штаба египетской армии генерал Мухаммед Фавзи (Mohamed Fawzi, 1915–2000) отдал приказ вооруженным силам «быть готовыми предпринять действия, если Израиль начнет агрессию против какого-либо арабского государства».

Эта ситуация вызвала глубокую озабоченность в Израиле, однако в политическом руководстве преобладало мнение о том, что Г.А. Насер не заинтересован в кровопролитии и стремится лишь к победе на пропагандистском фронте с целью поднять свой престиж в арабском мире. 17 мая премьер-министр Леви Эшколь вновь отклонил предложение начальника Генерального штаба ЦАХАЛа Ицхака Рабина о проведении операции против сирийцев³⁵⁵. Хотя 19 мая Л. Эшколь разрешил И. Рабину провести широкомасштабный призыв резервистов (речь шла о возможности призвать 45 тысяч человек, в дополнении к восемнадцати тысячам уже мобилизованных³⁵⁶), он всеми силами пытался найти дипломатическое решение с целью ослабить напряженность и восстановить положение, существовавшее на Синайском полуострове на протяжении десяти предшествующих лет. Л. Эшколь поручил незадолго до этого ставшему министром иностранных дел Аббе Эвену (Abba Eban, 1915–2002) интенсифицировать контакты с возможными международными посредниками, особенно рассчитывая в этой связи на администрацию США, так как президент Линдон Джонсон испытывал антипатию к Г.А. Насеру, вследствие чего в период его правления США прекратили оказывать Египту какую-либо помощь³⁵⁷. Абба Эвен уже 15 мая отправил телеграмму послу в Вашингтоне Аврааму Харману с разъяснениями относительно того, что Израиль не собирается нападать на Сирию и с просьбой, чтобы американцы донесли эту информацию до всех, кого

³⁵⁴ Евгений Примаков, *Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами*, стр. 115.

³⁵⁵ См.: Ами Глуска, *Эшколь, отдай приказ!*, стр. 224.

³⁵⁶ Там же, стр. 253.

³⁵⁷ William J. Burns, *Economic Aid and American Policy Toward Egypt, 1953–1981* (Albany: State University of New York, 1985), pp. 150–153.

только можно, и прежде всего — руководителей собственно Сирии, а также Египта и Советского Союза³⁵⁸. Леви Эшколь и Абба Эвен также информировали посла США в Тель-Авиве Уолворта Барбура о том, что Израиль не концентрирует свои силы ни на сирийской, ни на египетской, ни на какой-либо другой границе, поэтому нет никакого повода для нагнетания обстановки³⁵⁹. При этом израильские руководители не могли не считаться с тем, что возможности Л. Джонсона в проведении активной политики на Ближнем Востоке весьма ограничивались войной во Вьетнаме, которая в значительной мере подорвала престиж США в мире и привела к серьезному внутреннему кризису в американском обществе.

17 мая 1967 года в ходе встречи с заместителем государственного секретаря США Юджином Ростоу израильский посол в Вашингтоне Авраам Харман получил заверения о том, что в случае конфликта еврейское государство «не останется одно». При этом Ю. Ростоу попросил Израиль консультироваться с Вашингтоном прежде, чем оно решится на какие-либо военные действия. Официально египтяне переводили войска на Синайский полуостров внутри своей собственной суверенной территории, поэтому Ю. Ростоу заявил, что превентивный удар Израиля на этом этапе «будет очень большой ошибкой»³⁶⁰.

Слова Ю. Ростоу вызвали немалое беспокойство у израильских руководителей, которые очень хорошо помнили Суэцкий кризис 1956 года. Администрация Л. Джонсона стремилась к тому, чтобы вернуть миротворческий контингент ООН на Синайский полуостров и добиться постепенного отвода египетских войск, одновременно предотвращая возможность проявления израильской военной инициативы. 17 мая 1967 года Л. Джонсон писал премьер-министру Израиля Л. Эшколю: «Я не могу принять какую-либо ответственность от имени США за ситуации, которые возникнут в результате действий, происходящих без консультаций с нами»³⁶¹.

³⁵⁸ Телеграмма А. Эвена послу А. Харману от 15 мая 1967 г. [на иврите] // Государственный архив Израиля (фонд иностранных дел, папка 3977/20).

³⁵⁹ Телеграмма У. Барбура в Государственный департамент от 15 мая 1967 г. опубликована в книге *Foreign Relations of the United States. 1964–1968, Vol. XIX. Arab–Israeli Crisis and War, 1967*, pp. 1–2.

³⁶⁰ Стенограмма беседы А. Хармана и Ю. Ростоу от 17 мая 1965 г. [на иврите] // Государственный архив Израиля (фонд иностранных дел, папка 4078/4). См. также меморандум У. Ростоу Л. Джонсону от 17 мая 1967 г., опубликованный в антологии *Foreign Relations of the United States. 1964–1968, Vol. XIX. Arab–Israeli Crisis and War, 1967*, pp. 9–10.

³⁶¹ Письмо Л. Джонсона Л. Эшколю было передано через посла У. Барбура, см. его текст в антологии *Foreign Relations of the United States. 1964–1968, Vol.*

Это предупреждение совпало с продолжавшимся усилением египетской армии на Синае, сообщениями о том, что египетские военные корабли выдвинулись на атакующие позиции в Красном и Средиземном морях. Арабские лидеры и контролируемые ими средства массовой информации тем временем нагнетали милитаристские настроения. Министр иностранных дел Сирии Ибрагим Макхос объявил, что «вывод сил ООН означает, что теперь наши войска готовы к войне»³⁶²; Хафез Асад, бывший тогда министром обороны Сирии, заявил, что сирийская армия «держит палец на спусковом крючке и с нетерпением ждет начала военных действий»³⁶³; радио Аммана объявило о том, что Иордания «готова вести судьбоносную войну с врагом»³⁶⁴.

Отказав начальнику Генерального штаба И. Рабину в просьбе о начале масштабного призыва резервистов 15 мая 1967 года³⁶⁵, Л. Эшколь все же поддался его давлению четверо суток спустя, и 19 мая в Израиле начался призыв резервистов: на протяжении двух дней были мобилизованы тридцать пять тысяч человек. Л. Эшколь всеми силами стремился избежать войны, поэтому израильские дипломаты известили ООН и администрацию США, что этот шаг является «необходимой предосторожностью» и ни в коей мере не выражает агрессивных устремлений Израиля³⁶⁶. Более того: предполагая, что войны удастся избежать, Л. Эшколь убедил президента страны З. Шазара не отменять запланированный визит в Канаду, куда он вылетел утром 19 мая. Последующий визит в Исландию уже пришлось отменить, 24 мая З. Шазар вернулся в Израиль³⁶⁷. С просьбой о принятии мер с целью урегулирования конфликта А. Эвен обратился к послу СССР в Израиле и к Генеральному секретарю ООН, однако эти обращения не привели к каким-либо практическим результатам³⁶⁸.

По мере того как возможности для дипломатического маневра сужались, Израилю вновь пришлось обратить свой взгляд в сторону

XIX. *Arab-Israeli Crisis and War, 1967*, pp. 9–10. См. также воспоминания самого тогдашнего президента США: Lyndon B. Johnson, *The Vantage Point: Perspectives of the Presidency, 1963–1969* (New York: Holt, Rinehart & Winston, 1971), p. 290.

³⁶² Цит. по: Theodore Draper, *Israel and World Politics: Roots of the Third Arab-Israeli War* (New York: Viking, 1967), p. 60.

³⁶³ Цитируется по: Theodore Draper, *Israel and World Politics*, pp. 60–61.

³⁶⁴ Цит. по: Samir A. Mutawi, *Jordan in the 1967 War* (Cambridge University Press, 1987), pp. 88–89.

³⁶⁵ См.: Йоси Гольдштейн, *Эшколь. Биография*, стр. 539.

³⁶⁶ Там же, стр. 541.

³⁶⁷ Там же, стр. 723, сноска 619.

³⁶⁸ См.: Abba Eban, *Personal Witness: Israel Through My Eyes* (New York: Putnam, 1992), pp. 360–361.

США. Отвечая на послание Л. Джонсона, премьер-министр Израиля указал, что «за последние шесть недель [на израильско-сирийской границе] имело место пятнадцать случаев попыток убийств и саботажа [против израильтян]», но «мы не реагировали». Л. Эшколь указывал, что Египет разместил на Синайском полуострове шестьсот танков — больше, чем когда-либо прежде, подчеркивая, что единственный путь избежать эскалации — возвращение египетских войск на прежние позиции. Л. Эшколь отмечал, что «в Каире и Дамаске могло сложиться впечатление, что советская поддержка Египта и Сирии гарантирована», призывая президента Л. Джонсона аналогичным образом «прояснить советским представителям американские обязательства в отношении независимости и целостности Израиля и американской воли и готовности защищать стабильность на Ближнем Востоке». Напоминая о многочисленных обязательствах в этой связи, декларированных американскими президентами в 1961–1966 годах, включая слова Л. Джонсона, сказанные в ходе их личной встречи в июне 1964 года, Л. Эшколь обращал внимание на то, что в кризисный момент подобного рода обязательства в послании президента отсутствовали³⁶⁹. Отсутствовали они и в ответе Л. Джонсона Л. Эшколю, направленном спустя трое суток. Президент лишь ограничился констатацией обязательства «противостоять агрессии или угрозе агрессии на Ближнем Востоке», упомянув в этой связи не «Меморандум о взаимопонимании» между США и Израилем 1965 года, а «сделанные публично обязательства» президентов Трумэна, Эйзенхауэра, Кеннеди и его собственные, а также Тройственную декларацию правительств Великобритании, Франции и США 1950 года³⁷⁰. Однако ни Г. Трумэн, ни Д. Эйзенхауэр никаких гарантий безопасности Израилю не давали, не было их и в Тройственной декларации, а разговор о «противостоянии агрессии на Ближнем Востоке», даже без упоминания в этой связи Израиля, превращал обязательства по защите еврейского государства в нечто крайне аморфное. *Опасения, которые Леви Эшколь вслух высказал Линдону Джонсону в ходе их встречи 1 июня 1964 года, к огромному сожалению премьер-министра Израиля, полностью сбылись спустя всего три года: в момент самого серьезного за многие годы ближневосточного кризиса*

³⁶⁹ Письмо Л. Эшколя Л. Джонсону было передано 18 мая 1967 г. через посла У. Барбура, см. его текст в антологии *Foreign Relations of the United States. 1964–1968, Vol. XIX. Arab–Israeli Crisis and War, 1967*, pp. 19–21.

³⁷⁰ Письмо Л. Джонсона Л. Эшколю было передано 21 мая 1967 г. госсекретарем Д. Раском через посла У. Барбура, см. его текст в антологии *Foreign Relations of the United States. 1964–1968, Vol. XIX. Arab–Israeli Crisis and War, 1967*, pp. 46–47.

стало очевидно, что для американской администрации приоритетной была не защита интересов Израиля, а поддержание любого мира, пусть и очень «худого». В дни кризиса Израиль должен был противостоять не только непримиримой арабской враждебности, но и фактическому отказу руководителей США от выполнения взятых на себя ранее обязательств. 20 мая посол Израиля в США А. Харман докладывал министру иностранных дел А. Эвену: «Насколько целью [Америки] является предотвращение любой военной конфронтации, настолько они убеждены, что нет никакого шанса заставить Насера или Советы предпринять какие-то шаги, которые могут быть расценены как уступка. Мы должны быть готовы к возможности, что США будут давить на нас, чтобы мы уступили в тех вопросах, которые, по их мнению, для нас не важны... Опасность заключается в том, что США полагают, что они могут навязать нам свою волю»³⁷¹. 25 мая государственный секретарь Дин Раск предложил, чтобы силы ООН были размещены не только на египетской, но и на израильской территории³⁷²; эту же идею 21 мая высказал посол У. Барбур в беседе с А. Эвеном к явному неудовольствию министра иностранных дел Израиля³⁷³. Постепенно становилось ясно, что администрация США видит возможное решение проблемы в установлении нового порядка на Синайском полуострове за счет болезненных и в общем-то бесполезных уступок израильской стороны: территория Синайского полуострова втрое больше территории Государства Израиль, при этом Синай практически незаселен, вследствие чего размещенные там войска могут стать разъединяющим буфером между двумя странами; территория же Израиля настолько мала, а прибрежная полоса между сектором Газа и Тель-Авивом настолько густо заселена, что размещать там «голубые каски» реально негде, и никаким «буфером» они, конечно, стать не могут.

По свидетельству Аббы Эвена (в опубликованном тексте письма, переданного через посла У. Барбура, эта тема не фигурирует), 18 мая Л. Эшколь сообщил американскому руководству, что израильтяне не предпримут никаких военных действий, «если только Египет не попытается закрыть [Тиранский] пролив»³⁷⁴. Л. Эшколь надеялся, что, если Тиранский пролив все же будет закрыт египтянами для израильского судоходства, США выполнят свои обязательства от 1957 года

³⁷¹ Письмо А. Хармана А. Эвену от 20 мая 1965 г. [на иврите] // Государственный архив Израиля (фонд иностранных дел, папка 4078/4).

³⁷² См.: Michael Oren, *Six Days of War*, p. 108.

³⁷³ См.: Ами Глуска, *Эшколь, отдай приказ!*, стр. 240.

³⁷⁴ Абба Эвен, *Главы жизни* (Тель-Авив: «Маарив», 1978), стр. 321 [на иврите].

и поддержат Израиль в его попытке восстановить существовавшее в прежние годы положение³⁷⁵. Было похоже, что администрация США откликнулась на призыв Л. Эшколя. Встретившись с заместителем посла Израиля в США Эфраимом Эвроном (Ephraim Evron, 1920–1995; в 1979 году, уже отработав послом в Швеции и в Канаде, он вернулся в Вашингтон в качестве чрезвычайного и полномочного посла), Ю. Росту объявил, что «договоренности 1957 года остаются в силе, как и все остальные соглашения между нами». Однако он подчеркнул, что присутствие египетских сил на Синайском полуострове не является оправданием для развязывания войны, так как Г.А. Насер не закрыл Тиранский пролив для израильских судов. Он также отверг просьбу Э. Эврона о том, чтобы корабли Шестого флота США, находившиеся в тот момент в Красном море, совершили демонстративный проход через пролив в Эйлат, обосновывая это тем, что флот находился на Ближнем Востоке «внепланово», и это уже вызвало возмущение в арабском мире³⁷⁶. Администрация Л. Джонсона не хотела принимать каких-либо мер, надеясь, что, пока У Тан посетит Каир, а затем вопрос будет обсуждаться в Совете Безопасности ООН, проблема рассосется сама собой. Более того: до 22 мая Л. Джонсон даже не писал Г.А. Насеру, надеясь, что неприятную работу сделает кто-то другой. Новоназначенный посол США в Египте Ричард Нольте (Richard H. Nolte, 1920–2007), только 21 мая прибывший в Каир (из-за Шестидневной войны он не успел вручить Г.А. Насеру верительные грамоты, а 10 июня был выдворен из страны, так и не вступив в должность), смог вручить письмо президента Л. Джонсона министру иностранных дел Египта Махмуду Риаду (Mahmoud Riad, 1917–1992) только 23 мая, когда ситуация стала существенно более сложной в связи с тем, что Г.А. Насер объявил о блокаде Тиранского пролива для израильского судоходства³⁷⁷.

Всю вторую половину мая 1967 года у израильских руководителей не было выхода, и им не оставалось ничего, кроме ожидания, хотя никогда различие позиций между правительством страны и ее Генеральным штабом, почти все члены которого настаивали на скорейшем начале боевых действий, дабы не быть застигнутыми

³⁷⁵ См.: Йоси Гольдштейн, *Эшколь. Биография*, стр. 543.

³⁷⁶ Об этой встрече А. Харман доложил в МИД Израиля в памятной записке, отправленной в тот же день, 19 мая 1965 г. [на иврите] // Государственный архив Израиля (фонд иностранных дел, папка 5973/30).

³⁷⁷ См.: William B. Quandt, *Peace Process: American Diplomacy and the Arab-Israeli Conflict since 1967* (Washington, D.C.: Brookings Institution, 1993), pp. 29–30; Заки Шалом, *Дипломатия в тени войны* (Тель-Авив: Издательство Министерства обороны Израиля, 2007), стр. 252 [на иврите].

врасплох внезапным нападением³⁷⁸, не было столь существенным, как в те дни. Надежда на успех переговоров У Тана с Г.А. Насером была весьма призрачной, что понимали и в Вашингтоне, и в Иерусалиме, поэтому настроение в Израиле было безрадостным. 21 мая Л. Эшколь заявил членам кабинета: «Я полагаю, египтяне планируют прекратить судоходство израильских кораблей в Эйлатском порту или подвергнуть бомбардировке ядерный реактор в Димоне. Широкомасштабная военная операция последует за этими действиями»³⁷⁹. Л. Эшколь пытался использовать любую возможность, чтобы ослабить напряженность, направляя телеграммы главе советского правительства А.Н. Косыгину (1904–1980), Генеральному секретарю ООН У Тану и другим мировым лидерам, которые, как он надеялся, могут побудить Г.А. Насера воздержаться от каких-либо враждебных по отношению к Израилу действий в Тиранском проливе.

Такие примиренческие шаги со стороны израильских лидеров, направленные на успокоение египетского руководства, возымели обратный эффект: Г.А. Насер воспринял их как признаки слабости еврейского государства. Ободренный неспособностью Израиля убедительно ответить на эвакуацию сил ООН и ослепленный славой, которая обрушилась на него во всем арабском мире, Г.А. Насер предпринял шаг, значительно способствовавший сползанию всего региона к масштабной войне. 22 мая, когда Генеральный секретарь ООН У Тан находился на пути в Каир, Г.А. Насер посетил одну из авиационных баз египетской армии на Синайском полуострове, где объявил о блокаде Тиранского пролива для израильских судов и для всех судов, следовавших в Израиль; официальное заявление об этом было опубликовано на следующий день.

Решение Г.А. Насера закрыть Тиранский пролив для израильского судоходства стало решающим моментом кризиса. Во второй половине 1960-х годов Эйлатский порт на Красном море был важным фактором израильской экономики, центром торговли и судоходства. Именно в Эйлатский порт прибывали танкеры, импортировавшие иранскую нефть и другие важные товары, именно отсюда отплыли корабли, экспортировавшие израильские товары в страны Азии и Африки. Израильское руководство опасалось закрытия Тиранского пролива с момента начала кризиса. В качестве ответа на сложившуюся ситуацию в Генеральном штабе израильской армии обсуждалась возможность нанесения авиационного удара по позициям египетских военно-воздушных сил, за которым должен был последовать

³⁷⁸ См.: Ами Глуска, *Эшколь, отдай приказ!*, стр. 277–292.

³⁷⁹ Цит. по: Йоси Гольдштейн, *Эшколь. Биография*, стр. 544.

удар бронетехники в Газе и на западе Синайского полуострова. Все это было призвано добиться восстановления погранного Г.А. Насером *status-quo*; подобно тому, как это было в 1956 году, захваченные в ходе подобной операции территории предполагалось вернуть Египту в обмен на его согласие гарантировать свободу израильского судоходства в Тиранском проливе и обеспечить возврат миротворческих сил ООН на Синайский полуостров. Высшие офицеры, в особенности заместитель начальника Генерального штаба Эзер Вейцман, настаивали на как можно более быстром проведении операции, так как чем дольше Израиль выжидал, тем больше войск стягивала египетская армия на Синайский полуостров. Если бы Израилю пришлось атаковать хорошо подготовленную армию, потери могли бы быть очень высокими. Немаловажным было и то, что пребывание в постоянном ожидании агрессии со стороны Египта изматывало израильское общество, а массовый призыв резервистов ложился тяжелым бременем на экономику страны.

Хотя в Генеральном штабе ЦАХАЛа считали войну неотвратимой, большинство членов правительства все еще надеялись на мирное разрешение конфликта, вследствие чего глава правительства и министр обороны Л. Эшколь оказался меж двух огней. Многие в Израиле выступили в поддержку создания – впервые в истории страны – т.н. «правительства национального единства» с участием многолетнего лидера оппозиции М. Бегина; такая коалиция была создана. Однако Л. Эшколь пытался любой ценой сохранить мир, 24 мая направив министра иностранных дел А. Эвена в Париж, Лондон и Вашингтон в попытке побудить лидеров ведущих держав Запада дипломатическим давлением вынудить Г.А. Насера отступить. Основной целью А. Эвена было добиться от США и по возможности от Франции и Великобритании, публичной декларации о том, что они сделают все, что в их силах, для того чтобы открыть Тиранский пролив для израильского судоходства. По мнению руководства Израиля, это была единственная мера, которая могла предотвратить надвигающуюся войну. В случае же если египтяне откажутся открыть пролив, израильские представители стремились добиться признания своего права действовать любыми путями для обеспечения свободы мореплавания, снабжения и внешней торговли.

23 мая американские власти дали израильтянам основание надеяться, что дипломатическое решение может быть найдено. Посол У. Барбур просил правительство Израиля воздержаться от каких-либо военных действий в течение следующих 48 часов, в течение которых администрация США будет искать пути мирного урегулиро-

вания кризиса³⁸⁰. Президент Л. Джонсон опубликовал 23 мая заявление, в котором охарактеризовал блокаду Тиранского пролива Египтом как незаконную (*illegal*). В тот же день министр иностранных дел Великобритании Джордж Браун (George Brown, 1914–1985) сообщил послу США в Лондоне Дэвиду Брюсу (David Kirkpatrick Este Bruce, 1898–1977) о том, что правительство Великобритании взвешивает возможность послать караван судов морских держав в Суэцкий залив, предложив американцам присоединиться к нему. Данный план, позже названный «Регата на Красном море», казалось, был идеальным вариантом бросить вызов блокаде, успокоить Израиль и при этом не раздражать Конгресс, который был против любых действий, которые могли вовлечь США в еще одну кампанию, подобную вьетнамской. Юджин Ростоу сообщил послу Великобритании в Вашингтоне Патрику Дину (Patrick Henry Dean, 1909–1994), что США всячески поддерживают эту инициативу, хотя по ряду причин не хотели бы выступать ее зачинщиками, предложив самой Великобритании инициировать и возглавить данную эскадру; предполагалось, что в ней примут участие семь стран Запада³⁸¹. Одновременно с этим администрация США отвергла просьбу Израиля о поставке двадцати военных самолетов, согласившись вместо этого поставить в Израиль значительное количество средств химической защиты, и, прежде всего, — противогазов.

Пока американцы и англичане разрабатывали план «регаты», А. Эвен отправился в Европу. Во Франции, которая поддержала Израиль в войне 1956 года и которая была с тех пор основным поставщиком вооружений, получаемых еврейским государством извне, его ждал более чем холодный прием. Президент Шарль де Голль не только категорически отверг возможность нанесения Израилем удара по Египту, но и негативно оценил идею «регаты», настаивая, что единственным решением может стать совместная мирная инициатива четырех держав, включая СССР. Интересно, что в этот же самый день, 25 мая, А.А. Громыко констатировал: «Что же касается... вопроса относительно распускаемых слухов о якобы возможном четырехстороннем заявлении США, Англии, Франции и СССР в целях предотвращения военного конфликта на Ближнем Востоке, то все это является вымыслом. Империалисты даже не осмелились нам высказать что-либо о каком-то подобном заявлении. Они хорошо пони-

³⁸⁰ См.: Eugene V. Rostow, *Peace in the Balance: The Future of American Foreign Policy* (New York: Simon & Schuster, 1972), pp. 259–260; William B. Quandt, *Peace Process*, p. 31.

³⁸¹ См.: Заки Шалом, *Дипломатия в тени войны*, стр. 254.

мают, что советское правительство дало бы на такое предложение категорически отрицательный ответ»³⁸².

В Лондоне А. Эвен удостоился более теплого приема, однако премьер-министр Великобритании Гарольд Вильсон (James Harold Wilson, 1916–1995) также категорически отверг идею превентивного израильского удара, сдержанно высказал свою поддержку международным действиям, направленным на снятие блокады пролива, подчеркнув и свою поддержку усилий, направленных на то, чтобы договориться с Египтом при посредничестве Советского Союза³⁸³.

Из Лондона Абба Эвен, бывший в недавнем прошлом послом в США и в ООН, прибыл в Вашингтон, где его хорошо знали. Ситуация была нелегкой: американцы продолжали убеждать Израиль не торопиться. Послу в США А. Харману А. Эвен так охарактеризовал цели своего визита: «Мы должны дать понять США, что Израиль не намерен мириться с закрытием Тиранского пролива. Перед тем как мы примем необходимые шаги для защиты наших прав, мы хотим использовать следующие два дня для поиска вариантов мирного урегулирования. Для нас особенно важно прояснить степень поддержки Соединенными Штатами наших усилий. На кону стоит не только возможность войны, но и надежность американских обещаний»³⁸⁴.

Сразу после приземления в Нью-Йорке 25 мая А. Эвен получил срочную телеграмму из Иерусалима, в которой сообщалось, будто египтяне планируют нанести удар по израильской территории в течение двух последующих дней. Позднее сам А. Эвен считал эту телеграмму – ошибкой, основанной на неверной оценке ситуации военной разведкой³⁸⁵, но тогда именно на ней основывались инструкции, полученные А. Эвеном от Л. Эшколя: «Основной проблемой сейчас является не Тиранский пролив – под угрозой само существование Израиля. Пассивность Запада вдохновила арабов, каждый час их аппетиты увеличиваются. Вы должны обсудить с Л. Джонсоном те практические шаги, которые готова сделать Америка в сложившейся ситуации»³⁸⁶.

³⁸² Телеграмма А.А. Громыко послу СССР в ОАР (Египте) Д.П. Пожидаеву от 25 мая 1967 года опубликована в антологии *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том 2, стр. 565.

³⁸³ Подробно о переговорах А. Эвена в Париже и Лондоне см.: Заки Шалом, *Дипломатия в тени войны*, стр. 287–299.

³⁸⁴ Телеграмма А. Эвена А. Харману, 23 мая 1965 г. [на иврите] // Государственный архив Израиля (фонд иностранных дел, папка 4078/7).

³⁸⁵ См. подробное обсуждение этого вопроса в книге: Заки Шалом, *Дипломатия в тени войны*, стр. 300–304.

³⁸⁶ Телеграмма Л. Эшколя А. Эвену, 25 мая 1965 г. [на иврите] // Государственный архив Израиля (фонд иностранных дел, папка 5969/3).

Госсекретарь Д. Раск был первым официальным лицом, встречавшимся с А. Эвеном. Результаты этой встречи вселяли определенный оптимизм: госсекретарь не отверг просьбу Израиля о предоставлении американских гарантий безопасности, подчеркнув, что он немедленно передаст ее на рассмотрение президенту. Однако беседа со считавшимся произраильски настроенным его заместителем Ю. Ростоу неожиданно разочаровала. «Президент, — заявил Ю. Ростоу, — не может предоставить какие-либо военные гарантии Израилю без одобрения Конгресса, а шансы получить его в нынешних обстоятельствах весьма сомнительны»³⁸⁷. Кроме того, в записке, поданной в тот же день президенту, Ю. Ростоу указал, что министр обороны Египта отправился в Москву, но у американцев нет ни малейшего представления о том, что он там собирается обсуждать и с кем (в оригинале — “*The UAR Defense Minister did go to Moscow, but we know nothing of his plans*”)³⁸⁸.

А. Эвен оказался в трудной ситуации. Единственное, что ему оставалось, это заявить, что ему нужно вернуться в Израиль «с четким планом действий» американской стороны — подразумевая, что без такого плана у Израиля не останется иного выхода, кроме как применить силу. Единственный ответ, который он получил, состоял в том, что морские державы продолжают подготовку к «регате» в надежде, что этого будет достаточно, чтобы сдержать Г.А. Насера³⁸⁹.

В пятницу утром 26 мая 1967 года А. Эвену позвонил Д. Раск, который передал просьбу Л. Джонсона перенести их уже назначенную встречу на воскресенье, так как У Тан должен был к тому времени вернуться из Каира, и Л. Джонсон хотел сначала ознакомиться с его докладом. А. Эвен отметил, что ему необходимо срочно увидаться с президентом США, после чего — вернуться в Иерусалим, где в воскресенье должно было состояться заседание правительства — «возможно, важнейшее за всю историю страны»³⁹⁰. Л. Джонсон согласился принять А. Эвена, который в тот же день вел непростые переговоры в Пентагоне с министром обороны США Робертом Макнамарой (Robert Strange McNamara, 1916–2009) и председателем Объединенного комитета начальников штабов генералом Эрлом Уилером (Earle Gilmore Wheeler, 1908–1975). Оба они подвергли сомнению данные

³⁸⁷ Памятная записка о встрече А. Эвена и Ю. Ростоу, 25 мая 1965 г. // Государственный архив Израиля (фонд иностранных дел, папка 5937/30).

³⁸⁸ Записка Ю. Ростоу Л. Джонсону от 25 мая 1967 г. опубликована в антологии *Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX. Arab–Israeli Crisis and War, 1967*, pp. 103–105.

³⁸⁹ См.: William B. Quandt, *Peace Process*, pp. 38–39.

³⁹⁰ См.: Dean Rusk, *As I Saw It* (New York: Penguin, 1990), p. 385.

израильской разведки о приближающейся египетской агрессии, отказавшись предоставить Израилю какие-либо конкретные обязательства или гарантии. Соотношение сил в администрации США складывалось не в пользу Израиля, но отступить было некуда, и А. Эвен направился в сопровождении израильского посла в США на свою заключительную и самую важную встречу с президентом Л. Джонсоном в Белом доме. Кроме Л. Джонсона, в переговорах с американской стороны участвовали Роберт Макнамара, генерал Эрл Уилер, пресс-секретарь президента Джордж Кристиан, заместитель Государственного секретаря Джозеф Сиско (Joseph Sisco, 1919–2004) и Уолт Ростоу, брат Юджина Ростоу, бывший советником президента США по национальной безопасности.

Описывая ситуацию, А. Эвен отметил, что Израиль находится сейчас на перепутье, так как решение уйти из Синая в 1957 году было принято, основываясь на американских обещаниях обеспечить присутствие войск ООН на полуострове и гарантировать свободу навигации в Тиранском проливе. А. Эвен подчеркнул, что за долгие годы своей дипломатической деятельности он никогда не получал столь тревожной телеграммы, как та, которая пришла ему из канцелярии премьер-министра в Иерусалиме в тот день: речь шла не только о благополучии Израиля, но и о самом его существовании. А. Эвен выразил надежду на то, что Израилю и США удастся скоординировать свои действия в ответ на возможную атаку египтян.

Ответ Л. Джонсона был обескураживающим. По его словам, Соединенные Штаты не собираются рисковать конфронтацией с Советским Союзом лишь потому, что Израиль хочет добиться желательного для себя решения в максимально короткий срок. Президент подчеркнул, что основной проблемой его администрации является продолжающаяся затяжная война во Вьетнаме, добавив, что на проведение каких-либо военных действий на Ближнем Востоке необходимо получение санкций Конгресса. «Я не король в этой стране», — отметил Л. Джонсон. Весьма критически оценив деятельность ООН и его Генерального секретаря по урегулированию ближневосточного кризиса, президент попросил израильтян набраться терпения и действовать преимущественно своими силами: «У вас в Израиле лучшая разведка и лучшие посольства. Заставьте работать всех, кто заинтересован в том, чтобы Тиранский пролив оставался открытым для судоходства». При этом Л. Джонсон высказался категорически против нанесения израильскими военно-воздушными силами превентивного авиационного удара по Египту. Цитируя заключение, представленное американской разведкой, из которого следовало, что, несмотря на агрессивную риторику, у Египта нет намерения атаковать Изра-

иль, Л. Джонсон предупреждал об опасности, грозящей еврейскому государству в случае односторонних действий: «Израиль никогда не должен быть ответственным в глазах Америки или мирового сообщества за развязывание войны. Израиль не будет один до тех пор, пока он не решит быть одним» (*“Israel will not be alone unless it decides to go it alone”*); последнюю фразу Л. Джонсон повторил три раза. А. Эвен ничего не ответил, предложив создать совместную американо-израильскую рабочую группу по оперативному наблюдению за ходом развития событий. Министр обороны США согласился рассмотреть возможность создания такой группы, отметив, что необходимо сохранять конфиденциальный характер достигнутых договоренностей. Эта полуторачасовая встреча мало что дала: А. Эвен ушел из Белого Дома в смятении, а Л. Джонсон сказал своим советникам: «Они собираются начинать войну, а мы ничего не можем с этим сделать»³⁹¹.

А. Эвен вернулся в Израиль, застав военное и политическое руководство страны в крайне сложных и изматывающих дискуссиях. После того как была проведена массовая мобилизация резервистов, каждый день бездействия стоил стране миллионы долларов, не говоря уже о том, что нападение Египта, которое могло последовать в любой момент, грозило непредсказуемыми потерями.

В воскресенье 28 мая 1967 года кабинет министров заслушал доклад А. Эвена о ходе его переговоров с французскими, английскими и американскими руководителями. Выразив опасение, что будущие поколения осудят правительство, если оно не найдет альтернативы войне, А. Эвен рекомендовал отложить принятие решения по этому вопросу на три недели, чтобы дать американцам отсрочку с целью попытаться урегулировать кризис мирным путем; при голосовании в правительстве голоса разделились поровну, 9 – за отсрочку и 9 – против нее³⁹². Буквально во время заседания правительства была получена срочная телеграмма Л. Джонсона, в которой говорилось о возможной советской помощи арабам в случае войны и содержалась просьба к Израилю «не принимать никаких превентивных военных действий, тем самым делая себя ответственным за начавшуюся войну». Прислушавшись к предостережениям президента США, правительство решило принять предложение о трехнедельном тайм-ауте;

³⁹¹ Протокол встречи А. Эвена и Л. Джонсона, записал Э. Эврон // Государственный архив Израиля (фонд иностранных дел, папка 5937/30). Об этой встрече см. воспоминания самого А. Эвена: Abba Eban, *An Autobiography* (New York: Random House, 1977), pp. 389–394, а также: Michael Oren, *Six Days of War*, pp. 114–115.

³⁹² Поименные результаты голосования см. в книге: Йоси Гольдштейн, *Эшколь. Биография*, стр. 727, сноска 704.

при повторном голосовании против высказался только один министр, Моше Кармель (1911–2003)³⁹³.

Сообщения, прибывшие от американских представителей на следующий день, обнадеживали: посол США в Израиле отмечал готовность Л. Джонсона использовать «каждое и любые средства» для открытия Тиранского пролива для израильского судоходства. Государственный секретарь Д. Раск сообщал о прогрессе в организации совместной регаты морских держав в Суэцком заливе. Президент Франции Ш. де Голль также подтвердил свою приверженность обеспечению принципов свободы судоходства в Тиранском проливе. Однако дальнейшее развитие событий показало, что стратегическое положение Израиля продолжало ухудшаться. Г.А. Насер отверг предложение У Тана снять блокаду пролива хотя бы на две недели, после чего Генеральный секретарь ООН прекратил любые попытки мирного урегулирования конфликта. Из-за продолжавшейся блокады Израиль начал ощущать острую нехватку нефти и продовольствия. Военная разведка сообщала, что еще одна египетская танковая дивизия вошла в Синай. Мобилизация была объявлена в Судане, Ираке и Кувейте; сирийские силы были готовы вторгнуться в Галилею. Президент Ирака заявил: «Существование Израиля — это ошибка, которую надо исправить. Это возможность смыть с себя позор, который лежит на нас с 1948 года. Наша цель ясна — стереть Израиль с лица земли. И мы, если на то будет воля Аллаха, встретимся в Тель-Авиве и в Хайфе»³⁹⁴. Военные приготовления арабских стран достигли своей кульминации на следующий день — 30 мая, когда король Иордании Хусейн подписал двухсторонний военный пакт с Египтом, который фактически ставил иорданскую армию под контроль Г.А. Насера. Израиль неожиданно оказался перед вероятной атакой с трех фронтов. Экономическое положение Израиля продолжало ухудшаться, а голоса, требовавшие перейти к решительным действиям, крепли.

30 июня Л. Эшколь направил новое послание Л. Джонсону, причем о состоянии, в котором находился израильский премьер, свидетельствует хотя бы то, что он вспомнил о трагедии, пережитой народом Израиля в дни гитлеризма, как причину, объясняющую необходимость защиты прав этого народа в противостоянии агрессивным устремлениям Г.А. Насеру³⁹⁵. Однако Л. Эшколь обращался в пустоту:

³⁹³ См.: Йоси Гольдштейн, *Эшколь. Биография*, стр. 555.

³⁹⁴ Цит. по: David Kimche and Dan Bawly, *The Sandstorm: The Arab-Israeli War of June 1967: Prelude and Aftermath* (London: Secker and Warburg, 1968), p. 101.

³⁹⁵ В оригинале: "The time is ripe for confronting Nasser with a more intense and effective policy of resistance. The people of Israel is the remnant of a nation which suffered tragic blows in the Hitler era. It is determined to defend

к тому времени американская администрация уже приняла решение фактически самоустраниться от происходящего.

Англо-американский план «Регата в Красном море» провалился: даже голландцы и канадцы, которые в начале с энтузиазмом поддерживали его, отказались от участия в нем, опасаясь военного столкновения с Египтом и прекращения поставок ближневосточной нефти. Все более отчаивающийся президент Л. Джонсон намеревался провести эту акцию в одностороннем порядке, но против выступил Пентагон. В лучшем случае, убеждали президента руководители Министерства обороны, США будут обременены постоянной необходимостью патрулировать проливы, в худшем случае — египтяне откроют огонь, вызвав тем самым последовательность событий, которая может привести к катастрофе³⁹⁶. Нужно сказать, что министр обороны Роберт Макнамара с самого начала был против регаты, считая ее бесполезной. В ходе их встречи 26 мая он спросил А. Эвена, что она даст: ведь то, что египтяне не создадут препятствий для прохода одной конкретной международной группы судов не будет гарантировать ничего на будущее, а речи о том, чтобы военные корабли США постоянно дежурили в Тиранском проливе, не шло³⁹⁷. При этом администрация США не информировала израильтян об изменениях своей позиции: в ходе встреч с А. Харманом и Э. Эвроном их американские собеседники уверяли, что большинство в Конгрессе поддерживает Израиль (что было правдой, в частности, Уолт Ростоу докладывал об этом президенту после встречи с председателем Комитета по иностранным делам палаты представителей Томасом Морганом 1 июня³⁹⁸) и что американские и английские корабли уже находятся на пути в Тиранский пролив. Опасаясь, что израильтяне сами соблазняются проверить прочность блокады одним из своих кораблей, американцы уговаривали их набраться терпения и успокоиться — ни при каких обстоятельствах они не должны первыми открывать огонь. От прежней жесткой позиции США не осталось и следа, в Каир были направлены новые американские парламентарии. Вице-президент Египта получил предложение 7 июня

its rights and its integrity with the utmost resolution". Телеграмма Л. Эшколя Л. Джонсону была передана 30 мая 1967 г. через посла А. Хармана и госсекретаря Д. Раска, см. ее текст в антологии *Foreign Relations of the United States. 1964–1968, Vol. XIX. Arab–Israeli Crisis and War, 1967*, pp. 187–189.

³⁹⁶ См.: William Quandt, *Peace Process*, pp. 34–35; Lyndon B. Johnson, *The Vantage Point*, pp. 295–296.

³⁹⁷ Цит. по: Заки Шалом, *Дипломатия в тени войны*, стр. 310–311.

³⁹⁸ Меморандум У. Ростоу Л. Джонсону от 1 июня 1967 г. опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States. 1964–1968, Vol. XIX. Arab–Israeli Crisis and War, 1967*, pp. 219–220.

прибыть в Вашингтон (американцы приглашали маршала А.Х. Аме-ра, но Г.А. Насер согласился делегировать другого вице-президента, Закарию Мохиэддина), после чего планировался ответный визит в Египет вице-президента США.

До 30 мая в Израиле не знали всей правды о судьбе запланированной «Регаты в Красном море». Извещение о провале этого плана пришло неожиданно. Л. Эшколь телеграфировал в Белый дом, приветствуя прошлые заверения Л. Джонсона открыть Тиранский пролив «любыми средствами». Израиль ожидал, что попытка Египта заблокировать международный конвой будет встречена силой. Однако президент Л. Джонсон проинструктировал Ю. Росту сообщить А. Харману, что США не могут подписаться под таким заявлением. Израильский посол напомнил Ю. Росту «судьбоносный шаг» А. Эвена, когда тот убедил израильское правительство отложить активные действия, положившись на обещание Л. Джонсона. «То, что вы мне сейчас сказали, вызовет большую горечь в Израиле и даст импульс для односторонних действий. Израильское общество больше не может мириться с таким положением вещей», — заявил он³⁹⁹.

31 мая в Вашингтон был в авральном порядке и в обстановке полной секретности делегирован глава Службы внешней разведки «Моссад» Меир Амит (1921–2009), который встретился с министром обороны Р. Макнамарой и директором ЦРУ Ричардом Хелмсом (Richard McGarrah Helms, 1913–2002). Его собеседники, с одной стороны, убеждали Израиль не атаковать египтян и ждать, но с другой, не представили никаких внятных аргументов, которые бы оправдывали это ожидание — риск того, что существенно превосходящие силы арабских стран нападут первыми, был очевиден, и американцы не были готовы взять на себя никаких конкретных обязательств по помощи Израилю в случае такового нападения. Американские руководители могли предложить Израилю организовать поставки тех или иных видов вооружения, обусловив это обещанием правительства Израиля не начинать боевых действий, однако этого сделано не было. Вернувшись ранним утром 3 июня в Израиль, М. Амит сказал ждавшим его Л. Эшколю, А. Эвену, М. Даяну и И. Алону, что, хотя США сами не собираются прорвать блокаду Тиранского пролива силой, они не будут вмешиваться, если Израиль будет действовать самостоятельно. *Фактически в начале июня 1967 года американская администрация самоустранилась от реального участия в разрешении острейшего кризиса, предо-*

³⁹⁹ Памятная записка о встрече А. Хармана и Ю. Росту, 30 мая 1965 г. [на иврите] // Государственный архив Израиля (фонд иностранных дел, папка 6444/5).

ставив правительству Израиля свободу маневра, но не оказав ему никакой конкретной действенной поддержки.

Судьбоносное заседание кабинета министров Израиля в воскресенье, 4 июня, длилось более семи часов, после чего правительство единогласно проголосовало за то, чтобы поручить войскам «начать военную операцию с целью освобождения Израиля из-под осады и предотвращения надвигающегося нападения объединенных сил арабских стран». Утром следующего дня израильские самолеты бомбили египетские аэродромы. Война началась, и была менее чем за неделю с блеском выиграна Израилем⁴⁰⁰. Израильские силы заняли не только сектор Газа и Синайский полуостров, но и Западный берег Иордана и Голанские высоты. Советские политики, стремившиеся запугать Израиль, вынув из бутылки джинна угрозы региональной войны, сами того не желая, получили эту войну, в которой все патрулируемые ими арабские страны проиграли самым унижительным образом. *Однако поражение стран, рассчитывавших на поддержку со стороны СССР, никоим образом не может считаться победой Соединенных Штатов, которые в этой войне не участвовали вообще, оставив Израилю самому расхлебывать навязанную ему сложнейшую ситуацию. Своими действиями (а точнее, полным бездействием в поистине судьбоносный момент) администрация США продемонстрировала, что ни «гарантии безопасности», которые неоднократно давали израильским руководителям лично президенты Дж. Кеннеди и Л. Джонсон, ни «Меморандум о взаимопонимании», подписанный полномочными представителями американского руководства с Л. Эшколем в 1965 году, на самом деле не гарантируют вообще ничего.*

По свидетельству Е.М. Примакова, масштаб поражения египетской армии стал понятен компетентным инстанциям в Москве уже в первые часы войны, когда, дезинформированные лживыми победоносными сообщениями каирского радио, учившиеся и работавшие в Москве египтяне испытывали неуместный прилив национально-гражданской гордости⁴⁰¹. Советская дипломатия немедленно стала требовать прекращения боевых действий (А.Н. Косыгин направил обращение по этому вопросу Л. Джонсону, а также Г. Вильсону и Ш. де Голлю еще 6 июня, а затем еще одно — 8 июня и третье — 10

⁴⁰⁰ Об этой войне написано множество книг и статей; наиболее подробной и взвешенной из изданных на русском языке является монография Р.Д. Даурова *Долгая Шестидневная война* (Москва: Институт востоковедения РАН, 2009). См. также: А.Д. Эпштейн и М.А. Урицкий, «Шестидневная война и современная политическая динамика на Ближнем Востоке» // *Восток*, №2 (2003), стр. 72–84.

⁴⁰¹ Евгений Примаков, *Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами*, стр. 112.

июня⁴⁰²), но сделать этого не удалось: война прекратилась только тогда, когда израильские силы добились победы не только на египетском, но и на иорданском и сирийском фронтах. 10 июня советское руководство приняло решение о разрыве дипломатических отношений с Израилем⁴⁰³, что в перспективе имело значение лишь как фактор демонстрации солидарности с разгромленными арабскими странами, ибо главное, в чем был заинтересован Израиль — в выдаче разрешений на эмиграцию советским евреям, а таковые разрешения в период после Шестидневной войны и разрыва дипломатических отношений, как оказалось, власти, начиная с 1969 года, стали выдавать в несравнимо больших количествах, чем прежде, вследствие чего само по себе формальное отсутствие связей между двумя странами существенного урона Израилю не нанесло. Разрыв Советским Союзом дипломатических отношений, в принципе, толкал Израиль в американские объятия, но руководители еврейского государства к тому времени имели возможность оценить, чего на самом деле стоили многолетние заверения о дружбе и заботе о безопасности Израиля; как следствие, к сближению с США отношение было очень и очень осторожным.

Вскоре после завершения боев 10 июня Дин Раск обсудил с Аббой Эвеном параметры будущего территориального урегулирования. Разочарованный тем, что израильтяне намеревались сохранить за собой большую часть земель, захваченных у Иордании в ходе Шестидневной войны, Д. Раск напомнил А. Эвену о том, что Израиль всегда отказывался от каких бы то ни было территориальных амбиций. «Мы поменяли свою позицию», — заявил Эвен, который позже назвал границы, в которых Израиль существовал в 1949–1967 годах, «границами Освенцима». Обеспокоенный тем, что Израиль может поменять свою позицию также и по вопросу ядерного оружия, Д. Раск спросил: «Не собираетесь ли вы стать первым государством, привнесшим ядерное оружие на Ближний Восток?» — «Нет, — ответил А. Эвен, не без некоторой издевки добавив: — Но мы не будем вторым»⁴⁰⁴.

⁴⁰² Текст этих обращений А.Н. Косыгина к Л. Джонсону опубликован в антологии *СССР и ближневосточное урегулирование, 1967–1988* (Москва: Издательство политической литературы, 1989), стр. 30–31 и 33–34.

⁴⁰³ Нота правительства СССР правительству Израиля от 10 июня 1967 г. (была вручена зам. министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецовым послу Израиля в СССР К. Кацу) опубликована в антологии *СССР и ближневосточное урегулирование, 1967–1988*, стр. 34.

⁴⁰⁴ Цит. по: Thomas J. Schoenbaum, *Waging Peace and War: Dean Rusk in the Truman, Kennedy, and Johnson Years* (New York: Simon & Schuster, 1988), p. 463.

В конце 1967 года напряжение между Вашингтоном и Иерусалимом еще более усилилось, не только в связи с проблемой ядерного оружия, но также в связи с вопросом о том, собирается ли правительство Израиля одобрить предложенный администрацией США принцип «мир в обмен на территории», изложенный в резолюции Совета Безопасности ООН №242, принятой 22 ноября 1967 года. Пытаясь заново выстроить отношения с главой правительства Израиля, Линдон Джонсон пригласил Леви Эшколя на переговоры, которые прошли в резиденции американского президента в Техасе 7–8 января 1968 года (Л. Эшколь находился в США с 4 по 12 января)⁴⁰⁵. Однако в ходе переговоров реальные цели у сторон были разные. Президент США, как и прежде, требовал от Израиля отказаться от развития ядерной программы (американские эксперты посещали Димону 2 апреля 1966 и 22 апреля 1967 года⁴⁰⁶, причем данные о первом из этих визитов, как и за год до этого, были «слиты» в *New York Times*⁴⁰⁷), добавив к этому и требование вывода израильских сил с занятых в ходе Шестидневной войны территорий. Глава правительства Израиля, вовлеченный в сложные дискуссии, которые шли в Израиле относительно возможного будущего статуса этих территорий⁴⁰⁸, в свою очередь, видел свою главную цель в том, чтобы добиться согласия на продажу Израилю 30 истребителей «Скайхок» А-4 и 50 самолетов «Фантом» F-4. Американцы согласились продать устаревавшие самолеты «Скайхок» А-4, но обусловили продажу «фантомов» принятием Израилем резолюции №242 Совета Безопасности ООН и обещанием не развивать ядерную программу. Этот военно-дипломатический шантаж со стороны администрации США, которому Леви Эшколь (никто из членов правительства его не сопровождал) не поддавался, привел к тому, что эти самолеты Израиль в то время так и не получил.

В июне 1968 года с визитом в США находился бывший тогда членом правительства Менахем Бегин, в ходе встречи с Уолтом Ростоу также пытавшийся добиться согласия на продажу Израилю этих истребителей, но и его миссия не увенчалась успехом⁴⁰⁹. Лишь после

⁴⁰⁵ Протоколы трех встреч делегаций, возглавлявшихся Л. Джонсоном и Л. Эшколем, прошедших 7–8 января 1968 г., см. в антологии *Foreign Relations of the United States. 1964–1968, Vol. XX. Arab–Israeli Dispute, 1967–1968*, pp. 79–99.

⁴⁰⁶ См.: Avner Cohen, *Israel and the Bomb*, p. 186.

⁴⁰⁷ John W. Finney, “U.S. Again Assured on Negev Reactor” // *New York Times*, June 28, 1966, p. 8.

⁴⁰⁸ См.: А.Д. Эпштейн, *Уйти нельзя остаться: Израиль и (не)контролируемые территории* (Москва: Институт Ближнего Востока – «Мосты культуры», 2009), стр. 17–97.

⁴⁰⁹ Протокол встречи М. Бегина и У. Ростоу, прошедшей 17 июня 1968 г.,

того, как в октябре 1968 года семьдесят сенаторов подписали письмо в поддержку продажи Израилю самолетов «Фантом» F-4, президент Л. Джонсон дал свое согласие на это. В конце ноября 1968 года заместитель министра обороны США Пол Варнке (Paul C. Warnke, 1920–2001) информировал посла Израиля в США Ицхака Рабина, что вопрос о продаже пятидесяти самолетов решен положительно, на условиях обязательства Израиля не использовать какие-либо полученные от США самолеты для перевозки ядерного оружия⁴¹⁰; это условие было принято. До конца срока правления Л. Джонсона оставалось менее двух месяцев.

опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States. 1964–1968, Vol. XX. Arab–Israeli Dispute, 1967–1968*, pp. 379–380.

⁴¹⁰ Письмо П. Варнке И. Рабину от 27 ноября 1968 г. опубликовано в антологии *Foreign Relations of the United States. 1964–1968, Vol. XX. Arab–Israeli Dispute, 1967–1968*, pp. 661–662.

ЧАСТЬ IV.

**ОТ ВОЙНЫ К ВОЙНЕ:
АМЕРИКАНО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ
ПРЕЗИДЕНТА Р. НИКСОНА,
1969–1974 ГГ.**

Глава 11

1969 год: План Роджерса об израильском отступлении с занятых территорий, обнародованный без ведома и согласия правительства Израиля

Когда Ричард Никсон вступил в должность президента США 21 января 1969 года, проблемы Ближнего Востока в его повестке дня не входили в число вопросов, требующих немедленного разрешения. Р. Никсон знал, что его успех на посту президента будет зависеть от того, сумеет ли он найти достойный выход из Вьетнамской войны; помимо этого, он надеялся по-новому выстроить отношения с Советским Союзом и с Китаем. Но все же, несмотря на эти проблемы, Р. Никсон также был озабочен и делами Ближнего Востока. В ходе пресс-конференции, прошедшей спустя неделю после инаугурации, Р. Никсон назвал этот регион «бочкой с порохом, которая может взорваться в любую минуту»⁴¹¹. Эти слова вызвали возмущение некоторых израильских лидеров, потому что они противоречили отстаиваемой ими позиции, заключавшейся в том, что непосредственная опасность войны отсутствовала и что весь мир мог спокойно ждать, пока арабы придут к соглашению с израильтянами, приняв условия последних. Заявление Р. Никсона было с воодушевлением встречено руководителями арабских государств по той же причине, по которой оно возмутило израильтян: его слова означали, что американский президент может быть склонен к тому, чтобы вынудить Израиль пойти на уступки ради предотвращения новой эскалации конфликта.

Очень мало кто в Вашингтоне действительно считал угрозу эскалации такого рода реальной, ибо в любой войне победа Израиля казалась слишком очевидной для того, чтобы был спровоцирован новый вооруженный конфликт с участием его армии. Однако события име-

⁴¹¹ *Department of State Bulletin*, February 17, 1969, pp. 142–143.

ли свою собственную динамику. 23 июля 1968 года боевики Народного фронта освобождения Палестины захватили израильский самолет, летевший из Рима в Тель-Авив. Захватчики направили самолет в Алжир. Главным требованием лидеров НФОП было освобождение 1200 палестинских заключенных из израильских тюрем. Алжирские войска сумели освободить заложников, но Израиль вынужден был освободить 16 палестинских заключенных в качестве «акта доброй воли». Через два дня после взрыва израильского самолета 26 декабря того же года в афинском аэропорту, в подготовке которого участвовали боевики НФОП, силами израильских командос были уничтожены 13 самолетов в аэропорту в Бейруте. Подобные нападения и ответные удары постепенно ухудшали ситуацию, и без того бывшую напряженной; достаточно сказать, что в сентябре 1968 года произошла перестрелка между египтянами и израильцами на Суэцком канале.

В ходе закрытых консультаций Р. Никсон выражал озабоченность тем, что эта ситуация может дать Советскому Союзу возможность укрепить свои позиции в регионе. С момента окончания Шестидневной войны Советский Союз не переставал претендовать на роль единственной сверхдержавы, дружественной арабам, и на роль главного защитника их интересов. Отношения американцев с арабами на тот момент были самыми напряженными за всю предшествовавшую историю. Египет, Сирия и Ирак разорвали дипломатические отношения с США в первые же дни войны 1967 года, и последствия поражения арабов могли легко пошатнуть авторитет США даже среди более умеренных государств. В начавшей работу администрации президента Р. Никсона считали, что политика его предшественника Л. Джонсона была нацелена либо на то, чтобы арабы сами созрели для достижения соглашения с Израилем на его условиях, либо нашли возможность начать новую войну. *Позиция Р. Никсона заключалась в том, что если американцы не будут прикладывать более активные усилия для того, чтобы склонить стороны к мирному соглашению, то позиции Советского Союза в регионе будут только усиливаться, а угрозы для интересов и влияния США на Ближнем Востоке – лишь множиться.*

Для Ричарда Никсона и Генри Киссинджера (Henry Alfred Kissinger), профессора из Гарвардского университета (давно связанного с Республиканской партией и губернатором штата Нью-Йорк Нельсоном Рокфеллером), которого новый президент выбрал для реализации своих стратегических решений, урегулирование проблем Ближнего Востока было всего лишь одним из вопросов в масштабной матрице американско-советских отношений. В конце 1968 года Советский Союз предпринял ряд дипломатических инициатив на Ближнем Востоке. Советские руководители были готовы прове-

сти переговоры между представителями двух сверхдержав, нацеленные на поиск решения конфликта в этом регионе. Р. Никсон был готов принять это предложение, хотя и сомневался в том, что в Москве были готовы способствовать урегулированию арабо-израильского конфликта иначе как на условиях, которые позволят Советскому Союзу снискать славу защитника арабских интересов. Р. Никсон хотел проверить истинные намерения советских руководителей, и назначенный им новый госсекретарь Уильям Р. Роджерс (William Pierce Rogers, 1913–2001) был готов приложить к этому все усилия. Р. Никсон не считал, что советские руководители хотят войны на Ближнем Востоке, надеясь, что сможет выяснить, действительно ли они стремятся добиться мира или же их цель — контролировать напряженность в регионе в своих интересах⁴¹².

С тех пор как окончилась Шестидневная война, президент Франции Шарль де Голль требовал проведения переговоров по вопросам Ближнего Востока с участием Франции, Великобритании, Соединенных Штатов и Советского Союза. Линдон Джонсон не скрывал своего пренебрежительного отношения к претензиям Франции на роль ведущего игрока в ближневосточной политике. Когда он впервые узнал о предложении французов провести встречу «четырех великих держав» по вопросам Ближнего Востока, то саркастически спросил: «А кто остальные две державы?»⁴¹³ Р. Никсон, напротив, искренне восхищался Ш. де Голлем, и Г. Киссинджер также отзывался о нем с исключительным уважением. При этом оба они считали, что очень важно открыть новую главу в отношениях США и Франции. Через несколько недель после инаугурации в 1969 году Р. Никсон отправился в Париж на переговоры с Ш. де Голлем; это была первая зарубежная поездка Р. Никсона в статусе главы государства.

Уильям Роджерс и Джозеф Сиско, сотрудник Госдепартамента, которому госсекретарь поручил возглавить Отдел по вопросам Ближнего Востока и Южной Азии, знали, что Шарль де Голль непременно напомнит о своем предложении провести встречу представителей четырех держав. Заранее было принято решение о том, что Ричард Никсон согласится на это — не потому, что американские дипломаты считали это верным решением, но чтобы удовлетворить честолюбие французского президента и продемонстрировать степень уважения к нему со стороны новой американской администрации. С их точки зрения, это была единственная причина, по которой такая встреча во-

⁴¹² См.: David A. Korn, “US-Soviet Negotiations of 1969 and the Rogers Plan” // *The Middle East Journal*, vol. 44, no. 1 (1990), p. 39.

⁴¹³ Цит. там же.

обще имела смысл. Французские дипломаты поддерживали позицию Советского Союза, требуя полного вывода израильских войск с Синайского полуострова без того, чтобы арабские страны гарантировали свою готовность на заключение мирного соглашения с Израилем. При этом американские дипломаты полагали, что и британские представители (учитывая, что главные интересы их страны в этом регионе были связаны с обеспечением безопасности торговли с арабами) хотя бы отчасти будут поддерживать французско-советскую позицию. На этих переговорах Соединенные Штаты рисковали оказаться в одиночестве и, возможно, испытать давление не только со стороны Советского Союза, но и со стороны своих союзников по НАТО.

Израильские руководители сопротивлялись не только любому решению, которое могло бы быть принято на этом форуме, но и самой идее проведения таких переговоров в принципе. При этом они вряд ли охотнее согласились бы на то, чтобы американцы проводили встречу только с представителями Советского Союза, поскольку тогда они увидели бы в этом угрозу того, что Израилю будет навязано соглашение на чуждых ему условиях, легитимизирующее позиции Советского Союза на Ближнем Востоке. Однако вследствие войны 1967 года Советский Союз был слишком активно вовлечен в ближневосточную политику, чтобы его можно было игнорировать. По крайней мере, как полагали в Вашингтоне, переговоры с СССР позволили бы уменьшить опасность возникновения недоразумений между двумя державами, которые могли поставить человечество на грань ядерной войны.

Однако предложенный Ш. де Голлем форум не казался американским экспертам наилучшим способом проверки истинных намерений руководителей Советского Союза. В начале февраля 1969 года Дж. Сиско составил, а У. Роджерс подписал меморандум, адресованный президенту, в котором они рекомендовали провести параллельные переговоры: между четырьмя вышеназванными государствами — в ООН и между представителями двух сверхдержав, США и СССР — в Вашингтоне. Предполагалось, что именно во время переговоров в Вашингтоне будут определены направления политики в отношении Ближнего Востока и порядок проведения переговоров о мирном соглашении. Эту позицию поддержал и Генри Киссинджер, сумевший убедить президента Р. Никсона следовать именно этим курсом⁴¹⁴.

На этих переговорах США должен был представлять Джозеф Сиско, а постпред США в ООН Чарльз Йост (Charles Woodruff Yost,

⁴¹⁴ См.: Henry Kissinger, *The White House Years* (Boston: Little, Brown and Company, 1979), p. 353.

1907–1981), которому поручалось ведение переговоров в Нью-Йорке, должен был получать от него инструкции и текущую информацию, не выходя за пределы того, что будет согласовано в ходе двусторонних переговоров в Вашингтоне. Французские дипломаты получали возможность удовлетворить свои геополитические амбиции, но в реальности американцы не собирались привлекать их к выработке тех решений, которые должны были быть реализованы. Фактически американцы пригласили своих британских и французских «партнеров» участвовать в переговорах, имевших лишь церемониально-символическое значение. Основными же должны были стать прямые тайные переговоры представителей США и СССР.

Нужно сказать, что советские руководители изначально относились к Ричарду Никсону откровенно враждебно. Посол СССР в США А.Ф. Добрынин, работавший в Вашингтоне с 1962 по 1986 год, свидетельствует: «В Москве были серьезно встревожены перспективой прихода к власти Никсона, который считался опасным антисоветчиком. Кандидатура Хэмфри [Хьюберт Хэмфри был официальным кандидатом Демократической партии на пост президента США] выглядела гораздо предпочтительней. Этот вопрос специально обсуждался в Кремле. В результате советское руководство пошло на необычный (и единственный в истории отношений с США) шаг – приняло решение напрямую обратиться к Х. Хэмфри с негласным предложением оказать ему любую возможную помощь (включая финансовую) с целью избрания его президентом США». Х. Хэмфри, впрочем, сразу же ответил советскому послу, что для него «вполне достаточно добрых пожеланий из Москвы, которые он ценит»⁴¹⁵. Однако в ноябре 1968 года президентом США был избран не он, а Ричард Никсон. Удивительным образом, именно годы его правления оказались периодом некоторой разрядки напряженности в советско-американских отношениях. В период его президентства состоялись три встречи на высшем уровне между руководителями СССР и США, что не имело прецедентов за всю историю двусторонних отношений.

Для США рубеж 1960–1970-х годов был периодом переоценки внешнеполитических установок. Среди объективных причин, в силу которых США пошли на определенную нормализацию отношений с СССР, можно назвать следующие: достижение Советским Союзом сопоставимого с США ракетно-ядерного потенциала; возросшее стремление ряда крупных государств Запада (прежде всего, Франции

⁴¹⁵ См.: Анатолий Добрынин, *Сугубо доверительно: посол в Вашингтоне при шести президентах США* (Москва: «Международные отношения», 1997), стр. 171.

и ФРГ) проводить более самостоятельный внешнеполитический курс; серьезное осложнение внутривнутриполитической и социально-экономической ситуации в США из-за войны во Вьетнаме. Представляется взвешенной оценка посла А.Ф. Добрынина, согласно которой администрация Р. Никсона стремилась решить несколько основных краткосрочных и долгосрочных задач американской внешней политики, которые дополняли друг друга:

- найти приемлемый и наиболее безболезненный выход из войны во Вьетнаме, а также урегулировать некоторые оставшиеся со времен Второй мировой войны взрывоопасные проблемы (в частности, вопрос о Западном Берлине);
- уменьшить угрозу ядерной войны между СССР и США путем некоторых шагов в области ограничения вооружений, создать своего рода систему американо-советских консультаций, механизм взаимной сдержанности в отношении взрывоопасных районов;
- провести перегруппировку своих и союзных сил в борьбе за сохранение социально-политического статус-кво в мире, отвечающего интересам США;
- не допустить чрезмерной поляризации сил внутри страны, сбить накал антимилиитаристских настроений;
- путем нормализации отношений с СССР обрести большую свободу маневра в отношении своих собственных союзников и усиления контроля над координацией их действий в рамках противостояния Запад–Восток;
- укрепить престиж и авторитет администрации, лично Р. Никсона в стране и за рубежом⁴¹⁶.

В начале февраля 1969 года заместитель госсекретаря Дж. Сиско передал послу А.Ф. Добрынину послание Р. Никсона на имя Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина по Ближнему Востоку. Р. Никсон призывал к ограничению поставок оружия в этот район, а в конце послания выразил готовность администрации продолжать совместные усилия по поискам путей достижения мирного урегулирования в этом регионе. Спустя месяц на встрече с госсекретарем У. Роджерсом А.Ф. Добрынин изложил соображения советского правительства по данному кругу вопросов. Подчеркнув полезность продолжения обмена мнениями между правительствами СССР и США, У. Роджерс предложил возобновить переговоры на уровне советский посол – Дж. Сиско.

⁴¹⁶ См.: Анатолий Добрынин, *Сугубо доверительно*, стр. 183.

17 февраля 1969 года посол А.Ф. Добрынин был впервые принят новым президентом США в Белом доме. Говоря о важности решения актуальных международных проблем, он остановился конкретно на наиболее важных из них: договор о нераспространении ядерного оружия; политическое решение вьетнамского конфликта; достижение договоренности об урегулировании ближневосточного конфликта; уважение основ послевоенного устройства в Европе; сдерживание гонки стратегических вооружений в целях достижения соглашения между СССР и США по этому вопросу; использование возможности для дальнейшего развития советско-американских отношений. Проблемы Ближнего Востока были лишь одними из шести тем, поднятых им, а Израиль не был упомянут вообще; этот вопрос не был приоритетным ни для администрации США, ни для советско-американского политического диалога. При этом так сложилось, что именно посол А.Ф. Добрынин должен был вести переговоры с представителями Госдепартамента по проблеме ближневосточного урегулирования.

Такие встречи начались в Госдепартаменте с 1 апреля 1969 года. По воспоминаниям американских дипломатов, Анатолий Добрынин вел себя крайне осторожно, и было видно, что полученные из Москвы инструкции оставляли ему очень мало простора для действий. Кроме него, в переговорах участвовали его заместитель Юлий Воронцов (1929–2007) и некоторые другие сотрудники посольства; время от времени вместе с ними приходили также эксперты из Министерства иностранных дел СССР. В свою очередь, Джозефа Сиско сопровождали Альфред Л. Атертон (Alfred Leroy Atherton Jr., 1921–2002), который в те времена возглавлял в Госдепартаменте Отдел по вопросам Израиля и арабо-израильским отношениям (Office of Israel and Arab-Israeli Affairs), и Уолтер Б. Смит (Walter B. Smith), сотрудник Госдепартамента, владевший русским языком, в прошлом работавший как в Москве, так и на Ближнем Востоке. Встречи проходили в одном из кабинетов в Отделе по вопросам Ближнего Востока и Южной Азии. Время от времени Дж. Сиско завтракал с А.Ф. Добрыниным в советском посольстве в неформальной обстановке, а порой даже приглашал его на свою виллу в пригороде Вашингтона. После каждой из своих встреч с А.Ф. Добрыниным Дж. Сиско направлял подробные отчеты госсекретарю У. Роджерсу, постпреду США в ООН Ч. Йосту, работавшему в Каире американскому дипломату Дональду Бергусу (Donald Clayton Bergus, 1920–1998), а также американским послам в Израиле и в Иордании.

Эти встречи «проходили негласно (интересно, что не было никаких утечек в прессу), — вспоминал А.Ф. Добрынин. — Была пред-

принята важная попытка на двусторонней основе подготовить ключевые статьи возможного ближневосточного урегулирования. Хотя считалось, что обмен мнениями идет лишь между Вашингтоном и Москвой, по существу, и мы, и они негласно консультировались со своими главными партнерами: мы – с Насером, а они – с Тель-Авивом»⁴¹⁷. Показательно, что и в 1990-е годы, когда он писал свою книгу, а дипломатические отношения между СССР/Россией и Израилем были восстановлены, посол А.Ф. Добрынин называет столицей Израиля Тель-Авив, хотя все высшие органы власти и управления страны, кроме Министерства обороны, находятся в Иерусалиме, еще в 1949 году провозглашенном столицей еврейского государства.

В первую очередь необходимо было определить повестку дня и порядок проведения переговоров. Советские представители хотели выработать проект мирного соглашения между Израилем, Египтом, Сирией и Иорданией. Отказ Сирии даже рассмотреть идею урегулирования своих разногласий с Израилем иным путем, кроме как посредством войны, не давал представителям Советского Союза возможности игнорировать своего строптивного союзника, поскольку в случае достижения соглашения между Израилем и Египтом Сирия вынуждена была бы в одиночку противостоять Израилю, не имея для этого ни дипломатических, ни военных ресурсов. Американцы же стремились свести свои переговоры с Советским Союзом по Ближнему Востоку к обсуждению условий возможного урегулирования между Израилем и Египтом. Пока сирийские руководители не принимали условия резолюции Совета Безопасности ООН №242, США считали, что вопрос об урегулировании отношений между Израилем и Сирией в принципе не может быть урегулирован. Что же касалось Иордании, то Вашингтон совершенно не собирался оказывать помощь СССР в укреплении его позиций в Аммане. В ходе непростых переговоров был достигнут следующий компромисс: переговоры между СССР и США, на которых предполагалось принимать ключевые решения по Ближнему Востоку, должны были касаться только и исключительно Израиля и Египта. А на переговорах между четырьмя государствами, которые и США, и Советский Союз считали скорее показательными, должны были обсуждаться отношения между всеми сторонами ближневосточного конфликта⁴¹⁸. Это дало возможность советским дипломатам уверять своих сирийских коллег в том, что они делают все возможное, чтобы добиться вывода израильских войск со

⁴¹⁷ См.: Анатолий Добрынин, *Сугубо доверительно*, стр. 195.

⁴¹⁸ См.: David A. Korn, "US-Soviet Negotiations of 1969 and the Rogers Plan", p. 41.

всех территорий, которые он оккупировал во время Шестидневной войны, включая Голанские высоты.

Когда Дж. Сиско на первых встречах излагал позицию США, А.Ф. Добрынин неоднократно высказывал возмущение тем, что американцы требовали существенных уступок со стороны Египта, которых Советскому Союзу будет крайне сложно добиться. Дж. Сиско дал понять, что для того, чтобы быть приемлемым для Израиля, любое предлагаемое соглашение должно содержать условие об обязательном проведении на определенном этапе переговоров между представителями еврейского государства и Египта. Соглашаясь с тем, что вначале израильско-египетские переговоры могут быть непрямыми и проходить через посредников, американские дипломаты настаивали на том, что в конце концов представители двух стран должны встретиться лицом к лицу. Само по себе соглашение должно было быть двусторонне обязывающим документом, подписанным обеими странами, а не односторонним обязательством об израильском отступлении, которого добивались египтяне.

Это соглашение не только было призвано положить конец состоянию войны между двумя странами, но также содержать необходимые условия для подписания в будущем мирного соглашения между ними. Американские дипломаты исходили из того, что разрабатываемое соглашение должно было гарантировать свободу израильского судоходства через Акабский пролив и Суэцкий канал; что же касается Синайского полуострова, то после вывода оттуда израильских войск он должен был быть демилитаризован. На переговорах обсуждалась и выдвинутая американцами идея о передаче сектора Газа под контроль Иордании вместо того, чтобы контроль над ним был возвращен Египту. Американцы поддерживали право на возвращение палестинских беженцев, требуя при этом, чтобы Египет взял на себя ответственность за то, чтобы численность возвращающихся в Израиль/Палестину беженцев была ограниченной. *Нет никаких свидетельств того, что правительство Голды Меир согласилось на то, чтобы на территорию Израиля возвращались палестинские арабы, покинувшие страну в ходе войны 1948 года. Фактически американские дипломаты вели со своими советскими коллегами переговоры, целью которых было навязать Израилю и Египту некоторые параметры соглашения, при этом ни израильские, ни египетские представители к участию в этих переговорах приглашены не были.*

В течение нескольких недель в ходе переговоров Дж. Сиско и А.Ф. Добрынину удалось согласовать около десятка разных статей планировавшегося договора. Насколько известно, советским дипломатам удалось убедить египтян согласиться на то, что, если соглаше-

ние будет достигнуто, оно приобретет вид документа, подписанного представителями Египта и Израиля⁴¹⁹. «Это была наиболее обещающая в те годы негласная совместная работа американской и советской дипломатии, хотя, к сожалению, она и осталась неизвестной и незаконченной», — отмечал посол А.Ф. Добрынин⁴²⁰.

Американо-советские переговоры по Ближнему Востоку застопорились по ряду причин, не последней из которых было соперничество среди американских руководителей, каждый из которых жаждал лично снискать лавры миротворца. Генри Киссинджер был ярким примером человека, личность которого определяла статус занимаемой им должности, а не наоборот. Никогда в истории США советник президента по национальной безопасности не имел такого влияния, которое имел он. Г. Киссинджер был евреем и в 1960-е годы совершил три коротких частных визита в Израиль, однако до вступления в должность он никогда не посещал ни одну арабскую страну, в целом не очень интересуясь делами и проблемами Ближнего Востока. Несмотря на то что он согласился на переговоры между Дж. Сиско и А.Ф. Добрыниным и постоянно получал подробные отчеты обо всем, что происходило на них, Г. Киссинджер все же терзался глубокими сомнениями по поводу успеха всей инициативы, переживая по поводу того, что не мог в полной мере выражать свою позицию. Р. Никсон поручил руководить дипломатической работой по проблемам Ближнего Востока госсекретарю У. Роджерсу. Г. Киссинджер считал, что это было каким-то образом связано с тем, что сам он был евреем; как он верно догадывался, Р. Никсон не верил, что его советник сможет быть полностью бесстрастным и объективным в вопросах разногласий между израильтянами и арабами. Единственное, чем Г. Киссинджер пытался утешить себя (если не в то же самое время, то определенно на момент написания своих мемуаров), — это то, что, по его мнению, Р. Никсон оказал У. Роджерсу медвежьую услугу, поручив ему миссию, которая, как считал Г. Киссинджер, была обречена на провал⁴²¹.

Подавляющее большинство американских евреев на выборах 1968 года голосовали против Р. Никсона: его поддержали только примерно 17% из них, тогда как его соперника Х. Хэмфри — 81%⁴²². Своему спичрайтеру он говорил об избирателях-евреях: «Они не да-

⁴¹⁹ См.: David A. Korn, “US-Soviet Negotiations of 1969 and the Rogers Plan”, p. 42.

⁴²⁰ См.: Анатолий Добрынин, *Сугубо доверительно*, стр. 195.

⁴²¹ См.: Henry Kissinger, *White House Years*, p. 348 and 559; Richard Nixon, *The Memoirs* (New York: Grosset & Dunlap, 1978), p. 477.

⁴²² Данные приводятся по: *Jews in American Politics*, p. 153.

дут мне ни одного голоса. Они будут улыбаться и аплодировать, но проголосуют за другого; они все время это делают»⁴²³. Ричард Никсон люто ненавидел левую интеллигенцию, и в первую очередь — либеральных журналистов. Волею судеб многие из этих людей были евреями, и ненависть Р. Никсона к ним увязывалась с их национальной принадлежностью. Большинство евреев он не без оснований считал людьми левых взглядов, враждебно настроенными по отношению к Республиканской партии. Как бы ни старались отдельные авторы, спасая честь института президента, доказать, что Р. Никсон не был ксенофобом, рассекреченные аудиозаписи его бесед в Белом доме со своими ближайшими советниками не оставляют возможности толковать слова главы государства как-то иначе. В феврале 1973 года, беседуя со своим советником Чарльзом Колсоном, Р. Никсон заметил, что у людей всех национальностей есть якобы свои специфические черты: «Ирландцы, например, не умеют пить. Каждый ирландец, изрядно подвыпив, становится абсолютно отвратительным, — утверждал президент. — Итальянцы — замечательный народ, но они неспособны к серьезным размышлениям. Евреи — агрессивные, грубые и, в целом, крайне неприятные создания». По мнению Никсона, «евреи страдают от комплекса неполноценности и поэтому все время пытаются что-то доказать»⁴²⁴.

Р. Никсон неоднократно повторял, что «еврейское лобби не может повлиять на него»⁴²⁵. В марте 1970 года, когда стало известно о продаже французских боевых самолетов Ливии, группа американских солдат и офицеров — ветеранов Вьетнамской войны обратилась к президенту с призывом для поддержания военного баланса в регионе Ближнего Востока продать современные самолеты Израилю. Разозленный Р. Никсон отреагировал на эту просьбу следующим образом: «Я не желаю больше видеть евреев, ходатайствующих за Израиль, в своем офисе как минимум до... — не знаю, как долго»⁴²⁶. Президент ясно давал понять, что таких ходатаев он не желает видеть никогда. *Умный Г. Киссинджер не мог всего этого не понимать, поэтому одной из основных его задач стала потребность доказать самому себе, президенту и всему миру, что, будучи по факту рождением немецким евреем, покинувшим родину в пятнадцатилетнем возрасте из-за политики нацистов, он является стопроцентным американцем, который может вести не менее*

⁴²³ Цит. по: William Safire, *Before the Fall* (New York: Doubleday, 1975), p. 566.

⁴²⁴ Цит. по: Rob Stein, "In new tapes, Nixon makes remarks against Irish, Italians, blacks, Jews" // *Washington Post*, December 12, 2010.

⁴²⁵ Цит. по: Steven L. Spiegel, *The Other Arab-Israeli Conflict*, p. 168.

⁴²⁶ *Ibid.*, p. 170.

жесткий курс по отношению к Израилю и еврейскому народу в целом, чем сам Р. Никсон или У. Роджерс.

С первых дней работы администрации Р. Никсона в январе 1969 года стало ясно, что между Белым домом и Госдепартаментом имеются существенные разногласия относительно методов оптимального разрешения арабо-израильского конфликта в целом, и израильско-египетского конфликта в частности. Главу своего масштабного исследования, посвященного политике США в арабо-израильском конфликте в ходе первого срока правления Р. Никсона, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Стивен Спигель озаглавил «Госдепартамент и Совет по национальной безопасности в состоянии конфликта»⁴²⁷. Напряженные отношения между Г. Киссинджером и У. Роджерсом снижали возможности Государственного департамента успешно проводить и вести к намеченным целям двусторонние и четырехсторонние переговоры. Г. Киссинджер дал указание руководителю Отдела по вопросам Ближнего Востока Совета национальной безопасности Гарольду Сондерсу (Harold Saunders) не общаться с Дж. Сиско, а У. Роджерс потребовал от Дж. Сиско не сообщать информацию о его переговорах с А.Ф. Добрыниным Совету по национальной безопасности. Г. Сондерс, Дж. Сиско и А. Атертон понимали, что подобным образом успеха добиться было невозможно, и они поддерживали связь, обмениваясь информацией, втайне от своих руководителей. Некоторые недоразумения имели место, однако этот неформальный обмен сведениями помогал избежать гораздо более серьезных проблем.

У. Роджерс и Дж. Сиско считали, что у них нет никаких причин сомневаться в том, что президент поддерживает как сами переговоры с Советским Союзом, так и методы их проведения. Время от времени Р. Никсон вызывал У. Роджерса или Дж. Сиско для того, чтобы узнать новости о ходе переговоров «из первых рук», и в беседах с ними он неизменно выражал одобрение и поддержку. Однако с точки зрения Г. Киссинджера, время для переговоров еще не «созрело», потому что позиции двух сторон были слишком далеки друг от друга. Г. Киссинджер видел в каждом воинственном заявлении арабских представителей подтверждение своей концепции о том, что переговоры не приведут ни к какому практическому результату. В то время как У. Роджерс и Дж. Сиско считали, что стагнация в мирном процессе только навредит интересам США на Ближнем Востоке, Г. Киссинджер утверждал, что отсутствие прогресса покажет арабам, что Советский Союз не может помочь им, а значит, они нуждаются в поддержке США. По его мнению, когда это произойдет, позиции Со-

⁴²⁷ См.: Steven L. Spiegel, *The Other Arab-Israeli Conflict*, p. 166–218.

ветского Союза в арабском мире существенно ухудшатся. Он полагал, что продолжающаяся неопределенность в конечном итоге принесет пользу США, поскольку она заставит арабов поменять свои позиции. Напротив, Госдепартамент считал, что бесконечное затягивание мирного процесса подтолкнет арабов к радикализации⁴²⁸.

В Госдепартаменте считали, что США должны достичь договоренности с СССР о характере и параметрах соглашения между Израилем и его арабскими соседями. Подобное сотрудничество между мировыми сверхдержавами должно было усилить позиции США в глазах лидеров арабских государств, в первую очередь — Египта и Иордании. Более того, США следовало выработать «сбалансированную политику» в отношении сторон конфликта. В рамках мирного соглашения от Израиля было решено потребовать отказаться от большей части территорий, занятых в 1967 году. Влиятельные должностные лица утверждали, что военная помощь Израилю должна быть оказана как раз на том условии, что правительство еврейского государства согласится принять эти положения⁴²⁹.

Г. Киссинджер считал, что подход Госдепартамента к вопросам ближневосточной политики ошибочен, поскольку нет сомнений, что любое соглашение, достигнутое с одобрения Москвы, будет выражать мнение арабского мира и тем самым будет представлять собой бесспорное доказательство советского доминирования в регионе. Он утверждал, что конечная цель Кремля заключается в том, чтобы вытеснить США с Ближнего Востока. Такая оценка ситуации побудила Г. Киссинджера выработать политику, нацеленную на поддержание существующего статус-кво в регионе. Г. Киссинджер выступал против намерений Госдепартамента убедить Израиль пойти на мирное соглашение с территориальными уступками. Он считал, что американским интересам отвечало поддержание существовавшего положения дел. Г. Киссинджер утверждал, что это даст понять арабским государствам, что СССР неспособен содействовать никаким мирным инициативам на Ближнем Востоке и тем самым побудит их выбрать США в качестве посредника на переговорах между ними и Израилем⁴³⁰. Когда же арабские лидеры обратят свой взор в сторону США, те и заставят правительство Израиля согласиться на болезненные уступки.

⁴²⁸ См.: Henry Kissinger, *White House Years*, chapter 10.

⁴²⁹ См.: Salim Yaqub, "The Politics of Stalemate: The Nixon Administration and the Arab-Israeli Conflict", in *The Cold War in the Middle East: Regional Conflict and the Superpowers 1967-1973*, ed. Nigel Ashton (London: Routledge, 2007), p. 35.

⁴³⁰ См.: Henry Kissinger, *White House Years*, pp. 341-379.

Г. Киссинджер использовал любую возможность для того, чтобы своими аргументами подорвать доверие Р. Никсона к У. Роджерсу и Дж. Сиско. Несмотря на то что Р. Никсон не хотел, чтобы Г. Киссинджер занимался ближневосточной дипломатией, он продолжил общение с тогдашним послом Израиля в США генералом армии в отставке Ицхаком Рабином. Руководители Госдепартамента слышали отзвуки бесед Г. Киссинджера и И. Рабина, что дало им повод подозревать советника по национальной безопасности в том, что тот убеждал И. Рабина не беспокоиться по поводу двусторонних и четырехсторонних переговоров, поскольку они были организованы по инициативе Госдепартамента, а значение имела только позиция Белого дома, и Г. Киссинджер либо прямо, либо косвенно давал понять И. Рабину, что она была другой.

И. Рабин, однако, не понимал, в какую ловушку он попадает, совершенно не осознавая целей, которых Г. Киссинджер стремился добиться. *Фактически демонстративный отказ от поддержки еврейского государства стал для Г. Киссинджера условием обретения им желанного статуса в высших эшелонах власти США, что позволило ему после переизбрания Р. Никсона на второй срок занять пост государственного секретаря, который он сохранил и после вынужденной отставки президента.* Израиль и евреи были для Г. Киссинджера балластом, интересами которых он всегда был готов пренебречь для продвижения собственных интересов, хорошо понимая, что в существовавшей ситуации руководителям еврейского государства не у кого искать защиты, и они раз за разом будут все равно обращаться к нему, надеясь (почти всегда безосновательно) на пробуждение в нем чувства национальной солидарности. Обнародованные аудиозаписи, сделанные самим Р. Никсоном, включали в себя чудовищный диалог президента с самым высокопоставленным евреем США. Комментируя просьбу премьер-министра Израиля Голды Меир усилить американское давление на советское руководство, вынудив его таким образом дать добро на еврейскую эмиграцию, Генри Киссинджер сказал президенту: «Эмиграция советских евреев не входит в список приоритетов американской внешней политики. И даже если их пошлют в газовые камеры, это не станет американской проблемой, разве что, может быть, гуманитарной». — «Я знаю, — ответил ему Р. Никсон. — Мы не можем из-за этого взорвать мир»⁴³¹. Вдумаемся: Г. Киссинджер заверял американского президента в том, что даже возможный Холокост советских евреев и их массовое уничтожение (таких планов, к счастью, никто в совет-

⁴³¹ Цит. по: “Kissinger: Gassing Jews would not be a US problem” // *Jerusalem Post*, December 11, 2010.

ском руководстве не вынашивал) не должны восприниматься Соединенными Штатами как их проблемы! *Нарочитое, полное пренебрежение к своему народу стало той ценой, которую Г. Киссинджер платил за свой политический успех.*

Как бы то ни было, американо-советские переговоры по проблемам Ближнего Востока возобновились в мае 1969 года. В июне министр иностранных дел СССР А.А. Громыко посетил Каир, после чего 17 июня 1969 года представил свои предложения по урегулированию ближневосточного конфликта, сформулированные от имени Израиля, Объединенной Арабской Республики и неназванных «других арабских стран». Этот документ требовал от Израиля вывести войска со всех занятых в ходе Шестидневной войны территорий, а также «выполнять решения ООН в отношении палестинских беженцев» (без дальнейшей конкретизации). Г.А. Насер должен был согласиться на размещение войск ООН в секторе Газа и в районе Шарм-аль-Шейха, а также гарантировать свободу судоходства через Тиранский пролив, по Акабскому заливу и по Суэцкому каналу «для судов всех государств без дискриминации»⁴³².

Советские дипломаты были готовы работать над соглашением, имеющим обязательную силу для конфликтующих сторон, и добиваться признания Египтом Израиля. У. Роджерс и Дж. Сиско были воодушевлены этими результатами. Представители Советского Союза выразили желание провести следующий этап переговоров в Москве. У. Роджерс направил Р. Никсону меморандум, в котором порекомендовал направить Дж. Сиско в столицу Советского Союза, наделив его правом пустить в ход главную «козырную карту» США, которую Америка держала наготове с самого начала переговоров. Таковой У. Роджерс считал предложение о том, что США официально потребуют полного вывода израильских войск с Синайского полуострова, если Советский Союз согласится на проведение переговоров между Израилем и Египтом в том формате, в котором проходили переговоры о перемирии между двумя странами в 1949 году, что включало в себя следующие основные элементы: использование как прямых, так и непрямых переговоров, заключение двусторонне обязывающего соглашения и демилитаризацию Синайского полуострова.

Забегая вперед, укажем, что переговоры эти ни к чему не привели. А.Ф. Добрынин винил в их провале руководителей еврейского государства: «По мере продвижения вперед чувствовалось, однако,

⁴³² «Основные положения по урегулированию ближневосточного конфликта», в антологии *СССР и ближневосточное урегулирование, 1967–1988*, стр. 87–91.

как росло сопротивление правительства Израиля этому советско-американскому обмену мнениями»⁴³³. В действительности ситуация была куда более сложной, хотя, в самом деле, параметры соглашения, которое выработывали представители сверхдержав без учета израильской позиции, вызывали у Голды Меир и министра обороны Моше Даяна крайне негативные эмоции.

С момента окончания Шестидневной войны в Вашингтоне доминировала позиция, согласно которой в рамках мирного соглашения с Египтом Израиль должен будет вывести свои войска с Синая до границы, которая проходила между подмандатной Палестиной и Египтом. Положение, согласно которому в рамках мирного соглашения Израиль должен будет вернуть Египту весь Синай, было одобрено на совещаниях Совета по национальной безопасности США (разумеется, не спрашивая на то согласия израильских руководителей) еще в феврале 1970 года. Однако Г. Киссинджеру было важно, чтобы «архитектором урегулирования» был именно он, и для него было едва ли не предпочтительней сорвать процесс, чем отдать У. Роджерсу лавры миротворца. Г. Киссинджер резко воспротивился тому, чтобы президент уполномочил Дж. Сиско озвучить то предложение, которое было сформулировано госсекретарем. Г. Киссинджер нехотя признал, что в советских предложениях были позитивные моменты, однако настаивал на том, что они недостаточны. Р. Никсон принял позицию своего советника по национальной безопасности, и Дж. Сиско отправился в Москву практически с пустыми руками⁴³⁴.

Тем не менее Дж. Сиско надеялся, что за те четыре дня, которые он намеревался провести в Москве — с 14 по 17 июля 1969 года, — он сумеет выработать с советскими дипломатами параметры взаимоприемлемого соглашения. Дж. Сиско сообщил своим московским собеседникам, что если Советский Союз не сможет заставить Египет пойти на открытые мирные переговоры, которые закончатся тем или иным соглашением, то США не смогут подвигнуть Израиль на вывод своих войск с Синайского полуострова. Советские представители давили на американцев, с тем чтобы они обязались обеспечить полный вывод израильских войск с Синайского полуострова, однако инструкции, полученные Дж. Сиско, не давали ему возможности проявить гибкость в этом вопросе, и он просто вынужден был повторять те же слова, которые до этого от него слышал А.Ф. Добрынин на протяжении всего процесса переговоров в

⁴³³ См.: Анатолий Добрынин, *Сугубо доверительно*, стр. 195.

⁴³⁴ См.: Henry Kissinger, *White House Years*, pp. 366–367.

Вашингтоне: «Вывод израильских войск со всей территории Синая не исключается»⁴³⁵.

Переговоры в Москве стали разочарованием для обеих сторон. В последней телеграмме, которую Дж. Сиско направил в Вашингтон перед тем, как покинуть Москву, он сообщил, что продвижение в переговорах было совершенно незначительным. Он добавил, что встреча с А.А. Громыко оставила его с четким убеждением, что Советский Союз был готов на поддержание существующего статус-кво; он не увидел никаких признаков того, что советские представители хотели бы, чтобы президент Египта Г.А. Насер занял менее жесткую позицию. Со своей стороны, советские дипломаты сообщили своим американским коллегам, что, поскольку они сделали серьезные шаги вперед в своих предложениях, представленных 17 июня, они ожидали, что Дж. Сиско приедет в Москву с какими-то новыми предложениями американской стороны, и не скрывали своего разочарования в связи с отсутствием таковых.

Тем временем как военные действия на берегах Суэцкого канала (получившие название «Войны на истощение»), так и террористическая деятельность НФОП и других антиизраильских палестинских организаций становились все интенсивнее. В начале сентября У. Роджерс потребовал предоставить ему право вернуться на двусторонние переговоры и представить СССР в качестве предложения уже упомянутую позицию США, касающуюся полного вывода израильских войск с Синайского полуострова. Г. Киссинджеру и в этот раз удалось заблокировать эту инициативу, парировав, что затягивание мирного процесса было в интересах США, так как Израиль был более сильной стороной конфликта, и если бы арабы начали новую войну, то они бы были обречены на поражение — а раз так, то именно они должны быть больше заинтересованы в достижении урегулирования. Р. Никсон в очередной раз нашел аргументы Г. Киссинджера убедительными, проинструктировав У. Роджерса не делать новых предложений во время переговоров с А.А. Громыко на Генеральной Ассамблее ООН⁴³⁶. Однако энергичный Дж. Сиско возобновил свои переговоры с А.Ф. Добрыниным, которые продолжались и в сентябре, и в начале октября 1969 года.

В сентябре 1969 года ситуация, однако, несколько изменилась: в Израиль начали поступать первые истребители-бомбардировщики

⁴³⁵ См.: David A. Korn, "US-Soviet Negotiations of 1969 and the Rogers Plan", p. 45.

⁴³⁶ См.: Henry Kissinger, *White House Years*, pp. 366–367; Steven L. Spiegel, *The Other Arab-Israeli Conflict*, p. 184.

системы *F-4 Phantom*, обещанные еще администрацией Л. Джонсона, что вызвало волну протестов в арабских государствах. Эти самолеты были мощным оружием, превосходящим все виды вооружений, которые Египет получал от Советского Союза. Спустя всего нескольких дней после получения самолетов израильтяне использовали их в боевых действиях на Суэцком канале, где они нанесли колоссальный ущерб противнику. Это дало Советскому Союзу возможность резко интенсифицировать антиамериканскую пропаганду. В радиопередачах, адресованных арабской аудитории, советские представители обвиняли Вашингтон в сознательном подрыве мирных переговоров.

Госсекретарь считал, что эти обвинения нельзя оставить без ответа, ибо они угрожали подорвать и без того непростые отношения США с арабскими странами. У. Роджерс снова обратился к Р. Никсону с просьбой обнародовать наконец позицию США, гласившую, что Израиль должен вывести все свои силы со всей территории Синайского полуострова. Г. Киссинджер вновь высказался против, однако в этот раз Р. Никсон проигнорировал его возражения. Президент сомневался, что Израиль можно будет убедить вывести все его войска со всей территории Синайского полуострова, однако *Р. Никсон посчитал важным показать миру, что США не поддерживают курс израильского руководства*. Он прислушался к аргументам Госдепартамента и согласился с тем, что если арабские руководители будут знать о том, что США поддерживают их требования, это сможет предотвратить резкое ухудшение отношений между США и арабскими государствами; *Израиль вновь стал разменной монетой в чужой игре*.

При этом Р. Никсон вел с израильскими руководителями двойную игру, демонстрируя маккиавелизм высшей пробы: когда в конце сентября 1969 года Г. Меир совершила свой первый визит в США в качестве премьер-министра Израиля и открыто заявила о своих возражениях, Р. Никсон, который незадолго до этого лично дал «зеленый свет» У. Роджерсу и Дж. Сиско, создал у своей гостьи впечатление, будто он не разделяет позицию руководителей Государственного департамента. Г. Меир считала, что госсекретарь У. Роджерс «никогда по-настоящему не понимал ни того, что лежит в основе арабских войн против Израиля, ни того, что верность своему слову арабские лидеры понимают совсем не так, как он сам»⁴³⁷. Однако Р. Никсон, с которым она встречалась впервые в жизни, был настолько убедителен в роли покровителя Израиля, которую он сыграл, принимая свою гостью, что на торжественном обеде растроганная Голда произнесла следующий тост: «Господин президент, благодарю вас не

⁴³⁷ См.: Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 421.

только за гостеприимство, не только за замечательный сегодняшний день и за каждую минуту сегодняшнего дня, но больше всего за то, что вы дали мне возможность сказать дома моему народу, что у нас есть друг, большой друг в Белом доме. Это нам поможет. Поможет справиться со многими трудностями»⁴³⁸. Премьер-министр Израиля не знала о том, что прием в ее честь Р. Никсон называл «еврейским банкетом», к которому давал следующие инструкции: «Я не хочу видеть на этом приеме ни одного еврея, который не поддерживал нашу предвыборную кампанию, вам понятно? Ни одного»⁴³⁹.

Не прошло и месяца после отъезда Г. Меир из Вашингтона, как У. Роджерс и Дж. Сиско встретились с А.Ф. Добрыниным с целью интенсификации переговоров, целью которых было сближение между СССР и США за счет уступок, которые требовались от Израиля.

У. Роджерс и Дж. Сиско встретились с А.Ф. Добрыниным 28 октября 1969 года и представили ему полный текст американского документа, состоявшего из десяти пунктов. Один из них говорил о выводе израильских войск с египетской территории, оккупированной во время Шестидневной войны (не конкретизируя, шла ли речь обо всех занятых территориях, либо же американские дипломаты были готовы согласиться на корректировку границы), другой — о том, что переговоры между Египтом и Израилем будут вестись как о территориях, подлежащих демилитаризации, так и о мерах по обеспечению свободного прохода морских судов через Акабский пролив, а также о мерах безопасности для сектора Газа. Кроме того, американские предложения гласили, что соглашение, подписанное обеими сторонами конфликта, должно прекратить состояние войны между ними, запретив «действия, несовместимые с состоянием мира между ними». Говорилось и о «справедливом разрешении» проблемы беженцев: американцы предлагали разрешить эту проблем путем принятия Израилем ста тысяч возвращающихся палестинских арабов в течение десяти лет⁴⁴⁰. Израильские руководители на это никогда не соглашались, но американцы считали, что смогут навязать Голде Меир и ее правительству эти параметры урегулирования.

Переговоры 28 октября 1969 года должны были стать последними в намеченной серии встреч. Именно тогда У. Роджерс озвучил позицию США относительно вывода всех израильских сил с Синай-

⁴³⁸ См.: Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 431.

⁴³⁹ Цит. по: Михаил Завадский, «Никсон не любил евреев» // www.jewish.ru, 13 декабря 2010 г.

⁴⁴⁰ См.: William B. Quandt, *Decade of Decisions* (Berkeley: University of California Press, 1977), pp. 89–90.

ского полуострова. После этого он заявил, что США пошли на все возможные уступки, на какие только могли, и что теперь настала очередь СССР добиться смягчения позиции руководителей Египта. О том, что они озвучили советским дипломатам позицию, требовавшую полного ухода сил ЦАХАЛа из Синая, израильским руководителям американцы рассказали лишь постфактум. Израильские руководители восприняли это крайне болезненно, сочтя, что американские дипломаты предавали Израиль, оставляя его один на один с Египтом.

В декабре 1969 года должен был состояться саммит глав арабских государств, и представители Госдепартамента были обеспокоены тем, что он может привести к негативным последствиям для США. А. Атертон и Дж. Сиско рекомендовали У. Роджерсу как можно скорее публично изложить основные положения американской позиции. Госсекретарь согласился с аргументами своих подчиненных. Речь, которую он произнес при первой же удобной возможности — на конференции в Вашингтоне, посвященной, вообще говоря, совершенно другой теме — проблемам образования взрослых, — стала одним из самых важных выступлений, которые ему когда-либо приходилось делать в период пребывания на посту госсекретаря. В отношении проблемы достижения соглашения между Израилем и Египтом У. Роджерс заявил, что подход, которого придерживается администрация США, заключается в том, чтобы потребовать от Египта согласиться взять на себя конкретное обязательство о стремлении к миру, а от Израиля — вывести свои войска «к международной границе между Израилем и Египтом, которая существовала на протяжении более чем полувека [так в оригинале]»⁴⁴¹.

В арабском мире эта речь в целом достигла целей, к которым стремился Госдепартамент; в Иордании и Саудовской Аравии она встретила явную поддержку. Отдельные лидеры арабских государств увидели в предложениях госсекретаря свидетельство того, что Вашингтон может относиться к их чаяниям с тем же пониманием, что и к чаяниям Израиля.

В Израиле же взяли время на раздумья — идти на лобовое столкновение с США правительство страны, естественно, не хотело, но и сделать вид, что ничего не произошло, не могло. 10 декабря 1969 года кабинет министров сделал заявление, в котором подтвердил желание Израиля достичь мирного договора с Египтом и принять участие в прямых переговорах с полномочными представителями этой страны. В этом заявлении не содержалось прямого указания на то, что

⁴⁴¹ Текст Плана Роджерса приводится в антологии *Israel's Foreign Relations. Selected Documents, 1947–1974*, vol. 2, pp. 875–879, цитата на стр. 879.

Израиль отвергает План У. Роджерса, однако выражалось сожаление по поводу того, что американские дипломаты сформулировали требуемые от Израиля масштабные уступки еще до того, как египетские руководители в принципе согласились вести с Израилем переговоры о мире. С критикой Плана Роджерса Голда Меир выступила с трибуны Кнессета 15 декабря 1969 года⁴⁴². Одновременно с этим было решено, что министр иностранных дел Израиля Абба Эвен будет направлен в Госдепартамент для разъяснения израильской позиции и дальнейших переговоров⁴⁴³. 15 декабря А. Эвен отправился в Вашингтон. Он беседовал с У. Роджерсом на протяжении двух с половиной часов 16 декабря и на следующий же день вернулся в Иерусалим.

Министр иностранных дел был шокирован, узнав, что всего лишь через двадцать четыре часа после его отъезда из столицы США американские дипломаты, не предупредив его об этом ни намеком, представили свои предложения в отношении возможных параметров соглашения между Израилем и Иорданией. Они были сходны с американским планом соглашения между Израилем и Египтом, представленным 28 октября 1969 года, и предусматривали вывод израильских сил со всей территории Западного берега, за исключением взаимно оговоренных и не то чтобы очень существенных корректировок пограничной линии; также предусматривалось совместное иорданско-израильское управление Иерусалимом. У. Роджерс и Дж. Сиско были обеспокоены тем, что если США будут прилагать больше усилий во благо Египта, бывшего союзником СССР, чем в поддержку Иордании, союзницы США, то доверие короля Хусейна к США будет подорвано. *Ход мыслей американских дипломатов можно понять, но факт сокрытия ими своей концепции от только что посетившего Вашингтон руководителя израильской дипломатии не может свидетельствовать ни о чем, кроме как о полном пренебрежении тогдашним руководством США, как президентом Р. Никсоном, так и госсекретарем У. Роджерсом, интересами Израиля, в том виде, как их отстаивало демократически избранное правительство еврейского государства.*

⁴⁴² Политический доклад Г. Меир в переводе на англ. яз. приводится в антологии *Israel's Foreign Relations. Selected Documents, 1947-1974*, vol. 2, pp. 883-893, о Плана Роджерса премьер-министр говорила ближе к концу своего выступления, см. стр. 891-892.

⁴⁴³ По подсчетам израильских политологов Амнона Сэлы и Яэль Ишай, в 1968 году между американскими и израильскими представителями состоялось тридцать официальных встреч, из коих семь были внеплановыми, в ходе которых дипломаты той или иной стороны выражали протест на действия (или бездействие) другой стороны. В 1969 году состоялись 22 такие встречи, из которых внеплановых было шесть. См.: A. Sella and Y. Yishai, *Israel and the Peaceful Belligerent, 1967-1979* (London: Macmillan, 1986), p. 68.

А. Эвен был в ужасе; он воспринял происшедшее и как личное оскорбление. При этом он хорошо понимал то, в чем У. Роджерс и Дж. Сиско могли не отдавать себе отчет: Иудея, Самария и Иорданская долина, называемые американцами Западным берегом Иордана, имели (и имеют) для значительного большинства еврейского населения Израиля существенно большее историко-символическое и военно-политическое значение, чем Синайский полуостров, а объединенный в ходе Шестидневной войны и сразу объявленный единой и неделимой столицей Иерусалим стал восприниматься как высшее воплощение многовековых национальных чаяний. Полный вывод израильских сил с Синайского полуострова в обмен на мирный договор с Египтом израильское правительство было готово рассматривать; спустя десять лет, в 1979 году, на этих условиях договор между двумя странами и был заключен. Однако в отношении Иерусалима, Иудеи, Самарии и Западного берега позиция израильского руководства (и общества) была – и остается – принципиально иной.

Параметры арабо-израильского урегулирования, представленные американскими дипломатами 18 декабря 1969 года, в связи с содержащимся в них требованием вывести силы ЦАХАЛа из Иудеи, Самарии и Иорданской долины, способствовали существенному внутривосточному сближению в Израиле. И глава правительства Голда Меир, и лидер крупнейшей оппозиционной партии «Херут» [«Свобода»] Менахем Бегин видели в этой ситуации вызов, который требовал жесткой реакции. Послу И. Рабину было предписано вернуться в Израиль для проведения срочных консультаций.

22 декабря 1969 года правительство Израиля сделало заявление, в котором подвергло предложения У. Роджерса резкой критике. Напомнив, что «во время войны 1967 года Израиль в одиночку сражался против сил, которые желали его уничтожения», и что «с тех пор Израиль не перестает предлагать арабским государствам начать переговоры для установления мира, однако арабские правительства регулярно отказываются от переговоров о мире, продолжают свою агрессивную политику и заявляют о том, что готовятся к новой массовой войне», правительство констатировало: «Агрессивные правители арабских государств могут расценить последние американские предложения лишь как попытку США удовлетворить их стремления за счет Израиля». В заявлении недвусмысленно постулировалось, что кабинет министров отвергает американские предложения:

«Кабинет обсудил вызывающие тревогу инициативы администрации США, предлагаемые в рамках переговоров между четырьмя державами. Кабинет с большим неодобрением смотрит на предложения,

которые сделаны администрацией США в отношении конфликта между Израилем, с одной стороны, и Египтом и Иорданией, с другой.

Кабинет отвергает эти предложения, сделанные США, поскольку они снижают шансы на установление мира; игнорируют насущную необходимость установить безопасные и взаимно оговоренные границы путем подписания мирных договоров, выработанных в ходе прямых переговоров; нарушают суверенные права и ставят под угрозу безопасность Израиля, предлагая проекты неприемлемых решений по вопросу о [палестинских] беженцах, и не содержат никакого реального требования к арабским странам положить конец саботажу и прекратить деятельность террористических организаций.

Если эти предложения будут претворены в жизнь, то безопасность Израиля и его мирное существование окажутся в огромной опасности. Израиль отказывается приносить себя в жертву интересам какой бы то ни было державы, и поэтому он отвергнет любую попытку навязать ему чуждое ему решение»⁴⁴⁴.

За заявлением, которое было сделано кабинетом министров Израиля, последовала буря протеста против Плана Роджерса со стороны произраильского лобби в США. По свидетельству Г. Киссинджера, еще до этого прагматичный Р. Никсон снова постарался уйти за кулисы для того, чтобы никто не считал, что он напрямую связан с этим планом, который уже стали называть «инициативой Государственного департамента»⁴⁴⁵.

23 декабря 1969 года А.Ф. Добрынин встретился с У. Роджерсом и Дж. Сиско и сообщил им, что усилия тщетны: Г.А. Насер отверг предложения США. Как сообщил советский посол, египетский лидер отказался вести с Израилем переговоры по какому бы то ни было вопросу, будь то демилитаризация, свободный проход морских судов или же меры безопасности. Г.А. Насер требовал безоговорочного вывода израильских войск с территории Синайского полуострова. Не соглашался он и на «основные принципы мира», принятием которых Египтом США обуславливали требование о выводе израильских войск с Синая. А.Ф. Добрынин дал понять, что Советский Союз в любом случае поддержит Египет, и если Г.А. Насер не согласится принять американские предложения, то же самое сделает и СССР⁴⁴⁶.

⁴⁴⁴ Заявление правительства Израиля от 22 декабря 1969 г. приводится в антологии *Israel's Foreign Relations. Selected Documents, 1947-1974*, vol. 2, p. 880.

⁴⁴⁵ Henry Kissinger, *White House Years*, p. 376.

⁴⁴⁶ См.: David A. Korn, "US-Soviet Negotiations of 1969 and the Rogers Plan", p. 49.

У. Роджерс и Дж. Сиско были чрезвычайно разочарованы. Они убедили президента открыто пойти против позиции Израиля, однако представители Советского Союза не были готовы сделать то же самое по отношению к своему союзнику — Египту. Г.А. Насер не был готов к тому, чтобы разрешить свои споры с Израилем мирным путем, и Советский Союз не собирался вынуждать его к этому. И в Госдепартаменте, и в Белом доме пришли к выводу, что проверка истинных намерений Советского Союза, которую Р. Никсон поручил У. Роджерсу и Дж. Сиско в феврале, завершилась и что ее результаты явно показали, что Кремлю важнее держать напряженность в регионе под контролем, нежели стремиться к достижению мирного урегулирования.

Важно подчеркнуть, что принципы, которыми руководствовались американские и советские дипломаты, были принципиально различными. Стратегия Советского Союза заключалась в том, чтобы на каждом этапе переговоров добиваться поддержки египтян; собственные отношения с Г.А. Насером были советским руководителям всяко важнее, чем его отношения (или отсутствие таковых) с Израилем. *Стратегия же США была кардинально иной; американские дипломаты никогда не пытались добиваться одобрения своих действий Израилем. Американцы рассчитывали, что для того, чтобы добиться требуемых уступок от Израиля, необходимо добиться поддержки СССР и Египта, когда же она будет получена, у Израиля не останется выхода. Советскому Союзу не удалось убедить Г.А. Насера согласиться на ведение прямых переговоров о мире с Израилем, и этим — и только этим — объясняется тот факт, что Израилю не пришлось оказаться в состоянии «лобового столкновения» с США в связи с требованиями о полном уходе со всех занятых в ходе Шестидневной войны территорий.*

Глава 12

Интриги, приведшие к войне: Генри Киссинджер в борьбе за американскую гегемонию на Ближнем Востоке, 1970–1973 гг.

В ответ на План Роджерса Г. Киссинджер разработал альтернативную доктрину, которую можно охарактеризовать как «доктрину затягивания». Фактически именно она лежала в основе ближневосточной политики США вплоть до начала Войны Судного дня в октябре 1973 года. На следующий день после выступления государственного секретаря, 10 декабря 1969 года, Г. Киссинджер изложил основные принципы предлагаемой им политической линии: «Чем дольше Израиль будет удерживать захваченные им арабские территории, тем дольше Советский Союз не будет иметь возможности сделать то, чего от него ждут арабы. И со временем арабы неминуемо должны будут понять, что дружба с Советским Союзом не особенно помогает им — она стала причиной двух поражений [речь о войнах 1956 и 1967 годов], от одного из которых арабов спасли именно американцы, и лишила их возможности вернуть утраченное»⁴⁴⁷.

Уже летом 1967 года Египет с помощью Советского Союза начал восстанавливать свои военные ресурсы. Более 60% самолетов и 40% военной техники, потерянной Египтом в Шестидневной войне, было восстановлено за счет советских поставок уже в июне–августе 1967 года⁴⁴⁸. К концу 1967 года было возмещено 60% всех потерь, а к октябрю 1968 года — уже 80%. Количество техники, находившейся на вооружении Египта, значительно возросло в 1972 году, по срав-

⁴⁴⁷ Меморандум Г. Киссинджера от 10 декабря 1969 г. // National Archives, Nixon Presidential Materials Project, National Security Council files, doc. 109.

⁴⁴⁸ См.: А.У. Yodfat, “Arms and Influence in Egypt — the Record of Soviet Military Assistance Since June 1967” // *New Middle East*, no. 10 (July 1969), p. 27.

нению с 1967 годом. По данным лондонского Института стратегических исследований, Египет обладал 1400 танками в 1967 и 2000 танками – в 1972 году; 450 самолетами – в 1967 и 768 – в 1972 ⁴⁴⁹. Сирия и Ирак также получили значительную советскую военную помощь. Количество советских военных «советников» в Египте, которые должны были обучать солдат обращению с новыми видами оружия, исчислялось многими тысячами.

В течение 1968 года египетская артиллерия вела спорадические обстрелы израильских позиций на другой стороне канала. В феврале 1969 года Г.А. Насер провозгласил политику «постоянной военной активности» в зоне Суэцкого канала. В марте того же года началась т.н. Война на истощение, которой суждено было продлиться до августа 1970 года.

Израильские военные стратеги сознавали невыносимость войны на истощение для маленькой страны, вынужденной в связи с этим держать силы резервистов в состоянии постоянной боевой готовности. Продолжительная война на истощение, в которой противники несут постоянные, приблизительно равные потери, означала бы скорую и неизбежную агонию Израиля. Поэтому Израиль был вынужден предотвратить «истощение» даже путем непропорционально жесткой реакции, то есть нанесения ответного удара, по мощи на порядок превосходящего провокационные действия врага. Однако помимо этих общих соображений у Израиля в тот момент имелись дополнительные причины стремиться к эскалации конфликта.

Советское военное присутствие в Египте постоянно расширялось; египетские вооруженные силы получали новое, хотя и не самое современное оружие. Война на истощение, ответные израильские удары и советская реакция на них создавали динамику замкнутого круга, грозя привести к прямой советской интервенции с последующим риском столкновения двух сверхдержав.

Как уже говорилось в предыдущей главе, государственный секретарь Уильям Роджерс настаивал на прекращении огня и мирных переговорах. В то же время советник президента по национальной безопасности Генри Киссинджер не считал эскалацию военных действий проблемой – скорее, наоборот. Израильский посол в Вашингтоне Ицхак Рабин, который в то время общался с ним весьма часто, 19 сентября 1969 года телеграфировал в Иерусалим: «Совет по национальной безопасности рассматривает результаты израильских военных операций против Египта... Положение Насера пошатнется, а

⁴⁴⁹ См.: Mordechai Nisan, *Israel and the Territories: A Study in Control, 1967–1977* (Ramat Gan: Turtledove Publishing, 1978), p. 48.

это, в свою очередь, ослабит позиции Советского Союза в регионе... Готовность снабжать нас оружием обусловлена скорее интенсификацией наших военных действий, чем их свертыванием»⁴⁵⁰.

По-видимому, этот совет пришелся по душе Голде Меир. Во время своего визита в Вашингтон в сентябре 1969 года она установила систему прямой связи через посла И. Рабина и Г. Киссинджера в обход своего собственного Министерства иностранных дел и американского Государственного департамента. В своих мемуарах И. Рабин описывает эту систему следующим образом: «Киссинджер в соответствии с указаниями президента должен был передавать сообщения мне, а я должен был пересылать их Симхе Диницу, специальному помощнику Голды Меир, в Иерусалим. Таково было предложение президента, и Голда Меир одобрила его. Если это предложение было связано с некоторым недоверием к Аббе Эвену и Уильяму Роджерсу, это не моя вина... Таким стал основной способ поддержания контактов между двумя странами по самым важным вопросам»⁴⁵¹. Большой вопрос, однако, состоит в том, в какой мере Г. Киссинджер действовал здесь в соответствии с «указаниями президента», а в какой вел свою собственную игру⁴⁵².

25 октября 1969 года И. Рабин, лишь за два года до этого бывший начальником Генерального штаба ЦАХАЛа, предложил провести «глубинную» бомбардировку египетских целей. К. О'Брайен полагает, что «в контексте системы “прямой связи” Голда Меир должна была понять, что этот неожиданный совет ее посла был передан через Киссинджера и исходил от президента Соединенных Штатов»⁴⁵³. Мне кажется, что президент Р. Никсон был здесь совершенно ни при чем, его советник по национальной безопасности давал советы на свой страх и риск, способствуя разрушению и без того подточенной системы региональной безопасности, считая, что именно эскалация конфликта и увеличения числа жертв с обеих сторон будет способствовать укреплению геополитического статуса США.

⁴⁵⁰ Об этом сам И. Рабин рассказал в своих воспоминаниях, см.: Yitzhak Rabin, *Memoirs* (University of California Press, 1979), pp. 151–152. См. обсуждение этой темы в недавно изданной книге: Craig A. Daigle, *The Limits of Detente: The United States, the Soviet Union, and the Arab-Israeli Conflict, 1969–1973* (New Haven: Yale University Press, 2012), p. 71.

⁴⁵¹ Цит. по: Yitzhak Rabin, *Memoirs*, p. 152.

⁴⁵² Подробнее о роли и действиях Г. Киссинджера в тот период см.: Boaz Vanetik and Zaki Shalom, “The White House Middle East Policy in 1973 as a Catalyst for the Outbreak of the Yom Kippur War” // *Israel Studies*, Vol. 16, No. 1 (2011), pp. 53–78.

⁴⁵³ См.: Conor Cruise O'Brien, *The Siege: The Saga of Israel and Zionism* (Simon & Schuster, 1986), p. 505.

В тот период члены израильского кабинета министров разделились на тех, кто считал оправданным риск глубокого проникновения в египетское воздушное пространство и налеты на Каир, и тех, кто опасался, что Советский Союз придет на помощь Египту и это приведет к нарушению равновесия стратегических сил.

И. Рабин слал все новые телеграммы, призывавшие к эскалации военных действий против Египта и других арабских стран. Он, очевидно, полагал, что влиятельные люди в Вашингтоне ждали именно этого. Голда Меир придерживалась того же мнения. Вряд ли в оценке позиции Г. Киссинджера она полагалась только на И. Рабина; скорее всего, это соответствовало ее собственному впечатлению от советника президента, сложившемуся после встречи с ним.

7 января 1970 года израильские ВВС совершили свой первый «глубинный» налет на Египет. Спустя две недели, 22 января, Г.А. Насер вылетел в Москву. Целью его поездки было заполучить эффективные ракеты «земля–воздух», а также специалистов для их обслуживания. В Москве не торопились удовлетворять эту просьбу, опасаясь, что это приведет к кризису между Советским Союзом и Соединенными Штатами. В ответ Г.А. Насер начал откровенный шантаж, угрожая переметнуться в проамериканский лагерь. По свидетельству сопровождавшего Г.А. Насера в поездке Мохаммада Хейкала, в ответ на замечание Л.И. Брежнева президент Египта заявил: «У меня достаточно мужества сказать моему народу неприятную правду: нравится это народу или нет, но американцы – хозяева мира»⁴⁵⁴. С этим советские руководители смириться не могли, приняв решение удовлетворить все запросы Г.А. Насера о поставке запрошенных их видов оружия. Советский Союз взял на себя обязательство модернизировать египетскую армию. *Спровоцированные Г. Киссинджером израильские «глубинные» налеты на Египет привели к коренному изменению военного равновесия в регионе, причем это изменение было в пользу Египта, а не Израиля.*

Израильское правительство предвидело враждебную реакцию со стороны Советского Союза, однако оно не рассчитало все масштабы и последствия этой реакции. Несмотря ни на что, Голда Меир и ее посол в Вашингтоне были твердо уверены в поддержке со стороны США. Они полагали, что им удалось установить беспрецедентно тесные отношения с президентом Соединенных Штатов. Они также полагали, что, отвергнув План Роджерса и выразив свое пренебрежение Государственному департаменту, а затем инициировав эскалацию конфликта с Египтом, они делали именно то, чего ожидал от

⁴⁵⁴ Цит. по: Mohamed Heikal, *The Road to Ramadan* (New York: Ballantine Books, 1976).

них президент Р. Никсон. Однако, вопреки ожиданиям и оценкам Г. Меир и И. Рабина, представители администрации США начали оказывать планомерное и в конечном счете эффективное давление на Израиль с целью вынудить его остановить эскалацию, согласиться на прекращение огня и начать переговоры на основе того или иного толкования резолюции №242 и параметров Плана Роджерса, пусть даже их озвучивал не сам госсекретарь.

Голда Меир, вероятно, не поняла всей важности предложений Уильяма Роджерса, которые отражали желание Ричарда Никсона остановить эскалацию конфликта и связанное с ней расширение советского вмешательства в дела Ближнего Востока. Когда Г. Меир получила от президента Р. Никсона обещание поставить новые самолеты и электронное оборудование, то заключила, что ее курс пользуется поддержкой в Вашингтоне. Дело, однако, обстояло не совсем так, и Государственный департамент информировал израильское посольство в Вашингтоне о том, что выполнение израильского заказа откладывается. Причем, в противоположность мнению посла И. Рабина о распределении властных полномочий в Вашингтоне, именно Государственный департамент говорил от имени президента. 23 марта 1970 года У. Роджерс публично заявил об «отсрочке» военных поставок Израилю. Проблема поставок американского оружия в Израиль стояла очень остро, но президент Р. Никсон, очевидно, использовал поставки оружия как рычаг давления. Советские же военные поставки в Египет достигли небывалых масштабов, причем в Советском Союзе рассматривали все варианты, в том числе и возможность прямого вооруженного вмешательства против Израиля; планы соответствующей военной операции были подготовлены.

30 июля 1970 года в тридцати километрах к западу от Суэцкого канала израильские истребители сбили четыре советских самолета. Риск антиизраильской военной операции СССР стал выше, чем когда-либо прежде. Опасаясь этого, на следующий день правительство Израиля согласилось на прекращение огня. Хотя первоначально предложения американской администрации об условиях прекращения боевых действий были восприняты правительством Израиля в штыки, последующие переговоры вынудили Голду Меир и членов ее кабинета согласиться на эти условия. Принятие руководством Египта американских предложений и все возрастающая угроза военной конфронтации с Советским Союзом оказывали значительное давление на израильское правительство⁴⁵⁵.

⁴⁵⁵ См.: Y. Bar-Simon Tov, *The Israeli-Egyptian War of Attrition, 1969–1970: A Case Study of Limited Local War* (New York University Press, 1980), pp. 175–185;

В дополнение к требованию о прекращении огня США требовали от Израиля согласиться отступить со всех занятых в ходе Шестидневной войны территорий, включая Иудею и Самарию, в рамках реализации резолюции №242 с целью достижения мирного соглашения между Израилем и арабскими государствами. Хотя такое требование носило скорее декларативный характер, так как согласие арабских стран на заключение мирного договора получено не было, оно незамедлительно привело к внутривосточному кризису. 31 июля 1970 года семнадцать членов правительства проголосовали за то, чтобы принять американский ультиматум, шестеро – против. 4 августа 1970 года решение правительства было одобрено Кнессетом (результаты голосования: 66 – «за», 28 – «против», 9 депутатов воздержались). В тот же день Менахем Бегин (1913–1992) и пять его последователей в знак протеста вышли из правительства Израиля. Попытки премьер-министра Голды Меир предотвратить их уход из так называемого «правительства национального единства» ни к чему не привели. Р. Никсон публично поддержал условия по прекращению огня во время Войны на истощение между Израилем и Египтом, которое вступило в силу 7 августа 1970 года. Как указывает профессор Йоси Гольдштейн, *американская администрация воспринимала Израиль как обузу, ставящую под удар отношения США с Советским Союзом*⁴⁵⁶, которые воспринимались как несравнимо более важные, чем отношения с Израилем. Показательно, что, каковы бы ни были сопутствующие обстоятельства, именно *американское давление привело к правительственному кризису и распаду первого широкой правительственной коалиции (т.н. «правительства национального единства») в Израиле.*

Сразу после этого У. Роджерс возобновил попытки добиться начала мирных переговоров между Египтом и Израилем. Он рассматривал установление мира между этими двумя странами как свою важнейшую политическую цель в этом регионе.

Ситуация существенным образом изменилась 28 сентября 1970 года, когда, будучи в Москве, на пятьдесят третьем году жизни скоропостижно скончался Гамаль Абдель Насер. Его место занял Ануар Садат (1918–1981).

Вскоре после того, как А. Садат сменил Г.А. Насера на посту президента Египта, ему стало ясно, что путь к возвращению захваченных Израилем земель скорее лежит через Вашингтон, чем че-

M. Brecher, *Decisions in Israel's Foreign Policy* (London: Oxford University Press, 1974), pp. 454–517.

⁴⁵⁶ См.: Йоси Гольдштейн, *Рабин. Биография* (Иерусалим: издательство «Шокен», 2006), стр. 218 [на иврите].

рез Москву. Для того чтобы с этой целью снискать поддержку Белого дома, он был готов существенно уменьшить количество советских военных, которые находились в Египте. Когда в мае 1971 года У. Роджерс посетил Египет в рамках своей кампании по продвижению идеи перемирия в районе Суэцкого канала, А. Садат сказал ему: «Если мы сможем прийти к перемирию... даю вам свое личное поручительство, что все русские военные покинут мою страну в течение шести месяцев»⁴⁵⁷.

А. Садат считал, что без инициативы со стороны Г. Киссинджера или самого Р. Никсона не могло быть и речи о достижении мирного соглашения с Израилем, которое могло бы позволить Египту вернуть себе Синайский полуостров. Поэтому А. Садат решил направить своего советника Мухаммеда Хафеза Измаила (1918–1997) на встречу с Г. Киссинджером, с тем чтобы постараться склонить Белый дом к участию в возобновлении мирного процесса с Израилем на египетских условиях.

А. Садат хотел, чтобы переговоры между М.Х. Исмаилом и Г. Киссинджером начались в октябре 1972 года, но Г. Киссинджер неоднократно откладывал встречу с египетским эмиссаром. В своих мемуарах он утверждал, что вынужден был перенести переговоры с Х. Исмаилом из-за того, что был слишком занят проблемами, связанными с окончанием войны во Вьетнаме⁴⁵⁸; на этом фоне развитие мирного процесса на Ближнем Востоке не было для него приоритетом. В конечном итоге они встретились только в конце февраля 1973 года.

Видимо, Г. Киссинджер не придавал большого значения своей встрече с Х. Исмаилом. За три дня до нее он говорил послу И. Рабину: «Эта встреча ни к чему не приведет, если только они не сделают какое-то новое предложение. А если это произойдет, то я скажу им, что подумаю над ним. ... В отличие от Роджерса и Сиско, я считаю, что я должен принимать участие в том или ином процессе только в обмен на что-то»⁴⁵⁹. Г. Киссинджер не считал, что египетскому эмиссару есть что предложить.

Однако во время переговоров, которые состоялись 25–26 февраля 1973 года, М.Х. Исмаил представил самое далеко идущее пред-

⁴⁵⁷ Цит. по: Craig Daigle, "The Russians are Going: Sadat, Nixon and the Soviet Presence in Egypt" // *Middle East Review of International Affairs*, vol. 8 (2004), p. 6.

⁴⁵⁸ Henry Kissinger, *White House Years*, p. 1300.

⁴⁵⁹ Протокол встречи между Г. Киссинджером и И. Рабином, 22 февраля 1973 г. // Архив Совета по национальной безопасности, фонд Г. Киссинджера, The National Archives and Records Administration, Washington.

ложение, которое когда-либо до этого делал Египет на переговорах по достижению мирного соглашения с Израилем. Оно заключалось в том, чтобы урегулировать египетско-израильский конфликт в несколько этапов на пути к окончательному соглашению. При этом М.Х. Исмаил неоднократно подчеркивал, что Египет не может больше ждать и что большая часть соглашения должна быть реализована уже в 1973 году. Он добавил, что слишком медленное продвижение мирного процесса ослабит позиции Египта в арабском мире и что вывод израильских войск с Синайского полуострова должен быть завершен к концу года. Идеи, высказанные М.Х. Исмаилом, можно свести к шести основным положениям:

1. Египет был готов принять любое соглашение между Израилем и Иорданией и палестинцами Западного берега, к которому придут сами конфликтующие стороны. Это соглашение должно было основываться на праве палестинцев на самоопределение в секторе Газа, что подразумевало создание палестинской автономии в этом районе под контролем ООН.

2. В отношении израильско-арабского конфликта М.Х. Исмаил ясно дал понять, что наиболее важным вопросом в рамках предлагаемого соглашения должно быть сочетание реализации претензий Египта на возвращение под его юрисдикцию Синайского полуострова и требования Израиля гарантировать его безопасность на границе с Египтом. М.Х. Исмаил выразил понимание беспокойства Израиля по поводу своей безопасности и назвал его «легитимным и разумным».

3. В обмен на полный вывод израильских войск с Синайского полуострова эмиссар президента Египта от имени своей страны пообещал признать независимость, суверенитет и территориальную целостность Израиля в границах 1967 года, прекратить состояние войны с Израилем, гарантировать невмешательство во внутренние дела Израиля, разрешить свободный проход морских судов в Израиль по международным водным путям в Суэцком канале и в Тиранском проливе, а также согласиться на присутствие международного воинского контингента в двух или трех стратегических точках на Синае, в том числе в Шарм-аль-Шейхе, и предпринять усилия для отмены арабского бойкота в отношении государств, торгующих с Израилем.

4. Египет будет следить за тем, чтобы его территория не использовалась как база для террористических организаций или террористической деятельности отдельных лиц против граждан Израиля или израильской собственности.

5. Некоторые части Синайского полуострова останутся демилитаризованными.

6. М.Х. Исмаил даже был готов рассмотреть вопрос о полной нормализации отношений с Израилем, включая обмен послами, содействие открытому туризму и подписание торговых договоров между двумя странами. Тем не менее он сделал акцент на том, что Египет будет готов к таким шагам лишь тогда, когда арабо-израильский конфликт будет разрешен в целом, что подразумевало также и обязательное заключение соглашения с палестинцами⁴⁶⁰.

С точки зрения опытного египетского дипломата (а М.Х. Исмаил имел стаж работы послом своей страны в Лондоне, Берлине и в Париже), эти предложения содержали существенные уступки, подобных которым Египет не делал никогда прежде. Однако в тогдашних обстоятельствах они не были достаточными для того, чтобы привести к какому бы то ни было прорыву в процессе переговоров. Действия Израиля основывались на предположении, что он обладал существенным военным превосходством над Египтом и что в этот раз, после войны 1967 года, он не должен отказываться от возможности прийти к полноценным соглашениям (а не только к договорам о размежевании войск) с арабскими странами. Опыт Родосских соглашений о прекращении огня, заключенных после войны 1948 года, показал, что такие документы ни в кратко-, ни в долгосрочной перспективе не приводят к полноценным мирным договорам. Исходя из этого, в Израиле пришли к выводу о том, что отдача территорий допустима только в условиях подписания полноценного мирного соглашения. Согласно предложениям М.Х. Исмаила, Израиль должен был полностью вывести свои войска с Синайского полуострова в обмен лишь на соглашение о прекращении боевых действий, в то время как полноценное мирное соглашение Египет не был готов подписать, пока ключевая проблема в израильско-арабских отношениях – палестинская – не нашла своего разрешения. М.Х. Исмаил, несомненно, осознавал, что эта проблема не могла быть разрешена в краткосрочной перспективе, а Г. Киссинджер понимал, что Израиль не отдаст Синай, не получив взамен полноценный мирный договор, просто потому, что на следующем этапе отдавать будет уже нечего.

Холодное отношение Г. Киссинджера к предложениям Исмаила надо рассматривать именно в этом контексте. Эти предложения не давали надежды на какие-либо значимые изменения в мирном процессе. Г. Киссинджер изложил свое видение ситуации, указав, что египетская позиция не будет принята Израилем, который будет отка-

⁴⁶⁰ Протокол переговоров между Г. Киссинджером и М.Х. Исмаилом, 25–26 февраля 1973 г. // The National Archives and Records Administration, Washington.

зваться брать на себя обязательство вывести войска с Синайского полуострова до начала прямых переговоров между странами. Он добавил, что если руководство Египта желает перемен, то оно должно осознать это.

Такое отношение одного из высших руководителей США к предложениям М.Х. Исмаила было неприятной неожиданностью для А. Садата. Судя по всему, он рассчитывал, что его предложения будут расценены администрацией как выражение готовности Египта пойти на серьезный компромисс ради достижения соглашения с Израилем. Он надеялся, что в обмен на это США согласятся оказать давление на Израиль, с тем чтобы он продемонстрировал большую готовность к уступкам со своей стороны. А. Садат рассчитывал, что отказ от помощи советских военных «советников» будет воспринят Соединенными Штатами как свидетельство готовности Египта избавиться от покровительства СССР и, как следствие, побудит администрацию Р. Никсона поддержать египетскую позицию и связанные с ней требования по отношению к Израилю⁴⁶¹.

Принципиальное требование Египта заключалось в том, чтобы Израиль полностью вывел свои войска с Синайского полуострова. А. Садат открыто и недвусмысленно выразил эту позицию в мае 1971 года, когда он дал понять У. Роджерсу и Дж. Сиско, что возвращение всей территории Синай Египту является безоговорочным условием для достижения любого соглашения между Израилем и Египтом и что Египет не собирается уступать в этом вопросе. Кроме того, в то время А. Садат не собирался идти на прямые переговоры с Израилем, декларируя и то, что «не поступится никакими правами палестинского народа».

Сразу же после завершения переговоров между М.Х. Исмаилом и Г. Киссинджером в конце февраля 1973 года с государственным визитом в США прибыла Г. Меир. Ее встреча с президентом Р. Никсоном состоялась 1 марта. Р. Никсон и Г. Киссинджер потребовали, чтобы в ответ на угрозы со стороны арабских государств о введении нефтяного эмбарго против США, если последние откажутся оказать давление на Израиль, правительство Израиля публично заявило о своем стремлении содействовать продвижению мирного процесса⁴⁶². (Кстати говоря, в ходе Войны Судного дня 16 октября 1973

⁴⁶¹ См.: Mahmoud Riad, *The Struggle for Peace in the Middle East* (New York: Quartet Books, 1981), p. 237.

⁴⁶² Протокол переговоров между Р. Никсоном и Г. Меир, 1 марта 1973 г. // Архив Совета по национальной безопасности, The National Archives and Records Administration, Washington.

года страны Персидского залива объявили о повышении цен на сырую нефть на 70%, а 17 октября десять арабских нефтедобывающих стран на совещании в Кувейте объявили о своем решении сокращать добычу нефти по крайней мере на 5% каждый месяц до тех пор, пока Израиль не выведет свои войска с территорий, оккупированных в войне 1967 года, и пока не будут восстановлены «законные права палестинцев»; за этим решением последовало эмбарго на продажу нефти Соединенным Штатам. Но как сокращение добычи нефти, так и антиамериканское эмбарго были отменены уже в начале 1974 года.)

Голда Меир была готова проявить гибкость для того, чтобы проверить, насколько серьезны были намерения М.Х. Исмаила, и чтобы попробовать достичь хотя бы частичного соглашения по поводу Суэцкого канала. Она согласилась на частичный вывод израильских войск из района Суэцкого канала, оставив вопрос о выводе израильских войск с Синайского полуострова открытым для обсуждения в будущем. Она также впервые согласилась на ограниченное присутствие египетской полиции в районе канала и отметила, что, несмотря на то что Израиль настаивает на том, что у его кораблей есть право проходить через Суэцкий канал, она не собирается требовать, чтобы соблюдение этого права было включено в условия промежуточного мирного соглашения. Г. Меир согласилась на то, чтобы Соединенные Штаты продолжали свое взаимодействие с СССР и Египтом по вопросу работы параметров соглашения⁴⁶³. Во время встречи Р. Никсона с Г. Меир между США и Израилем был заключен новый договор о поставке вооружений, в том числе тайное соглашение о продаже 100 истребителей системы *Phantom* в течение последующих нескольких лет. При этом президент Р. Никсон потребовал от Г. Меир, чтобы она не сообщала эту информацию прессе⁴⁶⁴. В публичном пространстве американская администрация продолжала дистанцироваться от Израиля. Когда 20 марта 1973 года М.Х. Исмаил написал Г. Киссинджеру письмо, в котором выразил недовольство фактом заключения договора о поставке Израилю американских вооружений, Г. Киссинджер немедленно опроверг факт совершения подобной сделки.

Однако интерес Г. Киссинджера состоял не в достижении израильско-египетского урегулирования под патронажем двух великих держав, США и СССР; он стремился к достижению соглашения исключительно под эгидой США. Более того, отсутствие соглашения вообще было в его глазах более предпочтительным, чем достижение соглашения при участии советских дипломатов. Израильские интересы мало интересовали Г. Киссинджера,

⁴⁶³ Цит. там же.

⁴⁶⁴ См.: William B. Quandt, *Peace Process*, p. 539.

ведшего борьбу не за мир на Ближнем Востоке, а за изгнание Советского Союза с Ближнего Востока. Даже увидев явную готовность Голды Меир пойти на существенные уступки, Генри Киссинджер не изменил своего курса, сообщив в конце мая 1973 года новому израильскому послу Симхе Диницу о своем намерении продолжить «политику затягивания»: «Мы следуем той стратегии, которую я уже разъяснял вашему премьер-министру. Мы ничего не добиваемся, мы тянем время. Мы используем переговоры с египтянами для того, чтобы прекратить переговоры с СССР. Египтяне также обратились к ним [представителям СССР] с просьбой не вмешиваться [в переговоры между США и Египтом], так что в вопросе работы над мирным процессом мы не испытываем с их стороны [со стороны СССР] ощутимого давления». При этом Г. Киссинджер признавал, что он не знает, насколько долго возможно будет сохранять «политику затягивания», и что ситуация на Ближнем Востоке может и весьма быстро выйти из-под контроля⁴⁶⁵. Это показывает, что Г. Киссинджер был в курсе недовольства Египта, вызванного стагнацией в мирном процессе и «политикой затягивания», инициатором которой он сам во многом и являлся. Несмотря на то что он осознавал, что недовольство арабов, и в первую очередь — египтян, может привести к полномасштабному столкновению с Израилем, он все же предпочел продолжить свою политику.

Фактический провал переговоров М.Х. Исмаила и Г. Киссинджера, а также сообщения о продаже американского оружия Израилю привели А. Садата к мысли о том, что единственным способом вернуть Синайский полуостров является новая война. Насколько известно, впервые о решении напасть на Израиль А. Садат объявил на закрытом совещании 6 марта 1973 года, причем уже тогда он рассчитывал, что благодаря поддержке Сирии ему удастся навязать Израилю войну на два фронта. 5 апреля А. Садат созвал совещание египетского правительства, на котором заявил, что ввиду позиции, занятой администрацией США, война против Израиля неизбежна⁴⁶⁶.

По всей видимости, к середине апреля 1973 года Г. Киссинджер также пришел к выводу, что сложившееся положение вещей не могло продолжаться бесконечно. 11 апреля он сообщил послу С. Диницу, что Израилю следует разработать критерии относительно содержания соглашения о прекращении огня с Египтом как можно скорее, с

⁴⁶⁵ Протокол встречи между Г. Киссинджером и С. Диницом, 30 марта 1973 г. // Архив Совета по национальной безопасности, фонд Г. Киссинджера, The National Archives and Records Administration, Washington.

⁴⁶⁶ См.: Uri Bar-Joseph, *The Watchman Fell Asleep. The Surprise of Yom Kippur and Its Sources* (Albany: State University of New York Press, 2005), pp. 146–147.

тем чтобы ограничить участие СССР в мирном процессе и прекратить попытки арабских стран оказывать давление на США с целью добиться более активного участия в продвижении мирного процесса с использованием их контроля над рынком нефти⁴⁶⁷. Г. Киссинджер не упоминал вооруженный конфликт в качестве возможного варианта развития событий, его главные опасения были связаны с возможностью наложения арабами эмбарго на продажу нефти в США и с усилением позиций СССР на Ближнем Востоке.

На тот момент Г. Киссинджер «удачно» вел бессмысленные переговоры с СССР, с одной стороны, и с Египтом, с другой, нацеленные лишь на то, чтобы выиграть время, однако он никак не мог гарантировать, что эта тактика будет и дальше давать свои плоды. Он добавил, что, если арабы решат использовать свою нефть для того, чтобы шантажировать Америку, Израиль может оказаться в очень щекотливой ситуации, поскольку общественное мнение в США будет требовать, чтобы администрация оказала давление на Израиль и заставила его пойти на существенные уступки Египту. Несмотря на сомнения относительно возможности достижения соглашения между Израилем и Египтом, Г. Киссинджер потребовал, чтобы Израиль публично заявил о своей заинтересованности в продвижении мирного процесса на Ближнем Востоке и объявил о готовности к тем или иным уступкам с целью его оживления⁴⁶⁸.

18 апреля 1973 года в служебном доме главы правительства Израиля состоялось конфиденциальное совещание руководителей страны, в ходе которого обсуждалась вероятность новой войны с Египтом в ближайшие месяцы и возможные альтернативы ей⁴⁶⁹. Среди участников совещания, помимо Голды Меир, были: министр обороны Моше Даян, министр информации Исраэль Галили (1911–1986), глава Генерального штаба Армии обороны Израиля Давид Элазар (1925–1976), глава военной разведки генерал Эли Зеира и руководитель Службы внешней разведки Цви Замир; присутствовали также некоторые их ближайшие помощники. Совещание было созвано в свете предупреждений, которые начала передавать израильская разведка относительно намерений Египта начать войну против Израиля. Эти предупреждения исходили из различных источников, однако все они указывали на разочарование, которое испытывал А. Садат по поводу неудачной попытки возобновления переговоров при по-

⁴⁶⁷ Протокол встречи между Г. Киссинджером и С. Диницом, 11 апреля 1973 г.

⁴⁶⁸ Там же, 12 апреля 1973 г.

⁴⁶⁹ См.: Uri Bar-Joseph, *The Watchman Fell Asleep*, pp. 172–190.

средничестве Г. Киссинджера и на его решимость идти на Израиль войной. Эти сообщения содержали различную информацию относительно возможного срока начала войны, хотя наиболее часто назывались даты 15 и 19 мая 1973 года⁴⁷⁰. Послу С. Диницу было поручено передать информацию о египетских планах нанести удар по Израилю лично Г. Киссинджеру, что он и сделал 23 апреля.

В начале мая на основе этой информации в Совете по национальной безопасности США был подготовлен меморандум, в котором оценивалась вероятность войны на Ближнем Востоке в краткосрочной перспективе. Американская разведка располагала информацией, которая подтверждала, что Египет и другие арабские страны в течение весны 1973 года передислоцировали свои войска таким образом, что эти действия могут быть интерпретированы как подготовка к войне против Израиля. В частности, ракеты класса «земля–воздух» SAM-2 и SAM-6 были перемещены ближе к западному берегу Суэцкого канала, три эскадрильи самолетов «мираж» были переброшены из Ливии в Египет, причем полеты на них совершались египетскими летчиками; кроме того, шестнадцать истребителей *Hawker Hunter* были переброшены из Ирака в Египет, а шестнадцать бомбардировщиков TU-16 были переведены из района Асуанской плотины в окрестности Каира.

Однако в документе также отмечалось, что американская разведка не уверена, действительно ли эти шаги отражают намерение Египта начать войну в ближайшие месяцы, или же они направлены на то, чтобы оказать психологическое давление на Израиль и США и вынудить администрацию усилить давление на Израиль, чтобы он согласился вернуть под юрисдикцию Египта потерянные им в ходе войны 1967 года территории. В документе констатировалось, что арабские государства едва ли начнут войну, поскольку их руководители осознавали факт военного превосходства армии Израиля над их вооруженными силами⁴⁷¹.

Исходя из этого, эксперты Совета по национальной безопасности пришли к выводу, что египтяне не собирались начинать боевые действия в ближайшие месяцы. Сделав этот совершенно ошибочный вывод, эксперты, привлеченные Г. Киссинджером, полностью проигнорировали публичные заявления А. Садата, в которых он неодно-

⁴⁷⁰ См.: Uri Bar-Joseph, *The Watchman Fell Asleep*, p. 168.

⁴⁷¹ NSC Staff Memorandum, “Indications of Arab Intentions to Initiate Hostilities”, без даты [начало мая 1973 г.] // Архив Совета по национальной безопасности, фонд Г. Киссинджера, The National Archives and Records Administration, Вашингтон.

кратно делал акцент на том, что без явных изменений в ближайшее время Египет собирается начать войну. В интервью журналу *Newsweek* 9 апреля 1973 года А. Садат заявил: «Пришло время для шоковой терапии. Дипломатическая работа будет вестись и дальше — до, во время и после войны. Все западноевропейские страны показывают, что просто забыли о проблемах Ближнего Востока. Но очень скоро все они вспомнят о нем, поняв, что Америка просто не оставила нам другого пути выхода. Поэтому теперь все усилия мобилизуются для того, чтобы начать битву, которая просто неизбежна». Цитируемое интервью Ануара Садата журналисту Арно де Боршграву (Arnaud de Borchgrave) было опубликовано в журнале *Newsweek* только 23 апреля 1973 года, то есть спустя две недели, однако, осознавая важность услышанной им информации, корреспондент немедленно передал текст интервью в аппарат Совета по национальной безопасности⁴⁷². Однако Г. Киссинджер, который осознавал, что египтяне намерены пойти войной на Израиль, тем не менее продолжал вести «политику затягивания».

По всей видимости, Р. Никсон не был в восторге от «политики затягивания», проводимой Г. Киссинджером. После своего повторного избрания на президентский пост в ноябре 1972 года и после того, как 27 января 1973 года в Париже было подписано соглашение о прекращении огня и восстановлении мира во Вьетнаме, ознаменовавшее выход США из этой войны, Р. Никсон собирался уделить больше внимания Ближнему Востоку. В феврале 1973 года он неоднократно выражал свою озабоченность продолжающейся политикой затягивания мирного процесса и называл причиной этого непримиримую позицию Израиля⁴⁷³. Р. Никсон решил занять более жесткую позицию по отношению к Израилю. 2 февраля ближневосточные вопросы стали предметом обсуждения на встрече президента с британским премьером Эдвардом Хитом (Edward Heath, 1916–2005). Р. Никсон упомянул, что теперь он был свободен от ограничений, связанных с внутренней политикой, которые он должен был принимать во внимание в связи со своей предвыборной кампанией, и поэтому собирался склонить в 1973 году Израиль к существенным уступкам во имя продвижения мирного процесса⁴⁷⁴. В своих воспоминаниях Р. Никсон писал о том, что осознавал возможные риски для интере-

⁴⁷² См.: William B. Quandt, *Peace Process*, p. 539.

⁴⁷³ См.: Boaz Vanetik and Zaki Shalom, “The White House Middle East Policy in 1973”, p. 70.

⁴⁷⁴ Протокол встречи между Р. Никсоном и Э. Хитом, 23 февраля 1973 г. // National Archives, Лондон, Prime Minister Records 15/1764.

сов США на Ближнем Востоке, которые могут наступить, если «политика затягивания» продолжится, а именно: ухудшение отношений США с арабским миром, усиление радикально настроенных течений среди арабов, а также упрочение советского влияния на Ближнем Востоке⁴⁷⁵.

Г. Киссинджер, однако, не был согласен с прогнозами президента. В меморандуме от 23 февраля 1973 года, составленном в ответ на просьбу Р. Никсона представить новые альтернативы ближневосточной политики США, он выразил мнение о том, что затягивание переговорного процесса еще на несколько месяцев не нанесет никакого ущерба интересам США в регионе. Р. Никсон ответил, что не согласен с этой позицией и что у него нет никакого намерения продолжать откладывать прямое вмешательство США в переговорный процесс, потому что ситуация в регионе чрезвычайно напряжена и в любой момент может произойти открытое военное столкновение⁴⁷⁶. В середине марта 1973 года, после того, как М.Х. Исмаил и Г. Меир посетили Вашингтон, Р. Никсон стал проявлять еще большую озабоченность. Однако развитие Уотергейтского скандала, в конечном итоге вынудившее президента уйти в отставку, отвлекло Р. Никсона, в том числе, и от ближневосточных проблем.

Во время встречи Г. Киссинджера и М.Х. Исмаила, состоявшейся 20 мая 1973 года, египетский дипломат не сделал никаких новых предложений. К тому времени А. Садат уже принял решение о войне против Израиля и, по всей видимости, не ожидал от этой встречи ничего нового; Г. Киссинджер не сделал ничего, чтобы изменить этот настрой. Г. Киссинджер отказался от каких бы то ни было обещаний, указав, что невозможно ожидать каких бы то ни было серьезных изменений до выборов в Израиле, назначенных на конец 1973 года, предложив провести следующую встречу уже после того, как они пройдут⁴⁷⁷. М.Х. Исмаил был очень разочарован этой беседой. В беседе с американским дипломатом в Каире он сказал, что США будут нести ответственность за «конец света», который скоро наступит на Ближнем Востоке⁴⁷⁸.

⁴⁷⁵ Richard M. Nixon, *The Memoirs* (New York: Grosset & Dunlap, 1978), pp. 786–787.

⁴⁷⁶ Henry Kissinger, *Years of Upheaval* (Boston: Little, Brown and Company, 1982), pp. 211–212.

⁴⁷⁷ Протокол встречи между Г. Киссинджером и М.Х. Исмаилом, 20 мая 1973 г. // Архив Совета по национальной безопасности, фонд Г. Киссинджера, The National Archives and Records Administration, Вашингтон.

⁴⁷⁸ Телеграмма из посольства США в Египте в Государственный департамент США от 8 июня 1973 г. цит. по: Boaz Vanetik and Zaki Shalom, “The White House Middle East Policy in 1973”, p. 68.

Несмотря на все вышесказанное, в ходе серии встреч на высшем уровне между Л.И. Брежневым и Р. Никсоном, состоявшихся в июне 1973 года, проблемы Ближнего Востока почти не подымались, хотя за неделю до этого саммита Израиль с тайным визитом посетил эмиссар Ю.В. Андропова Виктор Луи (1928–1992), обсуждавший в ходе длительных переговоров с главой администрации премьер-министра Мордехаем Газитом широкий круг вопросов, касавшихся возможных путей улучшения советско-израильских отношений⁴⁷⁹. На самом саммите же попытка достичь соглашения о принципах разрешения ближневосточного конфликта была отложена до самого последнего дня, то есть до 23 июня. Как свидетельствует протокол, Л.И. Брежнев подымал эту тему весьма настойчиво, но усталый Р. Никсон ограничился расплывчатым обещанием того, что достижение мирного соглашения на Ближнем Востоке будет основным приоритетом политики США в следующем году⁴⁸⁰. Совместное коммюнике, обнародованное от имени лидеров двух сверхдержав по итогам саммита 24 июня, содержало крайне малосущественное упоминание Ближнего Востока и не скрывало наличия разногласий между сторонами: «Стороны выразили глубокую озабоченность положением на Ближнем Востоке и обменялись мнениями о путях достижения ближневосточного урегулирования. Каждая из сторон изложила при этом свою позицию по данной проблеме. Обе стороны согласились продолжать свои усилия с целью содействовать быстрейшему урегулированию на Ближнем Востоке. Это урегулирование должно быть осуществлено в соответствии с интересами всех государств данного региона, должно отвечать их независимости и суверенитету и учитывать должным образом законные интересы палестинского народа»⁴⁸¹. На этом саммите были подписаны «Основные принципы переговоров о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений», но с задачей предотвращения конвенциональной войны на Ближнем Востоке руководители США и СССР не справились.

Уже после этого, 28 июня 1973 года, госсекретарь У. Роджерс представил президенту Р. Никсону новые предложения, основная идея которых заключалась в том, чтобы США постарались убедить Израиль и Египет начать конфиденциальные переговоры друг с другом при посредничестве США, направленные на урегулирование

⁴⁷⁹ Частично засекреченный и поныне протокол переговоров В. Луи и М. Газита от 15 июня 1973 г. занимает 36 машинописных страниц.

⁴⁸⁰ Протокол встречи между Л.И. Брежневым и Р. Никсоном, 23 июня 1973 г.

⁴⁸¹ Текст совместного коммюнике от 24 июня 1973 г. был опубликован в газете *Правда*, 26 июня 1973 г.

конфликта между ними на основании резолюции Совета Безопасности ООН №242 и при их согласии с тем, что эта резолюция *не обязывает* Израиль полностью выводить свои войска с территорий, захваченных после 4 июня 1967 года, но и не противоречит идее о таком выводе. У. Роджерс осознавал тот ущерб, который затягивание мирного процесса может нанести интересам США. Представляя план Р. Никсону, он подробно объяснил, почему, по его мнению, обстоятельства уже созрели для того, чтобы обнародовать новую дипломатическую инициативу США, и назвал серьезные риски, которые стояли перед США в случае продолжения затягивания мирного процесса: «Израиль удовлетворен результатами встречи на высшем уровне и нашими текущими отношениями в рамках поставки вооружений. Поэтому сейчас он должен как никогда быть готов принять наше предложение, в котором мы сделаем акцент на том, что мы считаем важным с точки зрения наших национальных интересов в регионе. Что касается Египта, то Садат ищет дипломатическую альтернативу и признает, что США должны играть ключевую роль... Такой шаг может также ослабить давление Египта на Совет Безопасности, коим он пытается добиться результата, который может еще больше отдалить друг от друга позиции Египта и Израиля, сделав обе страны еще менее склонными к компромиссу и, возможно, заставить нас наложить вето, которое не позволит нам сыграть роль конструктивного посредника и еще больше усилит недовольство арабского мира позицией США в целом»⁴⁸².

Эта инициатива была сразу же отклонена Р. Никсоном. Как записал в своей справке Теодор Д. Элиот (Theodore Eliot), тогдашний исполнительный секретарь Госдепартамента: «Генерал [Александр] Хейг, помощник президента, вызвал меня сегодня утром, чтобы сообщить, что президент не хотел бы, чтобы госсекретарь дал ход своему плану, который был обозначен в меморандуме, направленном президенту 28 июня. Хейг сказал, что президент ждет ответа от Брежнева после того, как он обсудил с ним ближневосточные проблемы на прошлой неделе, и не хочет, чтобы до получения его ответа предпринимались какие бы то ни было действия». Т. Элиот передал этот ответ президента как Дж. Сиско, так и самому У. Роджерсу⁴⁸³.

Исходя из этого свидетельства, сопротивление Р. Никсона новой инициативе У. Роджерса объясняется его желанием дождаться ответа советского руководителя на те предложения, которые обсуж-

⁴⁸² Записка У. Роджерса Р. Никсону “Next Steps on the Middle East”, 28 июня 1973 г.

⁴⁸³ Меморандум Т. Элиота от 28 июня 1973 г.

дались на встрече в верхах за несколько дней до этого. Однако, скорее всего, поведение Р. Никсона было вызвано сугубо внутренними аппаратными причинами, ибо, учитывая, что ближневосточные сюжеты обсуждались на встрече в верхах крайне лаконично и бессодержательно, ожидать ответа от советской стороны Р. Никсону было не на что. В то время фактическим руководителем американской дипломатии уже был Г. Киссинджер, и он, как и Р. Никсон, не хотели нового усиления У. Роджерса, что произошло бы в случае, если бы его инициативе был дан ход. Возможно, что Г. Киссинджер был одним из тех, кто убедил Р. Никсона наложить вето на инициативу У. Роджерса. В то время личные взаимоотношения между ними серьезно ухудшились, и президент даже отправил к У. Роджерсу А. Хейга, чтобы тот убедил его уйти в отставку, и Р. Никсон смог назначить на это место так стремившегося его занять Г. Киссинджера⁴⁸⁴.

16 августа 1973 года У. Роджерс направил Р. Никсону свое заявление об отставке. Это позволило президенту 22 августа назначить Г. Киссинджера на пост госсекретаря. На тот момент Р. Никсон был озабочен почти исключительно своим политическим будущим после начала Уотергейтского скандала, и проблемы Ближнего Востока были одними из последних в его списке приоритетов. Можно только догадываться, смогла ли бы реализация инициативы У. Роджерса, будь она одобрена Р. Никсоном, предотвратить начало войны в октябре, три месяца спустя. По всей видимости, израильские руководители не были готовы согласиться на полный уход с Синайского полуострова, а А. Садат тогда еще не был готов подписать сепаратный мир с Израилем. Г. Киссинджер же был уверен, что его политика на Ближнем Востоке рано или поздно приведет к результату, которого он так ожидал: заставит руководителей Египта полностью отказаться от покровительства со стороны СССР, согласившись с тем, что единственными посредниками на переговорах с Израилем будут американские дипломаты. *Г. Киссинджер не стремился вернуть к жизни застопорившийся мирный процесс между Израилем и Египтом даже тогда, когда египетские лидеры неоднократно и явно заявили о своем намерении возобновить боевые действия против израильтян. Несмотря на информацию о подготовке Египта к новой войне, которую получала американская разведка, Г. Киссинджер не отказался от проводимого им курса: он был готов поставить под удар безопасность Израиля, но не свои планы по изгнанию Советского Союза с Ближнего Востока и превращение его в регион сугубо американских геополитических интересов. Эта политика навлекла*

⁴⁸⁴ См.: Robert Dallek, *Partners in Power: Nixon and Kissinger* (New York: Harper Perennial, 2007), p. 506.

Часть IV. От войны к войне: 1969–1974 гг.

на Израиль самую тяжелую для него войну за всю историю еврейского государства, исключая, конечно, Войну за независимость. Война эта была начата объединенными силами Египта и Сирии 6 октября 1973 года.

Глава 13

Ричард Никсон, Генри Киссинджер и Голда Меир
во время и после Войны Судного дня:
задержанный «воздушный мост»
и увеличивавшаяся зависимость, 1973–1974 гг.

6 октября 1973 года, когда жизнь в еврейском государстве затихла в связи с наступлением Судного дня, египетские и сирийские вооруженные силы совершили массированное нападение на Израиль. Налеты египетских военно-воздушных сил сопровождались разрушительным артиллерийским обстрелом оборонительных рубежей израильской «линии Бар-Лева» (названной по имени бывшего главы Генерального штаба ЦАХАЛа Хаима Бар-Лева) на восточном берегу Суэцкого канала. Через пятнадцать минут после начала атаки восемь тысяч военнослужащих египетских штурмовых подразделений пересекли Суэцкий канал. За первой волной атакующей пехоты последовали другие; оборонительная «линия Бар-Лева» перестала существовать.

На северном фронте две израильские бригады приняли на себя удар трех сирийских дивизий. Через сутки после начала войны сирийские войска находились в непосредственной близости от реки Иордан и от озера Кинерет. На южном фронте к полудню 7 октября египетские вооруженные силы пересекли Суэцкий канал.

Естественно, первые сутки были самыми тяжелыми для Израиля. Египет обладал одной из крупнейших в мире армий, которая была хорошо подготовлена, в то время как Израиль опирался в основном на резервистов, большинство из которых находились в синагогах в день Судного дня.

О Войне Судного дня написаны внушительные книги, самая подробная из которых принадлежит перу Авраама Рабиновича⁴⁸⁵, и

⁴⁸⁵ См.: Abraham Rabinovich, *The Yom Kippur War: The Epic Encounter That Transformed the Middle East* (New York: Schocken Books, 2005).

здесь поэтому нет необходимости подробно описывать ход боевых действий. Вкратце напомним, что 8 октября израильские танки пошли на штурм на Синайском полуострове, который оказался, в целом, неудачным. В одной из таких атак погибла целая бронетанковая рота из синайской бригады ЦАХАЛа, а 9 октября та же судьба постигла батальон, сражавшийся в районе Кантары. Однако благодаря этим атакам египтянам не удалось продвинуть свои передовые позиции в глубь Синая.

На сирийском фронте 8 и 9 октября израильские войска перешли в более успешное контрнаступление. К вечеру 10 октября израильская армия, получившая подкрепление, отбросила врага за линии прекращения огня 1967 года, а 11 октября уже вела бои на территории Сирии. 13 октября израильские войска прорвали сирийские укрепления в районе Саса, расположенном в сорока километрах от Дамаска. Это явилось поворотным пунктом войны как с чисто военной, так и с политической точек зрения.

На южном фронте изнурительные бои шли с переменным успехом для обеих сторон до 14 октября, когда силы ЦАХАЛа начали контрнаступление севернее Горького озера, где между Второй и Третьей египетской армиями образовался незащищенный проход. В операции принимали участие три танковые бригады. Одной из них было поручено для отвлечения внимания противника вступить в бой с силами Второй армии, расположенными на противоположной стороне прохода. Вторая бригада должна была прикрывать район переправы и выполнять работы по наведению мостов. И наконец, Третья танковая бригада форсировала Суэцкий канал на этом участке. Танковое сражение закончилось полной победой Израиля, и это решило исход войны; Египет потерял 264 танка, Израиль — 10. После этого часть израильских сил повернула на север и начала наступать в направлении шоссе Исмаилия — Каир, однако основной удар был направлен на юг. Закрепившиеся на небольшой территории израильские части создали серьезную угрозу для тыла Третьей египетской армии, расположенной на восточном берегу канала, и для города Суэца. К 19 октября израильцы укрепились на другой стороне Суэцкого канала, разрушили египетские ракетные батареи и угрожали отрезать всю Третью египетскую армию от основных египетских сил.

В том, что в октябре 1973 года Израиль был защищаемой стороной, подвергнувшейся агрессии, нет никаких сомнений. Вопрос о том, почему силы ЦАХАЛа были застигнуты врасплох египетским и сирийским нападением, очень сложен. Факт состоит в том, что силы ЦАХАЛа были застигнуты врасплох, хотя и руководитель Службы внешней разведки Цви Замир (на основании информации, передан-

ной накануне ему лично в ходе их встречи в Лондоне зятем Г.А. Насера Ашрафом Маруаном⁴⁸⁶), и начальник Генерального штаба Давид Элазар (на основании ежедневно получаемых данных аэрофотосъемки расположения египетских сил в районе Суэцкого канала), и даже скептический министр обороны Моше Даян (на основании полученной информации о спешной эвакуации семей советских дипломатов из Египта и Сирии) осознавали, что нападение двух арабских стран на Израиль чрезвычайно вероятно, вследствие чего была объявлена – впервые с момента окончания Шестидневной войны – третья (наивысшая) степень боеготовности. На заседании правительства, состоявшемся утром 5 октября, не было, однако, принято решения о мобилизации резервистов; правительство лишь уполномочило премьер-министра и министра обороны принять такое решение, если, с их точки зрения, оно будет необходимо. Руководители Израиля надеялись, что страсти улягутся до того, как начнется война. Все, однако, сложилось по-другому.

Интересно, что *американская разведка по своим каналам также получала информацию о грядущем нападении, причем, насколько можно судить, еще раньше, чем израильтяне, но эта информация в Израиль передана не была!* Насколько известно, сотрудники Агентства национальной безопасности США прослушивали советские линии связи и расшифровали сообщения из советского посольства в Каире об эвакуации персонала и членов семей дипломатов. 4 октября в АНБ знали, что нападение на Израиль произойдет во второй половине дня 6 октября. Будь эта информация передана в Израиль немедленно, она бы могла кардинально изменить ход войны, ибо 5 октября, накануне Судного дня, состоялись и заседания Генштаба, и премьер-министра с руководителями Генштаба и разведслужб, и правительства (пусть и не в полном составе), и если бы участники этих заседаний знали, что спустя сутки неминуемо начнется война, они могли бы принять ответственные решения, которые, увы, в реальности приняты ими не были. Голда Меир вспоминала, что сказала на заседании правительства: «Послушайте, у меня ужасные чувства, что все это уже бывало прежде. Мне это напоминает 1967 год, когда нас обвиняли, что мы наращиваем войска против Сирии – именно это сейчас пишет арабская пресса. По-моему, это что-то значит»⁴⁸⁷. В тот же день через посольство Израиля в США была направлена срочная телеграмма Голды Меир о беспрецедент-

⁴⁸⁶ Подробно об их встрече см.: Ури Бар-Йосеф, *Ангел. Ашраф Маруан, Моссад и внезапность Войны Судного дня* (Ор-Иегуда: издательство «Змора Бейтан», 2010), стр. 240–246 [на иврите].

⁴⁸⁷ Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 466.

ной концентрации войск противника у израильских границ. В этой телеграмме, в тот же день переправленной тогдашним заместителем советника президента по национальной безопасности Брентом Скоукрофтом (Brent Scowcroft) Генри Киссинджеру, премьер-министр Израиля заверяла, что у Израиля нет планов напасть на какие-либо арабские страны, но, если они нападут первыми, Израиль ответит всей мощью своих вооруженных сил, о чем Голда Меир просила известить и арабских, и советских руководителей⁴⁸⁸. В четыре часа утра Голде позвонил ее военный секретарь [офицер, служащий связным звеном между Генеральным штабом и главой правительства], сообщавший, что Египет и Сирия предпримут совместное нападение на Израиль во второй половине дня⁴⁸⁹. Непосредственно в Судный день, 6 октября в 8 утра, Голда Меир встретила с несколькими самыми близкими ей министрами (Моше Даяном, Исраэлем Галили и Игалем Аллоном), а также начальником Генерального штаба Давидом Элазаром, а затем вызвала посла США в Израиле Кеннета Китинга (Kenneth Barnard Keating, 1900–1975), которого она проинформировала, что, по данным израильских разведывательных служб, страна будет атакована в течение ближайших двенадцати часов⁴⁹⁰. «Я сказала ему две вещи: что, по данным нашей разведки, на нас нападут во второй половине дня, и что мы не нанесем удара первыми. Может быть, еще возможно предотвратить войну, если США свяжется с русскими или даже прямо с Египтом и Сирией»⁴⁹¹. Г. Киссинджер связался, во-первых, с послом А.Ф. Добрыниным, чтобы тот, в свою очередь, вышел на связь с руководителями Египта и Сирии, а во-вторых, с находившимся в США государственным министром по иностранным делам Египта М.Х. эль-Зайятом; госсекретарь призывал их к миру и спокойствию⁴⁹². *От Израиля же Г. Киссинджер требовал ни в коем случае не начинать боевых действий первым*⁴⁹³, и этим заставлял Израиль согласиться тем, что ЦАХАЛу

⁴⁸⁸ Записка Б. Скоукрофта Г. Киссинджеру от 5 октября 1973 г., с приложением телеграммы Голды Меир // Nixon Presidential Materials Project, Фонд Г. Киссинджера, папка 136.

⁴⁸⁹ Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 468.

⁴⁹⁰ См.: U.S. Embassy Israel, Cable 7766 to Department of State, 6 October 1973, "GOI Concern About Possible Syrian and Egyptian Attack Today" // Nixon Presidential Materials Project, Фонд Совета по национальной безопасности, папка 1173, док. 1.

⁴⁹¹ Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 469.

⁴⁹² См.: Меморандум Г. Киссинджера Р. Никсону, 6 октября 1973 г. // Nixon Presidential Materials Project, Фонд Совета по национальной безопасности, папка 664.

⁴⁹³ См.: U.S. Mission to United Nations cable 4208 to U.S. Embassy Israel, 6 October 1973 // Nixon Presidential Materials Project, Фонд Совета по национальной безопасности, папка 1173, док. 2.

придется вести боевые действия, время начала и характер которых будут навязаны противником. Начальник Генерального штаба Давид Элазар считал, что надо нанести превентивный удар, поскольку было ясно, что война все равно неизбежна, утверждая, что военно-воздушные силы могут сделать это уже в полдень. Однако, зная об американском давлении, Голда Меир отказалась санкционировать этот шаг.

Г. Киссинджер неверно оценил степень советского влияния на А. Садата, которая как раз была весьма ограниченной. Вскоре после начала боевых действий посол А.Ф. Добрынин передал госсекретарю телеграмму, отражавшую высшую степень растерянного недоумения: «Советское руководство получило информацию о начале боевых действий на Ближнем Востоке в то же время, что и вы. Мы прикладываем все возможные усилия, чтобы разобраться, каково реальное положение в регионе, поскольку поступающая информация противоречива. Мы полностью разделяем вашу обеспокоенность в связи с резким обострением ситуации на Ближнем Востоке. В прошлом мы неоднократно обращали внимание на то, что ситуация в этом регионе взрывоопасна. В настоящее время мы, как и вы, взвешиваем, какие меры могут быть предприняты. Надеемся вскоре обсудить с вами возможности координации наших позиций»⁴⁹⁴. Эта телеграмма явно не свидетельствует о том, что Египет начал войну с ведома и одобрения Советского Союза, руководители которого не очень понимали, какую, собственно, позицию им занять. При этом фраза о том, что «советское руководство получило информацию о начале боевых действий на Ближнем Востоке в то же время, что и вы», была откровенно лживой. По свидетельству видного советского дипломата Виктора Израэляна (1919–2005), еще вечером 4 октября 1973 года состоялось совещание у министра иностранных дел СССР А.А. Громыко, на котором присутствовали: сам министр, его первый заместитель В.В. Кузнецов, заведующий отделом США в МИДа Г.М. Корниенко; заведующий отделом Ближнего Востока МИДа М.Д. Сытенко и зам. представителя СССР в ООН В.Л. Израэлян. Из последних четырех лиц была чуть позже создана так называемая «оперативная группа», в задачи которой входил анализ ситуации на Ближнем Востоке и выработка предложений о возможных ответных действиях советской стороны. Уже тогда А.А. Громыко проинформировал собравшихся о решении египетского и сирийского руководства осуществить нападе-

⁴⁹⁴ Послание, переданное 6 октября 1973 г. А.Ф. Добрыниным от имени советского руководства Р. Никсону и Г. Киссинджеру, цит. по фотокопии подлинника в переводе с английского.

ние на Израиль 6 октября в два часа дня⁴⁹⁵. Насколько известно, в Москву данные о сроках начала новой войны поступили не из Каира, а от посла в Дамаске Н.А. Мухитдинова (1917–2008), которому об этом поведал лично Хафез Асад (1930–2000). Сразу после этого началась эвакуация из Сирии и Египта семей советских дипломатов, а также семей дипломатов и сотрудников из других стран социалистического лагеря, которая, как указывалось выше, не прошла незамеченной для израильской разведки.

Во второй половине дня 6 октября Израиль оказался в чрезвычайно трудной ситуации. Впервые с 1948 года еврейскому государству пришлось вести навязанную войну, начатую вероломно в день иудейского Дня искупления, причем сразу на двух фронтах. Израиль сразу же обратился к США с просьбой о помощи, однако, как верно отмечал Коннор О’Брайен (1917–2008), «основной тактикой Киссинджера в первые (самые тяжелые для Израиля) дни войны было — обещать немедленные поставки оружия и откладывать их»⁴⁹⁶. Госсекретарь заверял посла С. Диница (в отдельные дни они разговаривали по 6–7 раз), что американский воздушный мост в Израиль «будет вот-вот открыт». В течение первой, самой тяжелой, недели войны С. Диниц, находившийся под влиянием Г. Киссинджера, не предпринял ничего, чтобы активизировать произраильское лобби, взбудоражить прессу и общественное мнение.

Руководители Советского Союза определились куда быстрее. Через несколько часов после начала боевых действий произошла встреча А. Садата и советского посла В.М. Виноградова (1921–1997), поздравившего египетского президента с успешным развитием военной операции. В течение двух дней — с 6 по 8 октября — происходил интенсивный обмен мнениями между Л.И. Брежневым и Р. Никсоном. Л.И. Брежнев, по существу, уходил от созыва Совета Безопасности, делая упор на том, что агрессором в принципе давно является Израиль, удерживающий много лет захваченные им арабские земли. «В этой связи, — писал Л.И. Брежнев Р. Никсону 7 октября, — на наш взгляд, было бы весьма важным, если бы со стороны Израиля последовало ясное, без всяких оговорок, заявление о его готовности уйти с оккупированных им арабских территорий, имея в виду, что одновременно гарантировалась бы безопасность Израиля, как и других стран региона». Л.И. Брежнев отвергал также отвод войск на линию

⁴⁹⁵ См.: Виктор Исраэлян, *На фронтах холодной войны: Записки советского посла* (Москва: «Мир», 2003), стр. 222.

⁴⁹⁶ Цит. по: Conor Cruise O’Brien, *The Siege: The Saga of Israel and Zionism* (Simon & Schuster, 1986), p. 524.

перемирия 1967 года, так как арабские страны не должны опять отдавать Израилю вновь отвоеванные у него арабские территории. «Надо сказать, что в первые дни конфликта Москва находилась под сильным нажимом Каира и Дамаска, выступивших против передачи дела в ООН, ибо они надеялись на успех в военных действиях. Брежнев фактически шел у них на поводу», — признавал десятилетия спустя посол А.Ф. Добрынин⁴⁹⁷. В первый день боевых действий советскому представителю в Совете Безопасности ООН было отправлено предписание: в случае постановки на голосование предложения о прекращении огня голосовать так, как об этом просят Египет и Сирия (а в случае разногласий между этими странами — ориентироваться исключительно на Египет). 8 октября было опубликовано Заявление от имени советского правительства, в котором, игнорируя тот факт, что война была начата Египтом и Сирией, ответственность «за нынешнее развитие событий и их последствия» была полностью возложена на «Израиль и те внешние реакционные круги, которые постоянно потворствуют Израилю в его агрессивных устремлениях»⁴⁹⁸. К 10 октября израильская армия в основном остановила наступление арабских войск, а советские военные эксперты стали склоняться в своих оценках в пользу Израиля⁴⁹⁹; стремясь не допустить перелома в ходе войны, советское правительство начало переброску оружия по воздуху в Каир и Дамаск. Таким образом, определилось направление советского внешнеполитического вектора — не прекращение огня, а максимальная поддержка Египта и Сирии, причем не только дипломатическая, но и военная.

США же медлили, причем медлили сознательно. От имени президента Киссинджер заявил 12 октября для передачи в Москву, что США не будут посылать свои войска на Ближний Восток, если и СССР не сделает этого⁵⁰⁰. Выступая на пресс-конференции 12 октября, Г. Киссинджер заявил: «После начала вооруженного конфликта у Соединенных Штатов были две цели. Первая — немедленно прекратить конфликт. Вторая — прекратить его таким образом, чтобы обеспечить в будущем стабильное урегулирование ситуации на Ближнем Востоке»⁵⁰¹. *Вместо того чтобы поддержать просьбы Израиля о помощи в чрезвычайной ситуации скоординированного военного нападения на двух*

⁴⁹⁷ См.: Анатолий Добрынин, *Сугубо доверительно*, стр. 269.

⁴⁹⁸ Заявление правительства СССР о положении на Ближнем Востоке // *Правда*, 8 октября 1973 г.

⁴⁹⁹ См.: Анатолий Добрынин, *Сугубо доверительно*, стр. 269.

⁵⁰⁰ Там же, стр. 269–270.

⁵⁰¹ Цит. по: Conor Cruise O'Brien, *The Siege: The Saga of Israel and Zionism*, p. 526 со ссылкой на *Department of State Bulletin*, October 29, 1973.

фронтах, Г. Киссинджер размышлял, будет ли удовлетворение этой просьбы способствовать тому, что израильское правительство в будущем станет более уступчивым в отношении выдвигаемых в его адрес требований. Пока шла война и гибли сотни и тысячи людей, Г. Киссинджер взвешивал, как добиться реализации его главной стратегической цели – изгнания Советского Союза с Ближнего Востока, чтобы все вовлеченные в конфликт стороны видели в качестве единственного полномочного арбитра, посредника и покровителя Соединенные Штаты.

11 октября Г. Меир направила срочное личное послание Р. Никсону с просьбой о воздушном мосте в Израиль. Впервые с 1969 года израильское правительство решилось обойти Г. Киссинджера. 13 октября А. Садат отказался от немедленного перемирия, которое к тому времени поддерживали и руководители СССР, и США. По словам посла А.Ф. Добрынина, «Садат допустил грубейшую политическую и стратегическую ошибку, не согласившись на прекращение огня, ибо это обернулось для него через несколько дней военной катастрофой»⁵⁰². Вечером того же дня, учитывая советскую угрозу, личную просьбу Г. Меир и отказ А. Садата, президент Р. Никсон распорядился об открытии воздушного моста в Израиль. Военно-транспортные самолеты *Lockheed C-5 Galaxy*, доставившие в Израиль столь необходимое военное снаряжение (танки, снаряды, ракеты «воздух–воздух», а также одежду и медицинскую помощь), прибыли лишь на девятый день боевых действий⁵⁰³. Впрочем, это уже не противоречило планам Г. Киссинджера: *как первоначальная задержка, так и переброска оружия должны были еще раз напомнить Израилю, что он полностью зависит от США.* При этом, по воспоминаниям А.Ф. Добрынина, «Киссинджер информировал нас о начале воздушной переброски американского оружия Израилю, которая будет возрастать по мере продолжения войны. Белый дом будет готов полностью прекратить все поставки оружия после прекращения огня, если советская сторона поступит также»⁵⁰⁴. Об этом же пишет и Е.М. Примаков: «Белый дом предложил Москве обоюдно прекратить поставки вооружений после прекращения огня»⁵⁰⁵. *Поддержка Израиля была, таким образом, лишь фактором в масштабном советско-американском противостоянии, и Г. Киссинджер был готов с легкостью отказаться от нее в рамках геополитической игры сверхдержав. Этого не*

⁵⁰² См.: Анатолий Добрынин, *Сугубо доверительно*, стр. 270.

⁵⁰³ Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 473–474.

⁵⁰⁴ Анатолий Добрынин, *Сугубо доверительно*, стр. 270–271.

⁵⁰⁵ Евгений Примаков, *Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами*, стр. 162–163.

случилось лишь потому, что от этого предложения отказались советские партнеры Г. Киссинджера по переговорам. «Москва в это время оказалась в плену своих отношений главным образом с Египтом, и, — честно указывает Е.М. Примаков, добавляя: — Это был тот случай, когда хвост вилял собакой»⁵⁰⁶. Только это и спасло Израиль от прекращения американских поставок.

Министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, по всей видимости, опасаясь провала своей миссии, не захотел лететь в Каир⁵⁰⁷, и туда 16 октября вылетел лично Председатель Совета Министров А.Н. Косыгин, что указывало, насколько серьезно относился к этой войне Советский Союз. Теперь уже А. Садат просил советских руководителей поддержать то самое перемирие, которому он недавно так противился. С этого дня египетский президент встречался с А.Н. Косыгиным каждый день⁵⁰⁸. Переговоры продолжались вплоть до 19 октября. Сначала А. Садат отвергал саму идею прекращения боевых действий, требуя от советской стороны лишь одного — увеличения поставок вооружения. Но А.Н. Косыгин ознакомил А. Садата с разведанными, которые демонстрировали, насколько серьезно израильские войска укрепились на западном берегу Суэцкого канала, и изложил, чем может грозить дальнейшее развитие ситуации. После этого А. Садат сообщил, что он мог бы согласиться с прекращением огня, если Израиль пойдет на выполнение резолюции №242 Совета Безопасности ООН от 23 ноября 1967 года относительно вывода своих войск с «оккупированных арабских территорий». На время вывода израильских войск между последними и египетскими войсками А. Садат предложил создать «буфер» из советских и американских военнослужащих. Кроме того, должна была быть созвана международная конференция для урегулирования ближневосточного кризиса. 19 октября Косыгин отбыл в Москву. В тот же день состоялась еще одна встреча А. Садата и советского посла В.М. Виноградова, во время которой египетский президент подтвердил, что Египет согласен на прекращение огня.

Как только А.Н. Косыгин вернулся из Каира в Москву, было принято решение пригласить для встречи с ним госсекретаря Г. Киссинджера для совместного поиска выхода из создавшейся ситуации. Г. Киссинджер прилетел в Москву 20 октября (тогда же из США в

⁵⁰⁶ Там же, стр. 163.

⁵⁰⁷ Как вспоминал Виктор Исраэлян, «в 1973 году, когда началась ближневосточная война, я сам стал свидетелем того, как Громыко уклонился от поездки в Каир, уступив эту незавидную миссию Косыгину».

⁵⁰⁸ См.: Владимир Виноградов, *Дипломатия: люди и события. Из записок посла* (Москва: РОССПЭН, 1998), стр. 246.

Москву прибыл и посол А.Ф. Добрынин). В ходе его однодневного визита была достигнута договоренность о выступлении представителей двух сверхдержав с совместным проектом резолюции Совета Безопасности ООН, которая призвала бы к немедленному прекращению огня и выполнению резолюции №242. В этом документе, принятом Советом Безопасности 22 октября 1973 года и известном как резолюция №338, в частности, говорилось: «Все стороны, участвующие в нынешних боевых действиях [должны] прекратить всякий огонь, а также прекратить все военные действия немедленно, не позже, чем в течение двенадцати часов с момента принятия настоящего решения, с оставлением войск на занимаемых ими сейчас позициях; начать немедленно после прекращения огня практическое выполнение резолюции №242 во всех ее частях». Кроме того, в резолюции содержалось требование «начать немедленно и одновременно с прекращением огня переговоры между заинтересованными сторонами над соответствующей эгидой, направленные на установление справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке»⁵⁰⁹.

«Переговоры между заинтересованными сторонами» были новым элементом, внесенным для того, чтобы заручиться поддержкой Голды Меир. В то время, когда Совет Безопасности принимал резолюцию №338, Г. Киссинджер находился в Израиле на пути в США из Москвы. Госсекретарь встретился не только с представителями политического руководства страны, но и с начальником Генерального штаба ЦАХАЛа и несколькими высшими офицерами. С понятными колебаниями и сожалениями Голда Меир и члены возглавляемого ей правительства согласились на прекращение огня, которое с военной точки зрения отняло у них плоды так трудно завоеванной и такой дорогой ценой доставшейся победы. При этом Г. Меир достигла взаимопонимания с Г. Киссинджером о том, что израильская армия продолжит ведение боевых действий на протяжении еще двенадцати часов⁵¹⁰.

Это было удивительное соглашение, причем мотивы, которыми руководствовался Г. Киссинджер, оставались всё теми же: он продолжал «свою собственную сложную игру с целью убедить арабов, что только США смогли приостановить победное наступление Израиля, а значит, только США могут стать естественным единоличным спонсором необходимых арабо-израильских переговоров. Влияние же Советского Союза на Ближнем Востоке при этом серьезно под-

⁵⁰⁹ Совет Безопасности ООН. Резолюции. S/RES/№338 от 22 октября 1973 г.

⁵¹⁰ См.: Abraham Rabinovich, *The Yom Kippur War*, pp. 454–455.

рывалось. США приобретали доминирующие позиции в ближневосточной дипломатии, причем фактически признавалась ключевая роль во всем этом самого госсекретаря США»⁵¹¹. Вопреки резолюции Совета Безопасности и обязательствам о немедленном прекращении огня, израильские войска вышли к Суэцкому каналу. Ситуация достигла такого накала, что 23 октября по линии прямой связи Л.И. Брежнев дважды связывался с Р. Никсоном с предложением добиться немедленного прекращения военных действий Израилем, утверждая, со своей стороны, что Египет готов полностью сделать это. А. Садат же обратился к Советскому Союзу с просьбой о срочном «военном вмешательстве»⁵¹², утверждая, будто «египетскую столицу уже окружают израильские танки». Советские же военные специалисты сообщили в Политбюро, что непосредственно Каиру угрозы не было, но что создалось действительно тяжелое положение с одним из корпусов египетской армии, который был окружен израильтянами в районе Суэцкого канала и находился под угрозой полного уничтожения, если бы соглашение о прекращении огня не стало выполняться.

Именно вокруг этого и развернулись основные события. 23 октября Совет Безопасности при поддержке и СССР, и США принял резолюцию №339, которая требовала, чтобы «войска сторон были возвращены на те позиции, которые они занимали в момент, когда прекращение огня вступило в силу». 24 октября советское правительство предупредило Израиль «о самых тяжелых последствиях, которые повлечет продолжение его агрессивных действий против Египта и Сирии». В тот же день вечером Л.И. Брежнев после бурного заседания Политбюро, в ходе которого министр обороны маршал А.А. Гречко требовал послать советские войска в Египет и Сирию, направил новое послание Р. Никсону, предложив «срочно направить в Египет советские и американские воинские контингенты для обеспечения решений Совета Безопасности». Более того: глава советского государства добавил, что «если бы вы не сочли возможным действовать совместно с нами в этом вопросе, то мы были бы поставлены перед необходимостью срочно рассмотреть вопрос о принятии нами соответствующих шагов в одностороннем порядке»⁵¹³. Это было последнее, к чему Г. Киссинджер и Р. Никсон хотели прийти. Позиция Г. Киссинджера по отношению к Израилю стала в результате очень жесткой. Госсекретарь прямо сообщил израильским руководителям, что в случае советского военного вмешательства США не отправят

⁵¹¹ См.: Анатолий Добрынин, *Сугубо доверительно*, стр. 272.

⁵¹² См.: Владимир Виноградов, *Дипломатия: люди и события*, стр. 250.

⁵¹³ Цит. по: Анатолий Добрынин, *Сугубо доверительно*, стр. 273.

свои войска на помощь еврейскому государству. «В случае необходимости у вас не будет иного выбора, кроме как подчиниться», — сказал он послу С. Диницу.

Совет Безопасности принял 25 октября 1973 года третью по счету резолюцию, которая наконец прекратила военные действия. Было решено послать чрезвычайные силы ООН на Ближний Восток, в состав которых, однако, не должны были войти вооруженные контингенты пяти стран — постоянных членов Совета Безопасности. В тот же день после полудня соглашение о прекращении огня вошло в силу и выполнялось всеми сторонами.

Война Судного дня оказалась тяжелой травмой для Израиля, если учесть как военные, так и политико-дипломатические аспекты. В Израиле осознали, что, с одной стороны, Египет теперь является гораздо более мощным противником, чем было за шесть лет до этого, а с другой — что отношения с Соединенными Штатами носят весьма условный и непредсказуемый характер. Окружив Третью египетскую армию, Израиль оказался на пороге полной военной победы, но две сверхдержавы наложили на нее вето, причем одна из них считалась единственной союзницей Израиля.

Война Судного дня имела ряд очень важных последствий для Израиля. Количество погибших было настолько велико, что в стране был объявлен общенациональный траур. Изменились представления как об Израиле, так и об арабах: образ непобедимого Израиля потускнел, а образ бестолкового арабского солдата остался в прошлом. Была подорвана вера в безусловную компетентность израильского руководства: несмотря на значительное количество предупреждений, одно из которых исходило от короля Иордании Хусейна, а другое — от зятя Г.А. Насера Ашрафа Маруана, силы ЦАХАЛа были застигнуты нападением войск Египта и Сирии врасплох. Война, мобилизация, а затем необходимость восстановления уничтоженного и поврежденного имущества легли тяжелым финансовым бременем на плечи израильтян. Отказ стран — членов НАТО помочь США в воздушных поставках Израилю продемонстрировал крайнюю уязвимость еврейского государства в военное время. Во время войны западноевропейские страны, за исключением Португалии, не разрешали американским военным самолетам, летящим в Израиль, садиться и заправляться на своей территории. Хотя именно Израиль был атакованной страной, после войны возросла его политическая изоляция, особенно среди стран «третьего мира», с которыми он поддерживал партнерские связи и которым оказывал ту или иную помощь, в особенности в сферах медицины и сельского хозяйства, на протяжении многих лет. Под давлением арабских государств многие

из этих стран разорвали связи с Израилем и начали голосовать против него на различных международных форумах. После Войны Судного дня существенно снизилась еврейская иммиграция в Израиль, значительно возросшая вследствие Шестидневной войны. Именно с конца 1973 года численность советских евреев, выезжавших по т.н. «вызовам» из Израиля, но в Вене заявлявших о том, что они желают эмигрировать в США, превысила количество тех, кто все-таки добрался до Израиля; в языке иврит даже появился отдельный термин для характеристики этого явления — *нешифа* [отсев]. Общественный настрой в Израиле после войны был подавленным, несмотря на то что израильские войска отразили наступление и вступили на территорию Египта и Сирии.

В течение двух лет после Войны Судного дня ведущая роль в политике на Ближнем Востоке принадлежала Генри Киссинджеру. Какова бы ни была роль, которую Г. Киссинджер сыграл в эскалации конфликта, эта война предоставила ему огромные возможности для личной дипломатии, и он использовал их с максимальной пользой и для геополитических интересов США, и для укрепления собственного статуса. Курс Г. Киссинджера был направлен на то, чтобы вывести СССР за скобки в решении проблем Ближнего Востока и в то же время поддерживать иллюзию сотрудничества с ним в рамках политики «разрядки» международной напряженности.

Г. Киссинджер сумел убедил А. Садата, что только Соединенные Штаты, обладающие влиянием на Израиль, помогут Египту вернуть потерянные в Шестидневной войне территории, которые в октябре 1973 года не удалось освободить силой. Г. Киссинджер первым из руководителей американской дипломатии понял, что, манипулируя отношениями с Израилем, можно оказывать давление на арабские страны, как бы говоря им: «Если вы хотите добиться чего-либо от Израиля, у вас нет иного выхода, кроме как просить об этом нас». Как говорил он сам, «успех нашей стратегии строился на том, что мы были единственной страной, способной добиваться уступок от Израиля»⁵¹⁴.

Для распространения американского влияния в регионе Г. Киссинджеру приходилось не просто оказывать давление на Израиль; требовалось постоянно демонстрировать арабам, что это давление существует и решающим образом влияет на израильскую политику. Собственные уступки израильских руководителей в этом смысле только мешали Г. Киссинджеру. Сразу же после войны между египетскими и израильскими вооруженными

⁵¹⁴ См.: Matti Golan, *The Secret Conversations of Henry Kissinger. Step-by-step Diplomacy in the Middle East* (Quadrangle/New York Times Book, 1976).

силами были налажены прямые контакты. Израильский генерал Ахарон Ярив (1920–1994) регулярно встречался с египетским фельдмаршалом Мухаммедом Абделем Гани аль-Гамаси (1921–2003) на 101-м километре шоссе Суэц–Каир для обсуждения таких неотложных вопросов, как поддержание перемирия и организация поставок продовольствия для окруженной Третьей египетской армии. Египетский и израильский военачальники быстро нашли общий язык; по мнению Г. Киссинджера, даже слишком быстро. Госсекретарь стремился доказать — прежде всего, египтянам, — что дипломатический прогресс невозможен без непрекращающихся американских усилий, поэтому Г. Киссинджер посоветовал израильтянам «притормозить» с переговорами на 101-м километре. «Израильская несговорчивость» превратилась в американский капитал, и этот капитал можно было тратить только после получения предварительного согласия госсекретаря.

Голда Меир и ее коллеги по кабинету чувствовали себя в долгу лично перед президентом Р. Никсоном за организованные им поставки оружия. Однако чувство благодарности не распространялось на Г. Киссинджера, который, как они считали, напротив, препятствовал этим поставкам, поскольку стремился предотвратить решительную победу Израиля и тем самым подготовить почву для дипломатического урегулирования послевоенной ситуации под эгидой США.

Израильское руководство в последние дни войны было возмущено давлением со стороны американской администрации, имевшим целью спасти от полного окружения и разгрома египетскую Третью армию. С точки зрения израильского руководства, это демонстрировало не только безразличие американцев к потерям израильского общества во время войны, но и непонимание той жертвы, на которую пошло еврейское государство, согласившись с требованием США не начинать боевые действия первым, когда факт приготвлений Египта к наступательной военной операции был уже очевиден.

«Челночная дипломатия» Г. Киссинджера только усилила взаимные трения, возникшие в ходе войны, и израильские и американские руководители существенно расходились в своих представлениях о целях, которые они преследовали в ходе переговорного процесса. Неудивительно, что во время визитов в Израиль (а в 1973–1975 годах Г. Киссинджер посетил Израиль пятнадцать раз, при том что до этого госсекретари за всю историю еврейского государства побывали в нем всего дважды) госсекретаря встречали толпы протестующих, а в газетах печатались самые разные по настрою репортажи, в том числе и остро критические, включая и те, в которых его обвиняли в предательстве своего еврейства. Опросы общественного мнения в Израиле того времени показывали, что он был одновременно и са-

мой уважаемой, и самой ненавидимой обществом фигурой. При этом общественному недовольству вполне соответствовал повышенный тон дискуссий в официальных кабинетах. Переговоры отражали разногласия между госсекретарем сверхдержавы и руководителями государства-вассала, причем именно в связи с его происхождением деятельность Г. Киссинджера особенно раздражала израильтян. Он же делал все возможное, чтобы убедить американских евреев и израильтян в том, что постепенное продвижение к мирному урегулированию дипломатическими методами, осуществляемое исключительно под контролем Соединенных Штатов, будет в долгосрочной перспективе служить не только американским, но и израильским интересам. Г. Киссинджер полагал, что провал «челночной дипломатии» будет означать катастрофу для Израиля, поскольку повлечет за собой вступление в мирный процесс посредников, симпатизирующих арабам, и настроит против Израиля американское общественное мнение⁵¹⁵. Г. Киссинджер обвинял израильских лидеров в неблагодарности за то, что США, несмотря на политику «разрядки», заняли в ходе войны позицию, противоположную советской, хотя это ставило под угрозу и престиж США как сверхдержавы, и личную репутацию Р. Никсона и Г. Киссинджера⁵¹⁶. Американско-израильские разногласия по поводу сути переговоров осложнялись спорами о доверии и авторитете. Г. Киссинджер стремился доказать, что без участия США прогресс в переговорах был невозможен, стараясь при этом удержать контроль над всем переговорным процессом в своих руках. Пытаясь урезонить Г. Киссинджера, Г. Меир в последний день октября 1973 года полетела в Вашингтон, но ее встреча с Р. Никсоном продолжалась полтора часа, после которых она — по ее собственным словам, «почти всю ночь» — была вынуждена вести изнурительные переговоры с государственным секретарем. На каком-то этапе, не выдержав, Голда Меир вспыхнула: «Знаете, всё, что у нас есть — это наш дух. Теперь вы хотите, чтобы я отправилась домой и помогла уничтожить этот наш дух. Но тогда уже не нужна будет никакая помощь»⁵¹⁷.

Однако Израилю нужно было освободить своих попавших в плен солдат, и это было главным инструментом американского давле-

⁵¹⁵ Протокол встречи Г. Киссинджера с лидерами еврейских организаций США от 27 декабря 1973 г. цит. по: Zaki Shalom, "Kissinger and the American Jewish Leadership after the 1973 War" // *Israel Studies*, vol. 7, no. 1 (2002), p. 210.

⁵¹⁶ Протокол беседы между Г. Киссинджером и Г. Меир, 4 мая 1974 г. // Фонд Г. Киссинджера, RG 59, папка 7, The National Archives and Records Administration, Вашингтон.

⁵¹⁷ Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 491–492.

ния. К 18 января 1974 года Г. Киссинджер достиг взаимопонимания с А. Садатом и Г. Меир в отношении плана (впоследствии получившего название «Первого соглашения по Синаю») по разъединению войск, частичному выводу войск из зоны Суэцкого канала и восстановлению буферной зоны под контролем Организации Объединенных Наций. Опубликованная часть плана сопровождалась другой, секретной, сведения о которой, однако, просочились в печать. Как выяснилось, Соединенные Штаты дали Израилю гарантии, что Египет не будет мешать свободе израильского гражданского судоходства в Красном море и что силы ООН не будут выведены без согласия обеих сторон. Последнее условие являлось с израильской точки зрения улучшением по сравнению с ситуацией, существовавшей до 1967 года. После этого соглашения израильские войска по-прежнему удерживали стратегические перевалы Гиди и Митла в западной части Синайской пустыни, но были отделены от Суэцкого канала силами Организации Объединенных Наций.

Однако после подписания «первого соглашения по Синаю» (соглашения о разъединении сил) переговоры шли ни шатко ни валко. Президент Р. Никсон возлагал на Израиль ответственность за стагнацию дипломатического процесса на Ближнем Востоке, при этом он считал (и в этом очень некстати проявились присущие ему антисемитские стереотипы), что именно контролируемые евреями СМИ раскручивают Уотергейтский скандал, подрывая его позиции. Р. Никсон все больше воспринимал Израиль как силу, выступающую на стороне его врагов, которая совместно с американскими евреями стремится подорвать внешнюю политику США и его собственную репутацию внутри страны. Р. Никсон откровенно давил на израильское руководство весной 1974 года, когда он направлял израильтянам угрожающие письма и даже приказал своему заместителю советника по национальной безопасности прекратить всякую помощь Израилю, если правительство еврейского государства не согласится с его позицией⁵¹⁸. Очевидно, что к концу каденций Голды Меир на посту премьер-министра Израиля и Ричарда Никсона на посту президента США между правительствами двух стран доминировало чувство взаимного разочарования.

Под давлением Р. Никсона и Г. Киссинджера правительство Израиля согласилось на ограниченный вывод своих войск с передовых позиций на Голанских высотах. Оставленная Израилем зона была очень узкой, но включала Кунейтру — хотя разрушенный и заброшенный, но все-таки город, отмеченный на картах, что было важно для

⁵¹⁸ См.: Walter Isaacson, *Kissinger*, p. 571.

престижа тогдашнего президента Сирии Х. Асада. Оставленная зона становилась демилитаризованной и переходила под контроль специальных сил Организации Объединенных Наций. 31 мая 1974 года в Женеве представители Израиля и Сирии подписали соглашение о разъединении войск. Как справедливо указывал российский дипломат В.В. Марченко, фактически именно это соглашение стало завершающим аккордом Войны Судного дня⁵¹⁹.

Деятельность Г. Киссинджера принесла США значимые дивиденды. Дипломатические отношения с Египтом и с Сирией, разорванные в 1967 году, теперь были не просто восстановлены, но стали почти партнерскими. По просьбе А. Садата и к их собственной выгоде нефтедобывающие страны сняли эмбарго на поставки нефти в США. Советский Союз был полностью исключен из процесса достижения соглашения о разъединении войск, вследствие чего его влияние резко ослабло.

Израильские руководители добивались главным образом закрепления состояния прекращения огня и возвращения израильских военнопленных. При этом отступление со всей территории Синайского полуострова, в боях за который только что погибли сотни израильских солдат и были ранены тысячи, явно не входило в планы израильского правительства. 16 октября 1973 года, когда Израиль все еще находился в опасности, выступая с трибуны Кнессета, Голда Меир, как она писала позднее, «сочла своим долгом напомнить государствам — членам ООН и арабам, почему мы [Израиль] так крепко и так упорно — в ожидании мирных переговоров — держимся за то, что взяли в 1967 году». Она сказала: «Не нужно особенного воображения, чтобы представить себе, что было бы с Государством Израиль, оставаясь мы на линии 4 июня 1967 года. Тот, кто не может нарисовать себе эту кошмарную картину, пусть вспомнит, что произошло на Северном фронте — на Голанских высотах — в первые дни войны. Не кусочка земли хочет Сирия, а возможности снова направить свои орудия с Голанских высот на поселения в Галилее и свои ракеты против наших самолетов, чтобы под их прикрытием сирийские дивизии ворвались бы в сердце Израиля. Не нужно особенного воображения, чтобы представить себе судьбу Государства Израиль, если бы египетские армии сумели победить израильтян в Синайской пустыне и двинуться к израильским границам... Снова война должна была покончить с нами — как с государством и как с нацией. Арабские правители

⁵¹⁹ См.: Владимир Марченко, «Война Судного дня и американо-израильские отношения: тридцать лет спустя» // *Вестник* (США), №22 (2003), стр. 22–27.

делают вид, что их цель — выйти на линию 4 июня 1967 года, но мы знаем, какова их истинная цель: полное покорение Государства Израиль. Наш долг — сознавать истину; наш долг — открыть ее всем людям доброй воли, которые стараются ее игнорировать. Мы должны полностью осознать эту истину, как она ни сурова, чтобы мобилизовать все наши внутренние ресурсы, все ресурсы еврейского народа, чтобы победить наших врагов, и драться, пока не разобьем тех, кто нападает на нас»⁵²⁰.

Голда Меир абсолютно верила в то, что говорила, и, пока она была главой правительства, сподвигнуть Израиль на территориальные уступки было трудно. Однако спустя полгода после Войны Судного дня, 3 июня 1974 года, в возрасте 76 лет Голда Меир ушла в отставку (о своем уходе она объявила за семь недель до этого, 11 апреля). Ее место занял Ицхак Рабин. Он был на четверть века моложе, лишь на протяжении нескольких месяцев был членом правительства, причем занимая малозначительный пост министра труда, но, главное, что на протяжении пяти лет его работы в качестве посла в Вашингтоне сотрудники американской администрации изучили его, что называется, вдоль и поперек.

Так сложилось, что 16–17 июня 1974 года, то есть менее чем через две недели после того, как он занял пост главы правительства, Ицхаку Рабину довелось принимать первый визит в Израиль делегации во главе с президентом США. Поездка на Ближний Восток (в ходе которой президент побывал не только в Израиле, но и в Саудовской Аравии, Иордании, Египте и Сирии) была одной из попыток поправить быстро падавшую репутацию Р. Никсона в США. Для Г. Киссинджера этот визит был непростым испытанием, и он всячески старался снизить связанные с ним ожидания. Среди прочего, он предупреждал Р. Никсона о том, что в качестве премьер-министра И. Рабин будет таким же удобным партнером, каким он был тогда, когда занимал должность израильского посла в Вашингтоне. Г. Киссинджер дал также очень негативную характеристику тогдашнему заместителю премьер-министра Израиля Игалю Аллону (1918–1980)⁵²¹.

Визит этот ознаменовался грандиозным скандалом еще до его начала: Р. Никсон отказался от традиционного посещения мемориала Холокоста и героизма Яд ва'Шем в Иерусалиме, с чего традиционно начинаются все поездки в Израиль иностранных официальных

⁵²⁰ Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 476–477.

⁵²¹ Меморандум Г. Киссинджера Р. Никсону, без даты (июнь 1974 г.) // Фонд Г. Киссинджера, оп. 1, папка 141, The National Archives and Records Administration, Вашингтон.

лиц, впервые прибывающих в еврейское государство. Затем Р. Никсон все же согласился потратить час на посещение мемориального центра памяти шести миллионов погибших евреев Европы, но, уже прибыв туда, отказался надеть иудейский ритуальный головной убор, традиционно одеваемый посетителями в зале памяти. После этого Р. Никсон встретился и с премьер-министром И. Рабином и некоторыми членами кабинета, и с четвертым президентом Израиля Эфраимом Кациром (1916–2009), но встречи эти были очень и очень напряженными. Как вспоминал Г. Киссинджер, в ходе переговоров президент прямо сообщил своим израильским собеседникам, что у США на Ближнем Востоке — своя политика, и страны, не признающие само существование Израиля, совсем не обязательно должны рассматриваться как враги США: «Времена... когда мы поддерживали Израиль... и собирались стать лучшим другом Израиля... когда ваши ближайшие воинственные соседи воспринимались нами как враги Соединенных Штатов Америки; эти времена [закончились]: кто-то в этой стране может сказать, а многие из наших друзей среди американских евреев говорят и сейчас: давайте вернемся к тому, что было раньше. Я не думаю, что это возможно»⁵²². Спустя считанные недели, когда в Израиль собирался министр финансов США Уильям Саймон (William Edward Simon, 1927–2000), Ричард Никсон дал ему следующие инструкции: «Я хочу, чтобы вы были как можно более жестки в переговорах с Израилем... Я не хочу никаких поблажек для израильтян... Когда речь пойдет о долгосрочной помощи, не потакайте им. Смехотворно давать им шесть миллиардов долларов [такой кредит запросило израильское правительство после войны], когда арабы получают самый мизер, особенно учитывая нынешнее поведение Израиля на переговорах»⁵²³.

Надежды на то, что первый визит президента США в Израиль приведет к прорыву в двусторонних отношениях, не сбылись; Р. Никсон как приехал, так и уехал настроенным по отношению к Израилю и еврейству весьма враждебно. Впрочем, период его правления подходил к концу. 9 августа 1974 года, после вынужденного досрочного ухода Р. Никсона в отставку, главой американского государства стал Джеральд Форд (Gerald Rudolph Ford, 1913–2006). Он стал единственным президентом США, который — это, удивительным образом, допускается Конституцией США — никогда не был всенародно избран ни на пост

⁵²² Цит. в книге: Henry Kissinger, *Years of Upheaval*, p. 1137.

⁵²³ Меморандум Р. Никсона У. Саймону, 9 июля 1974 г. // Фонд Совета национальной безопасности, оп. 3, папка 129, The National Archives and Records Administration, Вашингтон.

вице-президента, ни на пост президента, последовательно заменив из-за их вынужденных отставок Спиро Агню и Ричарда Никсона. Джеральд Форд оставил Генри Киссинджера на посту руководителя американской дипломатии. Учитывая, что сам президент практически не имел внешнеполитического опыта и никогда не бывал в Израиле, Г. Киссинджер не только сохранил, но даже упрочил свои позиции в регионе. Эпоха войн заканчивалась, начиналась эпоха «борьбы за мир».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие президента Института Ближнего Востока	7
От автора	9

Часть I. Между равнодушием и противодействием: США и создание Государства Израиль

ГЛАВА 1. Безразличие к Холокосту и судьбе его жертв: США, судьба еврейства и проблема Палестины в годы правления Ф.Д. Рузвельта.	19
ГЛАВА 2. Государственный департамент против возможности провозглашения еврейской государственности: начало эпохи Г. Трумэна и формирование позиции США по определению будущего Палестины, 1945–1947 гг.	40
ГЛАВА 3. Упущенная инициатива: Администрация Г. Трумэна и дилемма (не)признания независимости Израиля, 1947–1948 гг.	65

Часть II. Враждебная отчужденность: Американо-израильские отношения в первое десятилетие государственной независимости Израиля

ГЛАВА 4. Холодное безразличие: американо-израильские отношения в период второго срока правления Г. Трумэна, 1949–1952 гг.	99
ГЛАВА 5. Первый срок правления Д. Эйзенхауэра, 1953–1956 гг.: Крах американских планов создания системы ближневосточной региональной безопасности и провал посреднических миссий Э. Джонстона и Р. Андерсона	113
ГЛАВА 6. В войне по разные стороны баррикад: США против Израиля в ходе Суэцко-Синайской кампании 1956 года	133

Часть III. В поисках держав-союзниц, надеясь только на себя:
Трудные отношения с США в многовекторной
внешней политике Израиля в 1957–1968 гг.

Глава 7. Прагматичное использование: значение Израиля для реализации геополитической доктрины США во второй срок правления Д. Эйзенхауэра, 1957–1961гг.	153
Глава 8. Дж.Ф. Кеннеди и начало военно-политического сотрудничества Израиля и США под сенью «ядерного шантажа», 1961–1963 гг.	176
Глава 9. Л. Джонсон, Л. Эшколь и сложности выстраивания двусторонних квазипартнерских отношений в 1963–1966 гг.	204
Глава 10. Предательство: отказ от гарантий безопасности и провал попыток предотвращения Шестидневной войны, 1967 г.	220

Часть IV. От войны к войне:
Американо-израильские отношения в период правления
президента Р. Никсона, 1969–1974 гг.

Глава 11. 1969 год: План Роджерса об израильском отступлении с занятых территорий, обнародованный без ведома и согласия правительства Израиля	245
Глава 12. Интриги, приведшие к войне: Генри Киссинджер в борьбе за американскую гегемонию на Ближнем Востоке, 1970–1973 гг.	269
Глава 13. Ричард Никсон, Генри Киссинджер и Голда Меир во время и после Войны Судного дня: задержанный «воздушный мост» и увеличивавшаяся зависимость, 1973–1974 гг.	289

Научное издание

Алек Д. Эпштейн

Ближайшие союзники?

Подлинная история американо-израильских отношений.

Том I. Эпоха межгосударственных войн:
от Второй мировой до Войны Судного дня

1945–1973

Зав. редакцией *И. Аблина*

Художественное оформление *Г. Златогоров*

Компьютерная верстка *И. Пичугин*

Корректор *Т. Калинина*

знак информационной продукции 16+

Мосты культуры, Москва

Тел./факс: (499)241–6871

e-mail: office@gesharim-msk.ru

Gesharim, Jerusalem

Tel./fax: (972)–2–624–2527

Fax: (972)–2–624–2505

e-mail: house@gesharim.org

www.gesharim.org

Издательство «Мосты культуры»

ЛР № 030851 от 08.09.98

Формат 60 x 90 / 16. Тираж 1000 экз.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ.л. 19,5

Подписано в печать 01.08.2014. Заказ №